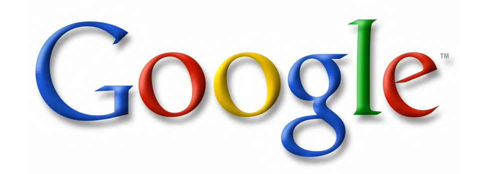

XVIII ВѢКЪ

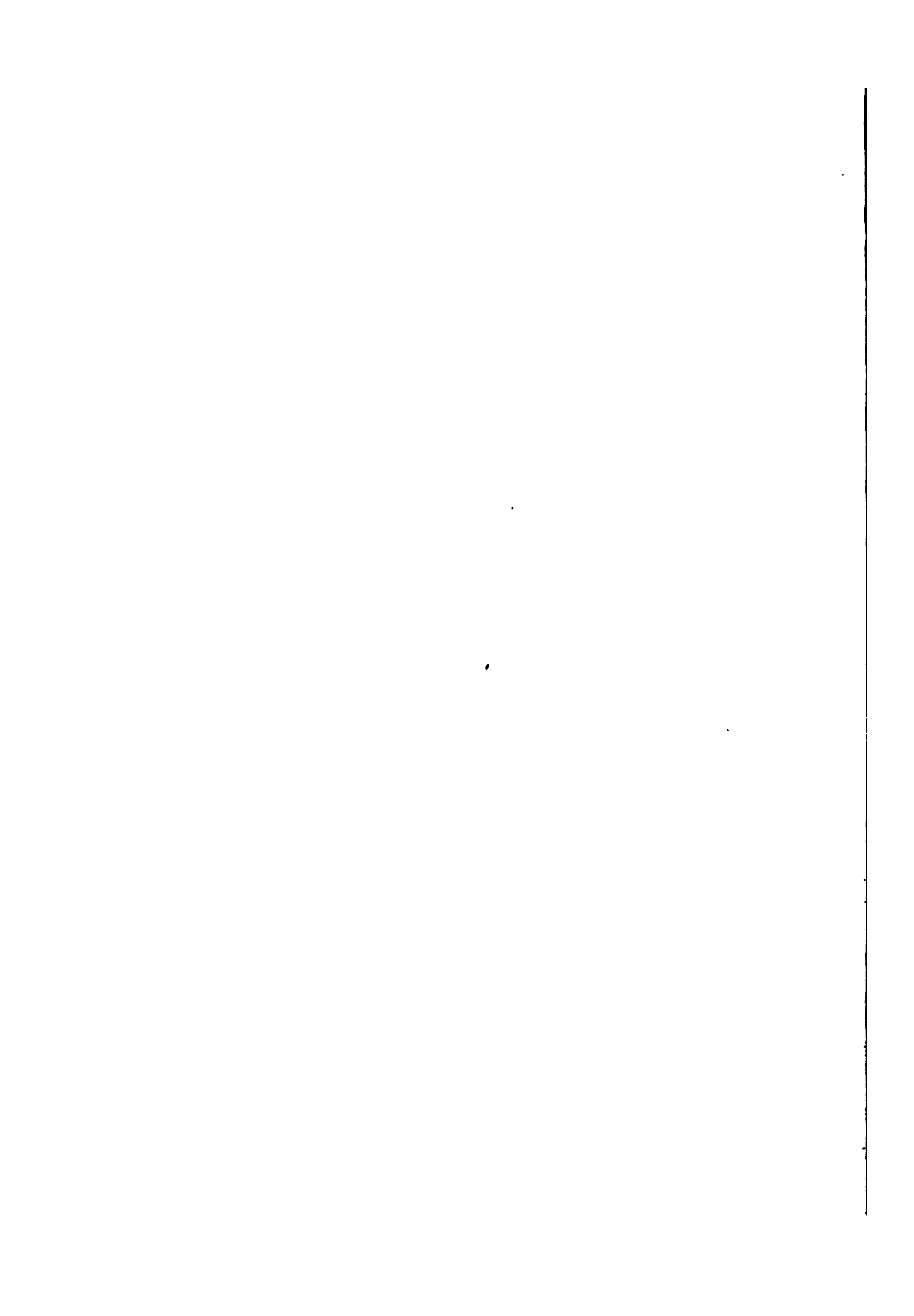
ИСТОРИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ,

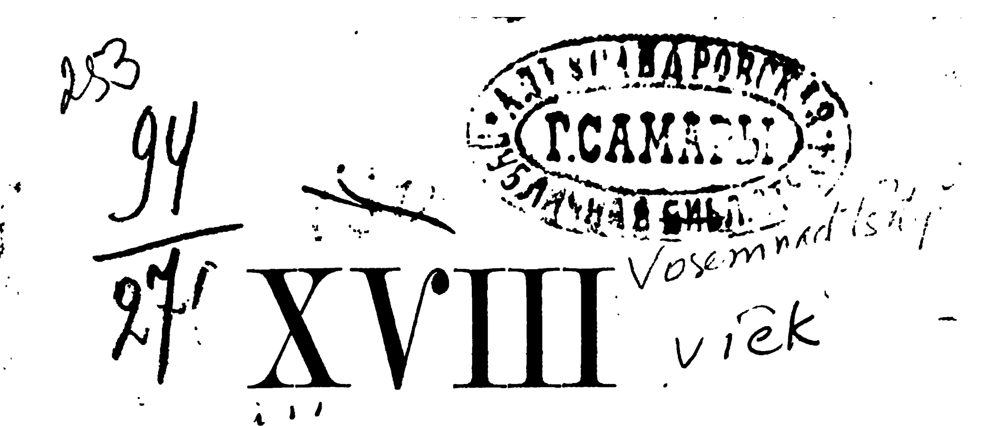
ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. И. ЛАМАНСКИМЪ.

ТОМЪ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

XVIII
ВѢКЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. И. ЛАМАНСКИМЪ.

ТОМЪ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

65493023

XVIII ВѢКЪ.

XVIII-й вѣкъ начинается со смерти Людовика XIV и кончается французскою революціею. Простое сопоставленіе этихъ фактовъ уже достаточно характеризуетъ эту эпоху; съ одной стороны, неограниченная монархія со всѣмъ блескомъ, который ей былъ приданъ соединенными усиліями великихъ геніевъ, окружавшихъ тронъ; съ другой, благороднѣйшій, никогда невиданный порывъ воздвигнуть благосостояніе и славу цѣлаго народа на принципѣ справедливости и свободы; явленія эти противуположны какъ два полюса. Такое сопоставленіе указываетъ намъ также и на то, что этотъ переворотъ прежде фактическаго проявленія долженъ былъ совершиться въ умахъ. Подобная перемѣна, дѣйствительно, не могла совершиться, не вызвавши сильнаго кризиса. Къ счастію, его исторію прослѣдить не трудно: онъ повсюду совершается сразу, — при дворѣ, какъ и въ деревнѣ, между аристократіей, какъ и между буржуазіей; онъ обнаруживается въ политическихъ учрежденіяхъ, нравахъ и, особенно, въ литературѣ. Литература этого времени, дѣйствительно, отличается особеннымъ характеромъ. Она не заключается, какъ литература XVII вѣка, въ про-

изведеніяхъ, преимущественно дѣйствовавшихъ на развитіе вкуса и доставлявшихъ развлеченіе разуму. Въ большей части тѣхъ родовъ литературы, въ которыхъ писатели предъидущаго вѣка стояли такъ высоко, какъ въ трагедіи, въ лирической поэзіи и въ надгробныхъ рѣчахъ, XVIII вѣкъ былъ слишкомъ слабъ. За то онъ великъ и беретъ перевѣсъ надъ предшествующимъ вѣкомъ тамъ, гдѣ приходится произвести реформы, въ области ли науки или въ политическихъ учрежденіяхъ. Здѣсь-то и обнаруживается его истинное величіе; его роль прежде всего есть роль бойца; онъ борется противъ злоупотребленій, противъ предразсудковъ, вызываетъ борьбу мнѣній, съ цѣлью раскрыть истину и постоянно обнаруживая тотъ же духъ независимости. Эта роль представляетъ нѣкотораго рода трудности; въ пылу борьбы трудно постоянно сохранить умѣренность и спокойствіе: XVIII вѣкъ никогда и не обладалъ этими качествами и не могъ ими обладать. Наше уже дѣло, такъ какъ намъ легче быть умѣренными, воспользоваться тѣмъ, что есть лучшаго въ доставшемся намъ отъ него наслѣдствѣ. Оставляя въ сторонѣ его уже всѣми забытыя ошибки и несправедливости, мы остановимся въ обширной и богатой его литературѣ только на благотворныхъ истинахъ имъ провозглашенныхъ и реформахъ имъ задуманныхъ и совершенныхъ. Такая задача не можетъ казаться безцѣльною и безполезною; мы въ главнѣйшихъ представителяхъ литературы XVIII вѣка, преимущественно, въ Вольтерѣ, Монтескье, Руссо найдемъ зародыши того, что развито Учредительнымъ

Собраніемъ, зародыши принциповъ французской революціи.

Обширное умственное движеніе, духъ критики, внесенный въ науки, литературу, политическія учрежденія, въ самую религію — вотъ то, что составляетъ предметъ его важныхъ и серьезныхъ изслѣдованій. Однакоже общій характеръ XVIII вѣка не носитъ на себя отпечатка важности; повидимому трудно отыскать эпоху, которая бы отличалась большимъ легкомысліемъ и меньшимъ благоразуміемъ. Въ самомъ началѣ этого вѣка насъ поражаютъ безобразія регенства; со смертію великаго короля, страсти, долго сдерживаемыя строгимъ лицемѣріемъ стараго двора, рвутся наружу съ большею противъ прежняго силою; новое поколѣніе бросается въ игру, въ развратъ, въ безбожіе съ увлеченіемъ молодости, и эта черта останется за нимъ навсегда. До конца вѣка французское общество продолжаетъ увлекаться вихремъ удовольствій и никогда, говоря словами одного изъ давнишнихъ писателей, такимъ веселіемъ не сопровождалась гибель монархіи. И въ самомъ дѣлѣ, что отъ прежняго уцѣлѣло къ концу XVIII вѣка? Королевская власть, ослабленная извнѣ политикою кардинала Флери, еще болѣе потеряла вслѣдствіе безпорядковъ, возникшихъ въ царствованіе Людовика XV, сложившаго ее у ногъ м—мъ Помпадуръ и Дюбарри. Дворянство, никогда не отличавшееся тѣмъ политическимъ духомъ, который былъ поддержкою и спасеніемъ англійской аристократіи, при регентѣ принимаетъ участіе въ дѣлахъ, но съ тѣмъ только, чтобы засвидѣтельствовать полнѣйшую къ нимъ неспособность. Одинъ изъ ревностныхъ за-

щитниковъ дворянства, герцогъ д'Антэнъ, говоритъ, что оно съ этого времени способно только служить при дворѣ и развѣ, что конечно нѣсколько лучше, умирать на поляхъ битвы. Парламентъ, обезславившій себя смѣшною борьбою съ янсенистами и строгими мѣрами противъ философовъ, обнаружилъ самъ свою слабость, желая сохранить за собою исключительныя права, которыми онъ пользовался; впрочемъ онъ изнемогъ не столько отъ нападокъ на него министровъ и двора, сколько отъ насмѣшекъ Бомарше. Церковь также утратила всякій авторитетъ. Въ длинномъ спискѣ прелатовъ, начиная съ кардинала Дюбуа и кончая кардиналомъ де-Роганъ, на одного Бельзунса сколько найдемъ мы Трессановъ и Тансэновъ? Проповѣдники, пользовавшіеся наибольшимъ авторитетомъ, не рѣшаются говорить въ своихъ проповѣдяхъ о догмѣ и, ограничиваясь одною нравственностью, сколько возможно, стараются приблизиться къ языку философовъ. Но всего поразительнѣе то, что все въ этой революціи сопровождается взрывами смѣха. Понятіе объ уваженіи къ личности исчезаетъ. При Людовикѣ XVI, который повидимому возвратилъ королевской власти ея прежнее значеніе и окружилъ ее добрыми нравами, мы видимъ, что Тюрго принесенъ въ жертву легкомысленному и тщеславному министру Морепа, за которымъ мы можемъ признать единственное серьезное право на это званіе, именно то, что онъ оставилъ послѣ себя собраніе пѣсенъ XVII вѣка въ 73 томахъ (40 томовъ текста и 33 т. нотъ). Королевскую власть безславятъ лучшія аристократическія семейства. Даже придворные не воздерживаются отъ

нападокъ на Марію-Антуанету, изъ легкомыслія компрометируетъ ее графъ д'Артуа, изъ разсчетовъ злословитъ графъ де-Провансъ, по слабости характера нерѣшительно защищаетъ самъ король. Такимъ образомъ, наиболѣе грубыя ошибки во время революціи совершаются людьми, которымъ впослѣдствіи суждено было сдѣлаться ея жертвами. Что касается Маріи-Антуанеты, то можно сказать, что дворъ Людовика XVI былъ главнымъ обвинителемъ ея; онъ вызвалъ народную ненависть къ австрійкѣ; въ день суда передъ революціоннымъ трибуналомъ Фукье-Тэнвиллю легко было составить обвинительный противъ нея актъ; ему стоило взять тотъ, который подготовленъ былъ уже прежде него монархіею.

При всемъ томъ, достаточно самого незначительнаго вниманія, чтобы подъ этимъ кажущимся легкомысліемъ, видѣть нѣчто истинно величественное. Дѣйствительно, не многіе вѣка были такъ благотворны для человѣчества и такъ ревностно ему служили. Прежде другихъ націй Англія сбрасываетъ съ себя постыдное иго и предоставленная себѣ самой обращается къ своимъ старымъ національнымъ традиціямъ съ цѣлью развитія ихъ; для нея XVIII вѣкъ есть вѣкъ возрожденія; общественный духъ начинаетъ болѣе и болѣе развиваться; религія, которой при Стюартахъ грозила гибель, пріобрѣтаетъ прежнее вліяніе на умы; свобода, поддерживаемая парламентомъ и прессою, утверждаетъ конституціонныя учрежденія; литература, освободившись отъ заимствованій у французовъ, вмѣстѣ съ независимостью пріобрѣтаетъ оригинальность. Эти усилія не оста-

ются безплодными и Англія за нихъ получаетъ полное вознагражденіе. Въ одно время она пріобрѣтаетъ извнѣ господство на моряхъ, внутри политическую свободу, тогда какъ Гольдсмитъ, Вальполь, Куперъ и Уодсвортъ вызываютъ движеніе, которое должно было подготовить Шелли, лорда Байрона и Вальтеръ Скотта. На Сѣверѣ возродились для цивилизаціи новая нація. Подъ мощнымъ геніемъ Петра Великаго выступаетъ изъ варварства Россія и присоединяется къ другимъ народамъ Европы. . . .

. . . .

Мало по малу духъ реформы и свободы проникаетъ во всю Европу, даже въ Испанію и Португалію. Помбаль, д' Арандъ, Кампо-Манесъ, Тануччи, великій герцогъ тосканскій раздѣляютъ новыя идеи; Австрія, при Іосифѣ II, исправляетъ свои прежнія ошибки; Фридрихъ Великій дѣлаетъ Пруссію разсадникомъ философіи; датскій король обнаруживаетъ любовь къ литературѣ и искусствамъ; шведскій король провозглашаетъ свободу печати; наконецъ, по ту сторону Океана возникаетъ, при помощи Франціи, новая республика, которая возрождаетъ въ свободѣ новыя надежды и возвращаетъ старому свѣту торжествующими тѣ самые принципы, которые она отъ него же получила.

Сущность этихъ великихъ перемѣнъ указываетъ на дѣятельное участіе въ нихъ философовъ и литераторовъ. Никогда они ни пользовались такимъ громаднымъ вліяніемъ, какъ въ это время; за то же никогда не было употреблено такого горячаго усилія къ отысканію истины. Даже науками, вполнѣ исключающими возможность энтузіазма, зани-

мались въ то время не иначе, какъ со страстію. Основываясь на открытіяхъ Кеплера и Галилея, Ньютонъ открылъ законы тяготѣнія и объяснилъ систему мірозданія. Англія съ той поры съ увлеченіемъ отдалась ученымъ изслѣдованіямъ, даже женщины принимали въ нихъ участіе; чему много содѣйствовала политика государей. Стюарты, какъ и большая часть государей, въ ревностныхъ заботахъ объ усиленіи своей власти, охотно допускали все, что могло отвлечь ихъ подданныхъ отъ занятій политикою. Вольтеръ, по возвращеніи изъ Англіи, знакомитъ Францію съ системой Ньютона, которому посчастливилось въ этомъ великомъ человѣкѣ найти себѣ защитника противъ недобросовѣстныхъ на него нападокъ. Полемика, завязавшаяся по поводу его системы, усилила любовь къ наукамъ, уже обнаружившуюся при регенствѣ. Математика и естественныя науки, особенно химія, оказали громадные успѣхи; въ подтвержденіе чего достаточно назвать имена Бюффона, Бальи и Лавуазье. Но величія XVIII вѣка надо искать собственно въ литературныхъ произведеніяхъ; въ нихъ мы находимъ независимый духъ и духъ великодушія. Независимость была полнѣйшая; для писателей XVIII вѣка какъ бы не существовало прошедшаго; они хотѣли все пересоздать, порвать всѣ связи съ древними традиціями; они такъ смѣло заявляли это, что не признавали въ прошедшемъ даже своихъ собственныхъ предковъ. Они и намъ передали свой ошибочный взглядъ и мы долгое время не замѣчали, что XVIII вѣкъ былъ только продолжателемъ дѣла предшествовавшихъ ему вѣковъ, что онъ только

воспользовался наслѣдованнымъ имъ отъ XVI и прежнихъ вѣковъ для приращенія своего богатства; ибо во Франціи никогда не было недостатка въ свободно-мыслящихъ умахъ. Мы должны отдать справедливость XVIII вѣку также и за великодушіе его доктринъ. Забудьте на время пристрастные возгласы слѣпыхъ противниковъ XVIII вѣка и обратите вниманіе на ensemble провозглашенныхъ имъ теорій, которыя, окрѣпнувъ и развившись въ безсмертной борьбѣ, послужили программой для Учредительнаго Собранія; не поражаютъ ли онѣ васъ прежде всего своимъ благородствомъ и величіемъ? Французская революція не состоитъ только въ пріобрѣтеніи для человѣчества нѣкоторыхъ политическихъ правъ, или въ уничтоженіи нѣкоторыхъ привилегій; смотрѣть на нее только съ этой стороны, значитъ смотрѣть на нее со стороны самой незначительной; она должна быть дорога намъ и должна возбуждать въ насъ удивленіе тѣмъ, что она стала требовать уваженія къ самому человѣку, къ его правамъ, къ его достоинству; человѣкъ съ точки зрѣнія революціи перестаетъ быть взбунтовавшимся рабомъ, котораго надо смирить, или вѣрнымъ слугою, котораго можно наградить; онъ является существомъ свободнымъ, имѣющимъ извѣстное назначеніе, сознающимъ свой долгъ и свои права, дѣйствующимъ подъ управленіемъ своего разума и подъ вліяніемъ своей воли.

Подъ вліяніемъ такихъ идей писатели XVIII вѣка приступили къ реформѣ политическихъ учрежденій; во имя этихъ идей они протестовали противъ общественнаго неравенства и высказали свое уваженіе къ человѣчеству.

Останавливаясь на главномъ виновникѣ философскаго движенія того времени, Вольтерѣ, нельзя не упомянуть, что его метафизическія познанія всегда были не слишкомъ обширны, чѣмъ онъ постоянно гордился. «Задигъ, разсказываетъ онъ намъ въ одной повѣсти, зналъ изъ метафизики то, что было извѣстно во всѣ времена, т. е. очень мало» и далѣе: «если тотъ, кому говорятъ, не понимаетъ того, что ему говорятъ, и если самъ онъ не понимаетъ того, что говоритъ, это-то и есть метафизикъ». Потому Вольтеръ и старался быть понятнымъ и особенно понимать самого себя; но потому же самому въ его теоріяхъ много ложнаго и неопредѣленнаго: онъ почти признаетъ, что матерія одарена способностью мыслить. Въ нравственныхъ же вопросахъ его убѣжденія непоколебимы. Онъ постоянно высказывается за бытіе Бога и безсмертіе души; онъ отстаиваетъ противъ своихъ друзей и особенно противъ Фридриха II свободу съ настойчивостью, за которую ему надо отдать полную справедливость. Съ такою же горячностью стоитъ онъ за права литературныхъ произведеній и за права мысли: ни при какомъ посягательствѣ на свободу мысли и слова, на право отстаивать и распространять свои убѣжденія, на свободу совѣсти онъ не оставался безучастнымъ. Политикой онъ мало занимался; англійскія учрежденія не особенно нравились ему; онъ любилъ французское общество, гдѣ онъ игралъ такую важную роль; онъ любилъ его съ его слабостями и пороками. Но еще болѣе любилъ онъ человѣчество, что̀ и составляетъ его особенное право на наше уваженіе. Все истребляющее человѣка: раб-

ство, казни, нарушеніе законовъ, крѣпостное состояніе, инквизиція, продолжительность и дороговизна процессовъ, и всякаго рода злоупотребленія возбуждали въ немъ негодованіе. Даже экономическіе вопросы и торговые не были чужды ему: онъ интересовался всѣмъ. Изъ своего фернейскаго убѣжища онъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Европѣ, разглашая о несправедливостяхъ, вызывая философовъ на борьбу, соединяя ихъ всѣхъ противъ себя и вынося почти на одномъ себѣ всю тяжесть этой борьбы. Беллетристика, очерки, историческія сочиненія, трагедія,—всѣ роды литературы служатъ ему для его цѣлей; дѣйствующія лица въ его произведеніяхъ изрѣкаютъ философскія истины, онъ заставляетъ ихъ, по его собственному выраженію, быть «пророками имперіи».

Менѣе его дѣятельный и страстный, Монтескье служитъ также дѣлу человѣчества. Представить принципы и общій характеръ различныхъ законодательствъ, проникнуть въ тайныя цѣли правительствъ и указать необходимыя условія для сохраненія политической свободы,—такова задача Духа Законовъ. Но хотя Монтескье имѣетъ цѣлью представить очеркъ формъ правленія, однако въ своихъ сужденіяхъ онъ не вездѣ остается холодно-безпристрастнымъ. Поклонникъ свободы, онъ цѣнитъ доставляемыя ею выгоды и понимаетъ ея необходимость; притомъ, онъ беретъ за исходную точку вѣчную справедливость, неизмѣнную, высшую относительно человѣческихъ обществъ, даже предшествовавшую ихъ появленію и во имя этой справедливости осуж-

даетъ рабство и идетъ противъ всякаго стѣсненія мысли и противъ безразсудства постоянныхъ армій. Въ его книгѣ много краснорѣчивыхъ заявленій въ пользу человѣческаго достоинства.

Эти два великіе писателя шли противъ злоупотребленій во имя разума. Но разумъ, хотя и сильно дѣйствуетъ на просвѣщенныхъ людей, дѣйствуетъ однако съ меньшею силою, нежели чувство. Слава пробудить массы, вовлечь въ борьбу даже женщинъ, заинтересовать въ ней всѣхъ, кто гордо заявляетъ, что у него есть сердце, эта слава принадлежитъ Руссо. Его краснорѣчіе, правда, нерѣдко впадающее въ декламацію, но всегда возвышенное, дѣйствовало прямо на страсти большинства. Онъ не столько заботится объ убѣжденіи, сколько о возбужденіи и вызываетъ на борьбу. Его единственный недостатокъ тотъ, что онъ хочетъ уничтожить не злоупотребленія, а самое общество. Иногда онъ отстаиваетъ самые странные предразсудки, и поражаетъ наивностью; въ Contrat social, вмѣсто свободы, онъ проповѣдуетъ деспотизмъ, умиляется передъ республиками древняго міра, съ нѣжнымъ чувствомъ относится къ жизни дикарей, со слезами говоритъ о добродѣтеляхъ варварскихъ народовъ; но онъ вездѣ почтительно относится къ божеству, вездѣ отстаиваетъ достоинство человѣка и въ его описаніяхъ величія природы есть мѣста, которыя способны были тронуть даже самаго Вольтера.

Вотъ три человѣка, которые, управляя движеніемъ XVIII вѣка, придаютъ ему его настоящій характеръ. За ними стоитъ цѣлая армія, дѣйствующая подъ вліяніемъ ихъ идей: Дидро и д'Аламберъ

составители Энциклопедіи, Кенэ и Тюрго съ цѣлой школой экономистовъ, Гельвецій, Гольбахъ, Бомарше, наивные утописты въ родѣ аббата С. Піера и д'Аржансона, восторженные революціонеры, подобные Мабли. Всѣ они не только составляли армію, но и были проникнуты нравственными и политическими доктринами, прочно установившимися и ясно формулированными, возможными только въ эпохи наиболѣе догматическія. Съ созваніемъ генеральныхъ штатовъ революція могла считаться совершившеюся.

Почему же XVIII вѣкъ пользуется такою дурною репутаціею? Тому двѣ причины. Во-первыхъ, относительно многаго онъ вышелъ изъ предѣловъ мѣры и достоинства. Вольтеръ, въ своихъ сношеніяхъ съ высокопоставленными современниками, допускалъ лесть, за что потомство имѣетъ право упрекать его. Д'Аламберъ и Дидро получали пансіоны отъ иностранныхъ государей. Философія пользовалась покровительствомъ м-мъ Помпадуръ и даже заискивала его. Конечно, этотъ порокъ былъ порокомъ эпохи, но онъ ставилъ реформаторовъ въ положеніе нерѣдко весьма затруднительное. Одинъ Руссо, надо ему отдать въ этомъ справедливость, умѣлъ внушить всѣмъ уваженіе къ своей бѣдности. Во-вторыхъ, писатели того времени, даже говоря о самыхъ серьезныхъ предметахъ, придавали своему языку такую легкость, которая позволяла заподозривать ихъ убѣжденія, по крайней мѣрѣ, не довѣрять прочности основъ этихъ убѣжденій. Наконецъ, XVIII вѣкъ нѣкоторые упрекали за то, что именно и составляетъ его славу: онъ былъ вѣкомъ эмансипаціи и независи-

мости. Въ глазахъ его порицателей въ этомъ его главное преступленіе, для насъ же въ этомъ его высшее право на славу. Извѣстно, что безнаказанно нельзя коснуться злоупотребленій, предразсудковъ, учрежденій, съ которыми народъ въ долгое время успѣлъ сжиться. Общество, побѣжденное писателями XVIII вѣка, обвинило ихъ въ томъ, что они все превратили въ развалины, и внесли въ міръ скептицизмъ и невѣріе: обвиненія неосновательныя, противъ которыхъ протестовало новое общество, порожденное тѣмъ же XVIII вѣкомъ и въ которыхъ оно оправдало его; но обвиненія эти были неизбѣжны и не должны никого удивлять. Эти жалобы—послѣднее утѣшеніе для побѣжденныхъ.

Благодаря ученіямъ XVIII вѣка, стала возможна французская революція. Вольтеръ, Монтескье, Руссо невидимо носились надъ Учредительнымъ Собраніемъ, поучали его членовъ и руководили ихъ преніями. Торжество этихъ людей было полное въ ту знаменитую ночь 4 августа, когда дворянство и духовенство, отказавшись отъ своихъ привилегій, слилось съ массою народа. Дальнѣйшая исторія покажетъ, что поколѣніе, воспитанное XVIII вѣкомъ, было хорошо подготовлено. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ ему не было недостатка ни въ благоразуміи при составленіи плановъ, ни въ преданности и патріотизмѣ во время дѣйствій; ни неудачи, ни тюрьмы, ни смерть не могли побѣдить его патріотизма и заглушить въ немъ надеждъ. Но будемъ одинаково справедливы ко всѣмъ: даже общество, противъ котораго возстала революція, умѣло въ послѣднее время выказать такую сильную энергію, какой отъ него нельзя было

ожидать. Когда пришлось умирать этимъ людямъ, которые жили такъ беззаботно, не думая ни о чемъ и не опасаясь ничего, они обнаружили твердость духа, достойную удивленія. Вѣкъ, доставившій такое зрѣлище, стоитъ того, чтобы занять видное мѣсто въ исторіи человѣчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ Г. МАЗА.

ОСНОВАНІЕ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ АМЕРИКИ.

Основаніе Соединенныхъ Штатовъ Америки.

I.

На ряду съ французской революціей, преобладающимъ фактомъ конца XVIII вѣка можетъ быть поставлено только одно событіе по важности и интересу, тѣмъ болѣе, что оно тѣсно связано съ нею. Мы говоримъ объ основаніи республики Соединенныхъ Штатовъ.

Въ теченіе полутораста лѣтъ англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ достигли высокой степени благосостоянія. Быстро развилось земледѣліе, это богатство по преимуществу народное, и породило торговлю. Хлѣбъ, скотъ, хлопокъ, табакъ обмѣнивались на произведенія Антильскихъ острововъ и продукты метрополіи; города процвѣтали: выросли Бостонъ, Нью-Іоркъ, Филадельфія. Первоначальное образованіе быстро распространялось; оно было обязательное и даровое, и давалось общиной, а не государствомъ. Изученіе правъ сдѣлалось болѣе или менѣе общимъ (охота къ спеціально адвокатной карьерѣ скоро прошла, охота, сильно распространенная при самомъ началѣ колонизаціи, когда въ безпрестанныхъ тяжбахъ между различными, учредившимися уже колоніями и частными людьми выигрывали только одни адвокаты). Народонаселеніе, правда, возрасло, но въ такой малой степени, которая не видана съ конца XVIII вѣка, ибо число женщинъ было недостаточно, такъ что переселенцы, враждовавшіе съ индѣйскимъ населеніемъ, должны были выписывать подругъ жизни изъ метрополіи. А ихъ приходилось буквально покупать; нужно было сперва сойдтись въ цѣнѣ съ лондонскими корреспондентами, и такъ какъ

всѣ цѣны переводились тогда на продукты, главнымъ образомъ на табакъ, то говорилось, что за каждую женщину слѣдуетъ столько и столько-то фунтовъ табаку. Напримѣръ Виргинцы давали за женщину «чистую и незапятнанную» — таково было выраженіе—150 фунтовъ табаку и 75 долларовъ — всего менѣе 400 франковъ. Цѣна не непомѣрная! Правда, черезъ годъ она удвоилась. Виргинцы, какъ видно, остались довольны первымъ грузомъ.

Англія разсѣянно слѣдила за развитіемъ своихъ колоній; ее занимали только поддержка верховенства своей торговли и уничтоженіе всякой конкуренціи. Она обременила переселенцевъ разными стѣснительными правилами, учредила «балансъ» между цѣною своихъ мануфактурныхъ произведеній и сырыми продуктами, прибывавшими изъ Америки, оставила за собою фабричную монополію. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка самъ лордъ Чатамъ не побоялся сказать: «Если Америка осмѣлится изготовить хоть чулокъ или гвоздь къ лошадиной подковѣ, я заставлю ее испытать на себѣ всю тяжесть нашего могущества.» Во всемъ остальномъ, англійское правительство, оказалось сговорчивымъ и даже явно благоволило къ переселенцамъ; оно даровало имъ учрежденія и хартіи вообще довольно либеральныя, и, удовлетворяясь большими доходами со своихъ тарифовъ, взимало лишь небольшіе прямые налоги, которые, замѣтимъ, однакоже вотировались несшими ихъ. [1])

Какъ добрые англичане, они питали привычное и традиціонное уваженіе къ власти, гордились могуществомъ и величіемъ метрополіи, не менѣе ея враждовали съ французами и испанцами, завладѣвшими Канадой и обѣими Флоридами, и тѣмъ легче сносили торговую тиранію своего первоначальнаго отечества, что съумѣли уже пріобрѣсти родъ нѣкоторой политической и общественной автономіи. Находясь только по имени подъ владычествомъ Англіи и подъ властію, почти всегда призрачною, губернаторовъ, переселенцы сами устраивали свои дѣ-

---

[1]) Они не превышали трехъ милліоновъ съ тринадцати колоній въ 1763 г.

ла, учреждали собранія и избирали въ нихъ представителей, выбирали судей и платили имъ жалованье, утверждали налоги, блюли общественную безопасность, защищались отъ непріятелей, сами судились, и, наконецъ, въ каждомъ отдѣльномъ Штатѣ, дѣйствовали какъ независимый народъ, прилагая принципъ верховной власти народа во всей его ширинѣ. Правда, неоднократно доходили протесты изъ метрополіи, но разстоянія (въ то время еще не было паровыхъ судовъ), а главное гражданскія смуты и великія войны въ XVII и XVIII вѣкахъ благопріятствовали фактическому обособленію колоній. Впрочемъ ни тѣ, ни другіе и не думали разрывать древнихъ узъ, соединявшихъ дѣтей съ матерью и если бывали случаи соединенія переселенцевъ между собою [1]), то это совершалось въ видѣ защиты противъ дикихъ, французовъ, испанцевъ или въ видахъ чисто коммерческихъ. Политической идеи не было въ этихъ конфедераціонныхъ попыткахъ и англо-американцы безпрекословно отдавали метрополіи свои суда, свои милліоны, и проливали за нее кровь во время великихъ войнъ за испанское наслѣдство, за австрійское наслѣдство, и въ семилѣтнюю войну.

Колоніи были тѣмъ дальше отъ всякой мысли искать независимости посредствомъ объединенія или въ объединеніи, что у нихъ, не смотря на общее происхожденіе, всегда существовали столь глубокія различія, что они просуществовали до нашихъ дней и, за нѣсколько лѣтъ, подвергли опасности самое существованіе американской республики. Поэтому, еще въ раннюю эпоху, англійскія поселенія распались на двѣ большія совершенно различныя области, Сѣверъ и Югъ, какъ въ силу географическаго положенія, такъ и вслѣдствіе причинъ, обусловливавшихъ ихъ основаніе. На Югѣ утвердились люди, покровительствуемые Стюартами или богатые негоціанты, съ поддержкою значительныхъ акціонерныхъ компаній; на Сѣверѣ, люди

---

1) Въ 1643 г. Новая Англія. — 1697 г. Пеннъ предлагаетъ учредить ежегодный конгрессъ.—1754 г. предлагаетъ проектъ соединенія противъ французовъ и дикихъ.

средняго класса, небогатые, часто безъ средствъ. На Югѣ преобладали вѣрованія англиканской церкви, аристократическія преданія метрополіи, даже самыя правительственныя формы и система крупнаго землевладѣнія и рабство сдѣлалось своего рода національнымъ учрежденіемъ. Сѣверные колонисты были пуритане, изгнанные изъ отечества; они принесли съ собою въ Америку крайнія демократическія и республиканскія теоріи, результаты ихъ религіозныхъ доктринъ; равенство было положено въ основаніе управленія и въ основаніе отношеній между частными людьми; личный трудъ сталъ закономъ.

Такимъ образомъ въ половинѣ XVIII вѣка казалось, что колоніи, разграниченныя между собою нравами и учрежденіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ привязанныя къ метрополіи интересомъ и чувствомъ преданности, навсегда составятъ лучшій алмазъ въ вѣнцѣ Англіи и если нѣкоторые глубокіе мыслители, какъ напримѣръ Тюрго [1]), выражали боязнь, чтобы эта жемчужина не пропала для обладателя, то такого рода опасенія могли всѣмъ показаться только бредомъ безпокойныхъ умовъ. Однако еще до истеченія этого столѣтія имъ пришлось оправдаться.

II.

Во время семилѣтней войны, этой дуэли на̀ смерть между Франціей съ одной стороны, Англіей и Пруссіей съ другой, американскіе колонисты несли громадныя жертвы. Они дали метрополіи 80 милліоновъ, 25000 солдатъ, 30000 матросовъ и увеличили ея флотъ значительнымъ числомъ судовъ. Повидимому метрополія, вышедшая изъ борьбы побѣдительницею, не знала какъ и вознаградить ихъ за это великодушное содѣйствіе; казалось, что услуги подобнаго рода на вѣки укрѣпятъ единеніе въ великой англо-американской семьѣ. Но онѣ сдѣлались источникомъ важныхъ споровъ, которые кончились революціей.

1) Въ 1750 г. онъ предрекъ, что американскія колоніи нѣкогда сдѣлаются независимыми, и не только онѣ, но и всѣ колоніи въ мірѣ.

Но при всемъ уваженіи къ власти и преданности, колонисты умѣли цѣнить и свои права. Такъ, когда между прочими злоупотребленіями, которые позволяли себѣ Стюарты, Іаковъ II въ 1684 г. не побоялся взять назадъ хартіи, дарованныя англо-американцамъ, то это произвело такое волненіе въ колоніяхъ, что слѣдовало бы опасаться серьозныхъ столкновеній, еслибы Іаковъ не былъ свергнутъ съ престола въ 1688 г.; въ 1745 г. Георгъ II пытался ограничить свободу колонистовъ, но долженъ былъ остановиться въ виду рѣшительныхъ протестовъ. Но въ 1763 г. министръ Гренвилль увѣрилъ себя, что онъ будетъ счастливѣе.

Долгъ Англіи простирался тогда до трехъ съ половиною милліардовъ. И вотъ лордъ Гренвилль, человѣкъ съ умомъ узкимъ и непрозорливымъ, бывшій юристъ, болѣе знакомый съ формами судопроизводства, чѣмъ съ политикой, задумалъ въ широкихъ размѣрахъ брать своего рода контрибуцію съ колоній для погашенія этаго громаднаго общественнаго долга. Онъ предложилъ парламенту наложить на американцевъ налогъ, въ сущности легкій, но такой, который по своей общности, долженъ былъ приносить государственному казначейству отличные доходы. Дѣло шло о продажѣ въ пользу казны гербовой бумаги, которую колонисты должны были употреблять при совершеніи всякаго рода оффиціальныхъ актовъ. Предполагалось, что страна, которая была въ силахъ подать метрополіи подобнаго рода помощь какъ въ послѣднюю войну, конечно, будетъ въ состояніи сносить и эту повинность. Но лордъ Гренвилль забылъ, что, въ силу своихъ учрежденій, только сами колонисты имѣли право налагать на себя налоги, и, кромѣ того, онъ выбралъ дурное время. Именно его предшественникъ, лордъ Бютъ (Bute) уже успѣлъ вызвать въ Америкѣ волненіе неловкимъ усиленіемъ строгостей въ примѣненіи коммерческихъ установленій и противузаконнымъ расширеніемъ власти таможенныхъ чиновниковъ[1]), и Джемсъ Отисъ, генеральный коронный адвокатъ, подавъ въ отставку, отправился, въ качествѣ простого адвоката, въ Бос-

[1]) Это дѣло о writs of assistance.

тонъ защищать дѣло своихъ согражданъ передъ тамошнимъ верховнымъ судомъ. Правда, онъ проигралъ процессъ, но на криводушное рѣшеніе суда колонисты отвѣтили тѣмъ, что въ тотъ-же самый годъ послали своего защитника членомъ въ Массачузетское законодательное собраніе (1760 г.).

При первомъ извѣстіи о предложеніи лорда Гренвилля, тотъ-же Джемсъ Отисъ издалъ чрезвычайно умную и краснорѣчивую брошюру, подъ заглавіемъ: Права англійскихъ колоній, въ которой доказывалъ, что если люди, облеченные властію, злоупотребляютъ ею, то народъ, единственно законный государь, долженъ этому противиться и, если нужно, смѣстить ихъ. Она имѣла въ Америкѣ непомѣрный успѣхъ. Скоро прочли ее и въ Англіи. «Это произведеніе сумасшедшаго», сказалъ одинъ членъ верхней палаты въ полномъ собраніи. «Сумасшедшаго!» отвѣчалъ лордъ Мансфильдъ, «берегитесь, сумасшествіе прилипчиво; если станутъ попирать самыя священныя права, то народу свободному легко стать сумасшедшимъ; въ такомъ случаѣ въ здравомъ умѣ находятся только народы, рожденные для рабства, или люди, которые подлымъ образомъ потеряли всякое чувство чести.»

Однако колонисты шли не такъ далеко и горячо, какъ Джемсъ Отисъ. Вполнѣ полагаясь на свое право и правосудіе метрополіи, они только народными собраніями и петиціями, обращенными къ королю и парламенту, протестовали противъ притязанія облагать ихъ налогами безъ ихъ согласія, ссылаясь въ одно время какъ на старыя англійскія конституціи, такъ и на конституцію 1689 г., которую они подтвердили и на свои частныя грамоты. Лордъ Гренвилль отвѣчалъ чистою издѣвкой; противупоставивъ доводамъ разума только наглость наемныхъ защитниковъ министерства, жалкихъ памфлетистовъ, всегда готовыхъ къ услугамъ деспотизма, онъ обѣщалъ колонистамъ избирать между ними продавцевъ гербовой бумаги и сборщиковъ налога. Отличная уступка! Повторилась басня о поварѣ и цыплятахъ: «Подъ какимъ соусомъ прикажете васъ съѣсть?—Но мы вовсе не хотимъ, чтобъ насъ съѣли!—Вы уклоняетесь отъ вопроса; васъ спрашиваютъ вовсе не о томъ, же-

лаете-ли вы быть съѣдеными, а о томъ, какъ прикажете васъ приготовить.»

Наступили пренія о биллѣ; въ обѣихъ палатахъ огромное большинство вотировало сообразно желаніямъ министерства и короля (разумѣвшаго въ политикѣ еще меньше лорда Гренвилля, а этимъ довольно сказано). Только нѣсколько смѣлыхъ голосовъ поднялось противъ этой беззаконной и опасной мѣры, именно генералъ Конвай, альдерменъ Бекфордъ и полковникъ Барре́. Когда канцлеръ Таунзендъ (Townshend) осмѣлился сказать: «Теперь, когда эти сыны наши, будучи устроены нашими попеченіями, вскормленные нашею милостью, защищаемые нашимъ оружіемъ, пріобрѣли силу и богатство, неужели они откажутся помочь намъ снести тягости, болѣе и болѣе возрастающія, то полковникъ Барре́ отвѣчалъ ему: «Сыны устроенные вашими попеченіями! Напротивъ того, ваше угнетѣніе заставило ихъ бѣжать въ Америку и искать убѣжища отъ невыразимыхъ страданій.—Они вскормлены вашею милостію! Они выросли, напротивъ оттого, что вы ихъ оставили, а когда вы стали опять заниматься ими, то дѣлали это для того, чтобъ злоумышлять противъ ихъ свободы...—Вы защищали ихъ своимъ оружіемъ! Но именно они то и взялись за него для вашей защиты, бросивъ промышленность, смачивали кровью границы, а внутри страны вашему же облегченію посвятили сбереженія своихъ семействъ.» Но этотъ протестъ здраваго смысла, правосудія, исторіи услышанъ не былъ. Билль прошелъ почти единогласно и общественное мнѣніе въ Англіи ратификовало его [1]).

Въ Америкѣ проявилось сильное раздраженіе. Домà сборщиковъ налога, уже успѣвшихъ между тѣмъ получить кипы гербовой бумаги, подверглись нападенію; бумага сожжена; въ гаваняхъ всѣ флаги были спущены до полумачты въ знакъ печали и, какъ бы для того, чтобъ совершить похороны своей вольности, народъ отправился на кладбище слѣдомъ за гробами на

---

1) 25-го февраля 1765 г.—Обнародованіе совершилось 22-го мая.—Приведеніе въ исполненіе было назначено на 1-ое ноября.

которыхъ было написано многозначительное слово «Свобода». Полковникъ Барре́ назвалъ въ парламентѣ колонистовъ «сынами свободы» и подъ этимъ именемъ образовалось большое общество. Колоніальныя собранія, въ особенности Массачузетскія и Виргинскія оффиціально протестовали; въ виргинскомъ собраніи, одинъ депутатъ, Патрикъ Генри, произнесъ угрожающія слова [1]). Имя этого человѣка почти неизвѣстно на материкѣ, но оно одно изъ великихъ въ Америкѣ.

Впрочемъ, это былъ странный человѣкъ. Онъ былъ сначала лѣсной охотникъ, потомъ земледѣлецъ и торговецъ, бывшій два раза несостоятельнымъ оттого, что любилъ больше читать Тита-Ливія и играть на скрипкѣ за прилавкомъ; затѣмъ онъ, послѣ шестинедѣльной подготовки, сталъ адвокатомъ, къ которому однако часто обращались, адвокатомъ неисправнымъ, тривіальнымъ, неизящнымъ, но пылкимъ, увлекательнымъ, непреоборимымъ, однимъ изъ тѣхъ грозныхъ истолкователей общественнаго чувства, которые всегда встрѣчаются въ эпохи возбужденія. Уже будучи избранъ представителемъ, онъ узнавъ объ гербовомъ налогѣ, пророчески сказалъ: «Цезарь нашелъ своего Брута, Карлъ I своего Кромвелля, и Георгъ III...» Онъ хотѣлъ продолжать: «Измѣна,» прервалъ его президентъ собранія. Тогда онъ прибавилъ: «И Георгъ III съумѣетъ воспользоваться ихъ примѣромъ; если въ этомъ измѣна, воспользуйтесь ею.»

Виргинское законодательное собраніе было распущено. Это распущеніе повлекло за собою очень важныя послѣдствія: колоніи вступили между собою въ соглашеніе [2]) и въ октябрѣ 1765 г. въ Нью-Іоркѣ ихъ представители открыли генеральный конгресъ, который тотчасъ же предложилъ американцамъ не покупать англійскихъ продуктовъ до тѣхъ поръ, пока билль не будетъ взятъ назадъ.

Велико было изумленіе въ Лондонѣ. Но этотъ перерывъ въ

---

[1]) См. Jefferson de Witt'a.

[2]) Ихъ было тринадцать: Виргинія, Массачузетсъ, Нью-Гампширъ, Родъ-Эйландъ, Коннектикутъ, Нью-Іоркъ, Нью-Джерсей, Пенсильванія, Делаваръ, Мариландъ, Сѣверная Королина, Южная Королина, Георгія.

дѣлахъ жестокимъ образомъ далъ себя знать мануфактурному населенію столицы и большихъ городовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начиналось возмущеніе и перемѣна министерства сдѣлалась необходимою. Лордъ Чатамъ, членъ новаго кабинета, употребилъ на защиту колоній всю энергію своего таланта и просилъ парламентъ отказаться отъ прежняго рѣшенія. «Если Америка погибнетъ, говорилъ онъ, то она погибнетъ какъ Самсонъ; она обхватитъ столбы нашего государства и, погибая, задавитъ собою и конституцію».

Палата общинъ наконецъ уступила. На нее сильно подѣйствовали умы и ясные доводы Веньямина Франклина, делегата нѣсколькихъ штатовъ; ея примѣру послѣдовала палата лордовъ (1766 г.)

Спокойствіе тотчасъ же возстановилось въ Америкѣ и колонисты не скупились на выраженіе своей признательности метрополіи. Они рѣшились вознаградить убытки, показанные продавцами гербовой бумаги, предложили воздвигнуть статую Георгу III и лорду Чатаму. Послѣдняго называли геніемъ и ангеломъ-хранителемъ Великобританіи и Америки [1]).

III.

Парламентъ сдѣлалъ уступку только въ вопросѣ, о которомъ шло дѣло; взятіе назадъ билля сопровождалось объясненіемъ, которое въ принципѣ установляло безусловное подчиненіе колоній законодательной власти Англіи. Вскорѣ эту теорію попытались снова приложить на практикѣ.

Для начала, въ концѣ 1766 года, правительство попробовало обязать два Штата, Нью-Іоркъ и Нью-Джерси нѣкоторою поставкою для арміи, имѣвшею, впрочемъ, видъ совершеннаго налога; въ поставкѣ было отказано. Затѣмъ въ 1767 году, канцлеръ Таунзендъ, пользуясь болѣзненнымъ состояніемъ лорда Чатама (котораго Юніусъ [2]) называлъ «сумасшедшимъ, размахи-

---

[1]) Собственныя слова Джона Адамса въ его частныхъ запискахъ.

[2]) Псевдонимъ автора извѣстныхъ политическихъ писемъ, появлявшихся въ Лондонѣ съ 1769 по 1772 г. См. Remusat, l'Angleterre au XVIII siècle.

вающимъ своей клюкой»), предложилъ палатамъ утвердить чисто произвольный налогъ на чай, стекло, краски и бумагу—то, что извѣстно подъ именемъ таможеннаго закона. Мы видѣли, что этотъ же Таунзендъ поддерживалъ въ министерствѣ Гренвилля пренія о гербовой бумагѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которые встрѣчаются во всякую эпоху; имъ только бы властвовать, они, не задумываясь, переходятъ отъ вчерашняго министерства къ сегодняшнему, сами себя добровольно присуждаютъ къ безсрочной каторжной работѣ политики, оставляютъ въ исторіи грустную репутацію, и иногда увлекаютъ страну на путь плачевныхъ заблужденій.

Колонисты отказались платить чисто произвольный налогъ 1765 г.; они отказались нести и налогъ 1767 г., не менѣе произвольный. Виргинія и Массачузетсъ, тѣ самыя законодательныя собранія, которыя подали сигналъ къ противодѣйствію три года назадъ, подали его и теперь. По предложенію Массачузетса, англійскіе продукты вновь подверглись запрету. Достойныя сподвижницы отцевъ, мужей и братьевъ, женщины отказались отъ шелковыхъ издѣлій, лентъ, короче отъ всѣхъ предметовъ роскоши, которые шли въ Америку изъ метрополіи и за которые онѣ платили такъ дорого. Въ чайныхъ магазинахъ индѣйской компаніи чай гнилъ: американцы вмѣсто него употребляли листья малины, и хоть безъ сомнѣнія такой чай былъ не очень вкусенъ, но они пили его съ удовольствіемъ, зная что онъ купленъ не по англійской таксѣ.

Новый министръ, лордъ Нортъ (North) полагалъ, что будетъ довольно того, если онъ уничтожитъ всѣ налоги 1767 г., за исключеніемъ чайнаго (5 марта 1770 г.). Но американцы все продолжали держаться враждебно, и одинъ изъ нихъ, впослѣдствіи славный Вашингтонъ, но и въ то время уже извѣстный воинскими заслугами, постановилъ наконецъ вопросъ надлежащимъ образомъ: «О чемъ идетъ дѣло? О чемъ мы споримъ? Неужели о томъ, что намъ тяжело платить лишнихъ шесть су на фунтъ? Нѣтъ, мы стоимъ за свое право». Относительно этого пункта всѣ американцы были согласны, и это-то и придало величіе и значеніе ихъ противодѣйствію. Лордъ Нортъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не понять этого; и вотъ потому

то, что онъ это понималъ, онъ захотѣлъ заставить американцевъ уступить, употребивъ въ дѣло свою власть и силу Англіи. Лордъ Нортъ былъ самъ по себѣ очень пріятный человѣкъ, тонкій и остроумный въ обществѣ, но роковой министръ для своей страны; въ немъ есть нѣкоторое сходство съ однимъ государственнымъ человѣкомъ Франціи, жившимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія; ему точно также привелось довести своего государя до гибели. Во время американской борьбы, Георгъ III, приведенный въ отчаяніе неудачами, рѣшился кинуть престолъ и Англію; съ этою цѣлью онъ велѣлъ перемѣнить на всемъ свои знаки, ливреи, гербы и пр. Это разсказывалъ сынъ его Георгъ IV лорду Голланду.

Въ продолженіи шести лѣтъ, колонисты не переставали протестовать; распускали ихъ митинги, даже законодательныя собранія, но они не уступали. Англійскіе гарнизоны были усилены; дѣло наконецъ дошло до того, что американцы пріучились смотрѣть на солдатъ своей метрополіи какъ на чужихъ: произошли столкновенія, надъ красными мундирами насмѣхались, освистывали ихъ, бранили ихъ вареными омарами и пр. Въ 1769 г. нѣсколько бостонскихъ гражданъ издали «воззваніе ко всѣмъ»; правда это была безплодная попытка, но она предвѣщала появленіе другихъ воззваній, которыя должны были подѣйствовать. Нашлись и вожди, достойные руководить этимъ народомъ, стоявшимъ за свою свободу: Джонъ Адамсъ, Ганкокъ, Варренъ, Рандольфъ, Джефферсонъ, Гамильтонъ, Франклинъ, Самуэль Адамсъ. Англичане назвали послѣдняго зажигателемъ, а исторія краснорѣчивымъ, безтрепетнымъ, безкорыстнымъ апостоломъ американской революціи. Но не было славнаго вождя, подавшаго первый сигналъ къ борьбѣ, Джемса Отиса. Правда, онъ жилъ еще физически, но давно уже сошелъ съ ума, вслѣдствіе удара въ голову, полученнаго отъ одного изъ таможенныхъ коммисаровъ, которыхъ онъ такъ краснорѣчиво обличалъ. И странная его судьба: онъ былъ убитъ молніей во время грозы. Это безпорочное имя мало извѣстно; но это былъ одинъ изъ тѣхъ гражданъ, которые способны пожертвовать своимъ убѣжденіямъ всѣми благами міра, званіемъ, положеніемъ, бо-

гатствомъ, когда этого требовалъ долгъ ради чести, спасенія, свободы родной страны.

Однако одинъ изъ вождей, имя котораго мы упоминали, употреблялъ въ Лондонѣ отчаянныя усилія, чтобъ получить отъ Георга III и парламента то законное удовлетвореніе, котораго требовали колонисты. Мы говоримъ о Веньяминѣ Франклинѣ, делегатѣ при англійскомъ правительствѣ отъ Массачузетса, Нью-Джерси и Георгіи.—Онъ былъ сынъ ремесленника, въ дѣтствѣ заработывалъ хлѣбъ на свѣчныхъ заводахъ, гдѣ лилъ сало, потомъ сталъ ученикомъ у ножевщика, затѣмъ наборщикомъ въ типографіи, гдѣ день работалъ, а по ночамъ читалъ лучшія произведенія древнихъ и новыхъ писателей, самъ выучился нѣсколькимъ языкамъ и умѣривалъ себя въ пищѣ для того чтобъ купить Локка, Аддисона, Ксенофонта и Паскаля. Наконецъ онъ сталъ въ состояніи издавать журналъ, завелъ типографію, бумажную мельницу и издалъ альманахъ, до сихъ поръ еще распространенный въ Соединенныхъ Штатахъ: Наука дяди Ричарда. Въ сорокъ-два года онъ пріобрѣлъ достатокъ и посвятилъ себя наукѣ, политикѣ и заботамъ о благѣ своихъ согражданъ. Основывая библіотеки, академіи, больницы, онъ находилъ еще время печатать любопытныя замѣтки о разницахъ температуры морской воды, о различныхъ звукахъ, производимыхъ стекломъ при различныхъ условіяхъ [1]) изобрѣлъ превосходную систему отопленія [2]) и произвелъ, съ опасностью жизни, рядъ превосходныхъ опытовъ надъ электричествомъ, главнымъ образомъ при помощи змѣя. [3]) Онъ достигъ громадной репутаціи и былъ членомъ почти всѣхъ ученыхъ обществъ въ Европѣ. Въ эту эпоху, будучи представителемъ своихъ согражданъ въ Лондонѣ, онъ былъ еще заклятымъ сторонникомъ тѣснаго соединенія съ Англіей и сравнивалъ британскую имперію съ дорогой фарфоровой вазой, которая все потеряетъ, если отломить отъ нея кусокъ. Онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы установить

[1]) Изобрѣтеніе гармоники.

[2]) Камины—poêles.

[3]) Обо всемъ, что касается Франклина см. ниже очеркъ Эд. Лабулэ.

доброе согласіе между Англіей и Америкой: слово, перо, связи, дружественныя отношенія, конечно такъ, чтобы нескомпрометтировать ни своего собственнаго достоинства, ни, особенно, достоинства своихъ согражданъ. Онъ все еще надѣялся дать англійскому правительству почувствовать всю несправедливость таможеннаго закона и напечаталъ, какъ-бы отъ прусскаго короля, указъ, которымъ налагались пошлины на англичанъ, какъ на потомковъ переселенцевъ изъ его владѣній; въ другой брошюрѣ, исполненной ироніи и здраваго смысла, онъ показываетъ, какимъ образомъ изъ великой имперіи можно сдѣлать небольшое государство. Но, съ другой стороны, когда ему попались въ руки письма, въ которыхъ губернаторъ Массачузетса совѣтовалъ Георгу III употребить силу, онъ донесъ на губернатора своимъ согражданамъ, преслѣдовалъ его въ судѣ и не моргнувъ глазомъ выслушивалъ безсовѣстнаго защитника своего противника, продажнаго адвоката, [1]) ограничиваясь только тѣмъ, что «при всякой обидѣ подималъ плеча, чтобъ показать, что оскорбленіе прошло мимо и не задѣло его». Онъ оставался столь-же нечувствительнымъ и къ нападкамъ англійской печати и къ потерѣ очень доходнаго мѣста, которое нѣкогда принялъ [2]). Онъ все еще не терялъ надежды на соглашеніе, какъ вдругъ новыя притѣсненія англичанъ вызвали со стороны американцевъ горячее противодѣйствіе.

IV.

16 декабря 1773 года, нѣсколько бостонскихъ гражданъ, переодѣтыхъ могиканами, неожиданно взошли на англійскія суда, только что прибывшіе въ портъ съ чаемъ и побросали въ море триста сорокъ ящиковъ чаю индѣйской компаніи, цѣною около 450000 франковъ. Англійское правительство тотчасъ же от-

---

[1]) Виддеборнъ.

[2]) Главнаго начальника американскихъ почтъ.

мѣнило Массачузетскую хартію, подвергло Бостонскій портъ запрету и блокадѣ городъ. Генералъ Гегъ (Gage) явился съ четырьмя полками, учредилъ настоящую диктатуру и уничтожилъ или отмѣнилъ на нѣкоторое время привилегіи Штатовъ и частныхъ лицъ. Франклинъ, по порученію своихъ согражданъ, напрасно предлагалъ законное вознагражденіе. Англія требовала не вознагражденія, а пассивнаго повиновенія. Колоніи не подчинились и всѣ, принявъ великій проектъ 1765 года, послали въ Филадельфію своихъ представителей для образованія всеобщаго конгресса [1]) (исключая Георгіи).

Конгрессъ открылся объявленіемъ правъ американцевъ. Затѣмъ онъ послѣдовательно отвергъ законодательную власть парламента въ примѣненіи къ Америкѣ, воспретилъ торговлю съ метрополіей, согласился на формированіе ополченія и устройство военныхъ складовъ. Но при всемъ томъ, онъ во всѣхъ своихъ прокламаціяхъ: къ американцамъ, къ палатамъ, къ англійской націи, въ адресахъ королю, не переставалъ утверждать, что колонисты всегда будутъ смотрѣть на соединеніе съ метрополіей, какъ на источникъ своей славы и своего блага, но только подъ условіемъ сохраненія своихъ свободныхъ учрежденій. Если и находились люди, которые, какъ Самуэль и Джонъ Адамсы, уже недовольствовались этимъ, или, какъ Генри Патрикъ, «были уже не виргинцы, а американцы», то такіе люди какъ Вашингтонъ, Дикинсонъ и большая часть колонистовъ одобряли заявленія въ вѣрности конгресса. Идея независимости лишь мало по малу возрождалась въ ихъ умахъ и Англія могла бы еще во время удержать въ вѣрности своихъ подданныхъ. Лордъ Чатамъ, Вилькесъ и Боркъ (Wilkes, Burke) безпрестанно говорили это лордамъ и членамъ палаты общинъ. Пылкій Вилькесъ говорилъ имъ: «Вы хотите наказать американцевъ, какъ бунтовщиковъ. Но находятся ли они въ настоящее время въ положеніи бунтовщиковъ, или людей надлежащимъ образомъ и по справедливости противящимся такимъ поступкамъ власти, которыя оскорбляютъ конституцію и угрожаютъ собственности и

---

[1]) 5 сентября 1774 года.

свободѣ? Сопротивленіе, увѣнчавшееся успѣхомъ, не бунтъ, а революція. Слово «бунтовщикъ» написано на спинѣ бѣгущаго инсургента; слово «революція» на груди торжествующаго воина. Кто знаетъ, въ отвѣтъ на наши безумныя угрозы, не бросятъ ли американцы прочь ножны, извлекши изъ нихъ шпагу и, черезъ немного лѣтъ, не будутъ ли также праздновать славную эпоху революціи 1775 года, какъ мы празднуемъ нашу эру 1688 года!» Пророческія слова, которыя нельзя читать безъ душевнаго волненія, когда знаешь, въ какой мѣрѣ осуществило ихъ будущее! Но ни министръ, ни парламентъ не отказались отъ своей политики; запретительный билль объявилъ вольнымъ призомъ всякое американское судно и всякаго рода американскую собственность. Когда лордъ Чатамъ предложилъ верхней палатѣ проектъ примиренія и народнаго соглашенія, составленный въ согласіи съ Франклиномъ, онъ собралъ только тридцать два голоса, а Георгъ III къ несправедливости прибавилъ еще насмѣшку, велѣвъ совершать молитвы и торжественное говѣніе для того, чтобы призвать на Англію благословеніе неба. Однако въ парламентѣ нашелся человѣкъ, заклеймившій словомъ такое поношеніе: «Какъ, вскричалъ Боркъ, призывать насъ къ подножію алтарей съ войною и мщеніемъ въ сердцѣ! Спаситель сказалъ: да будетъ миръ съ вами! Но мы совершаемъ торжественное говѣніе, имѣя въ сердцѣ и на устахъ одну войну, войну противъ братьевъ. Пока наши церкви не будутъ очищены отъ этой омерзительной службы, я на нихъ буду смотрѣть не какъ на храмы Господа, а какъ на синагоги сатаны!» Боркъ былъ правъ.

Въ апрѣлѣ 1775 года англичане отправили отрядъ въ Лексингтонъ, чтобы захватить Самуэля Адамса и въ Конкордъ, чтобъ завладѣть складами военныхъ запасовъ. Войска эти, подъ начальствомъ полковника Смита, были застигнуты врасплохъ американцами, принуждены отступать по лѣсистой мѣстности, гдѣ за каждымъ деревомъ сидѣлъ искусный стрѣлокъ, обращены въ бѣгство и искали спасенія въ Бостонѣ. Побѣдители, преслѣдуя ихъ, подошли чуть не подъ пушки цитадели, которую въ скоромъ времени осаждали уже двадцать тысячъ чело-

вѣкъ. Объ этой схваткѣ разсказывалъ генералъ Лафайетъ императору Наполеону. Это была одна изъ тѣхъ схватокъ, которыя иногда рѣшаютъ судьбу народовъ. Презрѣнная милиція разбила регулярныя войска метрополіи; но лордъ Чатамъ прежде еще говорилъ: «министры похваляются, что не боятся необученной милиціи; я больше всего боюсь вольной милиціи;» слова эти оправдала тогда Америка; эти слова скоро пришлось оправдать Франціи еще блистательнѣе. Имени Лексингтона въ исторіи соотвѣтствуетъ имя другаго безсмертнаго дня, тоже простой схватки, пушечной пальбы если хотите, но такой, которая тоже освятила революцію, имя Вальми. Точно также при Вальми милиція, но милиція изъ свободныхъ людей, солдаты со вчерашняго дня съ импровизированными генералами, заставила отступить самыя пресловутыя войска въ Европѣ, своей мужественной стойкостью привела въ изумленіе учениковъ великаго Фридриха и, вмѣстѣ съ отечествомъ, спасла дѣло 1789 года.

Однако послѣ побѣды, какъ и до побѣды, американцы не переставали объявлять о томъ, что они согласны изъявить покорность метрополіи на извѣстныхъ условіяхъ; образовался второй конгрессъ [1]); онъ говорилъ точно тѣмъ же языкомъ, какъ и первый. «Не въ нашихъ намѣреніяхъ разрывать связь, существующую испоконъ вѣку между Англіей и нами. Мы сражаемся не съ желаніемъ отдѣлиться отъ Великобританіи, ища славы и побѣды. Мы представляемъ удивленному міру зрѣлище народа, на который напали, безъ всякаго повода, безъ причиненнаго имъ оскорбленія, безъ вызова, враги, хвалящіеся гуманностью и цивилизаціей, не предлагающіе намъ никакихъ другихъ условій, кромѣ рабства или смерти... Мы молимъ верховнаго и нелицепріятнаго Судью, управляющаго вселенной, да обратитъ Онъ сердца нашихъ противниковъ на разумное примиреніе, избавивъ имперію отъ бича междуусобной войны.» И такъ, для колонистовъ, это все еще была братоубійственная война. Какимъ же образомъ Англія не слышала этихъ многократныхъ

---

[1]) 10 мая 1775 г.

и трогательныхъ призывовъ къ согласію? Какимъ образомъ мать оставалась глухою къ мольбамъ своихъ сыновъ? Бываютъ времена, когда страсти не позволяютъ правительствамъ, а что еще печальнѣе, народамъ, ни видѣть, ни слышать; это страшныя времена и они предвѣстники революцій.

Англійское правительство, болѣе чѣмъ когда-либо раздраженное послѣ Лексингтонскаго дѣла, не погнушалось для того, чтобы набрать солдатъ, заключать неблагородные трактаты съ мелкими нѣмецкими владѣтелями, которые за наличныя деньги продавали ему кровь своихъ подданныхъ. Платилось: 30 талеровъ за человѣка, 30 талеровъ за каждаго убитаго, 30 талеровъ за каждаго три раза изувѣченнаго. Оно дошло до того, что обратилось за помощію къ дикимъ. Но они чрезвычайно здраво отвѣчали: «вы хотите, чтобы мы приняли участіе въ розни между отцомъ и дѣтьми; у насъ не въ обычаѣ мѣшаться въ чужія домашнія ссоры.» «Но если мятежники нападутъ на эту провинцію, вы развѣ не поможете намъ ихъ прогнать?» Съ тѣхъ поръ, какъ заключенъ миръ, сѣкира зарыта на сорокъ футовъ въ землю. «Ройте и найдете ее.» Нѣтъ, рукоятка сгнила и съ сѣкирой нечего дѣлать.» Другіе говорили: «Слушайте, мы отложили 16 шиллинговъ чтобы купить рому; мы вамъ ихъ отдадимъ и будемъ пить воду; мы станемъ охотиться и, если убьемъ звѣря, продадимъ его шкуру и принесемъ къ вамъ деньги, которыя за нее выручимъ».

Лордъ Чатамъ клеймилъ горячо и краснорѣчиво политику, заставившую прибѣгнуть къ помощи такихъ союзниковъ. Онъ предчувствовалъ и объявлялъ уже во всеуслышеніе торжество Америки.

«Накопляйте, говорилъ онъ верхней палатѣ, накопляйте сколько угодно издержки, барышничайте, заключайте торги съ мелкими бѣдными германскими владѣтелями, которые продаютъ и отправляютъ своихъ подданныхъ на бойни иностраннаго государя; вы это можете дѣлать, но вы не подчините своему игу Америку.... Еслибы я былъ американцемъ, я не сложилъ бы оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ иностранный солдатъ ступалъ ногою по землѣ моей страны». Далѣе онъ

упрекалъ правительство въ томъ, что оно соединило свое оружіе «съ томагавкомъ и сѣкирою дикихъ».... И когда лордъ Суффолькъ дерзнулъ прервать его слѣдующими словами: «Мы могли безъ стыда пользоваться тѣми средствами, которые Богъ и природа дали намъ въ руки», онъ, взволнованный негодованіемъ, бросилъ ему въ лицо слѣдующій отвѣтъ: «Какія понятія о Богѣ и природѣ имѣетъ благородный лордъ? Какимъ образомъ дерзаетъ онъ оправдывать божескимъ закономъ эту низость призвать на помощь убійцъ и канибаловъ, которые пытаютъ, рвутъ на части, пожираютъ своихъ жертвъ и дѣлаютъ себѣ трофеи изъ ихъ волосъ». Затѣмъ онъ повернулся къ портретамъ знаменитыхъ англичанъ, украшавшихъ залу и продолжалъ: «между этими портретами, я вижу безсмертнаго предка благороднаго лорда, которому я отвѣчаю; я вижу, лордъ Эффингамъ, славный разрушитель Армады, содрагается отъ негодованія; напрасно же онъ защищалъ религію и свободу Великобританіи противъ тираніи Рима, если ужасы, болѣе грѣховные чѣмъ ужасы инквизиціи введены къ намъ и освящены нами. Вы посылаете такихъ же канибаловъ, но другой крови, противъ кого? противъ вашихъ братьевъ протестантовъ!.... Пусть Испанія, въ рядахъ которой ходили пріученыя къ войнѣ собаки, не хвалится своимъ верховенствомъ въ дѣлѣ варварства, потому что мы спустили съ цѣпи иныхъ собакъ противъ нашихъ соотечественниковъ! Пусть высшее духовенство учредитъ очистительную церемонію, чтобъ снять съ нашей страны подобное пятно. Милорды, я старъ и изнуренъ, но я не могъ бы сомкнуть глазъ, еслибы не высказалъ своего негодованія». Такъ говорилъ подъ сводами Вестминстера этотъ сановитый старецъ, грозный ораторъ, голову котораго Горасъ Вальполь называлъ головою древней Горгоны, но усаженною штыками и пистолетами. Многое простится человѣку, который нашелъ въ своемъ сердцѣ такіе звуки для защиты угнетенныхъ противъ ихъ же согражданъ—притѣснителей, и я читая его, почти готовъ позабыть, что лордъ Чатамъ былъ самымъ постояннымъ, самымъ жестокимъ врагомъ моей родной страны, позабыть за то только, что онъ хоть одинъ разъ (противъ самого себя, я

знаю это) дѣйствовалъ заодно съ Франціей для защиты благороднѣйшаго дѣла!

Но такъ думали только лордъ Чатамъ и нѣкоторые изъ его политическихъ друзей. Король, парламентъ, англійскій народъ были ослѣплены гордостью и, послѣ успѣха при Бенкерсъ-Гиллѣ (Bunkers-Hill) [1]), генералъ Гоу, подъ начальствомъ котораго находилось до 55000 человѣкъ, получилъ приказаніе дѣйствовать энергически.

Тогда установилось соединеніе колоній; Георгія примкнула къ остальнымъ Штатамъ; конгрессъ декретировалъ выпускъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ; организацію и начальство надъ центральной арміей довѣрилъ полковнику Вашингтону, который отличился еще въ семилѣтнюю войну. Это былъ человѣкъ съ большимъ здравымъ смысломъ, энергическій, но въ то же время хладнокровный, храбрый и, когда нужно, на рѣдкость отважный на полѣ сраженія; онъ обладалъ въ высшей степени даромъ внушать къ себѣ преданность и довѣріе; былъ прямъ, чрезвычайно простъ и скроменъ и пріобрѣлъ популярность, не гоняясь за нею. Будучи сначала членомъ Виргинскаго законодательнаго собранія, затѣмъ членомъ конгресса, онъ въ обѣихъ этихъ палатахъ пріобрѣлъ значительное вліяніе, но не рѣчами, въ которыхъ онъ былъ робокъ и стѣснялся, а «основательнымъ знаніемъ дѣла и здравымъ сужденіемъ» [2]). Однако Вашингтонъ не безъ колебанія принялъ на себя трудныя обязанности главнаго начальника американскихъ войскъ; онъ объявилъ публично, что считаетъ себя ниже этой задачи, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ выполнить ее на сколько возможно, но что проситъ конгрессъ помогать ему въ этомъ. Онъ отказался отъ всякаго жалованья, и сохранилъ только за собою право по окончаніи войны отдать отчетъ во всѣхъ издержкахъ, сдѣланныхъ для государства. Конгрессъ обѣщалъ помогать ему «подъ страхомъ жизни и имущества каждаго изъ своихъ членовъ» и только предписалъ ему (на эти выраженія слѣдуетъ обратить вни-

---

[1]) 16 іюня 1775 г.

[2]) Слова одного изъ его товарищей, Патрика Генри.

маніе) заботиться о томъ, «чтобы американскія вольности не потерпѣли ущерба». Такимъ языкомъ слѣдуетъ говорить свободному народу своему уполномоченному. Вашингтонъ былъ достоинъ понимать его. Этой похвалы достаточно для его славы.

Въ то время, когда конгрессъ дѣйствовалъ какъ правительство независимаго государства, одинъ талантливый публицистъ, англичанинъ родомъ, сперва бывшій ремесленникомъ, именно корсетнымъ мастеромъ, потомъ школьнымъ учителемъ, затѣмъ стихотворцемъ и наконецъ журналистомъ, печатно возбуждалъ колонистовъ сдѣлать послѣдній шагъ по тому пути, на который они вступили. Это былъ Томасъ Пэнъ, бывшій впослѣдствіи членомъ французскаго національнаго конвента [1]) который отказался подать голосъ за казнь Людовика XVI, потому что, говорилъ онъ, этотъ государь освободилъ Америку. Въ своей брошюрѣ, озаглавленной характеристическимъ именемъ здравый смыслъ, Пэнъ говорилъ открыто и прямо. Онъ доказывалъ, что всѣ связи порваны, что нужно называть вещи настоящимъ именемъ. Онъ говорилъ: англичане, вы рабы; станьте американцами, свободными гражданами независимаго государства. Эта маленькая книжка, отпечатанная всего въ числѣ пяти тысячъ экземпляровъ, была каплею, которая переполнила сосудъ черезъ край.

Въ конгрессѣ начались бурныя пренія и, не смотря на все еще значительное разномысліе и на живое противодѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ, по предложенію сэра Генри Ли, было рѣшено образовать комитетъ изъ Франклина, Джефферсона, Джона Адамса, Рожера Шермана и Филиппа Ливингстона, который долженъ былъ составить торжественное объявленіе независимости. Этотъ славный актъ, большая часть котораго есть дѣло Джефферсона, исправленный конгрессомъ [2]), былъ обнародованъ 4-го іюля 1776 года. Онъ есть полное величія и простоты изложеніе правъ человѣка и гражданина; ученія, заклю-

---

1) Онъ былъ представитель Па-де-Калэ.

2) Конгрессъ исключилъ одинъ параграфъ, какъ оскорбительный для Англіи и другой, касавшійся отмѣны рабства, для того, чтобъ не устрашить Южные Штаты.

чающіяся въ немъ и, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, фразеологія XVIII вѣка перемѣшана въ немъ съ тѣми принципами конституціоннаго правленія, которые колонисты научились уважать въ Англіи и которые Англія нарушила въ лицѣ ихъ.

Въ началѣ провозглашается равенство всѣхъ и верховная власть народа, это основаніе колоніальныхъ управленій: «Мы признаемъ за очевидную истину, что всѣ люди созданы равными, съ правами неотчуждаемыми; что въ числѣ этихъ правъ заключается жизнь, свобода, стремленіе къ счастію и что только для обезпеченія этихъ правъ учреждается правленіе, законная власть котораго проистекаетъ изъ согласія народа; что всякій разъ народу надлежитъ, когда форма правленія станетъ противорѣчить своей конечной цѣли, измѣнять ее или отмѣнять и основать новую опору на этихъ принципахъ...» Американцы не скрывали отъ себя, какія опасности могло бы навлечь на общество частное приложеніе подобнаго принципа... «Благоразуміе, говорили они, предписываетъ не мѣнять разъ установленнаго правленія изъ за причинъ суетныхъ и преходящихъ...», но, прибавляли они,... «всякій разъ, когда долгій рядъ злоупотребленій и противузаконныхъ притязаній, направленныхъ къ одной и той-же цѣли, показалъ намѣреніе привести людей къ подчиненію безусловному деспотизму, тогда долгъ ихъ... (здѣсь выраженія пріобрѣтаютъ поразительную твердость)... долгъ ихъ разрушить подобную форму правленія и, посредствомъ новыхъ учрежденій, промышлять о собственной безопасности..» Далѣе, американцы перечисляютъ всѣ обиды, все неправосудіе метрополіи, свои безполезныя попытки къ примиренію, съ которыми они обращались къ королю, къ парламенту, къ англійскому народу; наконецъ, призывая Бога въ свидѣтели постоянной прямоты своихъ намѣреній, они объявляютъ себя независимыми «взаимно отдавая счастіе, имущество и жизнь въ залогъ опоры объявленію.»

Тринадцать Штатовъ составили федеративную республику. Даны были обширныя полномочія конгрессу: вѣдать всѣ дѣла, право заключать займы, организовать флотъ и армію. Каждый изъ тринадцати Штатовъ учредилъ у себя отдѣльное управленіе

изъ двухъ палатъ. Объявленіе о независимости было послано къ англійскому правительству и ко всѣмъ государямъ Европы.

V.

Тогда война сдѣлалась общею, но американцы вели ее не съ такимъ успѣхомъ, какъ въ началѣ. Генералъ Гоу долженъ былъ очистить Бостонъ, но Нью-Іоркъ, Нью-Джерси, Родъ-Эйландъ были взяты и разграблены англичанами. Въ Канадѣ два отрядныхъ начальника Вашингтона были разбиты и одинъ изъ нихъ, Монгомери, убитъ. Денегъ не хватало, въ арміи царилъ недостатокъ дисциплины; солдаты оставались подъ знаменами только извѣстное время и иногда расходились по домамъ не дождавшись тѣхъ, которые должны были ихъ смѣнить въ войскѣ. Впрочемъ, едва-ли они и признавали власть главнаго генерала; слушались только своихъ офицеровъ и часто дрались дурно. Самъ конгрессъ былъ не непрерывный; власть его не признавалась; онъ не имѣлъ права ни прямо набирать войска, ни опредѣлять вносъ каждаго Штата. Каждый изъ Штатовъ вносилъ по охотѣ и всегда недостаточно. Въ каждомъ существовала сильная партія лойялистовъ, жаркихъ противниковъ независимости; это была американская Вандея, но тѣмъ болѣе опасная, что была распространена повсюду. Энергія, таланты Вашингтона, оставались безъ дѣла; ему приходилось терять время на успокоеніе мелкихъ страстей, удовлетвореніе враждовавшаго самолюбія и Богъ знаетъ на что еще. Напримѣръ, ему пришлось разъ отвѣчать на жалобы жены одного пастора, которая негодовала на то, что онъ между другими не пригласилъ ее къ своему столу, какому-то бѣшенному адвокату, который жаловался на то, что онъ только полковникъ милиціи. Въ корреспонденціи Вашингтона множество подобныхъ вещей. Два сраженія: при Трентонѣ и при Принцъ-Таунѣ [1]) выигралъ самъ генералъ, но было очевидно, что такое положеніе дѣлъ не можетъ долго продолжаться или что американцы падутъ.

---

[1]) 26-го декабря 1776 г. и 2-го января 1777 года.

27-го декабря 1776 года Вашингтонъ былъ облеченъ властью диктатора. Онъ тотчасъ-же провозгласилъ необходимость противупоставить непріятелю правильную и постоянную армію [1]), но тотчасъ-же объявилъ, что подобное довѣріе со стороны его согражданъ нисколько не освобождаетъ его отъ гражданскихъ обязанностей: «Я всегда буду помнить, говорилъ онъ, что оружіе, къ которому мы прибѣгли въ послѣдней крайности для защиты нашей свободы, должно быть положено, когда эта свобода твердо установится». Его даже обвиняли въ притязаніяхъ на королевскую корону; впослѣдствіи онъ опровергъ и это обвиненіе не словами. Впрочемъ долгое время его диктатура была лишь тѣнью власти; она не помѣшала американцамъ, вслѣдствіе безпорядковъ, быть разбитыми на Брандивинѣ (Brandywine) и при Германъ Тоунѣ и конгресъ долженъ былъ бросить Филадельфію, въ которую и вступили англичане. Въ тоже время Клинтонъ и Корнваллисъ заняли Южную Королину. Дѣло американцевъ казалось было потеряно и Георгъ III уже торжествовалъ побѣду, какъ вдругъ неблагоразумныя операціи англійскаго генерала Бургоина (Burgoyne) дали американцамъ возможность одержать побѣду, которая, можно сказать, рѣшила будущность Соединенныхъ-Штатовъ. Этотъ Бургоинъ острякъ, любезный человѣкъ, придворный генералъ и съ полнѣйшимъ презрѣніемъ смотрѣвшій на своего противника, генерала Гатеса, (Gates) котораго называлъ старою повивальною бабкою, дозволилъ окружить себя у Соратоги, на мѣстности, избранной польскимъ офицеромъ Косцюшко, и долженъ былъ сдаться съ шестью тысячами человѣкъ [1]). Въ матеріальномъ отношеніи,

---

[1]) „Нужно, говорилъ онъ, брать страсти людей таковыми, какими имъ ихъ дала природа и вести себя, руководствуясь принципами, которыми наставляются ихъ дѣйствія. Это не значитъ, что я исключаю важную идею патріотизма...; но я смѣю утверждать, что ему одному не поддержать значительной и продолжительной войны, что нужны въ перспективѣ интересъ и вознагражденіе. Патріотизмъ самъ по себѣ можетъ многое сдѣлать, многое вынести и, нѣкоторое время преоборать большія трудности, но это дѣло не продолжится, если интересъ не поспѣшитъ къ нему на помощь.“

этотъ успѣхъ не имѣлъ большихъ результатовъ. Побѣдитель нашелъ, что можно возвратить свободу всѣмъ плѣнникамъ, пожелавшимъ возвратиться въ Европу, подъ условіемъ не служить противъ Америки и удовольствовался тѣмъ, что отплатилъ Бургоину тоюже монетой: «Генералъ, сказалъ онъ ему, вы должны согласиться, что я порядочная повивальная бабка, потому, что я у васъ принялъ шесть тысячь человѣкъ.» Но въ Европѣ, особенно во Франціи, извѣстіе о Саратогской капитуляціи было принято съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ, что было совершенною неожиданностью. Вся оборотная сторона американскихъ дѣлъ была изглажена въ общественномъ мнѣніи этимъ днемъ; объявленію о независимости стали удивляться; пошли далѣе, стали вѣрить счастливой судьбѣ новаго государства, успѣхами котораго оправдывали его поспѣшныя рѣшенія; начали вѣрить въ его будущность. Новая республика, показала что она уже можетъ стать грозною для своихъ враговъ; пройдя испытанія, она нашла друзей, нашла опору. Великій урокъ для народовъ, которые умѣютъ смѣть! Исторія еще никогда не изобличала въ лжи старую пословицу: Помогай себѣ самъ и Богъ тебѣ поможетъ.

VI.

Для того, чтобы подать помощь американцамъ, нужно было чтобы они или сами попросили ея, или по крайней мѣрѣ ее допустили. Но, казалось, они были мало расположены къ этому. Съ ревнивымъ и глубокимъ инстинктомъ свободы, который отцы наши возъимѣли съ тѣхъ поръ, они отстраняли всякое вмѣшательство иностранцевъ въ свои дѣла—въ семейную роспрю; всѣ оффиціальные и тайные агенты европейскихъ дворовъ подтверждали это [1]). Если американцы уже въ самомъ принципѣ отвергали всякое вмѣшательство, то тѣмъ менѣе они были рас-

[1]) 17 октября 1777 года.

[1]) Полковникъ Кальбъ, посланникъ при Шуазелѣ въ 1766 г.; де-Бонвулуаръ, посланникъ при де-Верженнѣ въ 1775 году.

положены принять помощь отъ страны, съ которой они постоянно находились во враждѣ и отъ которой все ихъ раздѣляло. Вотъ что писалъ Франклинъ, съ 1767 года предметъ всякаго рода любезной предупредительности со стороны французскаго посланника въ Лондонѣ при министерствѣ Шуазеля, человѣка, для котораго возмущеніе колоній было предметомъ самыхъ горячихъ желаній: «Я воображаю себѣ, что этой интригующей націи было-бы очень пріятно вмѣшаться въ наши дѣла и раздувать огонь между Великобританіей и ея колоніями; но я надѣюсь, что мы не доставимъ ей этого удовольствія.»

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ то самое время, когда наше правительство отправляло въ Америку оружіе и военные припасы, Вашингтонъ отрицалъ чистосердечіе нашихъ симпатій къ дѣлу колонистовъ и думалъ, что Франція руководится единственно коммерческими интересами. Точно также, когда нѣкоторое небольшое число волонтеровъ переплыло Атлантическій океанъ съ цѣлью вступить въ службу Филадельфійскаго конгресса, пріемъ былъ не только крайне сдержанный, но и недовѣрчивый. Безъ сомнѣнія, въ числѣ этихъ волонтеровъ находились авантюристы, но между ними были и такіе граждане, которые въ благородномъ порывѣ сердца, явились добровольно предложить угнетеннымъ шпагу, имущество и жизнь.

При первомъ извѣстіи о распрѣ между Англіей и Америкой, трое молодыхъ людей, трое друзей, три человѣка, носившіе самые громкіе имена во Франціи — маркизъ де-Лафайетъ, виконтъ де-Ноайль (Noailles) и графъ де-Сегюръ поклялись идти на защиту жертвъ деспотизма и британской гордости. Лафайетъ уѣхалъ первый. «Узнавъ на мѣстѣ эту распрю, говорилъ онъ потомъ, я почувствовалъ, что мое сердце завербовано и я ни о чемъ другомъ не помышлялъ, какъ о томъ, чтобы стать подъ это знамя.» Девятнадцати лѣтъ онъ покидаетъ блестящее общество, гдѣ ждали его всѣ удачи счастія и пріятности жизни; недавно женившись, онъ оставилъ беременную жену, женщину, какъ оказалось героическую и достойную его. Онъ не обратилъ вниманія на запреты со стороны своего семейства, на приказаніе двора, ускользнулъ отъ секретныхъ писемъ и посланцевъ Морепа и, переодѣвшись курьеромъ отплылъ на суднѣ, снаряжен-

нымъ на собственныя средства. По прибытіи въ Америку, ему приходится сдѣлать около 300 лье до Филадельфіи; онъ дѣлаетъ ихъ почти не разуваясь и пишетъ конгресу: «Мои жертвы даютъ мнѣ право на двѣ милости: служить на собственный счетъ и начать службу волонтеромъ». — Благородный первый шагъ существованія, отданнаго свободѣ, одной изъ величайшихъ, или, что ещебольше значитъ, одной изъ чистѣйшихъ жизней, которыя можетъ чтить Франція!—И однако такого человѣка приняли холодно; государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ медлилъ его принятіемъ въ число добровольныхъ защитниковъ американской свободы; Вашингтонъ смотрѣлъ на него съ недовѣріемъ, но конгрессъ сталъ выше и, во вниманіе къ его званію и блеску его имени, назначилъ его генералъ-маіоромъ въ армію. Вашингтонъ удивился, почти обидѣлся этимъ, но скоро полюбилъ молодаго генерала за его скромность, прямодушіе, преданность дѣлу, блестящія и прочныя достоинства. Съ своей стороны Лафайетъ дѣлалъ все, чтобъ разрушить несправедливыя подозрѣнія и недовѣріе американцевъ; въ это время насилія англичанъ уже ослабили боязнь иностраннаго вмѣшательства и съ 1776 года былъ учрежденъ комитетъ для сношеній «съ друзьями въ Англіи, въ Ирландіи и въ другихъ частяхъ свѣта»; наконецъ ненависть угнетателей возмутила естественную гордость американцевъ и другія чувства. Было рѣшено, чтобъ было отправлено посольство въ Версаль просить помощи у французскаго правительства.

VII.

Людовикъ XVI только что вступилъ на престолъ. Повидимому изъ всѣхъ государей, онъ менѣе другихъ былъ способенъ поддерживать возстаніе американцевъ какъ по своему положенію въ качествѣ неограниченнаго властителя и по убѣжденіямъ людей, его ограждавшихъ, такъ и настроенію собственнаго семейства, своей молодой жены Маріи-Антуанетты, наконецъ по собственному характеру, робкому и нерѣшительному. Его первый министръ, де-Морепа, пустой старикъ, не былъ въ состоя-

ніи понять все величіе американскаго дѣла и даже тотъ человѣкъ, на котораго скорѣе всего можно было бы разсчитывать, человѣкъ, въ 1750 г. предсказавшій возмущеніе американскихъ колоній, однимъ словомъ Тюрго, въ настоящее время озабоченный состояніемъ финансовъ, и занятый своими великими проектами внутреннихъ реформъ, боялся, что война отсрочитъ ихъ исполненіе. Но, чудное дѣло! въ эту распрю вмѣшалъ таки и это правительство и это министерство человѣкъ, у котораго была только сила ума да воли. Мы говоримъ о Бомарше. Онъ былъ сынъ часовщика, прославился умомъ и ученостью еще за отцовскимъ прилавкомъ, сдѣлался потомъ учителемъ на гитарѣ у незаконныхъ дочерей Людовика XV (Mesdamee filles) и сталъ вдругъ блестящимъ писателемъ. Въ Севильскомъ Цирюльникѣ онъ напалъ на породу доновъ Базиліо и Альмавивъ, явился мстителемъ за французскую магистратуру, осмѣявъ Гецмановъ и парламентъ Мопу. Этому безсмертному произведенію Франція никогда не перестанетъ удивляться, потому что оно вступается за два великихъ дѣла: права меньшихъ, не унаслѣдовавшихъ ничего въ этомъ мірѣ, и права мысли. Бомарше, къ которому былъ расположенъ и Морепа, во всѣхъ любившій умъ, получаетъ согласіе отъ министра на милліонъ франковъ для основанія обширнаго предпріятія, въ которомъ вскорѣ приняла участіе вся Европа, предпріятія имѣвшаго цѣлью доставлять американцамъ оружіе и военные снаряды. Прибавимъ однако, что въ этомъ дѣлѣ Бомарше руководился не однимъ великодушіемъ. Съ тою же страстью, съ которою онъ издѣвался надъ испорченностью XVIII вѣка и надъ пороками стараго режима, онъ любилъ деньги, удовольствія, а главное, шумъ. Аферистъ, интриганъ, самъ настоящій Фигаро, онъ, осыпая Людовика XVI и его министра просьбами и записками въ пользу американцевъ, въ той же мѣрѣ руководился собственными интересами, какъ и влеченіями благороднаго сердца.

Такимъ образомъ наше правительство, хотя и непрямо, впуталось въ распрю. Отсюда было уже недалеко до союза съ новымъ государствомъ и до формальнаго признанія его независимости. Но уже общественное мнѣніе было сильно расположено въ пользу американскихъ событій. Страна наша, казалось, за-

была себя при мысли о тѣхъ, которые съ того берега Атлантическаго океана, подавали ей столь великій примѣръ; въ салонахъ, въ кафе, которые то и дѣло открывались (употребленіе превосходнаго ликера становилось тогда повсемѣстнымъ), только и было разговоровъ, что о стойкости и энергіи колонистовъ. Объявленіе правъ читалось и комментировалось; когда получилось объявленіе о независимости, къ общему энтузіазму присоединились горячія симпатіи къ американцамъ и ненависть къ вѣчной соперницѣ, незадолго нанесшей намъ столько стыда, еще незабытаго. Взятіе Филадельфіи поразило всѣхъ, какъ будто какое-нибудь родное трагическое событіе привело въ сокрушеніе Францію; съ безпокойствомъ ожидали новыхъ извѣстій; письма волонтеровъ переходили изъ рукъ въ руки; въ особенности читались письма Лафайета къ молодой женѣ. «Если станутъ говорить о взятіи Филадельфіи, писалъ онъ ей, какъ о страшномъ событіи, если у васъ станутъ писать, что Америка потеряла столицу, отвѣчайте вѣжливо: «Вы рехнулись; Филадельфія жалкій городъ, открытый со всѣхъ сторонъ, гавань котораго была уже закрыта и, который, не знаю почему, прославился пребываніемъ въ немъ конгресса.... который, скажемъ въ скобкахъ, мы рано или поздно возьмемъ у англичанъ; впрочемъ, прибавлялъ онъ, не генералъ Гоу взялъ Филадельфію а Филадельфія взяла генерала Гоу [1])». Такимъ образомъ Лафайетъ, мало того, что жертвовалъ своею жизнью, сражаясь въ рядахъ американцевъ, но и служилъ дѣлу ихъ путемъ живой и умной корреспонденціи. Насталъ день Саратоги; наступилъ уже не энтузіазмъ, а помѣшательство. «Какъ будто эта побѣда была одержана собственными войсками Франціи надъ ея собственными врагами, писалъ Франклинъ; до того всеобщи, горячи, чистосердечны расположеніе и привязанность этой націи къ намъ и къ нашему дѣлу». Король былъ тронутъ; королева, графъ Д'Артуа, увлечены; придворныя дамы играли не иначе какъ въ бостонъ (имя, взятое отъ города, подавшаго первый сигналъ къ сопротивленію). Лафайетъ, котораго сперва строго осуждали

[1]) Laboulay, Histoire des États-Unis, томъ II.

въ кругу Маріи-Антуанетты, сталъ героемъ дня; молодая маркиза со всѣхъ сторонъ получала свидѣтельства удивленія къ своему мужу-герою. Наконецъ, присутствіе въ Парижѣ пословъ американской республики [1]), особенно Веньямина Франклина, окончательно рѣшило заключеніе союза.

VIII.

Главнымъ лицомъ для веденія переговоровъ съ Версальскимъ дворомъ былъ избранъ тотъ самый человѣкъ, который въ началѣ съ такимъ недовѣріемъ относился къ Франціи. Франклинъ имѣлъ въ Парижѣ громадный успѣхъ и сталъ предметомъ всеобщаго вниманія, не имѣя сперва оффиціальнаго назначенія (что было сдѣлано для того, чтобы никого пока не встревожить). «Въ настоящее время я самое замѣчательное лицо въ Парижѣ», писалъ онъ. Онъ былъ давно уже извѣстенъ во Франціи своими работами и какъ членъ нашей академіи наукъ, но и личность его нравилась всѣмъ. Толпа тѣснилась по пятамъ бывшаго ремесленника, ставшаго славнымъ ученымъ и представителемъ родной страны. Въ публичныхъ садахъ, гдѣ любилъ гулять Франклинъ, она жадно прислушивалась къ словамъ обходительнаго старика, всегда улыбающагося, одѣтаго въ простое темное платье, опирающагося на палку съ золотымъ набалдашникомъ, искуссно обдѣланнымъ въ видѣ колпака свободы. Онъ разсказывалъ всѣмъ о новой республикѣ и умѣлъ заставить ее любить. Наши философы искали его бесѣды и восхищались свободнымъ мыслителемъ, деистомъ оттѣнка средняго между Вольтеромъ и Руссо. Высшее общество съ распростертыми объятіями принимало очаровательнаго разскащика, обладавшаго тонкимъ и пріятнымъ умомъ, который развился точно въ средѣ умственнаго изящества нашей страны. Самъ онъ, казалось, не находилъ достаточно словъ для выраженія сердечнаго расположенія, уваженія, любви, оказываемыхъ со стороны

[1]) Другіе послы были Силасъ Динъ (Silas Deane) и Артуръ Ли. Они прибыли въ Парижъ 3 декабря 1776 года.

французовъ. «Ничего подобнаго, писалъ онъ, не встрѣчали американцы въ Англіи». Франклинъ былъ принятъ съ особенною благосклонностію нашимъ способнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ де-Верженномъ (de Vergennes), который давно уже предложилъ королю принять участіе въ войнѣ [1]). Американцамъ была обѣщана помощь войсками, даны вспомоществованіе въ 2 милліона, право судамъ вольнаго входа въ наши гавани, право продавать во Франціи призы, взятые у англичанъ и согласіе нашимъ офицерамъ и солдатамъ вступать подъ знамена республики. Наконецъ, 6 февраля, были подписаны два трактата: одинъ, дружественный и коммерческій, другой, которымъ заключался союзъ между правительствомъ Лудовика XVI и Соединенными Штатами, независимость которыхъ торжественно признавалась. Англія ничего не щадила, чтобъ помѣшать союзу обѣихъ странъ. Изъ Лондона присылались Людовику XVI всякаго рода предувѣдомленія и, между прочимъ одна брошюра, въ которой находилось слѣдующее знаменитое къ нему обращеніе: «Вы вооружаетесь, безразсудный монархъ, для поддержанія независимости Америки и принциповъ, провозглашенныхъ конгрессомъ! Образовалось могущество, которое въ настоящее время поднялось превыше законовъ, могущество властолюбивыхъ умствованій; оно руководитъ революціей въ Америкѣ, быть можетъ оно готовитъ ее во Франціи: американскіе законодатели провозглашаютъ себя учениками французскихъ философовъ; они приводятъ въ исполненіе то, о чемъ тѣ мечтали. Развѣ французскіе писатели не могутъ пожелать стать законодателями и въ своей странѣ? Какой опасности вы не подвергаете своихъ главныхъ дѣлъ, приводя ихъ въ соприкосновеніе съ энтузіастами свободы? Вы дѣйствительно обезпокоитесь этимъ, но слишкомъ поздно, когда уже при вашемъ собственномъ дворѣ станутъ повторяться тѣ правдоподобныя аксіомы, надъ которыми размышлялось въ лѣсахъ Америки. Какимъ образомъ станутъ они уважать ваши неограниченныя повелѣнія, проливъ кровь за дѣло, называемое дѣломъ свободы? Откуда въ васъ

---

1) Въ августѣ 1776 года.

такая увѣренность, когда въ Америкѣ ломаютъ статую короля Великобританіи, когда имя его предаютъ оскорбленію? Англія будетъ съ лихвой отомщена за ваши враждебные замыслы, когда ваше собственное правительство будетъ разсмотрѣно, судимо и осуждено на основаніи принциповъ, которые проповѣдуются въ Филадельфіи, и которымъ рукоплещутъ въ вашей собственной столицѣ». Но сила общественнаго мнѣнія, великодушіе націи и правительства одержали въ немъ верхъ надъ этими пророческими угрозами. Людовикъ XVI пошелъ далѣе. Похвала безкорыстію нашей страны и нашего короля можетъ показаться подозрительною въ устахъ француза—такъ пусть говоритъ иностранецъ, послушаемъ самаго Франклина. «Мы встрѣтили, говоритъ онъ, самое сердечное расположеніе при этомъ дворѣ. Здѣсь не только не воспользовались, да и не пытались воспользоваться нашими настоящими затрудненіями, но король до того великодушенъ и добръ, что всѣ его предложенія мы должны бы были поторопиться принять даже въ положеніи полнѣйшаго благосостоянія и утвержденнаго и неоспоримаго могущества. Въ основаніе трактата положены совершеннѣйшее равенство и взаимность. Вообще, у насъ всѣ основанія чувствовать себя удовлетворенными доброю волей этого двора и вообще націи, и мы надѣемся, что конгрессъ постарается сохранить это расположеніе при помощи средствъ, способныхъ поддержать союзъ и сдѣлать его продолжительнымъ» [1]). Къ подобнымъ словамъ прибавлять нечего. Разверните исторію: ни въ какую эпоху не бывало отдаваемо какому-либо правительству и націи благороднѣйшей дани и притомъ такимъ компетентнымъ судьею. Пусть однако поразмыслятъ еще о слѣдующемъ: что это было за правительство и что за нація? Юной американской протестантской республикѣ, живому символу духа новыхъ временъ, догадалась помочь старая Франція, монархическая, аристократическая, феодальная, католическая, вся еще пропитанная духомъ временъ прошедшихъ. Да, старому режиму, какъ его называютъ, дано было по-

[1]) Michelet, Vie de Franclin.

кровительствовать, при самомъ его рожденіи, обществу, лучше другихъ познавшему и приведшему въ дѣйствіе свободу. Этотъ старый порядокъ, наканунѣ революціи, самъ нуждаясь, нашелъ для Америки милліоны, вошелъ въ долги для ея спасенія, и даже гарантировалъ ея иностранныя займы. Онъ сдѣлалъ все это, а намъ ежедневно повторяютъ: существуютъ двѣ Франціи, одна—Франціи до 1789 года, другая—Франція послѣ 1789 года. Нѣтъ, нѣтъ; это вопль ярости, междуусобной войны. Революціонная Франція не имѣетъ права обратиться къ Франціи стараго порядка и сказать ей: ты не мать мнѣ! Было зло въ прошедшемъ, еще больше было добра, и если революція напала на прошедшее, но вѣдь само же прошедшее породило революцію. Нѣтъ, существуетъ только одна Франція, какъ до, такъ и послѣ 1789 года, вездѣ и всегда, въ торжественные часы, которые по истинѣ можно назвать часами судилища народовъ, эта Франція была по преимуществу страною великихъ чувствъ и великодушныхъ мыслей.

Въ Америкѣ Лафайетъ первый получилъ это великое извѣстіе, тотчасъ же поспѣшилъ къ Вашингтону сообщить его, и въ слезахъ бросился въ его объятія. Его тотчасъ же окружили, онъ сталъ говорить. Крики: да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ французскій король, вырвались изъ груди, изъ души всѣхъ. Назначены были народныя празднества, разумѣется на сколько позволяло постоянное присутствіе врага, и благодарственная служба за такую знаменательную Божію милость. На устахъ всѣхъ было имя Франклина, на долю котораго выпало счастіе заключить этотъ союзъ.

Талантливый посредникъ старался еще болѣе закрѣпить союзъ обѣихъ странъ при помощи тѣсныхъ связей съ нашими главнѣйшими писателями. Живя въ Поаси и посѣщая прекрасную, любезную и умную мадамъ Гельвеціусъ, которою онъ вдвойнѣ плѣнился, не смотря на свой преклонный возрастъ, и на которой онъ хотѣлъ жениться на 62 году, онъ сдѣлался другомъ Кабаниса, д'Аламбера, Тюрго, въ особенности же Вольтера. Послѣдній, послѣ долгаго изгнанія, захотѣлъ передъ смертью взглянуть на Парижъ; ему тогда было уже восемьдесятъ четыре года. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ въ тріумфѣ, какъ

побѣдоносный государь; французская академія оказала ему почести, которыми она чтитъ коронованныя главы; народъ привѣтствовалъ въ его послѣднемъ произведеніи не столько Ирену, сколько его главнѣйшія произведенія, распри прошедшаго, и полстолѣтія умственнаго верховенства, даннаго нашей странѣ почти однимъ человѣкомъ. Франклинъ захотѣлъ познакомиться съ нимъ и пришелъ къ нему испросить благословенія для своего внука, бывшаго еще ребенкомъ. Вольтеръ нѣкоторое время сбирался съ мыслями, наконецъ протянулъ руку и сказалъ: «Богъ и свобода, единственный девизъ, приличный внуку Франклина». Богъ и свобода! Эти слова были не только девизомъ внука Франклина; они были девизомъ самой Америки, націи трижды счастливой, и которой можно позавидовать, завоевавшей свободу безъ отрицанія вѣрованій, или, что вѣрнѣе, опиравшейся на вѣрованія при завоеваніи свободы; въ неудачахъ-ли или тріумфахъ, она могла, по выраженію поэта, «смотрѣть на небо безъ безпокойства».

IX.

Англія съ ужасомъ смотрѣла на союзъ Франціи и Америки. Такимъ образомъ ей приходилось вести войну не только противъ новыхъ союзниковъ, но и противъ Испаніи, которая присоединилась къ намъ, не признавъ однако новаго государства [1]). Людовику XVI не хотѣлось, чтобы первый выстрѣлъ раздался со стороны французовъ; англичане взяли на себя исполнить его желаніе. 17 іюня 1778 года англійскій фрегатъ Однозубъ напалъ на французскій фрегатъ Belle-Poule неподалеку отъ острова Уессанта; послѣ жаркаго сраженія, Belle-Poule сбила мачты у Однозуба; въ тѣхъ-же предѣлахъ графъ д'Орвилье принудилъ отступить адмирала Кепшеля. Начало было хорошее [2]). Однако въ другихъ мѣстахъ мы были не такъ счастливы, именно въ

1) Правительство Карла III было въ спорѣ съ американцами, по поводу обѣихъ Флоридъ, Нью-Фаундленда и прибрежій Миссиссипи.

2) 23 іюля 1778 года.

Индіи и въ Антильскомъ архипелагѣ. Хотя Буилье взялъ Доминику, но мы потеряли наши конторы въ Деканѣ, Шандернагорѣ, Сенъ-Люси, Сенъ-Пьеррѣ и Микелонѣ. Д'Эстену (d'Estaing) не удалось нападеніе на Родъ-Эйландъ; измѣна генерала Ли помѣшала Вашингтону нанести при Монмутѣ полное пораженіе Клинтону, новому англійскому главнокомандующему.

Въ 1779 году, хотя страшная буря и разбросала франко-испанскій флотъ, угрожавшій непріятелю въ Ламаншѣ, хотя американцы потеряли Георгію, мы завладѣли бы Сенегаломъ и д'Эстенъ взялъ бы Гренаду. Но къ сожалѣнію этотъ храбрый капитанъ скоро вернулся въ Европу, утомленный ссорами съ главнымъ начальникомъ морскихъ силъ, и не пожелавъ служить подъ начальствомъ человѣка, прошедшаго всю службу въ сухопутной арміи. Эта недостойная ревность лишила насъ превосходнаго командира какъ разъ въ то время, когда благородный порывъ маршала де-Бирона далъ намъ опаснаго противника. Адмиралъ Родней, не могшій вслѣдствіе долговъ выѣхать изъ Парижа, насмѣхался однажды въ присутствіи де-Бирона надъ нашими моряками и говорилъ, что еслибы онъ былъ свободенъ, онъ скоро бы доказалъ справедливость своихъ словъ: «Поѣзжайте, адмиралъ, тотчасъ-же отвѣчалъ ему маршалъ; попытайтесь исполнить ваше обѣщаніе; французы не желаютъ извлекать пользу изъ тѣхъ препятствій, которыя не допускаютъ васъ привести ихъ въ исполненіе»; и онъ поручился за адмирала. Роднею привелось оправдать свою похвальбу: онъ освободилъ Гибралтаръ, который держали въ осадѣ франко-испанцы, два раза разбилъ Гишена (Guichen) у Антильскихъ острововъ. Но по крайней мѣрѣ третье сраженіе, въ которомъ, на глазахъ у храбраго адмирала палъ его сынъ, лейтенантъ корабля, осталось нерѣшеннымъ, а взятіе приза въ 50 милліоновъ, шедшихъ подъ прикрытіемъ 60 судовъ, вновь воодушевило нашихъ моряковъ [1]).

Однако денегъ снова не хватило у конгресса; бумажные знаки теряли 100 на 100 въ своей цѣнности; «за возъ бумажныхъ денегъ вы не купите воза съѣстныхъ припасовъ», говорилъ главно-

---

[1]) 7 іюня 1780 года.

командующій. Несогласіе продолжало царствовать какъ между Штатами, такъ и между отдѣльными законодательными собраніями и главнымъ управленіемъ; несмотря на всѣ усилія Вашингтона въ милиціи существовалъ безпорядокъ; Франція послала только флоты въ распоряженіе республики. Требовались сухопутныя войска. Лафайетъ переправился черезъ море, прибылъ въ Версаль, просилъ, молилъ: онъ вынесъ бы изъ Версаля всю мебель для спасенія Америки, говорилъ про него Морепа. Наконецъ, онъ привлекъ на свою сторону Людовика XVI и, что особенно важно, нашего новаго генеральнаго контролера финансовъ, Неккера, того Неккера, котораго строго упрекали въ суетности, который хотя безъ сомнѣнія не былъ геніемъ, но все же былъ способнымъ человѣкомъ, который, при всей нуждѣ, давалъ жить не только нашему правительству, но и Америкѣ. Было рѣшено отправить корпусъ подъ начальствомъ графа де-Рошамбо, испытаннаго начальника. Людовикъ XVI пошелъ еще дальше: Рошамбо былъ подчиненъ Вашингтону и американскіе офицеры имѣли по службѣ преимущество передъ французскими. Это было прекрасное время трогательнаго соединенія, братскаго согласія. Наши баталліоны присоединились къ арміи Вашингтона; наши офицеры и солдаты прибавляли къ своимъ цвѣтамъ, бѣлому и черному, цвѣта Америки. Но не забудемъ, что эти баталліоны состояли не изъ однихъ французовъ. Подъ наши знамена стеклись поляки, ирландцы, изгнанники всѣхъ странъ, благородные обломки угнетенныхъ народностей, печальные свидѣтели старыхъ и новыхъ преслѣдованій, добровольные или недобровольные изгнанники изъ порабощеннаго отечества, люди, шедшіе на край свѣта проливать свою кровь за великое дѣло, жертвовать своею жизнью для обезпеченія другимъ тѣхъ драгоцѣнныхъ благъ, потерю которыхъ они оплакивали, и которыя однѣ придаютъ жизни цѣну: свободу совѣсти, независимости, политическую свободу. Этимъ крестовымъ походомъ за свободу началось то братство оружія, которое еще продолжается: поляки, ирландцы составили первые наши иностранные легіоны, которые съ тѣхъ поръ не переставали сражаться рядомъ съ нами, не разбирая даже подъ чьими знаменами они шли. Одинаково храбро служили они Франціи надъ штандартомъ респуб-

лики, подъ императорскимъ орломъ, и подъ знаменами монархіи, оставались вѣрны даже среди ошибокъ и заблужденій своего втораго отечества, въ которомъ они искали послѣдняго отечества, на которое они возложили свои надежды, увы, столь грустно обманутыя.

Эти нѣсколько тысячь человѣкъ подъ начальствомъ способнаго Рошамбо оказали чрезвычайно полезное вліяніе. Американскія войска обратились въ болѣе правильныя; путемъ справедливый строгости введена была дисциплина. Неудача Камдена [1]) и измѣна генерала Арнольда, запятнавшая ею свое имя, не могли уже остановить счастливаго возбужденія, разъ сообщеннаго. Вся Европа высказалась противъ Англіи, образовавъ вооруженный нейтралитетъ [2]), а Франція въ 1781 году послала республиканцамъ еще денегъ, двадцать восемь судовъ съ четырьмя тысячами войска подъ начальствомъ человѣка, который одинъ стоилъ арміи—де-Грасса, про котораго солдаты говорили: «Въ немъ шесть футовъ, а въ день сраженія шесть футовъ и одинъ дюймъ». Такія усилія были наконецъ вознаграждены. 19 октября 1781 года, почти день въ день четыре года спустя послѣ приснопамятной саратогской капитуляціи, лордъ Корнвалиссъ очутился между флотомъ де-Грасса и франко-американскою арміею; однако онъ занялъ грозную позицію. Двѣ колонны одна французская, состоявшая изъ гренадеровъ овернскаго полка и полка д'Ассаса, другая американская — подъ начальствомъ двухъ французскихъ дворянъ, Віоменила и Лафайета окружили врага желѣзнымъ и огненнымъ кругомъ и заставили его сдаться. Лордъ Корнваллисъ капитулировалъ съ семью тысячами человѣкъ.

«Боже, все погибло», воскликнулъ лордъ Нортъ, узнавъ объ этомъ тяжеломъ уронѣ. Дѣйствительно, все было потеряно для Англіи. Вскорѣ были взяты обратно голландскія владѣнія, страшнымъ образомъ опустошенныя Роднеемъ; мы заняли Сенъ-Кристофъ, Монсерра, Сенъ-Эсташъ; пали Минорка, затѣмъ

[1]) Въ южной Каролинѣ, 16 августа 1780 года.
[2]) 2 сентября 1780 года.

Портъ-Магонъ, [1]), это гнѣздо британскихъ корсаровъ, вѣчно угрожавшихъ нашему Провансу; въ Индѣйскомъ морѣ величайшій морякъ того времени, статуя котораго стоитъ такъ на мѣстѣ въ Версали между нашими величайшими знаменитостями, бальи де-Сюффранъ (de Suffren) выигралъ четыре сраженія [2]), вступилъ въ сношенія съ мизорскимъ султаномъ Гайдеръ-Али, гордымъ и глубоко-умнымъ человѣкомъ, который умѣлъ его понять, и грозилъ уничтожить англійское владычество на берегахъ Индіи и Ганга, утвержденное лордомъ Клайвомъ (Clives) и Варреномъ Гастингсомъ цѣною стольких жестокостей и безславныхъ поступковъ. Несмотря на новую побѣду Роднея [3]) и жестокое пораженіе франко-испанцевъ при Гибралтарѣ [4]), Англія поспѣшила принять посредничество Австріи и Россіи.

Передъ своимъ паденіемъ министерство Норта, а послѣ него и министерство Шельборна (Shelburn) [5]), напрасно пыталось раздѣлить союзниковъ. Правда, американскіе коммисары подписали миръ раньше Франціи, но постановку условій прямо подчинили заключенію трактатовъ между правительствомъ Людовика XVI и Георга III. Въ основаніе этихъ трактатовъ было положено оффиціальное признаніе американской республики; намъ возвращены были наши владѣнія въ Индіи, Африкѣ, Сенъ-Пьерръ и Микелонъ, Сентъ-Люси, Табаго, право ловли у Нью-Фаундленда; наконецъ, унизительныя условія трактата 1763 года были уничтожены [6]).

---

[1]) Въ февралѣ 1782 года.

[2]) Отъ февраля до сентября 1782 года.—Сюффранъ умѣлъ поддержать дисциплину, несмотря на жалкія ссоры красныхъ офицеровъ (дворянъ) съ синими (разночинцами).

[3]) 14 апрѣля 1782 года.

[4]) Въ октябрѣ 1782 года.

[5]) 4 марта 1782 года.

[6]) Версальскій договоръ 1783 года.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ АЛ. МОРИ.

ГЕРМАНІЯ И ФРАНЦІЯ

ВЪ

XVIII ВѢКѢ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ АЛ. МОРИ.

ГЕРМАНІЯ И ФРАНЦІЯ

въ

XVIII ВѢКѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Первые зародыши народной литературы.

Первымъ слѣдствіемъ реформаціи въ умственномъ отношеніи было то, что она дала преобладающее значеніе теологіи и обратила умы на изученіе частностей. Совершившаяся нравственная реакція вела къ философіи и, слѣдовательно, къ наукамъ, которыя въ ту эпоху отличались отъ философіи не такъ рѣзко, какъ впослѣдствіи, по мѣрѣ ихъ постепеннаго развитія. Тогда химіи еще совсѣмъ не было, а естественная исторія, физика, физіологія были въ состояніи младенчества. Это движеніе, которое возвращало Германію ей самой и ея собственному генію, столь богато одаренному въ интеллектуальномъ отношеніи, олицетворилось въ Лейбницѣ.

Въ первый періодъ реформаціи, философія изъ судьбы Эразма, гонимаго обѣими партіями, поняла, что благоразуміе побуждаетъ ее удалиться съ поля битвы, гдѣ ей приходилось принимать на себя удары противниковъ, направляемые ими другъ противъ друга. Исторія, въ ожиданіи болѣе мирныхъ временъ, являлась въ видѣ памфлета и служила той или другой сторонѣ. Наконецъ, и искусства оставили страну, которая возвращалась къ варварству и, казалось, была предоставлена ученымъ богословамъ и чужеземнымъ солдатамъ. Итакъ, теологія господствовала безъ всякаго соперничества, вмѣстѣ съ наиболѣе необходимой для нея наукой, филологіей; и, вслѣдствіе мистическаго значенія, приданнаго Лютеромъ словамъ: сіе есть тѣло мое и сія есть кровь моя, и вслѣдствіе неясности толкованія темнаго догмата о предопредѣленіи, протестантская теологія вступила на путь мелоч-

ныхъ изслѣдованій, за которыя самъ Лютеръ такъ горячо порицалъ философію того времени. Диспуты о значеніи адіафоровъ и синергизма повели къ новой схоластикѣ, которая, безъ вмѣшательства свѣтской власти, вмѣшательства грубаго, однако благодѣтельнаго для литературы, продлила бы желѣзный вѣкъ германской литературы далеко за настоящіе его предѣлы.

Таковъ уже законъ, управляющій нашимъ міромъ, что и зло порождаетъ добро; и эти споры и диспуты имѣли слѣдствіемъ не одно то, что увлекли умы на ложный путь и парализовали дѣятельность болѣе сильныхъ изъ нихъ, но и то, что въ умственной борьбѣ возвысился и окрѣпъ народный духъ. Народное образованіе, при помощи проповѣдей и катихизисовъ, сдѣлало замѣтные успѣхи.

Послѣ того, какъ краснорѣчіе, порожденное реформаціею, уступило мѣсто пустымъ фразамъ и словамъ, проповѣдники, въ родѣ Арндта и Спенера, старались дѣйствовать на сердца слушателей и овладѣвать ихъ чувствами. Таковъ былъ, напримѣръ, Ульрихъ (Цюрихъ, 1665 г.). Этотъ суровый проповѣдникъ старался потрясти души грѣшниковъ изображеніемъ мученій, которыя ихъ ожидаютъ въ будущей жизни. Въ то же время и между католиками былъ замѣчательный проповѣдникъ, Авраамъ де-Санта-Клара, отличавшійся силою краснорѣчія, глубокимъ знаніемъ людей и энергіею, съ которой онъ преслѣдовалъ пороки и заблужденія своего времени.

Чтеніе библіи пріучило умы къ мышленію. Обнаружившееся затѣмъ интеллектуальное движеніе начало исправлять зло, причиненное тридцатилѣтнею войною какъ духовной жизни, такъ и экономическому состоянію Германіи и спасло эту страну отъ окончательнаго паденія, которое, повидимому, необходимо должно было слѣдовать за ея ослабленіемъ. Даже на умахъ политическихъ и военныхъ отразился этотъ упадокъ силъ.

Недовѣріе Германіи къ самой себѣ, ея небреженіе къ собственной славѣ, ея преступное равнодушіе къ общимъ интересамъ страны произвели свое дѣйствіе во время войнъ, которыя ей пришлось вести въ продолжительное царствованіе Леопольда I съ Турціей и Франціей; она довольствовалась тѣмъ, что

доставляла солдатъ и людей, и не дала ни одного полководца, хоть сколько нибудь одареннаго воинскими талантами. Для спасенія Вѣны долженъ былъ явиться иностранецъ, король Собесскій. Англичане, итальянцы и даже французы стояли во главѣ германскихъ войскъ и помогли имъ одержать нѣсколько побѣдъ.

Такое состояніе упадка замѣтно было и въ самомъ языкѣ, составлявшемъ самую странную смѣсь. Вслѣдствіе иностраннаго вліянія, въ него вошли слова и выраженія, свойственныя языкамъ сосѣднихъ народовъ. И онъ сталъ какимъ-то жаргономъ. Ученые писали по-латынѣ. При дворахъ считали за честь говорить по-французски и извѣстно, что до Фридриха Великаго, при берлинскомъ дворѣ, исключительно говорили на французскомъ языкѣ. Даже Вольтеръ, несмотря на его желаніе знать все, не слишкомъ ревностно изучалъ этотъ языкъ, какъ такой, на которомъ не говорили образованные люди, и изъ бумагъ, оставшихся послѣ него, видно, что онъ въ своемъ планѣ выучиться по-нѣмецки, не пошелъ дальше изученія первыхъ элементарныхъ правилъ этого языка. Отсутствіе такого языка, который бы признавался всѣми за вѣрное выраженіе мыслей и чувствъ страны, было одною изъ немаловажныхъ причинъ, препятствовавшихъ въ то время образованію настоящей германской національности. Ибо надо сказать, что нѣтъ истинной національности безъ языка, который бы служилъ ей характеристикой. Притомъ люди между собою братья гораздо болѣе по тождеству идей и чувствъ, нежели по крови; говоря на одномъ и томъ же языкѣ, они необходимо выработываютъ общія мнѣнія и привычки, порождаемыя одинаковостью языка.

Мы сказали, что нѣмецкій языкъ, со времени тридцатилѣтней войны, низошелъ почти до степени жаргона. Литературы же онъ не имѣлъ до конца 18-го столѣтія.

Поэзія среди богословскихъ диспутовъ и войнъ совсѣмъ исчезла. Отличаясь рыцарскимъ характеромъ въ средніе вѣка, она, въ рукахъ мейстерзингеровъ, стала болѣе нравственною, болѣе серьезною, но также и болѣе сухою, болѣе прозаическою. Реформація окончательно уничтожила въ ней и послѣдніе остатки поэтическаго духа; бюргеры, которые до этого времени въ часы досуга занимались пѣніемъ по табулатурамъ, съ этой поры должны были до-

вольствоваться чтеніемъ памфлетовъ, слѣдить за спорами враждующихъ партій. Отъ схоластическихъ возгласовъ, раздававшихся отъ одного конца Германіи до другаго, бѣдная поэзія, и безъ того слабая и неувѣренная въ самой себѣ, пришла въ ужасъ и бѣжала, опасаясь подвергнуться обвиненіямъ въ ереси.

Но при первыхъ литературныхъ попыткахъ того времени обнаружилось полнѣйшее отсутствіе самобытности и стремленіе подражать иностранцамъ, особенно французамъ. Французскіе эмигранты, нашедшіе себѣ убѣжище въ Германіи, не мало содѣйствовали тому, что именно французскіе писатели были приняты за образцы подражанія. Французскіе протестанты стояли значительно выше германскихъ въ умственномъ, промышленномъ и коммерческомъ отношеніяхъ; потому-то они и нашли себѣ такой радушный пріемъ въ Бранденбургѣ, Гессенѣ, БраунШвейгѣ, Мекленбургѣ, Швабіи и другихъ германскихъ государствахъ. Они обработывали поля, опустошенныя во время войнъ и содѣйствовали къ поднятію земледѣлія въ глазахъ нѣмцевъ. Успѣхи въ этомъ отношеніи были значительны. Нѣмецкій земледѣлецъ сталъ неутомимъ. Марльбору писалъ съ береговъ Дуная къ своей женѣ: «Здѣсь деревни имѣютъ такой веселый видъ и носятъ на себѣ такой отпечатокъ благосостоянія, что тебѣ было-бы пріятно видѣть ихъ».

И для промышленности этотъ толчекъ былъ не менѣе благодѣтеленъ. Если нѣкоторые города, прежде богатые, не оправились отъ нанесенныхъ имъ ударовъ, то это объясняется великими перемѣнами, происшедшими въ ходѣ торговли и внутренними раздорами, бывшими въ странѣ. Въ Ульмѣ погибло множество семействъ. Изъ Нюренберга выселились многіе художники. Но такія явленія были исключеніями. Города, принадлежавшіе владѣтельнымъ князьямъ, бывшіе ихъ резиденціями, пользовались бо̀льшимъ, противъ прежняго, благосостояніемъ.

Но возвратимся къ интеллектуальному движенію въ Германіи. Литературная и ученая дѣятельность обнаружилась прежде всего въ появленіи ученыхъ обществъ. Эти общества, зародившіяся въ Италіи, съ XVI-го вѣка, стали появляться въ южной Германіи и преимущественно имѣли въ виду усовершенствованіе языка и развитіе поэзіи, два могущественныя средства для про-

бужденія народнаго духа. Нѣсколько позднѣе появились не менѣе замѣчательныя общества въ центральной и сѣверной Германіи; такъ Общество приносящее плоды или Орденъ коронованныхъ пальмовыми вѣнками, возникло въ 1617 году въ Веймарѣ и закрыто въ 1680 году; Общество Германскаго духа, образовавшееся въ Гамбургѣ въ 1689 году. Германское Общество составилось въ 1627 году въ Лейпцигѣ, и въ 1727 году было преобразовано стараніями Готтшеда. Оно основано было съ цѣлью очистить языкъ отъ варваризмовъ и иностранныхъ выраженій и словъ; но вмѣсто того, чтобы возвратить языку силу и оригинальность, приданныя ему Лютеромъ, новые составители грамматики, очищая его, сообщили ему нѣкоторую грубость, отъ которой онъ и теперь еще не совершенно освободился.

Въ одно время съ образованіемъ литературныхъ обществъ, мы видимъ зарожденіе академій чисто ученыхъ. Леопольдъ больше другихъ германскихъ императоровъ содѣйствовалъ успѣхамъ этихъ учрежденій. Онъ былъ первый ученый между германскими князьями. Онъ взялъ подъ свое покровительство Academiam leopoldinam naturae curiosiorum, основанную Я. Баушемъ въ 1670 г. въ Швейнфуртѣ, и въ 1677 г. утвердилъ ея привилегіи. Кромѣ того, въ 1687 г. онъ утвердилъ уставъ императорской исторической коллегіи, основанной Паули съ цѣлью издавать собраніе историческихъ сочиненій о Германіи. Благодаря его же щедрости составилось и общество, Collegium artis consultorum, которое устроилъ въ Нюренбергѣ знаменитый Эргардъ Вейгель и членами котораго были художники и математики. Онъ основалъ два университета, въ Иннспрукѣ и Бреславлѣ и преобразовалъ университетъ въ Ольмюцѣ. Кромѣ этихъ двухъ университетовъ, въ Германіи, въ половинѣ XVII вѣка считалось уже около 35 университетовъ. Князь-епископъ Мельхіоръ Отто открылъ въ Бамбергѣ школу философіи и теологіи, въ которой впослѣдствіи преподавались и другія науки. Великій курфюрстъ въ 1655 г. основалъ протестантскій университетъ въ Діусбургѣ. При прусскомъ королѣ Фридрихѣ I центромъ просвѣщенія сталъ университетъ въ Галлѣ. Ему-же обязана своимъ существованіемъ берлинская академія наукъ.

Рабское подражаніе иностранцамъ не могло продолжаться постоянно. Галлеръ въ Швейцаріи, Гагедорнъ въ сѣверной Германіи дали новый толчекъ національной литературѣ. Хотя они еще и не могутъ быть названы поэтами вполнѣ самобытными, но они по крайней мѣрѣ старались выдти на лучшую противъ прежняго дорогу.

Гагедорнъ былъ проникнутъ духомъ школы Буало, Попе и Горація; онъ, можетъ быть, вовсе незаслуженно пользуется названіемъ поэта грацій, даннымъ ему современниками; но онъ какъ и Галлеръ, желавшій къ славѣ великаго естествоиспытателя присоединить славу поэта, обращалъ свои взоры ко двору Анны, королевы англійской; потому - то въ его произведеніяхъ господствуетъ вліяніе англійской литературы, которая сама была подражаніемъ литературы французской. Однако и подражаніе Англіи уже было прогрессомъ; это значило дѣлать шагъ къ націонализаціи литературы нѣмецкой.

Въ Швейцаріи, уже произведшей Галлера, одного изъ великихъ умовъ новѣйшихъ временъ, но поэтическій геній котораго, хотя и возвышенный и прекрасный, по формѣ своихъ произведеній гораздо ниже его генія научнаго, вскорѣ образовалась,—именно въ Цюрихѣ,—школа не оставшаяся безъ вліянія на литературу нѣмецкую. Главою этой школы былъ Бодмеръ, одушевленный горячимъ желаніемъ вывести литературу нѣмецкую на путь національнаго развитія; онъ старался освободить ее отъ иностраннаго вліянія, и первый привлекъ общее вниманіе къ древнимъ германскимъ преданіямъ. Съ этого то-времени нѣмецкая поэзія и обратилась къ національнымъ преданіямъ. Но Бодмеръ, проникнутый живымъ и искреннимъ благочестіемъ, могъ дать Германіи направленіе слишкомъ созерцательное, къ которому она и безъ того была расположена по своему характеру.

Въ тоже время въ Лейпцигѣ, для сѣверной Германіи, образовался другой центръ литературной дѣятельности, другая школа: она возникла подъ вліяніемъ Готтшеда. Школа эта, особенно въ театральныхъ произведеніяхъ, продолжала подражать литературѣ французской, но подражаніе ея не было рабскимъ; она скорѣе искала въ французскихъ образцовыхъ произведеніяхъ

правилъ вкуса и законовъ творчества, нежели воспроизводила оригиналы. Дѣятельность этой школы освободила нѣмецкую литературу отъ тѣхъ грубыхъ чертъ, которыя можно было найдти въ ея произведеніяхъ прежнихъ временъ. Въ сущности она составляла оппозицію школы швейцарской, доводившей до крайности удивленіе передъ древне-германскою поэзіею. Вскорѣ между этими школами началась борьба; ни одна изъ нихъ не одержала побѣды; онѣ обѣ пали; но литературное развитіе осталось при этомъ въ выигрышѣ, ибо отъ той и другой литература заимствовала то, что было въ нихъ лучшаго: отъ школы цюрихской—религіозное чувство и любовь къ національнымъ преданіямъ; а отъ лейпцигской—чистоту и правильность стиля. Такимъ образомъ уже замѣтно было, что наступала эпоха истинно-нѣмецкой литературы.

II.

Первое расширеніе прусской монархіи.

Изъ простаго нѣмецкаго государства Пруссія постепенно сдѣлалась Германіею. Эта новая Германія была болѣе германскою, нежели Германія австрійская; это была Германія протестантская, страна способная соперничествовать съ другими европейскими націями. Берлинъ, въ эпоху, до разсмотрѣнія которой мы дошли, заваленный до такой степени грязью, что необходимо было для очистки его улицъ обязать торговцевъ, по распродажѣ ихъ товаровъ, выѣзжать изъ города не иначе, какъ нагрузивъ свои порожнія телѣги городскими нечистотами, — Берлинъ, благодаря Фридриху III, назвавшемуся Фридрихомъ I при вступленіи на прусскій престолъ, становится первымъ, послѣ Вѣны, городомъ Германіи. Хотя Вѣна и украсилась при трехъ послѣднихъ императорахъ, которые были знатоками и любителями искусствъ, но она переставала быть столицею Германіи преобразованной; Берлинъ же не былъ уже только резиденціею курфюрста, но центромъ, къ которому тяготѣли многочисленные остатки древней германской имперіи.

Пруссіи выпала счастливая доля имѣть первымъ королемъ такого принца, который хотя и не былъ великимъ человѣкомъ, но сдѣлалъ много великаго въ отношеніи умственнаго развитія страны, благодаря вліянію на него его молодой супруги, Софіи Шарлотты, принцессы ганноверской. Дадимъ читателю нѣкоторое понятіе объ этой женщинѣ и о той противуположности, которую составлялъ ея характеръ съ характеромъ ея мужа.

Софія Шарлотта имѣла рѣдкое свойство сохранять, среди величія, лести и блеска новой королевской власти, простоту и высокій умъ, которые составляли отличительныя ея черты. Труднѣе, сказалъ Тацитъ, переносить счастіе, нежели несчастіе.

Софіи Шарлоттѣ вовсе не нравилась та пышность, которую любилъ ея супругъ; она предпочитала ей разговоры съ Лейбницемъ и серьезныя размышленія о великихъ вопросахъ жизни.

«Я въ отчаяніи, сказала она однажды одной изъ своихъ придворныхъ дамъ, что должна буду играть въ Пруссіи роль театральной королевы подлѣ моего Езопа». Имя Езопъ очень шло къ Фридриху I; онъ былъ весьма малъ ростомъ, неуклюжъ, и его надменный видъ представлялъ странный контрастъ со всею его фигурою. «Не думайте, писала она Лейбницу, что я предпочитаю это величіе и эти короны, — которымъ здѣсь придаютъ такое значеніе,—прелести нашихъ философскихъ разговоровъ съ вами въ Шарлоттенбургѣ.»

Шарлотта путешествовала по Италіи; вмѣстѣ съ родителями она была и въ Версалѣ; красота ея даже сдѣлала впечатлѣніе на Людовика XIV; находя Шарлотту достойною занять со временемъ престолъ Франціи, онъ думалъ женить на ней гергога бургундскаго, но политическія соображенія, къ несчастію Франціи, помѣшали этому браку. Принцесса ввела при прусскомъ дворѣ то изящное обращеніе, блистательные образцы котораго она видѣла въ Версалѣ, и распространила вокругъ себя любовь къ литературѣ, наукамъ и искусствамъ. Окруженная учеными, постоянно занятая глубокими размышленіями, Софія Шарлотта такъ любила доходить до основъ всего, что Лейбницъ, къ которому обратилась съ какимъ-то вопросомъ по этому предмету, сказалъ ей: «нѣтъ средствъ удовлетворить вашу любознательность; вы хотите знать причину всѣхъ причинъ.»

Въ 1705 году она умерла въ Ганноверѣ, посреди своего семейства. Передъ смертью, обращаясь къ плакавшимъ вокругъ нея, она сказала: «Не жалѣйте обо мнѣ, потому что теперь я буду въ состояніи удовлетворить моей любознательности относительно такихъ принциповъ, которыхъ Лейбницъ никогда не могъ мнѣ объяснить: относительно пространства, безконечности, бытія и небытія, притомъ я доставлю новый случай королю, моему

супругу, при погребеніи показать всю свою пышность.» Послѣдними ея словами была просьба къ курфюрсту, ея брату, позаботиться объ ученыхъ, которымъ она покровительствовала, и объ искусствахъ, постоянно составлявшихъ ея наслажденіе.

Такова была принцесса, вызвавшая въ Пруссіи пробужденіе искусствъ и наукъ. По ея настояніямъ Фридрихъ I основалъ въ 1694 г. знаменитый университетъ въ Галлѣ, и позднѣе королевское общество наукъ, подъ предсѣдательствомъ Лейбница. Въ 1695 г. онъ основалъ академію живописи и выписалъ изъ Италіи гипсовые снимки съ лучшихъ статуй. Онъ украсилъ Берлинъ многими замѣчательными зданіями, и конною статуею великаго курфюрста. Въ его правленіе труды Лейбница, Вольфа, Отто Герике, Томазія обратили на себя вниманіе ученаго міра; Канитцъ прославился какъ поэтъ, Пуффендорфъ какъ знатокъ общественнаго права.

Провозглашая себя королемъ, Фридрихъ вмѣстѣ съ тѣмъ свергалъ съ себя и иго австрійскаго дома; съ началомъ королевской власти открывалась для Пруссіи новая эра. Честолюбіе этого государя не ограничивалось пріобрѣтеніемъ одной короны, онъ пользовался всякимъ случаемъ къ расширенію своихъ владѣній. По смерти Вильгельма III, какъ наслѣдникъ владѣній Нассау-Оранскаго дома, онъ завладѣлъ графствомъ Лингенъ, княжествомъ Мэръ и нѣкоторыми землями, лежавшими посреди другихъ государствъ. Въ войну 1707 года новый король купилъ графство Текленбургъ въ Вестфаліи, округа Кведлинбургъ—Петерсбергъ; послѣ смерти Немурской предпочли, княжества Невшатель и Валангинъ предпочли Фридриха I, какъ наслѣдника Нассау-Оранскаго дома, соискателямъ изъ дома Лонгвилль.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, утрехтскій миръ гарантировалъ Фридриху эти пріобрѣтенія, которыя также, какъ и королевскій титулъ Фридриха, версальскимъ кабинетомъ признаны за нимъ со времени гетрюйденбергскихъ переговоровъ.

Какъ всѣ небольшія государства, лежащія между государствами могущественными, Пруссія въ правленіе Фридриха неоднократно подвергалась большимъ опасностямъ.

Изъ этихъ опасностей Фридрихъ выходилъ всегда удачно. Въ сѣверной войнѣ, этотъ государь долженъ былъ съ одной

стороны ладить со страшнымъ Карломъ XII, а съ другой— съ Польшею, Даніею и Петромъ Великимъ: и между столькихъ подводныхъ камней онъ прошелъ невредимъ. Миръ въ его королевствѣ даже не былъ нарушенъ.

Хотя и снисходительный по характеру, Фридрихъ I иногда былъ очень строгъ, особенно, если виновный оскорблялъ его самолюбіе. Одинъ алхимикъ, называвшій себя графомъ Кайэтано, обманулъ его, и за это, послѣ весьма короткаго суда, былъ одѣтъ въ платье изъ золоченной бумаги и повѣшенъ на висѣлицѣ, обитой такою же бумагою. Непостоянный, подозрительный, раздражительный, Фридрихъ былъ почти ни для кого недоступенъ. Ревностный кальвинистъ, онъ не навидѣлъ католиковъ, однако не доходилъ до притѣсненія ихъ. Онъ даже сочинилъ молитвенникъ; но, къ чести автора, молитвенникъ этотъ не былъ напечатанъ. За годъ до его смерти у него родился внукъ, которому впослѣдствіи суждено было прославить свой домъ. Фридрихъ I выбралъ въ крестные отцы и крестные матери своему внуку Петра Великаго и императора Карла VI, республику Голландскую и Бернскій кантонъ. Этотъ внукъ говорилъ впослѣдствіи о своемъ дѣдѣ, «что онъ былъ великъ въ малыхъ дѣлахъ и малъ въ великихъ».

Кончина Фридриха I также странна, какъ и несчастна. Женившись послѣ смерти первой своей супруги, Елизаветы гессенъ-кассельской, на женщинѣ одаренной философскимъ умомъ, Софіи-Шарлоттѣ, онъ вторично остался вдовцемъ и вступилъ въ третій бракъ съ принцессою Луизою мекленбургскою. Излишняя набожность мало-по-малу разстроила умственныя способности этой королевы и наконецъ довела ее до настоящаго сумашествія, что было тщательно скрываемо отъ короля. Для человѣка частнаго было бы трудно не замѣтить сумашествіе своей жены: но государи люди не частные. Фридрихъ вовсе не зналъ, что положеніе королевы было такъ опасно. Однажды, утомленный государственными или другими занятіями, онъ заснулъ въ креслѣ; королева, обманувши бдительность людей, наблюдавшихъ за нею, вбѣжала въ его комнату, разбивъ при этомъ стеклянную дверь и надѣлавъ ужаснаго шуму: король проснулся, и видя передъ собою женщину полуодѣтую, съ рас-

пущенными волосами, съ окровавленными руками, пришелъ въ ужасъ. «Я видѣлъ бѣлую женщину, сказалъ онъ, я скоро умру». У него открылась лихорадка, и 25 февраля 1713 года, на пятьдесятъ шестомъ году своей жизни, онъ умеръ.

Замѣчательно, что появленіе бѣлой женщины, бывшее главною причиною смерти Фридриха, связано съ однимъ дѣломъ о завладѣніи чужой собственностью. По преданію, занесенному изъ Азіи и вошедшему въ миѳологію, оставившую глубокіе слѣды въ Германіи, бѣлая женщина появлялась тому, кому предстояла смерть. Это преданіе приняло во многихъ мѣстахъ Германіи характеръ чисто мѣстный; появленіе бѣлой женщины связывалось обыкновенно съ какимъ-нибудь вымышленнымъ историческимъ событіемъ, указывалось притомъ время, когда оно произошло. Преданіе говоритъ, что Іоахимъ I, желая расширить свой берлинскій замокъ, поступилъ далеко нестоль великодушно, какъ поступилъ впослѣдствіи Фридрихъ Великій съ мельникомъ въ Санъ-Суси; онъ принудилъ одну старуху продать ему свой домъ, разстаться съ которымъ она не хотѣла. Въ гнѣвѣ она объявила ему, что будетъ для него и для его потомковъ вѣстницею смерти. Съ той поры въ бранденбургскомъ домѣ сохранилось повѣріе, что, передъ смертью, каждому принцу этого семейства является бѣлая женщина. Фридрихъ былъ менѣе философъ, нежели его вторая жена; онъ вѣрилъ этому преданію и умеръ отъ поразившаго его появленія бѣлой женщины.

Самый поразительный контрастъ представляютъ намъ характеры Фридриха I и Фридриха-Вильгельма I, его сына и наслѣдника.

На сколько первый былъ расточителенъ, на столько второй былъ разсчетливъ, какъ въ своихъ личныхъ издержкахъ, такъ и въ расходахъ по администраціи; на сколько отецъ поощрялъ литературу, настолько сынъ оказывалъ презрѣніе къ поэтамъ и ученымъ. Вольфъ былъ изгнанъ въ 1723, потому только что королю сказали, что философія его оправдываетъ дезертирство. Чтобы насмѣяться надъ академіею этотъ государь назначилъ директоромъ ея какого-то Гундлинга, бывшаго при дворѣ чѣмъ-то въ родѣ шута. Фридрихъ-Вильгельмъ во всемъ былъ скупъ до крайности; но былъ одинъ предметъ,

на который онъ не жалѣлъ денегъ: онъ хотѣлъ, чтобы въ его арміи были красивые люди. Увѣряютъ, что онъ не имѣлъ перваго министра, потому только, чтобы не платить ему жалованье; но у него были хорошо обученные солдаты и казна его была полна; потому понятно, почему при своемъ полу-дикомъ характерѣ Фридрихъ-Вильгельмъ значительно содѣйствовалъ развитію военнаго могущества своего государства; онъ приведя въ порядокъ финансы и устроивъ 72.000-ную армію, придалъ прочность новому престолу. Правда, Пруссія сдѣлалась настоящею казармою; но, благодаря этому усиленію военнаго элемента, Штеттинъ, область Гельдрская и Кассельская и графство Лимбургъ признали надъ собою власть короля прусскаго; а миръ, заключенный съ Карломъ XVI, гарантировалъ Пруссіи часть Помераніи, между Одеромъ и Пееною.

Молодое государство усиливалось съ каждымъ днемъ. На конференціяхъ въ Утрехтѣ и Раштадтѣ Пруссія пользовалась большимъ вліяніемъ; сѣверныя державы искали союза съ ея королемъ. По договору съ Франціею ей обезпечено было владѣніе герцогствомъ бергскимъ, за исключеніемъ города Дюссельдорфа и предмѣстья, лежащаго на берегу Рейна.

По внутреннему управленію Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлалъ слѣдующее: организовалъ колоніи швейцарскія, люттихскія и др.; содѣйствовалъ развитію земледѣлія и промышленности. Въ Берлинѣ имъ основанъ былъ госпиталь, построенъ цѣлый кварталъ Фридерикштадтъ, и между прочими полезными учрежденіями имъ устроенъ въ 1714 году Lagerhaus, складочный магазинъ, изъ котораго заимообразно отпускалась бѣднымъ промышленникамъ шерсть; они уплачивали за нее впослѣдствіи мало по малу своими издѣліями.

Въ 1733 году мануфактуры королевства были въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что за границу продано было четыре милліона штукъ сукна, въ двадцать четыре аршина каждый. Вскорѣ Пруссія стала снабжать Германію галунами, золотыми издѣліями, шелковыми матеріями и каретами, столь извѣстными подъ именемъ берлиновъ.

Городъ Берлинъ при немъ принялъ видъ огромнаго арсенала; въ немъ было сосредоточено производство всѣхъ предметовъ необ-

ходимыхъ для войска. Въ самомъ Берлинѣ были пороховыя мельницы, въ Шпандау изготовлялись шпаги, въ Нейштадтѣ были мѣдные заводы. Какъ-то разъ жители Берлина не согласились размѣстить по квартирамъ одинъ полкъ; Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ простить имъ нерасположенія ихъ къ тому, что онъ считалъ лучшимъ въ мірѣ; онъ переѣхалъ жить въ Потсдамъ, бывшій прежде бѣднымъ рыбацкимъ селеніемъ, въ которомъ еще великій курфюрстъ построилъ загородный домъ въ голландскомъ вкусѣ и въ которомъ было много оружейниковъ. Съ тѣхъ поръ городъ постоянно улучшался; Вильгельмъ обратилъ потсдамскіе сады въ плацъ для военныхъ упражненій и расширилъ городъ.

Армія была предметомъ постоянной заботливости этого государя. Онъ не останавливался ни передъ какими издержками, когда дѣло шло о войскѣ. Но въ способѣ удовлетворенія военныхъ инстинктовъ видна вся своеобразность его характера. На то, чтобы разсказать все, что онъ сдѣлалъ для своей арміи, потребовалось бы слишкомъ много времени; мы укажемъ только на основаніе имъ сиротскаго дома на три тысячи солдатскихъ дѣтей. Смѣло можно сказать, что подобное учрежденіе заставляетъ предполагать, что въ этомъ королѣ вѣрное пониманіе нуждъ солдатъ, глубокое и трогательное къ нимъ сочувствіе, было гораздо сильнѣе, нежели въ Людовикѣ XIV,— какой бы признательности ни заслуживалъ послѣдній, какъ основатель дома инвалидовъ. Хорошо было дать солдату доказательство того, что отечество заботится о немъ, что оно не оставляетъ подъ старость того, кто проливалъ за него кровь; но здравый смыслъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ наибольшее изъ пожертвованій для отечества не получаетъ никакого вознагражденія; такъ какъ тотъ, кому ядро оторветъ не руку или ногу, а голову, уже, именно по этому самому лишается возможности пользоваться признательностью отечества. Солдатъ, идя въ бой, думаетъ не о томъ только, что онъ можетъ лишиться какого-нибудь члена и быть изувѣченнымъ, но также и о томъ, что онъ можетъ быть убитъ. Какъ-бы ни увлекался онъ во время битвы, но позволительно допустить, что его тревожитъ участь его близкихъ, для которыхъ онъ былъ

помощникомъ и подпорою. Такъ было въ особенности въ прусскомъ войскѣ, въ которомъ тогда было гораздо болѣе женатыхъ солдатъ, нежели во французскомъ. Это жестокое томлѣніе, это скрытое, но мучительное горе и придаетъ всю цѣну самоотверженію и героизму солдата. Фридрихъ-Вильгельмъ съумѣлъ понять это, и надо сказать, что онъ поступилъ лучше Людовика XIV; онъ нашелъ для солдата утѣшеніе самое дѣйствительное, ободрилъ его, удовлетворивъ тому, что наиболѣе дорого его сердцу, далъ самую положительную, самую благородную награду за всѣ приносимыя имъ жертвы.

Смерть Августа I, курфюрста саксонскаго и короля польскаго снова возбудила обще-европейскую войну. Императоръ Карлъ VI желалъ возвести на польскій престолъ Фридриха Августа, Людовикъ XV считалъ отказъ императорскаго двора поддерживать кандидатуру его тестя, Станислава Лещинскаго, для себя оскорбленіемъ и объявилъ Австріи войну, театромъ которой были, какъ всегда, берега Рейна и Италія. Австрія быстро шла къ своей погибели. Прагматическая санкція была новою причиною ослабленія германской имперіи. Непонятная непредусмотрительность Карла VI, возложившаго императорскую корону на главу женщины, сдѣлала невозможнымъ возстановленіе австрійской суппрематіи въ Германіи. Подобно тому, какъ колеблется полюсъ земли или магнитная стрѣлка, колебалась и Германія между старою Австріею и молодою Пруссіею, государь которой одинъ изъ всѣхъ германскихъ государей былъ въ состояніи указать ей тогда, къ чему слѣдуетъ ей стремиться. Напрасно Австрія, все болѣе и болѣе ослабѣвая, старалась вознаградить себя территоріальными пріобрѣтеніями. Раздѣлъ Польши послужилъ только, если можно употребить здѣсь это необходимое слово, къ дегерманизаціи Австріи, усиливъ въ ней значеніе элемента славянскаго и тѣмъ самымъ ослабивъ элементъ германскій. Вовсе не случай, и не одинъ лишь геній Фридриха Великаго создалъ величіе Пруссіи. Истинная причина удивительнаго возвышенія этого государства лежитъ глубже.

Фридрихъ Великій вступилъ на престолъ въ 1740 г., въ годъ смерти Карла VI, съ которымъ прекратилась мужская линія австрійскаго дома. Хотя прагматическая санкція была признана

всѣми государствами, однако курфюрстъ саксонскій, король польскій, курфюрстъ баварскій, король испанскій, король сардинскій и наконецъ король прусскій предъявили права свои на участіе въ австрійскомъ наслѣдствѣ, требуя возврата провинцій, отнятыхъ у нихъ австрійскимъ домомъ. Король прусскій вторженіемъ въ Силезію первый подалъ сигналъ къ началу войны. Но притязанія союзныхъ противъ Австріи государей противорѣчили одно другому; только король прусскій ясно сознавалъ свою цѣль, потому и получилъ то, чего хотѣлъ.

Мѣсто Австріи должно было заступить государство, которое понимало, что нравственная сила должна почерпаться въ новыхъ идеяхъ. Это государство было Пруссія. Реформація внесла въ среду небольшихъ цвѣтущихъ германскихъ государствъ, вмѣстѣ съ религіознымъ элементомъ и новую причину къ глубокому раздѣленію; однако германское племя, и раздробленное, всетаки сохраняло сознаніе своего единства. Но императоръ австрійскій, который долженъ бы былъ болѣе всего заботиться о томъ, чтобы дать Германіи это единство, не хотѣлъ и не могъ ничего сдѣлать. Трактаты вестфальскій и утрехтскій гарантировали права многихъ мелкихъ германскихъ государей, и потому на нихъ, какъ впослѣдствіи на трактаты 1815 года, смотрѣли, какъ на европейскую великую хартію, и всѣми силами старались сохранить ихъ. Всѣ мелкіе владѣтели находили себѣ поддержку или въ Австріи или въ какой-нибудь иностранной державѣ; одна Пруссія была для Германіи точкою опоры, находившеюся не внѣ ея, и притомъ она состояла подъ управленіемъ такого дома, который былъ достаточно силенъ и могъ служить представителемъ новыхъ идей. Этимъ и объясняется быстрое развитіе прусскаго государства.

III.

Пруссія въ правленіе Фридриха Великаго.

Со времени войны за австрійское наслѣдство въ положеніи, принятомъ Пруссіею, уже проглядывали завоевательныя намѣренія. Фридрихъ II, побѣдитель при Мольвитцѣ, уже пріобрѣлъ Силезію.

Австрія избѣгла первой угрожавшей ей гибели. Ахенскій трактатъ былъ для нея первою остановкою въ ея паденіи. За Пруссіею утверждено было обладаніе Силезіею, но Австрія еще осталась имперіею. Этотъ споръ измѣнилъ обстоятельства. Война за австрійское наслѣдство, предпринятая съ цѣлью отнять у австрійскаго дома императорскую корону и раздробить его владѣнія, не имѣла теперь ни цѣли, ни основанія. Франція поняла опасность, угрожавшую ей со стороны Пруссіи, и, отказавшись отъ своей вѣковой политики, встала въ семилѣтней войнѣ на сторону Австріи. Такимъ образомъ, въ этой войнѣ Пруссія имѣла противъ себя Австрію, въ союзѣ съ Франціею и Россіею.

Марія-Терезія старалась склонить и другія германскія государства къ войнѣ съ Пруссіею, и, не смотря на свою гордость, унижалась передъ г-жею Помпадуръ, которая была въ то время королевой, или, лучше сказать, королемъ Франціи. Саксонія, понимая, что Пруссія была и для нея опасна, болѣе и болѣе сближалась съ Австріею. Такимъ образомъ, курфюршество бранденбургское, спустя столѣтіе послѣ вестфальскаго трактата, когда она имѣла еще такъ мало значенія, стало столь могущественнымъ, что возбудило противъ себя коалицію трехъ силь-

нѣйшихъ европейскихъ монархій, боролось съ ними и осталось побѣдителемъ.

Союзникомъ Фридриха Великаго была тогда одна Англія, для которой онъ защищалъ Ганноверъ отъ вторженія французскихъ войскъ. Англія смотрѣла на Германію, какъ на страну, раздираемую несогласіями, которыми можно было пользоваться, чтобы обдѣлывать свои дѣла въ ущербъ другимъ народамъ, — какъ на театръ войны, на которомъ она, постоянно возбуждая народы другъ противъ друга съ цѣлью ослабить ихъ взаимно наносимыми ударами, и, пользуясь ихъ несчастіями и тѣмъ, что вниманіе ихъ было отвлечено, могла захватить въ свои руки владычество надъ морями. Такой же политикѣ вскорѣ стала держаться Россія; когда ей нужно было раздѣлить Польшу, или обрѣзать турецкія владѣнія, она также возбуждала смуты на Рейнѣ и вмѣшивалась въ дѣла Германіи. Война должна бы быть явленіемъ весьма рѣдкимъ, люди должны бы были прибѣгать къ ней, какъ къ послѣднему средству и единственно съ цѣлью доставить торжество праву и справедливости; между тѣмъ, она весьма часто бывала вызываема людьми, пользующимися славою людей государственныхъ, весьма изобрѣтательными, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы въ странѣ, чуждой интересамъ, изъ-за которыхъ они спорятъ, въ странѣ мирной, незавоевательной, — для отвлеченія общаго вниманія — возбуждать выгодныя лишь для нихъ войны. Несчастная Германія, это поле битвы всегда открытое для европейскихъ армій, слишкомъ много и слишкомъ долго страдала отъ этихъ войнъ, для которыхъ она, по географическому своему положенію, въ центрѣ стольких честолюбивыхъ государствъ, повидимому, была предназначена; отсюда родилась въ ней столь естественная, столь настоятельная, столь живая потребность объединиться для того, чтобы укрѣпить и оборонить себя.

Неудивительно, что ревность Австріи могла вооружить Европу противъ государя, неугрожавшаго общей независимости; Фридрихъ не былъ любимъ. Маріи-Терезіи онъ былъ ненавистенъ; Франція, дважды обманутая имъ передъ ахенскимъ миромъ, смотрѣла на него съ недовѣрчивостью; король Георгъ англійскій и императрица русская, которыхъ онъ оскорбилъ своими острота-

ми, также не любили его. Понятно, почему симпатіи Франціи были въ этомъ случаѣ на сторонѣ Австріи. Марія-Терезія съ мужественною энергіею и съ страстною нѣжностью матери защищала то, что считала наслѣдіемъ своихъ дѣтей. Хотя она и была любима добрымъ австрійскимъ народомъ, тѣмъ болѣе привязаннымъ къ своимъ государямъ, чѣмъ болѣе они были несчастны; однако, для господства надъ всею Германіею, въ Пруссіи былъ элементъ единства болѣе могущественный, нежели въ Австріи: Фридрихъ Великій вскорѣ доказалъ это.

Итакъ, противъ Фридриха, поддерживаемаго, правда, Англіею, боровшеюся въ тоже время съ Франціею и Испаніею, были три могущественнѣйшія государства Европы. Фридрихъ и Вильямъ Питтъ, имѣя общіе интересы, вели отдѣльно континентальную и морскую войну. Мы не имѣемъ намѣренія восхвалять здѣсь превосходство Фридриха надъ его врагами, его высокій геній, дисциплину его войскъ, искусство его сподвижниковъ, уже прославленныя другими. Какъ полководцевъ, Австрія противупоставила ему, Брауна, Лаудона, Дауна; какъ дипломата—Кауница. Замѣтимъ что Франція, желая нападеніемъ на Ганноверъ нанести ударъ Англіи, заставила и Ганноверъ и сосѣднія съ нимъ государства сдѣлаться оплотомъ Пруссіи; притомъ она не обратила вниманія на войну морскую. Что касается до секретнаго договора, то трактатъ этотъ былъ заключенъ слишкомъ поздно и не могъ быть полезнымъ для Франціи.

Послѣ побѣдъ надъ коалиціею подъ Росбахомъ и подъ Фрейбергомъ, первымъ дѣломъ пруссаковъ было, и тогда, какъ въ 1866 году, заставить побѣжденныхъ уплатить военныя издержки. Клейстъ съ десятью тысячами гусаръ вторгся во франконскій округъ; городъ Бамбергъ уплатилъ милліонъ червонцевъ; Нюренбергъ—полтора милліона, и кромѣ того, долженъ былъ отдать все, что было въ его арсеналѣ и двѣнадцать только что отлитыхъ пушекъ. И съ другихъ городовъ взята была контрибуція. Отряды прусскихъ гусаръ разъѣзжали по странѣ и являлись у городскихъ воротъ; если мирные жители не спѣшили отворить имъ воротъ, они слѣзали съ лошадей и вламывались въ городъ силою. Такъ, жители республики Ротенбургъ на Тауберѣ, видя приближавшійся отрядъ изъ двадцати пяти гу-

саръ, стали было укрѣплять городскіе бастіоны, однако не рѣшились выдержать осаду; ужасъ овладѣлъ ими и они покорились необходимости уплатить сто тысячь червонцевъ. Страхъ распространялся и между владѣтельными князьями средней Германіи, но нигдѣ паника не была такъ сильна, какъ въ Регенсбургѣ.

Въ Регенсбургъ пришло извѣстіе, что въ окрестностяхъ показался отрядъ въ двѣсти человѣкъ гусаръ и уже приближается къ городу. Какъ защищаться? Двѣсти человѣкъ гусаръ хотятъ осадить городъ, въ которомъ двадцать тысячь жителей! Страхъ напалъ на всѣхъ. Представители германскихъ государствъ, бывшіе въ то время въ сборѣ въ Регенсбургѣ, упаковали свои пожитки и отправили ихъ на судахъ по Дунаю; сеймъ готовъ былъ разойдтись. Представитель Пруссіи, впродолженіи семи лѣтъ бывшій предметомъ ненависти мелкихъ владѣтельныхъ князей Германіи и ихъ представителей вдругъ сдѣлался предметомъ ихъ любви и покровителемъ; городскія власти прислали къ нему депутацію, прося его посредничества для умилостивленія разгнѣваннаго монарха. Представитель, имѣя довольно обширную власть, послалъ гусарамъ приказъ удалиться.

Падая духомъ отъ такихъ бѣдствій, государства, входившія въ составъ имперіи, сѣтовали на оставившую ихъ, по обыкновенію, Австрію; къ тому же Фридрихъ объявилъ, что онъ перестанетъ признавать своими врагами тѣ изъ государствъ, которыя отзовутъ свои контингенты; потому мелкіе владѣтели вскорѣ начали отзывать свои войска и къ началу 1762 г. арміи сейма уже не существовало. Въ томъ же году губертсбургскій миръ положилъ конецъ семилѣтней войнѣ.

Австрія, принеся столько жертвъ, какъ бы пріобрѣла новую силу и большее единство внутри своихъ государствъ. Несчастія Маріи-Терезіи вызвали къ ней нѣкоторый энтузіазмъ въ народѣ. Любимая солдатами, смотрѣвшими на нее, какъ на свою мать, mater castrorum, эта благочестивая королева вновь пріобрѣла своему дому уваженіе въ Германіи и въ Венгріи. Съ этой точки зрѣнія конецъ этой эпохи можетъ быть названъ австрійскимъ.

Но сочувствіе къ Маріи-Терезіи было безсильно передъ могущественною организаціею прусскаго войска, выдержавшаго почти безъ союзниковъ борьбу съ Австріею, Франціею и Рос-

сіею, войска, увѣреннаго въ побѣдѣ, въ которомъ ружья дѣлали по пяти выстрѣловъ въ минуту, тогда какъ въ другихъ войскахъ ружья дѣлали не болѣе пяти выстрѣловъ въ часъ. Въ то время этими пятью выстрѣлами въ минуту и объясняли побѣды Фридриха Великаго. Германія оставила покинувшую ее Австрію и обратилась къ Пруссіи.

Обратимъ вниманіе на человѣка, игравшаго такую великую роль въ прошломъ столѣтіи и на средства, употребленныя имъ къ созданію величія своего отечества.

Фридриху Великому было уже шестнадцать лѣтъ, когда вмѣстѣ съ отцомъ, въ началѣ 1728 года, онъ посѣтилъ дрезденскій дворъ. Тамъ молодому и пылкому воображенію Фридриха открылся новый міръ. Онъ увидалъ здѣсь совершенную противуположиость строгой экономіи его отца. Въ Берлинѣ у всѣхъ въ головѣ было одно, — государственная служба; въ Берлинѣ монархъ былъ строгъ; мужчины всегда суровы, какъ дисциплина, которой они были подчинены, и строго экономны; женщины скромны, отличались семейными добродѣтелями, занимались домашними дѣлами. Совершенно противуположное представлялъ дрезденскій дворъ, гдѣ женщины составляли предметъ особеннаго вниманія; это былъ дворъ изящный, самый блистательный, самый роскошный во всей Германіи, а, можетъ быть, и во всей Европѣ. Въ Дрезденѣ государь собственнымъ примѣромъ поощрялъ легкость нравовъ; роскошь его была чисто азіатская. Здѣсь дѣламъ правленія посвящалось едва нѣсколько часовъ въ сутки, да и то съ сожалѣніемъ; здѣсь думали только о наслажденіяхъ и весело проживали общественное достояніе; одинъ праздникъ смѣнялся другимъ; удовольствія воспроизводились подъ разнообразными геніальными формами, потому что здѣсь единственнымъ опаснымъ врагомъ, съ которымъ слѣдовало бороться, считалось пресыщеніе.

Знакомство съ этимъ дворомъ должно было произвести на молодаго Фридриха тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что самъ король Августъ былъ человѣкъ очаровательный. Съ замѣчательнымъ умомъ, съ чѣмъ-то рыцарскимъ, разлитымъ во всей его личности, съ благородною наружностью, Августъ соединялъ прекрасное обращеніе и даръ очаровывать всѣхъ, кто къ нему приближался.

Но ему недостаточно было упиваться сластолюбіемъ одному; онъ хотѣлъ, чтобы и другіе слѣдовали его примѣру: чистота нравовъ, казалось, была для него молчаливымъ упрекомъ.

Но Фридрихъ, еще не вышедшій изъ-подъ строгой дисциплины отца, узналъ этотъ дворъ, не для того, чтобы подражать ему. Въ своемъ государствѣ онъ продолжалъ сохранять экономію и порядокъ, столь чуждые нравамъ Августа.

Главною заботою Фридриха, по вступленіи на престолъ, было имѣть всегда хорошую армію и полную казну. Скажемъ нѣсколько словъ объ организаціи его арміи, бывшей главнымъ рычагомъ его могущества.

Онъ хотѣлъ, чтобы, за исключеніемъ наименѣе уважаемыхъ въ Пруссіи полковъ, артиллерійскихъ, инженерныхъ и гарнизонныхъ, во всей прусской арміи офицеры были изъ дворянъ, чтобы они считали честью служить въ арміи. Употребляя дворянъ преимущественно на военную службу, и предоставляя прочія карьеры низшимъ сословіямъ, Фридрихъ хотѣлъ только сдѣлать ихъ полезными. Притомъ ихъ было такъ много, что, во все время своего правленія, онъ почти не возводилъ въ дворянство и даже не принималъ на службу въ своемъ королевствѣ дворянъ иностранныхъ. Но, хотя дворянскій титулъ и былъ необходимъ для полученія офицерскаго званія, тѣмъ не менѣе до званія этого надо было дослужиться, притомъ повышенія шли медленно. Въ войну 1778 года, старшій сынъ герцога саксенъ-кобургскаго, уже давно служившій въ прусской службѣ въ чинѣ капитана, просилъ повышенія. «Принцъ, сказалъ ему король, произведя васъ въ капитаны моей арміи, я думалъ оказать вамъ большую честь; если же вы не раздѣляете моего мнѣнія, то можете оставить службу.»

Какое бы громкое имя ни носилъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, онъ долженъ былъ начинать свою службу съ унтеръ-офицерскаго чина. Одинъ графъ просилъ у короля офицерскаго диплома для своего сына, какъ для человѣка знатнаго происхожденія. «Молодые графы, отвѣчалъ ему монархъ, ничего не знающіе, считаются во всѣхъ странахъ невѣждами. Въ Англіи, сынъ короля, чтобъ научиться управлять кораблемъ, начинаетъ службу съ матросскаго чина. Если же, по какому-нибудь чуду,

невѣжда-графъ можетъ на что-нибудь годиться, въ такомъ случаѣ ему нечего ссылаться на свои титулы и на свое происхожденіе; потому что титулы и происхожденіе—вздоръ, все зависитъ отъ личной заслуги.»

Не было примѣра, чтобы впродолженіе этого долгаго царствованія кто-нибудь получилъ офицерскій чинъ, не находясь на дѣйствительной службѣ. Нужно было особенное разрѣшеніе короля даже на то, чтобы въ отставкѣ имѣть право носить мундиръ. Фридрихъ понималъ людей и зналъ, что увлеченія проходятъ скоро, что людей привязать къ себѣ можно только выгодами. Потому выгодами, связанными съ чиномъ капитана, онъ пріучалъ молодыхъ офицеровъ терпѣливо до него дослуживаться. Впослѣдствіи же, получивъ этотъ чинъ, который, въ мирное время, приносилъ отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячь франковъ годоваго дохода, они сами крѣпко держались за него. Сумму эту выплачивало имъ не государство; каждый капитанъ стоилъ королевской казнѣ всего полторы тысячи франковъ въ годъ. Остальная часть суммы получалась имъ изъ дозволенныхъ доходовъ по содержанію роты, какъ-то: изъ сбереженія по полу-аршину сукна отъ каждаго мундира, отъ поставки пуговицъ, сбереженіе которыхъ лежало на отвѣтственности самихъ солдатъ; и въ особенности изъ шедшаго въ его пользу жалованья солдатъ, увольняемыхъ обыкновенно на десять мѣсяцевъ въ году въ отпускъ. Только небольшая часть этихъ денегъ шла въ пользу короля.

Покрайней мѣрѣ, треть роты, а иногда даже половина, была въ отпуску. Этотъ обычай, столь выгодный для капитана, былъ выгоденъ и для солдата; возвратясь домой на столь продолжительное время, онъ могъ заработать порядочныя деньги; это смягчало суровыя условія конскрипціи. Указомъ запрещено было посылать солдата въ караулъ больше одного раза въ три дня. Солдатъ могъ найдти себѣ работу на королевскихъ фабрикахъ.

Фридрихъ сдѣлалъ главною движущею силою своихъ войскъ честь. Отъ фельдмаршала до простаго солдата, каждый пруссакъ, носившій военный мундиръ, сознавалъ, что принадлежитъ

къ первому сословію въ государствѣ. Солдаты гордились уваженіемъ къ нимъ короля и забывали строгость дисциплины.

Строгость дисциплины, конечно, доходила до крайности; ею возмущались многіе современники. Въ особенности нападали на нее за то, что она прибѣгала къ наказанію палками. Безъ сомнѣнія, это наказаніе варварское; но не забудемъ, что нравы того времени были еще весьма грубы, и тѣлесныя наказанія и въ школахъ и въ арміяхъ употреблялись повсемѣстно.

Притомъ во всеобщемъ уваженіи, оказываемомъ военнымъ, было для нихъ нѣкоторое вознагражденіе за грубое обращеніе, которому они иногда подвергались. Служба военная пользовалась преимуществами предъ всѣми другими государственными службами. Ни одинъ министръ не рѣшился бы отказать въ аудіенціи простому лейтенанту. Графъ Шверинъ, совѣтникъ посольства, на одной публичной церемоніи, поссорился съ какимъ-то прапорщикомъ, не хотѣвшимъ уступить ему мѣсто и жаловался на него королю; но король оправдалъ прапорщика. Слѣдствіемъ этого было то, что племянникъ графа, видя предпочтеніе, оказываемое королемъ военному элементу передъ гражданскимъ, изъявилъ желаніе поступить въ военную службу. Впрочемъ этой же системы держался и Фридрихъ-Вильгельмъ; сынъ его, правда, нашелъ нужнымъ нѣсколько ослабить ее, и старался создать состояніе среднее между военнымъ деспотизмомъ и управленіемъ чисто гражданскимъ; но принципъ системы, который и до сихъ поръ придаетъ арміи такое важное значеніе въ Пруссіи, онъ сохранилъ.

Система набора окончательно сообщила прусской націи характеръ чисто военный. Армія набиралась двумя способами. Во 1-хъ,—наборомъ по округамъ. Все государство дѣлилось на округа; съ каждаго округа набиралось по одному полку. Округъ дѣлился на нѣсколько участковъ; каждый участокъ долженъ былъ поставить въ полкъ по ротѣ; и такимъ образомъ, каждый дворъ въ странѣ причислялся къ извѣстной ротѣ. Всѣ молодые люди, достигши извѣстнаго возраста и роста, должны были служить до тѣхъ поръ, пока были нужны; были однако исключенія изъ этого правила.—Во 2-хъ,—добровольнымъ вступленіемъ въ службу. Вербовщики разсылались по имперскимъ горо-

дамъ и по границамъ имперіи и сманивали людей въ королевскую службу. Набираемые такимъ образомъ были, большею частью, дезертиры; между ними попадалось много французовъ. Ихъ обыкновенно размѣщали по разнымъ полкамъ, такъ чтобы въ каждомъ полку число ихъ не превышало трети національныхъ солдатъ.

Такова была организація прусской арміи, такъ много совершившей, подъ предводительствомъ великаго человѣка, для политическаго развитія народа, поставленнаго нынѣ во главѣ Германіи. Фридрихъ для окончательнаго установленія новаго порядка долженъ былъ преодолѣть много препятствій; начало было трудно, но онъ желалъ; а знать то, чего желаешь, и быть способнымъ не измѣнять своего желанія — уже значитъ много.

Генію Фридриха много содѣйствовали терпѣніе, настойчивость, порядокъ, экономія,—качества, составляющія мудрость и силу человѣка въ обыкновенныхъ дѣлахъ, и обезпечивающія успѣхъ и въ дѣлахъ великихъ; и если возвышеніе Пруссіи и было подготовлено обстоятельствами, независѣвшими отъ воли Фридриха, то, во всякомъ случаѣ, понять эти обстоятельства и извлечь изъ нихъ пользу было дѣломъ его генія.

IV.

Молодость, воспитаніе, начало дѣятельности Фридриха Великаго.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ интеллектуальномъ и нравственномъ развитіи Пруссіи. Съ губертбургскаго мира начинается для нея новая эра. Стараясь заживить раны, нанесенныя войною его провинціямъ, Фридрихъ поощрялъ земледѣліе и промышленность и дѣятельно занимался всѣми отраслями администраціи. Онъ въ одно-и-тоже время вводилъ и поощрялъ въ своемъ королевствѣ разведеніе картофеля, и заботился о развитіи всѣхъ мирныхъ искусствъ.

Не слѣдуетъ думать, что Пруссія обязана этому великому человѣку только своимъ политическимъ устройствомъ и своимъ военнымъ могуществомъ; онъ-же положилъ основаніе интеллектуальному и нравственному величію своего отечества.

Въ началѣ своей дѣятельности и своего правленія онъ имѣлъ особое расположеніе къ Франціи; это расположеніе было такъ сильно, что Германія, оскорбленная въ своемъ самолюбіи, могла, не безъ основанія, ставить ему въ упрекъ его любовь къ иностранцамъ. Но, можетъ быть, тогда онъ еще не зналъ, какія средства для достиженія своихъ цѣлей онъ могъ и долженъ былъ найдти въ своихъ соотечественникахъ. Онъ такъ былъ ослѣпленъ превосходствомъ Франціи, что не замѣчалъ тѣхъ сторонъ, которыми она и тогда уже уступала Германіи. Въ военное время онъ оказывалъ столько-же вниманія къ плѣннымъ французскимъ офицерамъ, какъ и къ своимъ; мало сказать, что онъ хо-

тѣлъ перенести въ Берлинъ Парижъ, онъ хотѣлъ перенести въ Пруссію всю Францію, съ ея учрежденіями, нравами и духомъ. Такъ, онъ поручилъ Гельвецію ввести въ Пруссіи таможни по образцу французскихъ.

Фридрихъ Великій не сдѣлался, какъ говорилъ его отецъ, французскимъ пети-метромъ, острякомъ, который могъ только испортить его дѣло. Исторія этого великаго человѣка ясно опровергаетъ такое печальное предсказаніе и такъ извѣстна, что было бы излишнимъ ее разсказывать; однако полезно въ воспитаніи молодаго Фридриха изучить причины величія его характера, бывшаго столь благодѣтельнымъ для его отечества.

Фридрихъ Великій былъ воспитанъ въ спасительной школѣ несчастія. Жизнь, повидимому, улыбалась ему; но отецъ позаботился замѣнить для него соблазны, окружающіе обыкновенно молодость государей, неумолимо строгою дисциплиною. Фридрихъ-Вильгельмъ не понималъ своего сына, призваннаго къ столь великой дѣятельности. Этому грубому, суровому монарху, всегда окруженному безграмотными генералами, не нравилась въ немъ даже любовь его къ литературѣ. Онъ предпочиталъ ему втораго своего сына, Августа-Вильгельма; его и хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ. Къ счастію для Пруссіи, Фридрихъ съумѣлъ энергически отстоять свои права. За то, что онъ хотѣлъ бѣжать изъ Берлина, отецъ поступилъ съ нимъ, какъ съ преступникомъ; онъ заключилъ его въ кюстринскую цитадель. Главною изъ причинъ величія Фридриха было именно его воспитаніе, болѣе нежели строгое, и жестокое съ нимъ обращеніе отца. Характеръ его окрѣпъ вслѣдствіе этой жестокости, школа несчастій была для него лучшимъ искусомъ. Какъ для частныхъ лицъ, такъ и для государей, одинаково вредно проводить молодость свою беззаботно; въ счастіи человѣкъ изнѣживается, и тогда несчастіе застаетъ его безоружнымъ и неспособнымъ къ борьбѣ.

Однакоже большую часть своихъ качествъ молодой Фридрихъ получилъ отъ природы; характеръ его какъ будто сложился изъ двухъ, изъ характера его отца и характера дѣда: такъ что въ этомъ великомъ человѣкѣ воплощены были военный духъ, духъ порядка и экономіи, благороднѣйшія интеллектуальныя стремленія, любовь къ наукамъ и искусствамъ, положительность и практич-

ность, однимъ словомъ, всѣ качества, наиболѣе необходимыя въ то время для управленія Пруссіею.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, когда Марія-Доротея, принцесса ганноверская, жена его, произвела на свѣтъ Карла-Фридриха, столь знаменитаго впослѣдствіи подъ именемъ Фридриха II. Черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ его рожденія умеръ король, его дѣдъ. Въ это время, не смотря на отвращеніе Фридриха-Вильгельма къ пышности, искусствамъ и иностраннымъ модамъ, особенно французскимъ, въ Берлинѣ жило много образованныхъ иностранцевъ. Многіе изъ нихъ прибыли въ Пруссію по приглашенію покойнаго короля, ревностно желавшаго окружить свой тронъ блестящими талантами. Другіе принадлежали къ числу французскихъ изгнанниковъ, жертвъ религіозной нетерпимости своего короля. Они были восторженными проповѣдниками литературной славы своего отечества.

Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые принимали участіе въ воспитаніи молодаго Фридриха. Его гувернанткою была мадамъ Дюваль-де-Рокуль, женщина замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ, исправлявшая туже должность, хотя и безуспѣшно, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ. Она поселила въ молодомъ принцѣ первые зародыши горячей и постоянной любви къ произведеніямъ французской литературы.

Во многихъ отношеніяхъ женщины въ дѣлѣ воспитанія имѣютъ значительное преимущество передъ мущинами; въ женщинахъ не только сердце, но и самый умъ одарены такою деликатностью, тактомъ и ловкостью, которыхъ невсегда можно найти въ мущинахъ; есть вещи, которыя женщины объясняютъ превосходно и которыя онѣ заставляютъ лучше понимать и въ тоже время живѣе чувствовать; мущины менѣе ихъ способны облагородить душу и развить характеръ. Въ сравнительно незначительномъ числѣ истинно великихъ людей, о которыхъ говоритъ исторія, многіе изъ нихъ обязаны своимъ величіемъ матерямъ, воспитавшимъ ихъ. Фридрихъ постоянно сохранялъ къ мадамъ Дюваль-де-Рокуль самое нѣжное чувство признательности. Одинъ вечеръ въ недѣлю онъ проводилъ у нея, въ обществѣ образованныхъ людей, преимущественно французовъ, обыкновенно приглашаемыхъ ею по его назначенію. Онъ

оставался вѣренъ этой привычкѣ во все время, пока была жива м-мъ де-Рокуль, даже и тогда, когда сдѣлался королемъ. М-мъ де-Рокуль умерла въ 1741 году и слѣд. могла имѣть удовольствіе видѣть начало славнаго царствованія своего воспитанника.

Французскій эмигрантъ изъ Шампани, дю-Ганъ, былъ преподавателемъ Фридриха. Прежде онъ служилъ въ рядахъ прусской арміи. Это и было главною причиною, почему Фридрихъ-Вильгельмъ остановилъ на немъ свой выборъ и даже извинялъ ему, что онъ не былъ совершенный невѣжда. Дю-Ганъ любилъ всѣмъ противорѣчить и этимъ хотѣли объяснить ту наклонность къ спорамъ, тотъ скептицизмъ, тотъ злой и насмѣшливый юморъ, которыми такъ рѣзко отличался Фридрихъ. Но въ самомъ характерѣ короля, въ самой его личности обнаруживалось такъ много къ тому сильныхъ наклонностей, что совершенно безполезно объяснять столь рѣзкую черту его характера какимъ-нибудь внѣшнимъ, второстепеннымъ вліяніемъ. При проницательномъ взглядѣ, при возвышенномъ умѣ, при положеніи дающемъ возможность видѣть, что большинство, не заботясь объ общихъ интересахъ, думаетъ только объ удовлетвореніи личныхъ страстей и своихъ частныхъ нуждъ, человѣку, такъ высоко стоящему надъ другими, весьма естественно смотрѣть на нихъ, какъ на людей, вполнѣ заслуживающихъ, съ его стороны какъ-бы невольнаго, презрѣнія и насмѣшки. Не забудемъ что, становясь королями, эти люди не перестаютъ быть людьми; они также могутъ испытывать чувства гнѣва, негодованія, при видѣ порочности окружающихъ нхъ людей; и короли могутъ имѣть свое горе и чувствовать потребность въ утѣшеніи; нужно ли этимъ людямъ отказывать въ томъ, въ чемъ мы не отказываемъ простымъ смертнымъ? Насмѣшка есть одно изъ мягкихъ средствъ утѣшенія.

Фридрихъ Великій съ дѣтства проявлялъ въ своихъ поступкахъ, въ забавахъ наклонность къ насмѣшкѣ. Онъ очень любилъ своихъ обезьянъ и онѣ много помогали ему въ его проказахъ. Каждая изъ нихъ пользовалась извѣстнымъ титуломъ: канцлера, каммергера, тайнаго совѣтника, контролера. «Вотъ, говорилъ онъ указывая на нихъ, придворный штатъ моего дѣда Фридриха I». Однажды одного изъ этихъ злыхъ придворныхъ

не было въ комнатѣ, въ которой молодой принцъ имѣлъ обыкновеніе съ нимъ бесѣдовать. Онъ отворилъ дверь въ слѣдующую комнату и закричалъ: «г. совѣтникъ, гдѣ вы?» Въ это время въ пріемной комнатѣ былъ очень важный господинъ, тоже совѣтникъ; но не совѣтникъ—обезьяна, а человѣкъ—совѣтникъ, состоявшій на службѣ прусскаго короля, ждавшій аудіенціи; онъ, полагая, что эти слова относились къ нему, отдѣлился изъ толпы и съ низкими поклонами подошелъ къ наслѣднику престола. Фридрихъ разразился при этомъ самымъ откровеннымъ смѣхомъ и сказалъ смутившемуся господину: «я звалъ не васъ, а обезьяну; но все равно—войдите.» На офицера Кенцеля была возложена обязанность заниматься военными упражненіями съ молодымъ принцемъ, который на восьмомъ году получилъ въ свое распоряженіе небольшой арсеналъ, со всякаго рода оружіемъ, соотвѣтствовавшимъ его силамъ. Вскорѣ потомъ Фридрихъ-Вильгельмъ назначилъ сына, въ чинѣ капитана, командиромъ кадетскаго корпуса. Фридрихъ каждый день производилъ съ своими маленькими солдатами тѣже маневры, какія король—съ своими великанами.

Съ военной дисциплиной находилась въ тѣсной связи религіозная дисциплина, въ самомъ строгомъ, тѣсномъ смыслѣ этого слова; несмотря на названіе религіозной эта дисциплина не имѣла ничего, что̀ бы давало пищу мысли или трогало сердце. Богъ, какъ понималъ его Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ почти тоже, что полковой командиръ; религіозныя обязанности, въ его глазахъ, требовали такого же строгаго исполненія, какъ и обязанности военныя; на церковную службу онъ смотрѣлъ, какъ на военный парадъ; онъ не заботился о томъ, принимаетъ ли участіе въ богослуженіи душа человѣка, лишь бы тѣло его присутствовало на немъ. На богослуженіе, по мнѣнію Фридриха Вильгельма, должно всѣмъ являться, въ формѣ, какъ на перекличку. Кто вошелъ въ церковь, тому не позволялось выходить изъ нея раньше окончанія службы; за этимъ строго наблюдали чиновники, стоявшіе у дверей. Впрочемъ, со смертію Фридриха Вильгельма не окончательно умеръ взглядъ его на исполненіе религіозныхъ обязанностей; нашлись люди, которые и послѣ него раздѣляли его. Молодой Фридрихъ въ такой школѣ могъ най-

ти весьма мало пищи для развитія истиннаго религіознаго чувства, но онъ привыкъ къ строгому исполненію внѣшнихъ обязанностей.

Наслѣдникъ прусскаго престола съ ранней молодости былъ пріученъ къ экономіи. Король на мелочные расходы его назначалъ въ годъ сначала по 360, потомъ по 600 флориновъ. Эти деньги никогда не давались Фридриху на руки сполна и притомъ въ расходованіи ихъ онъ долженъ былъ давать своимъ наставникамъ подробный отчетъ. Наставники въ концѣ каждаго мѣсяца повѣряли счеты, а по истеченіи года просматривалъ ихъ самъ король и, если оказывался остатокъ, выражалъ сыну свое удовольствіе. При этомъ нельзя не обратить вниманія на бережливость отца и не удивляться необыкновенной силѣ воли сына. По приказанію отца, оставашіяся деньги поступали обратно въ кассу сына, но какъ часть суммы, ассигнованной на его расходы въ слѣдующемъ году. Фридрихъ же отказывалъ себѣ иногда въ необходимомъ, чтобы только посредствомъ экономіи достигнуть дѣйствительнаго сбереженія отпускаемой ему суммы, и не заслужить нерасположенія отца.

Въ его воспитаніи особенное вниманіе было обращено на тѣлесныя упражненія и Фридрихъ оказалъ въ нихъ большіе успѣхи. Нельзя того же сказать относительно его литературныхъ и ученыхъ занятій; таково было требованіе самого Фридриха-Вильгельма. Впрочемъ дю-Ганъ занимался съ нимъ исторіею, философіею и французскою литературою, а маіоръ де-Сонингъ математическими и военными науками.

Что касается изящныхъ искусствъ, то не должно думать, что Фридрихъ-Вильгельмъ былъ совершенно ихъ чуждъ: онъ былъ любитель музыки, но не хотѣлъ знать никакихъ другихъ инструментовъ, кромѣ флейты и барабана. Молодой князь, имѣя болѣе высокое понятіе о музыкѣ, сначала игралъ на флейтѣ соло, потомъ перешелъ къ дуэтамъ, въ которыхъ принимала участіе дочь одного бюргера. Фридрихъ-Вильгельмъ не зналъ, что искусства, служащія для развлеченія, приняли столь значительные размѣры въ суровомъ воспитаніи, которое онъ хотѣлъ дать сыну. Онъ не былъ расположенъ вводить въ его воспитаніе музыку съ акомпаниментомъ. Первою мыслью, послѣ того, какъ до

него дошли слухи о томъ, что дѣлалъ его сынъ, было опасеніе, что молодая дѣвушка имѣетъ виды на прусскую корону и потому дуэты были прекращены. Но жестокость короля этимъ не удовлетворилась, онъ велѣлъ высѣчь дѣвушку. Впрочемъ, это не помѣшало ей впослѣдствіи выйти за-мужъ. Фридрихъ, вступивъ на престолъ, не забылъ того, что эта несчастная выстрадала изъ-за него; онъ велѣлъ розыскать ее и узнавъ, что она замужемъ, не возобновляя съ ней дуэтовъ молодости, сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы загладить звѣрскій относительно ея поступокъ его отца.

Мы говорили уже о путешествіи Фридриха Великаго въ его молодость ко двору короля Августа. Въ нѣкоторомъ отношеніи это путешествіе имѣло благодѣтельное вліяніе на судьбы Пруссіи. Тогда Дрезденъ былъ германскими Аѳинами; въ это святилище наукъ, искусствъ и философіи стекались всѣ представители тогдашняго просвѣщенія. Здѣсь-то, среди интеллектуальнаго движенія, молодой принцъ обнаружилъ въ первый разъ свой умъ живой, проницательный, жаждущій познаній, не любящій никакихъ стѣсненій.

Таково было воспитаніе Фридриха. Неудивительно, что онъ въ началѣ своего царствованія оказывалъ столь явное предпочтеніе всему французскому. Только впослѣдствіи, пройдя половину жизненнаго пути, онъ убѣдился, что Германія, вмѣсто того, чтобы подражать иностранцамъ, должна имѣть элементы нравственнаго и умственнаго величія въ себѣ самой, въ своемъ собственномъ геніѣ.

Много было говорено объ отношеніяхъ Фридриха къ Вольтеру и объ ихъ ссорѣ. Мы прибавимъ только, что Вольтеръ, обладая вполнѣ философскимъ умомъ, не обладалъ характеромъ, свойственнымъ философу. Исторія его ссоры съ королемъ показываетъ, что лучшая роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ послѣднему.

Во дворцѣ Сан-Суси Вольтеръ нашелъ счастье и почти свободу. Здѣсь онъ весь отдался литературнымъ занятіямъ и за исключеніемъ часовъ, посвященныхъ на бесѣды съ гостепріимнымъ королемъ, могъ вполнѣ свободно располагать всѣмъ своимъ временемъ; здѣсь онъ окончилъ нѣсколько драмъ, Siècle du

Louis XIV, началъ поэму la Loi naturelle и привелъ въ порядокъ матеріалы для Essai sur les moeurs et l'esprit des nations; здѣсь же, почти рядомъ съ нимъ, Фридрихъ одинъ безъ министровъ управлялъ дѣлами государства, усиливая войско, слѣдя внимательно за европейскими кабинетами, писалъ стихи, сочинялъ музыку, рѣшалъ философскіе вопросы и составлялъ исторію Бранденбургіи.

Любовь Фридриха къ литературнымъ и умственнымъ занятіямъ раздѣляла вся королевская семья. Часто братьями и сестрами короля исполнялись,—въ присутствіи Вольтера, его трагедіи; Смерть Цезаря, Брутъ, Магометъ, Катилина пользовались, предъ другими піесами, особеннымъ предпочтеніемъ, довольно страннымъ въ такомъ обществѣ. Вольтеръ былъ главнымъ руководителемъ въ декламаціи, разучивалъ съ актерами роли, при чемъ безпощадно бранилъ своихъ послушныхъ учениковъ.

Пока ничто не возмущало этой поэтической жизни, Сан-Суси казался скорѣе счастливымъ убѣжищемъ музъ, нежели жилищемъ короля. Здѣсь поднимались высшіе нравственные, политическіе, литературные, ученые и художественные вопросы, здѣсь шла блистательная борьба между двумя въ высшей степени образованными и умными людьми того времени. На ученыхъ и веселыхъ ужинахъ въ Сан-Суси присутствовали Мопертюи, д'Аржанъ, Альгоротти, Пёльницъ. Въ этой умственной борьбѣ, Фридрихъ, не боявшійся соперниковъ, подавалъ собою правителямъ народовъ благородный примѣръ: онъ добровольно отказывался отъ высокаго сана, увѣренный, что безъ всякой для себя опасности можетъ допустить противорѣчіе; вмѣсто королевскаго титула, при немъ оставался его геній.

Сильное желаніе познать истину и терпимость, какъ прямое слѣдствіе этого желанія, составляютъ неотъемлемыя права Фридриха Великаго на уваженіе къ нему философовъ и мудрецовъ.

Другой правитель Германіи, императоръ Іосифъ II, доказалъ что и онъ умѣлъ понимать необходимость и значеніе терпимости и цѣнить независимость философіи. Онъ сказалъ историку Шмидту: «не щадите никого, ни даже самого Іосифа II; мои ошибки и ошибки моихъ предковъ могутъ послужить урокомъ по-

томству. «Многіе ли, мы не скажемъ императоры, а частныя лица, еслибы имъ пришлось произнести эти слова, не отказались отъ нихъ впослѣдствіи, подъ предлогомъ, что они были сказаны въ шутку.

Въ то время, когда во Франціи преслѣдовали протестантовъ, когда въ длинный списокъ жертвъ религіознаго фанатизма было внесено имя новаго мученика, Каласа, Фридрихъ давалъ убѣжище энциклопедистамъ и всѣмъ, недовольнымъ французскимъ правительствомъ, къ какому бы классу они ни принадлежали; такъ, онъ предложилъ Руссо жить въ Потсдамѣ, былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Гельвеціемъ, принялъ къ себѣ въ качествѣ чтеца Ла-Метри. Однако изъ этого не слѣдуетъ, что онъ раздѣлялъ всѣ ихъ убѣжденія, но только то, что въ области духа онъ допускалъ полную свободу.

Впрочемъ изъ того, что этотъ король далъ убѣжище столькимъ независимымъ умамъ, можно было бы заключать по крайней мѣрѣ, что онъ раздѣлялъ ихъ индеферентизмъ, скептицизмъ и атеизмъ.

Но онъ называлъ д'Аламбера Діагоромъ, именемъ атеиста изъ Милоса, и опровергалъ сочиненія, въ которыхъ проповѣдывался атеизмъ. Вообще философскія убѣжденія въ немъ, какъ и въ большей части людей того времени, были шатки. Его девизъ: мой долгъ есть мой Богъ, доказываетъ не атеизмъ, а скорѣе стоицизмъ и притомъ стоицизмъ человѣка просвѣщеннаго и умѣреннаго, врага всякихъ крайностей. Онъ писалъ къ Вольтеру: «Вы знаете, какія несчастія породилъ религіозный фанатизмъ; берегитесь же, чтобы фанатизмъ не проникъ и въ философію».

Фридрихъ Великій понималъ значеніе истинной терпимости, онъ постоянно былъ за нее, постоянно слѣдовалъ ей, кромѣ единственнаго случая, когда онъ увлекся противуположнымъ чувствомъ; онъ отвергалъ всякій фанатизмъ: религіозный, политическій, философскій, особенно же послѣдній. Онъ доказалъ это на орденѣ іезуитовъ, къ которому былъ постоянно благосклоненъ, хотя одного изъ его членовъ велѣлъ повѣсить. О чемъ мы считаемъ нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности.

До появленія книги Февронія орденъ іезуитовъ не встрѣчалъ

при римскомъ дворѣ особенной поддержки. Въ 1759 г. іезуиты были изгнаны изъ Португаліи, нѣсколько лѣтъ спустя изъ Франціи, Неаполя и Пармы. Въ католической части Германіи, Венгріи, Россіи и Польшѣ этотъ орденъ еще оставался, но уже потерялъ свою прежнюю силу. Іосифъ II выразилъ свое личное удовольствіе, узнавъ о мѣрахъ, принятыхъ противъ нихъ французскимъ министерствомъ. Онъ при этомъ вспомнилъ, что его дѣдъ Іосифъ I былъ готовъ избавиться отъ нихъ; когда его исповѣдника намѣревались отозвать въ Римъ, онъ желалъ отпустить съ нимъ всѣхъ іезуитовъ. Марія-Терезія продолжала еще оказывать особенное уваженіе къ ордену, къ которому принадлежалъ ея исповѣдникъ. Климентъ XIII просилъ ходатайства Маріи-Терезіи передъ бурбонскими дворами, съ которыми онъ былъ во враждѣ, за іезуитовъ; но впослѣдствіи, когда она положительно убѣдилась, что тайны исповѣди ея извѣстны въ Римѣ, она сама настоятельно требовала уничтоженія ордена. Съ осужденіемъ произнесеннымъ противъ іезуитовъ Климентомъ XIV ихъ стали изгонять изъ всѣхъ государствъ.

Въ Германіи относительно немногихъ членовъ этого ордена держались той же системы, какой прежде держались относительно храмовниковъ. Іезуиты протестовали, предсказывая гибель религіи. Въ Австріи, какъ и въ Баваріи, они распались на партіи; ихъ имущества были конфискованы и пошли на учрежденіе благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеній. Воспитательныя заведенія въ Австріи, какъ и въ Польшѣ, съ уничтоженіемъ ордена іезуитовъ, были поручены піаристамъ.

Одинъ только король прусскій не признавалъ папской буллы, уничтожающей орденъ іезуитовъ. Онъ запретилъ распространеніе ея въ Силезіи и Клевской провинціи и писалъ къ аббату Коломбино, своему агенту въ Римѣ: скажите, кому слѣдуетъ, хотя и не съ особенной горячностью, а какъ бы кстати, что мое намѣреніе—сохранить въ моихъ владѣніяхъ за іезуитами права, которыми они до сихъ поръ пользовались. По Бреславскому миру я гарантировалъ за Силезіею statu quo. Іезуиты во многихъ отношеніяхъ, по моему мнѣнію, лучшіе священники. Къ тому же прибавьте, что, такъ какъ я принадлежу къ еретикамъ, то святой отецъ не можетъ освободить меня отъ испол-

ненія моего честнаго слова и обязанностей, лежащихъ на мнѣ, какъ на честномъ человѣкѣ и королѣ.

Правда, Фридрихъ Великій не всегда оставался такого мнѣнія объ іезуитахъ. Въ семилѣтнюю войну онъ сталъ думать объ нихъ совершенно иначе: и такъ жестоко относился къ ихъ принципамъ, что въ 1757 г, даже приказалъ повѣсить іезуита Фаульгабера въ Галацѣ, за распространеніе имъ ученія, что дезертирство принадлежитъ къ искупимымъ грѣхамъ. Однако это былъ тотъ же самый Фридрихъ, который, не смотря на убѣжденія д'Аламбера не довѣряться іезуитамъ, такъ разумно доказывалъ, что надо прощать нанесенныя намъ обиды. Явленіе такъ рѣзко противорѣчащее той терпимости, которую Фридрихъ Великій постоянно проповѣдывалъ, объясняется антагонизмомъ, часто проявлявшихся убѣжденій его, какъ политика и философа. Для политика, для короля, угрожаемаго нападеніемъ, подвергающаго себя тысячѣ опасностей, нужны солдаты, нужна увѣренность, что они не оставятъ его въ самую критическую минуту и, какъ воинъ, онъ принималъ энергическія мѣры не только для того, чтобы имѣть подъ руками многочисленную армію, но и для того, чтобы ни одинъ солдатъ не сдѣлался дезертиромъ. Этимъ объясняется жестокая строгость его, въ этомъ случаѣ несогласная съ обыкновенною терпимостью его, какъ человѣка.

Французскія идеи господствовали въ Пруссіи исключительно въ продолженіе первой половины царствованія Фридриха, но наконецъ пробудился національный духъ. Эту реакцію началъ Лессингъ, не переставая быть справедливымъ относительно Франціи. Въ 1765 г. Николаи издалъ Всеобщую германскую библіотеку. Фридрихъ сталъ знакомиться съ германскими учеными, въ 1737 онъ приглашалъ Рабенера къ себѣ на службу; но послѣдній съ справедливою гордостью отказался быть представленнымъ королю французомъ д'Аржаномъ и требовалъ, чтобы разговоръ съ королемъ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ, на что дано было благосклонное согласіе. Готтшедъ нѣсколько разъ былъ при дворѣ Фридриха, который прозвалъ его «германскимъ лебедемъ». Геллертъ пользовался покровительствомъ короля за басни, возбуждавшія въ немъ удивленіе. Въ 1762 г. былъ представленъ Фридриху историкъ Путтертинъ.

Король, понимая достоинство французской литературы, къ чести его надо сказать, понималъ, какъ было бы желательно перенести въ Германію все, что могло быть заимствовано у Франціи и видѣть на ея почвѣ, истощенной войною, дерево, которое бы приносило цвѣты и плоды.

Задача историка не въ томъ, чтобы творить кумировъ, обоготворять великихъ людей, скрывая ихъ слабости, ошибки, преступленія; но въ томъ, чтобы показать ихъ такими, какими они были на самомъ дѣлѣ, со всѣми ихъ добродѣтелями и пороками. Фридрихъ Великій былъ человѣкъ и, какъ человѣкъ, имѣлъ свои слабости, свои пороки, свои заблужденія, но, кромѣ всего этого и не смотря на все это, онъ былъ и великій полководецъ, великій политикъ, и человѣкъ съ характеромъ возвышеннымъ, твердымъ, благороднымъ, окрѣпшимъ въ несчастіяхъ и развитымъ занятіями философіей, науками и искусствами. Онъ сдѣлалъ Пруссію великою, пробудивъ въ ней народный духъ,—великою въ политическомъ и научномъ отношеніи.

Съ интеллектуальной и нравственной точки зрѣнія онъ возвысилъ ее тою философскою умѣренностью, съ которой онъ управлялъ страною. Съ точки зрѣнія исключительно политической онъ понялъ, что необходимо вывести ее изъ старой колеи отжившихъ феодальныхъ учрежденій. Съ общей религіозно-философско-политической точки зрѣнія онъ понялъ, что пришло для Германіи время покончить со всѣми суевѣріями и всякаго рода фанатизмомъ. Онъ понялъ, что въ отношеніяхъ научномъ и художественномъ, германскій духъ не долженъ ограничиваться подражаніемъ, но и проявить себя въ самостоятельной дѣятельности.

IV.

Первыя попытки возстановить единство германской имперіи.

Въ первыхъ главахъ мы указали на тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ Пруссія начала пріобрѣтать постепенно возростающее вліяніе на дѣла Германіи. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на австрійскую имперію и посмотримъ, почему ни Марія-Терезія, ни Іосифъ II не могли стать во главѣ движенія возрождавшейся Германіи.

Марія-Терезія умерла 29 сентября 1780 года, 64 лѣтъ отъ роду и на 40-мъ году своего царствованія, оставивъ по себѣ память добродѣтельной женщины и доброй правительницы; но она не была представительницею новаго духа и всю жизнь оставалась вѣрна старымъ принципамъ монархическаго абсолютизма и религіозной нетерпимости католицизма. Она возвратила австрійскому дому титулъ апостольскаго величества, который папа Сильвестръ II передалъ св. Стефану, первому королю венгерскому. При вступленіи на престолъ она готова была изгнать евреевъ изъ своихъ владѣній, но отъ этого намѣренія отклонили ее папа и король польскій. Впрочемъ, ея рѣдкія личныя достоинства во многихъ отношеніяхъ искупали то, что дурнаго было въ ней вслѣдствіе принциповъ, пріобрѣтенныхъ ею при воспитаніи. Даже самые жестокіе противники ея отзывались объ ней не иначе, какъ съ почтеніемъ и уваженіемъ. Фридрихъ Великій въ 1781 году писалъ къ д'Аламберу: «я велъ войну съ Маріей-Терезіей, но никогда не былъ ея врагомъ.»

Въ 1765 году, по смерти Франциска I, сынъ Маріи-Терезіи, Іосифъ II, уже прежде избранный по ея повелѣнію королемъ римскимъ, былъ провозглашенъ императоромъ. Изъ отцовскаго наслѣдства онъ получилъ только графство Фалькенштейнъ. Въ то время ему было уже 40 лѣтъ. Марія-Терезія назначила его своимъ соправителемъ въ наслѣдственныхъ его земляхъ; но онъ, какъ и отецъ его, пользовался властію только номинально. Іосифъ II въ извѣстной степени былъ либералъ, новаторъ, къ тому же отъ природы былъ человѣкъ талантливый; но не такой императоръ, какъ онъ, нуженъ былъ тогда для возрождавшейся Германіи. Неоконченное воспитаніе не искоренило въ немъ ни деспотическихъ привычекъ, ни религіозной нетерпимости. Продолжительное правленіе Іосифа II, какъ императора, ознаменовалось преимущественно административными распоряженіями относительно посѣщенія имперской палаты, устройствомъ при ней постояннаго сената, и диспутами, вызванными сочиненіемъ псевдонима Февронія о главенствѣ папы и нѣкоторыми другими учрежденіями. Исключительно же его дѣятельность направлена была на реформы, которыми онъ старался пробудить въ своемъ государствѣ новый духъ, порожденный господствующей философіей. Конечно, нерѣдко онъ шелъ противъ господства клерикаловъ и притязаній епископовъ на свѣтскую власть; но онъ, какъ глава католической страны, не могъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать на столь же широкихъ началахъ и съ такою же полною терпимостью, какъ дѣйствовалъ Фридрихъ, будучи главою протестантскаго государства. Дѣятельность его клонилась не столько къ утвержденію религіозной свободы, сколько къ ослабленію клерикальнаго вліянія, дошедшаго при Маріи-Терезіи до высшей степени, и, не смотря на его притязанія быть философомъ, онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ изъ побужденій чисто политическихъ.

Чтобы лучше понять положеніе, въ которое были поставлены тогда австрійскіе императоры, мы должны обратить вниманіе на состояніе Германіи того времени, разрозненныя части которой стремились собраться около новаго центра.

Собственно говоря, германская имперія въ эту эпоху существовала только номинально и единство ея частей выражалось

лишь въ нѣкоторыхъ общихъ имъ всѣмъ учрежденіяхъ; къ нимъ относятся: императорскій совѣтъ въ Вѣнѣ, одномъ изъ значительнѣйшихъ и въ то время городовъ во всей Германіи;—сеймъ въ Регенсбургѣ, состоявшій уже не изъ князей имперіи, какъ было прежде, а изъ ихъ представителей; — надворная палата (Chambre aulique) въ Ветсулирѣ, высшая судебная инстанція, которая впрочемъ никогда не была въ полномъ составѣ; наконецъ,—избраніе императора, происходившее въ Франкфуртѣ. Но все это было одною формальностью и независимость различныхъ германскихъ владѣній вь дѣйствительности уничтожала возможность имперіи. Избраніе Франциска I и присутствіе Маріи-Терезіи во Франкфуртѣ сопровождались торжественными манифестаціями, но онѣ носили скорѣй семейный характеръ.

Впрочемъ, федеративный духъ пустилъ въ Германіи глубокіе корни и совершенное единство, полная централизація въ ней были невозможны. И прежде, когда императоръ выходилъ изъ положенныхъ для его власти предѣловъ, онъ встрѣчалъ энергическое сопротивленіе. Такое стремленіе къ федераціи немало служило къ обезпеченію въ Германіи идеи свободы.

Вестфальскій миръ далъ германской имперіи это устройство; въ немъ было много важныхъ недостатковъ; но, раздѣливъ это громадное тѣло, носившее названіе имперіи, на множество мелкихъ отдѣльныхъ владѣній, оно дало германской націи, за нѣкоторыми исключеніями, полтора вѣка гражданской свободы и умѣренной администраціи.

Уже то, что 30 милліоновъ подданныхъ были распредѣлены между довольно значительнымъ числомъ независимыхъ другъ отъ друга правителей, которыхъ власть, повидимому неограниченная, на самомъ дѣлѣ ограничивалась самою незначительностью ихъ владѣній—обезпечивало для этихъ 30 милліоновъ жизнь мирную, до извѣстной степени безопасную и полнѣйшую свободу мнѣній. Незначительность владѣній сдерживала самовластіе владѣтелей, потому что подданные, терпя притѣсненія въ своемъ государствѣ, могли легко удалиться въ другое, находившееся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, — и тамъ искать себѣ спокойствія. Притомъ каждый владѣтельный князь, именно вслѣдствіе необширности его владѣній, изъ самолюбія заботился

увеличить цифру своего населенія, чтобы хоть этимъ нѣсколько возвысить свою власть, слишкомъ незначительную съ территоріальной точки зрѣнія. Потому эти владѣтели съ неограниченной властью были вообще князья добрые, пользовались своею властію отечески и управляли тѣмъ лучше, что при такихъ условіяхъ централизація власти не представляла никакихъ неудобствъ. Просвѣщенная часть общества могла, слѣдовательно, свободно заниматься литературой, искусствами и науками. Мы видимъ, что въ Германіи возникло множество маленькихъ Аѳинъ, появилось множество школъ, университетовъ; вмѣсто одного центральнаго свѣтила, мы находимъ въ ней множество звѣздъ, повсюду разливавшихъ просвѣщеніе. Послѣ этого неудивительно сильное впечатлѣніе, произведенное тридцати-лѣтнею войною на германскихъ историковъ и поэтовъ, которые преимущественно стали избирать ее темою своихъ произведеній и въ разнообразныхъ формахъ представили слѣдующему поколѣнію энергію обнаруженную въ эту войну ихъ предками.

Если раздѣленіе имперіи на множество независимыхъ мелкихъ государствъ было дѣйствительно могущественнымъ средствомъ къ интеллектуальному развитію Германіи и увеличенію благосостоянія, то въ тоже время оно ослабляло и даже уничтожало ея политическое значеніе. Только образованіе изъ нея сильной конфедераціи, которая бы допускала и существовавшее раздробленіе и политическое единство, могло сгладить неудобство такого государственнаго устройства. Пруссія понимала это и старалась сгруппировать около себя всѣ эти мелкія государства, образовавъ изъ нихъ лигу и ставъ во главѣ ея.

Явное стремленіе австрійскаго дома расширить свои владѣнія побуждало спѣшить исполненіемъ этого плана. Но австрійская монархія заключала въ себѣ слишкомъ много иноземнаго элемента и около нея германскіе народы не могли сгруппироваться. Связать ихъ между собою предстояло Пруссіи. Фридрихъ Великій заботился о томъ, чтобы мысль о прусской лигѣ получила наибольшую популярность. І. Мюллеръ, состоявшій тогда на службѣ курфюрста майнцскаго, получилъ изъ Берлина порученіе написать исторію лиги германскихъ князей. Курфюрстъ баварскій умеръ бездѣтнымъ; императоръ германскій

намѣренъ былъ захватить часть его владѣній; но король прусскій воспротивился этому и принудилъ Марію-Терезію къ тешенскому миру, 3 мая 1779 года. Слѣдовательно, порученный Мюллеру трудъ былъ весьма кстати. Его сочиненіе, написанное съ рѣдкимъ знаніемъ состоянія имперіи того времени и условій ассоціацій, оканчивается надеждами на Пруссію. Спустя два года послѣ смерти Фридриха Великаго, графъ Герцъ на сеймѣ предложилъ расширить лигу. Швейцарія и Сардинія не противились этому предложенію, герцогъ веймарскій и великій курфюрстъ горячо поддерживали его; дворы же ганноверскій и саксонскій, хотя первые подписали трактатъ о лигѣ, но, подчинившись австрійскому вліянію, сдѣлались ея противниками.

I. Мюллеръ въ сочиненіи: надежды Германіи на лигу первый высказалъ гласно сожалѣніе нѣмцевъ о томъ, что лига, нисколько не думая о существенныхъ преобразованіяхъ въ устройствѣ Германіи, довольствуется лишь незначительными мѣрами и тѣмъ отнимаетъ надежду на лучшую политическую будущность.

Недѣятельность лиги зависѣла не только отъ эгоистической политики нѣкоторыхъ государствъ, но и оттого еще, что не всѣ вполнѣ ясно сознавали назначеніе лиги. Нѣкоторые смотрѣли на нее, какъ на временную мѣру, хотя она имѣла не одну цѣль—положить предѣлы австрійскому могуществу и видѣли въ ней нѣчто въ родѣ уніи, уже прежде бывшей въ Германіи.

Между тѣмъ эта лига имѣла въ виду двѣ цѣли, которыя должны были быть усвоены и политикою мелкихъ государствъ; цѣли эти: дѣйствовать общими силами противъ другихъ сильнѣйшихъ государствъ и въ случаѣ несогласій съ Австріей,— подъ предводительствомъ Пруссіи,—образовать изъ себя оборонительный союзъ противъ иноземнаго вторженія. Кауницъ повидимому раздѣлялъ эту послѣднюю мысль, но собственно старался только о томъ, чтобы ослабить вліяніе Пруссіи. Впрочемъ, такъ какъ лига была дѣломъ Пруссіи и такъ какъ патріотическое чувство нѣмцевъ, хотя смутно, но понимало ея настоящее назначеніе, она должна была рано или поздно достигнуть послѣдней цѣли.

Выгоды федеративнаго устройства не должны однако скрывать его важные политическіе и особенно экономическіе недостатки. Германія испытала ихъ на себѣ, послѣ семилѣтней войны, когда, пользовавшись,—съ прекращеніемъ религіозныхъ и политическихъ смутъ,—столько лѣтъ благами мира, должна была испытать страшный голодъ (1770).

Зло началось съ неурожая, возрасло отъ непринятія во-время никакихъ мѣръ противъ него и довершилось корыстолюбіемъ частныхъ лицъ и ошибками правительства. Этого впрочемъ надо было ждать въ странѣ, въ которой было такъ много правителей. Каждое государство, каждое княжеское владѣніе думало только о себѣ и нисколько не заботилось объ общемъ благѣ. Сеймъ высказалъ вредъ отъ такого положенія дѣлъ, но это не остановило распространенія зла. Таможни на границахъ Баваріи угрожали Регенсбургу голодною смертію. Имперскіе депутаты, съѣхавшіеся на сеймъ, были внутри Германіи какъ бы въ осадномъ положеніи. Самому сейму предстояла голодная смерть. Онъ поставилъ это на видъ правительству. Повелѣніемъ императора были уничтожены таможни въ Баваріи. Но эта мѣра не привела ни къ чему. Назначена была (1771) коммисія для пріисканія средствъ къ снабженію города хлѣбомъ. Правда, сеймъ не погибъ отъ голода, городъ былъ снабженъ хлѣбомъ; но общихъ мѣръ къ устраненію зла не было принято никакихъ. И между тѣмъ, въ это время не было ни одного писателя, который бы не предлагалъ какой-нибудь своей политико-экономической системы, по крайней мѣрѣ, на будущее время. Впрочемъ всѣ вполнѣ убѣдились, что таможенныя заставы внутри Германіи должны быть уничтожены и должна быть допущена свободная торговля хлѣбомъ.

Голодъ былъ страшный. Во многихъ мѣстахъ должны были питаться древесною корою, обращенною въ муку. Вслѣдствіе голода появились заразительныя болѣзни. Многіе, чтобы избѣжать смерти, выселились въ другія болѣе разумно-управляемыя государства. Это зло не осталось безъ выгоднаго вліянія на дѣла Пруссіи.

Императоръ Іосифъ объѣзжая свои наслѣдственныя владѣнія, старался оказывать несчастнымъ жителямъ помощь. Но это не

могло удержать 20 т. чешскихъ крестьянъ отъ выселенія въ Пруссію. Столько же выселилось изъ Саксоніи. Въ Саксоніи и въ другихъ городахъ герцогства погибло до 100,000 человѣкъ, въ Богеміи—148,000. Переселялись цѣлыми толпами въ плодоносныя страны Рейна, въ Пфальцъ, Виртембергъ, Мекленбургъ, и Польшу, но больше всего въ Пруссію. Фридрихъ велѣлъ наполнить военные магазины годовымъ запасомъ хлѣба и раздавать его народу на сѣмена. Мудрость этой мѣры возбудила всеобщее удивленіе. Голодъ прекратился, но недостатки устройства Германіи остались тѣ же и стали очевидны для всѣхъ.

Конечно, не Іосифу суждено было искоренить эти недостатки. Онъ сочувствовалъ либеральнымъ идеямъ своего времени, но въ гораздо меньшей степени, нежели Фридрихъ Великій; мы уже сказали почему. Онъ старался подражать простотѣ и либерализму прусскаго короля и былъ на столько философъ, что блескъ короны не ослѣплялъ его, но, какъ государственный человѣкъ, онъ не понималъ, что̀ именно могло возродить Германію. Фридрихъ, будучи королемъ, не переставалъ быть философомъ и будучи философомъ оставался вполнѣ королемъ. Неся на себѣ всю тяжесть королевской власти, онъ отказывался отъ ея величія, которымъ многіе изъ его современниковъ такъ охотно упивались. Съ 1748 года онъ сталъ жить во дворцѣ Сан-Суси, который съ того времени сдѣлался знаменитымъ, не по роскоши блестящаго двора, но по генію и простотѣ образа жизни его владѣльца. Будучи монархомъ въ Берлинѣ, онъ, какъ мудрецъ, искалъ въ Сан-Суси дѣятельнаго и достойнаго себя отдохновенія. Вокругъ этого мирнаго жилища не было ничего военнаго. Только, для охраненія замка въ ночное время, приходилъ вечеромъ изъ Потсдама капралъ съ четырьмя гренадерами, но около 5 часовъ утра оставлялъ за̀мокъ. Здѣсь-то окруженный друзьями и книгами, Фридрихъ находилъ отдохновеніе въ наукахъ и удовольствіяхъ, отъ которыхъ народу никогда не приходилось страдать. Въ противуположность Іосифу II, онъ любилъ науки и въ этомъ отношеніи былъ вполнѣ представителемъ ученой Германіи.

Съ молодыхъ лѣтъ Фридрихъ раздѣлялъ книги, на такія, которыя онъ хотѣлъ изучать серьезно и на такія, которыя намѣревался только прочесть. Онъ составилъ для себя пять библіо-

текъ изъ однѣхъ и тѣхъ же книгъ; этѣ библіотеки были въ Потсдамѣ, Сан-Суси, Берлинѣ, Шарлоттенбургѣ и Бреславлѣ. Ему достаточно было запомнить страницу, на которой онъ остановился и пріѣхавши въ другой городъ, онъ могъ продолжать чтеніе той-же книги. Эти библіотеки, какъ видно изъ каталоговъ, впрочемъ весьма краткихъ, состояли преимущественно изъ сочиненій историческихъ и философскихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ писателей. Конечно, въ числѣ книгъ были и всѣ лучшія сочиненія о военномъ искусствѣ.

Несправедливо было бы не упомянуть здѣсь о томъ, что печать при Фридрихѣ пользовалась полною свободою, что̀ составляетъ конечно одно изъ лучшихъ правъ этого неограниченнаго монарха на славу. Правда, постоянныя жалобы людей, имѣвшихъ основаніе находить гласность вредною, склонили его утвердить уставъ о цензурѣ, но онъ былъ безполезенъ: Фридрихъ былъ доволенъ нарушеніемъ его и всегда освобождалъ нарушителя отъ штрафа, если онъ подавалъ прошеніе на его имя; причемъ нерѣдко въ своей резолюціи король прибавлялъ: по моему мнѣнію, печать должна быть свободна. Онъ постановилъ для себя закономъ, — каковы бы ни были его личныя убѣжденія, — всегда уважать убѣжденія другихъ.

Недостатокъ единодушія между князьями задержалъ во второй половинѣ XVIII вѣка развитіе германскаго единства. Кромѣ нѣкоторыхъ весьма незначительныхъ перемѣнъ въ устройствѣ имперіи и безконечныхъ споровъ на сеймѣ, въ продолженіе 25 лѣтъ не произошло ничего важнаго въ Германіи и спокойствіе въ ней было нарушено только войною за баварское наслѣдство 1778 года. Напрасно Іосифъ II старался расширить владѣнія австрійской имперіи. Возрастающее вліяніе Пруссіи на дѣла Германіи принудило его ограничиться увеличеніемъ наслѣдственныхъ земель своего дома. Послѣ неудачь, испытанныхъ имъ въ дѣлѣ о баварскомъ наслѣдствѣ, онъ обратилъ свои взоры на Турцію; но несогласія, возникшія у него съ Голландіею и Нидерландами остановили его честолюбивые планы. Тогда онъ весь отдался внутреннимъ преобразованіямъ, о которыхъ мы уже говорили, и вступилъ въ ожесточенную борьбу съ духовенствомъ.

Около 30,000 монаховъ и монахинь обращены были въ мі-

рянъ и получали отъ правительства пенсію. Іосифъ запретилъ посылать въ Римъ денежные сборы и допускалъ только безплатное полученіе разнаго рода папскихъ диспенсацій. Онъ издалъ эдиктъ религіозной свободы, предоставлявшій протестантамъ и греческимъ уніатамъ тѣже религіозныя права, которыми пользовались и католики. Онъ хотѣлъ сноситься съ папскимъ нунціемъ только какъ съ политическимъ посланникомъ. Его министръ, князь Кауницъ, также послѣдователь идей XVIII вѣка, энергически поддерживалъ въ его стремленіяхъ къ реформамъ. Декретомъ 30 октября 1781 года закрыты всѣ монашескіе ордена, которые были учреждены не съ цѣлью образованія юношества и не для ухода за больными. Число закрытыхъ монастырей простиралось до 700. При этомъ Фридрихъ Великій не преминулъ обратить вниманіе на то, что закрыты преимущественно монастыри богатые. Монастырскія зданія были отданы подъ госпитали, подъ учебныя заведенія и казармы. Такая ревностная дѣятельность Іосифа, за которую Фридрихъ называлъ его mon frère de sacristain, возбудила въ папѣ сильное безпокойство и опасеніе и онъ въ 1782 г. предпринялъ путешествіе въ Вѣну и Мюнхенъ.

Для политическихъ цѣлей Іосифа II, какъ и для его религіозныхъ реформъ было важно поставить епископовъ, какъ въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, такъ и во всей Германіи, въ независимое положеніе отъ папы. Потому онъ запретилъ первымъ принимать папскія буллы, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ переданы ими отъ правительства и на которыхъ будетъ помѣтка: placitum regium (съ соизволенія короля). Монашескіе ордена не имѣли права получать приказанія отъ своихъ генераловъ, живущихъ въ Римѣ; они подчинялись мѣстнымъ епископамъ. Всѣ прошенія подавались на имя епископовъ, а не папскаго нунція; всякій переносъ дѣла изъ мѣстнаго духовнаго суда на разсмотрѣніе нунція или папы запрещенъ. Въ тоже время Іосифъ II учредилъ нѣсколько новыхъ епископствъ, соединилъ нѣкоторыя въ одно и уменьшилъ доходы богатѣйшихъ изъ нихъ.

Движеніе противъ духовенства въ католическихъ государствахъ Германіи, и именно въ Австріи, началось не вдругъ; оно подготовлялось въ продолженіе полустолѣтія, съ самаго поч-

ти вступленія на престолъ Маріи-Терезіи. Первыя нападки на него мы встрѣчаемъ въ сочиненіи ванъ-Еспена (р. въ 1614, ум. въ 1728): Jus ecclesiasticum, изданномъ въ Кельнѣ 1702 г. Онъ отнесся къ системѣ епископскаго управленія такъ рѣзко, какъ никто изъ нѣмецкихъ писателей послѣ тридентскаго собора еще не рѣшался къ ней отнестись. Нѣсколько лѣтъ спустя, ванъ-Гутгеймъ, трирскій архіепископскій викарій, разработалъ тотъ же предметъ въ сочиненіи: о состояніи церкви и законности власти римскаго папы. Публицисты воспользовались трудами теологовъ и еще при Маріи-Терезіи въ южной Германіи стали появляться сочиненія, писанныя въ духѣ Еспена и Гутгейма. Такъ что, когда Іосифъ II приступилъ къ реформамъ, особенно къ тѣмъ, которыя клонились къ ограниченію правъ папы, общественное мнѣніе было уже къ нимъ подготовлено и стало на его сторону не только въ лицѣ духовенства его наслѣдственныхъ земель, но и большей части католиковъ Германіи.

Четыре архіепископа, майнцкій, трирскій, кельнскій и зальцбургскій содѣйствовали планамъ Іосифа II и въ 1786 г. на эмскомъ съѣздѣ въ знаменитыхъ эмскихъ пунктуаціяхъ опровергли всѣ папскія притязанія. Что же касается епископовъ Германіи, то они готовы были скорѣе допустить усиленіе правъ римскаго двора, находящагося отъ нихъ вдали и не опаснаго для нихъ, нежели подчиняться непосредственно судебной власти архіепископовъ, власти неограниченной и неподверженной никакому контролю и потому мѣшали приведенію въ исполненіе плановъ императора. Кромѣ того, возмущеніе въ австрійскихъ Нидерландахъ измѣнило реформаторскія идеи Іосифа II; а стремленія баварскаго двора, несогласныя съ нововведеніями и, въ особенности, готовившіяся тогда важныя политическія событія не позволяли думать о приведеніи въ исполненіе какихъ-нибудь реформъ; нужно было заботиться объ интересахъ чисто свѣтскихъ. Австрія становилась въ болѣе и болѣе изолированное положеніе относительно Германіи и не могла препятствовать ея стремленію, сосредоточиться въ сѣверной части прежней имперіи.

Прибавимъ къ сказанному, что 12 февраля 1772 г. Россія и Пруссія,—нѣсколько мѣсяцевъ спустя къ нимъ присоединилась и

Австрія,—заключили между собою трактатъ, въ силу котораго произошелъ первый раздѣлъ Польши. Три арміи, каждая въ 10 т., заняли одновременно провинціи, которыя по предварительному между собою соглашенію каждый изъ договаривавшихся повелителей назначилъ себѣ и начальники этихъ армій принудили польскій сеймъ скрѣпить такой раздѣлъ декретомъ. Оставленный всѣми европейскими государствами, даже Франціей, гдѣ царствовалъ тогда зять Станислава, которому Польша казалась слишкомъ далекою, сеймъ покорился. На долю Россіи досталось населеніе въ 1.500,000, Австріи — въ 2.500,000, Пруссіи — въ 860,000. Спустя двадцать лѣтъ эти три державы раздѣлили между собой и то, что еще носило названіе королевства польскаго.

Эти раздѣлы показали опасность, которая грозила конфедераціямъ и еще болѣе утвердили Германію въ ея стремленіи къ единству. Но войны революціи и имперіи, унизивъ Германію, остановили развитіе зародившейся въ ней идеи единства, которою Пруссія намѣревалась воспользоваться въ свою пользу. Торжество этой державы послѣ 1815 года дало ей тотъ перевѣсъ, который позднѣе долженъ былъ обезпечить за нею первенство въ Германіи, которое, благодаря Іосифу II, ускользнуло отъ Австріи. Германская конфедерація—скелетъ имперіи, котораго части на время были разбросаны; жизнь и единство постепенно возвращались этому громадному тѣлу, которое было поражено, но не уничтожено.

I.

Религіозное состояніе Франціи въ XVIII столѣтіи.

Мы оставимъ пока протестантовъ, не имѣвшихъ со времени отмѣны Нантскаго эдикта ни значенія, ни легальнаго существованія. Кромѣ протестантской, во Франціи было тогда четыре религіозныхъ партіи.

Во-первыхъ, партія, такъ сказать, оффиціальная, опиравшаяся на декларацію 1682 года, которая составлена была Боссюэтомъ и для галликанской церкви составляла родъ хартіи. Эта партія допускала возможность соглашенія между королевскою и папскою властью. Главнымъ ея принципомъ была умѣренность; но духъ примиренія, повидимому, её одушевлявшій, вмѣсто того, чтобы уменьшить борьбу, часто еще болѣе раздражалъ противниковъ.

Во-вторыхъ, партія ультрамонтанская, къ которой принадлежали іезуиты; въ ея рядахъ стояли нѣсколько лицъ изъ монашества и нѣкоторые изъ епископовъ.

Въ то время, какъ эта партія старалась подчинить церковное управленіе Франціи абсолютной власти папы, янсенисты стремились ввести галликанизмъ болѣе радикальный, нежели тотъ, который признавало государство. Ихъ поддерживалъ парижскій парламентъ и вообще вся магистратура.

Одною изъ причинъ, отнявшихъ у галликанской умѣренной партіи ея авторитетъ и подорвавшихъ вліяніе, пріобрѣтенное ею при поддержкѣ со стороны правительства, было то, что духовныя лица къ ней принадлежавшія не имѣли ни добродѣтелей, ни такой живой вѣры, какими отличались лица двухъ крайнихъ

партій. Это происходило оттого, что правительство въ это время не обращало вниманія на нравственность лицъ, возводимыхъ имъ въ высшіе духовные саны; злые языки разсказывали много о порокахъ и недостаткахъ этихъ прелатовъ. Такъ, когда архіепископъ віеннскій сдѣланъ былъ кардиналомъ овернскимъ, на него появилась сатира въ стихахъ, въ которой говорилось, что въ 1738 году при совершеніи имъ, по просьбѣ дофина, богослуженія, оказалось, что онъ плохо зналъ Pater noster, еще хуже — Ave maria и смѣшивалъ Credo съ Confiteor. Архіепископъ амбрэнскій, кардиналъ Тансэнъ, одинъ изъ вліятельныхъ людей правительственной партіи, представляетъ другой, весьма незавидный образецъ оффиціальныхъ лицъ изъ духовенства. Это также былъ человѣкъ совершенно свѣтскій; онъ торговалъ духовными должностями, и сверхъ того, былъ весьма плохой богословъ. Ультрамонтанская же партія могла выставить противъ подобныхъ лицъ людей строгой нравственности и знатоковъ богословія. Другая причина слабости оффиціальной партіи была та, что она относительно своихъ противниковъ отличалась такою же нетерпимостью, какую обнаружили бы ультрамонтаны, еслибы власть была въ ихъ рукахъ. Эта партія особенно жестоко преслѣдовала янсенистовъ; Людовикъ XIV, бывшій при Боссюэтѣ на сторонѣ галликанской партіи, въ послѣдніе годы своей жизни сталъ склоняться къ доктринамъ ультрамонтанскимъ. Притомъ, онъ потому и стоялъ за свободу галликанской церкви, что желалъ освобожденія свѣтской власти отъ власти Рима, и по той же причинѣ долженъ былъ мало симпатизировать янсенистамъ, слишкомъ независимымъ въ своихъ принципахъ. Этимъ объясняется гоненіе противъ нихъ. Пять предложеній Янсенія были осуждены въ 1657 году папою Александромъ VII; Людовикъ XIV много разъ отдавалъ ученіе янсенистовъ на осужденіе римскаго двора, но они постоянно отказывались подчиняться рѣшеніямъ папы. Въ 1709 году разрушенъ былъ Port-Royal des Champs. Печальная исторія и этихъ смутъ, и гоненій противъ бѣдныхъ монахинь разсказана Расиномъ. И все это происходило во имя религіи, притомъ не въ средніе вѣка, а во второй половинѣ XVII столѣтія, по приказанію или съ согласія короля

Франціи, въ самомъ Парижѣ. Дѣло доходило до того, что вырывали трупы погребенныхъ въ церкви Port-Royal des Champs. Волненіе умовъ продолжалось долго. Книга о. Кенеля еще болѣе усилила его. Сто одно изъ его предложеній были осуждены въ Римѣ буллою Unigenitus, которую въ 1712 году король приказалъ признать всему французскому духовенству. Не признававшіе её, то есть тѣ, которые апеллировали отъ папы къ будущему вселенскому собору, впадали въ немилость; ихъ ссылали, заключали въ тюрьму, подвергали всякаго рода лишеніямъ. Во главѣ апеллирующихъ стоялъ университетъ. Правительству хотѣлось склонить на свою сторону эту корпорацію, вліяніемъ своимъ поддерживавшую янсенистовъ. Кардиналы Тансэнъ и Флёри принуждали профессоровъ признать буллу. Министры, съ своей стороны, дали всѣмъ членамъ университета моложе тридцати лѣтъ право голоса, подъ условіемъ вотировать въ пользу признанія буллы. Молодые люди согласились, и такимъ образомъ булла была признана университетомъ. Профессора изъ янсенистовъ подверглись преслѣдованіямъ. Вскорѣ послѣ принятія университетомъ буллы, лучшіе изъ нихъ были лишены своихъ каѳедръ, и постановленіемъ совѣта объявлены неспособными къ отправленію обязанностей своего званія. Трое изъ нихъ изгнаны королевскимъ приказомъ, въ числѣ ихъ и тотъ, который старался защищать почтеннаго Роллена отъ оскорбленій молодежи, неумѣвшій цѣнить его заслугъ.

Къ насильственнымъ мѣрамъ противъ университета присоединились и дерзкіе выходки епископовъ, въ ихъ посланіяхъ, противъ магистратуры. Одно изъ посланій архіепископа Форбенъ-Жансона оканчивалась слѣдующими словами.

«Ѳемида, умоляю тебя, отмсти этому непокорному стаду. Развѣ ты не знаешь его дерзости? Но въ рукахъ твоихъ я уже не вижу вѣсовъ; для чего же оставляешь ты на глазахъ своихъ повязку?»

Съ 1730 года между епископами и совѣтниками парламента началась ооообенно ожесточенная борьба, выразившаяся въ епископскихъ посланіяхъ и въ парламентскихъ постановленіяхъ. Мы уже сказали, что парламентъ не могъ быть представителемъ націи. Но все-таки это была корпорація, способная противиться

произволу власти и довольно независимая для такого рода дѣятельности. Она заступила мѣсто генеральныхъ штатовъ, и, хотя въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ проглядывали иногда взгляды узкіе и отсталые, однако она оказала большую услугу, защищая во многихъ случаяхъ принципъ законности. Ее слѣдуетъ упрекнуть только въ томъ, что въ спорахъ съ епископами, она скорѣе имѣла въ виду унизить епископскій авторитетъ въ пользу своего собственнаго, нежели защищать принципы галликанства, бывшаго въ то время религіозною конституціею Франціи.

Эти споры, ссоры и насилія должны были наконецъ отучить умы отъ религіозныхъ вопросовъ и подготовить скептицизмъ XVIII столѣтія.

Особенно сильна была борьба между парламентомъ и ультрамонтанскою партіею въ министерство Флёри.

Парламентъ наложилъ запрещеніе на одно посланіе парижскаго архіепископа, Вентимиля. Недовольный этимъ постановленіемъ, прекратившимъ распространеніе его посланія, онъ обратился къ королевскому совѣту съ запискою, въ которой утверждалъ, что епископъ имѣетъ право дѣлать распоряженія, относящіяся до религіи, и заставлять исполнять ихъ, безъ вмѣшательства свѣтской власти. Въ поданной по этому предмету запискѣ сорока адвокатовъ выражено было мнѣніе совершенно противное. Архіепископъ предалъ проклятію это мнѣніе, какъ заключающее въ себѣ принципы разрушительные, ложные, гибельные для церковной власти, и притомъ еретическіе. Королевскій совѣтъ дозволилъ Вентимилю распространеніе его посланія; адвокаты были возмущены такимъ рѣшеніемъ, признававшимъ сорокъ человѣкъ изъ нихъ еретиками; притомъ они чувствовали, что магистратура была за нихъ. Они назначили общее собраніе адвокатскаго сословія, и процессіею въ триста человѣкъ отправились въ парламентъ и къ первому президенту съ цѣлью требовать, чтобы на посланіе архіепископа наложено было запрещеніе. Для подкрѣпленія своего требованія они объявили, что, если оно не будетъ исполнено, то въ августѣ 1731 года они прекратятъ отправленіе своихъ обязанностей. Многіе изъ этихъ адвокатовъ были сосланы. При такихъ обстоятельствахъ, завязался споръ съ другимъ епископомъ. Парламентъ

потребовалъ къ суду епископа лаонскаго, Лафара, оскорбившаго въ своемъ посланіи парламентъ и генеральнаго адвоката, де-Вуазена.

Съ цѣлью положить конецъ этимъ затрудненіямъ министры осудили Лафара и запретили его посланіе. Парламентъ, вообразивъ послѣ этого, что онъ постановленіемъ своимъ можетъ обуздать епископовъ, опредѣлилъ, въ сентябрской 1731 года деклараціи, границы власти церковной и гражданской.

«Свѣтская власть, сказано въ этой деклараціи, происходитъ непосредственно отъ Бога; ей принадлежитъ внѣшняя юрисдикція, обязательная для подданныхъ короля. Служители церкви не имѣютъ права полагать ей границы. Церковные уставы становятся законами только тогда, когда одобрены государемъ; служители церкви отвѣтственны передъ королемъ и правосудіемъ за все, что въ ихъ дѣятельности оскорбительно для законовъ государства.»

Архіепископъ парижскій, бывшій въ то время на совѣщаніи съ архіепископомъ санскимъ и другими, былъ немедленно извѣщенъ объ этомъ постановленіи. Эти прелаты сейчасъ же отправились въ Версаль и сообщили о происходящемъ министрамъ. Государственный совѣтъ собрался на-скоро,—обсудить дѣло и 9 сентября, черезъ два дня, парламентъ получилъ рѣшеніе королевскаго совѣта, состоявшееся въ одинъ день съ рѣшеніемъ парламента; королевскій совѣтъ кассировалъ рѣшеніе парламента и приказывалъ вычеркнуть его изъ реэстровъ. Парламентъ противился и кардиналъ Флери долженъ былъ сдѣлать уступки адвокатамъ, требуя однако, чтобы они выразили покорность.

Король запретилъ парламенту заниматься дѣлами религіозными, что вызвало новое волненіе. Желая положить ему конецъ, король потребовалъ въ Компьенъ депутацію отъ парламента: онъ принялъ ее надменно и высказалъ свою волю повелительнымъ тономъ, остановивъ перваго президента, хотѣвшаго говорить, словами «молчите!» и даже приказалъ изорвать записку почтительно поданную ему однимъ изъ наиболѣе смѣлыхъ членовъ парламента, аббатомъ Пюселль. Аббатъ и товарищъ его Титонъ за свою смѣлость поплатились свободою.

Этотъ насильственный поступокъ со стороны власти былъ причиною еще большаго волненія въ Парижѣ. Парламентъ вынуж-

денъ былъ остановить свои занятія и прекратить такимъ образомъ отправленіе правосудія. Правда, онъ вскорѣ снова возвратился къ своимъ занятіямъ, однако такой снисходительный съ его стороны поступокъ возбудилъ сильное негодованіе въ ожесточенныхъ умахъ. Въ немъ снова поднятъ былъ вопросъ о наложеніи запрещенія на посланіе Вентимиля; эта мѣра вызвала новыя неудовольствія при дворѣ. Однако власть опасалась общественнаго мнѣнія, высказавшагося вообще въ пользу парламента; министры сочли приличнымъ снова потребовать представителей парламента къ королю. Но и теперь монархъ принялъ ихъ въ Компьенѣ съ своею обычною надменностью и приказалъ имъ начать обычныя свои занятія, прибавивъ, что на этотъ разъ онъ еще удерживаетъ свой гнѣвъ. Правительство этимъ не достигло цѣли. Въ отчаяніи совѣтники всѣ подали въ отставку. Только великая палата пыталась продолжать свои засѣданія. Но публика, подстрекавшая магистратуру къ сопротивленію, не была этимъ довольна. Однако, подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ со стороны правительства, совѣтники скоро приступили къ отправленію своихъ должностей. Призванные 18 августа 1732 года къ королю они согласились подписать декларацію, которая въ сильной степени стѣсняла ихъ право возраженія (droit de remontrance) и смотрѣла на апелляціи, какъ на злоупотребленіе отнимаемыхъ у нихъ правъ. Парламентъ прибѣгъ въ этомъ случаѣ къ обыкновенному средству: судебная палата снова была закрыта, что имѣло слѣдствіемъ личное королевское засѣданіе въ парламентѣ (lit de justice) 3 сентября 1732 г., но столь упорное сопротивленіе парламента заставило правительство рѣшиться на мѣры болѣе энергическія. 139 совѣтниковъ были изгнаны: изгнаніе однако было непродолжительно. Героизмъ членовъ парламента истощался, правительство съ своей стороны тоже готово было окончить борьбу съ нимъ и 1 декабря 1732 г. первый президентъ явился къ королю съ рѣчью вполнѣ покорною, которая была принята весьма благосклонно.

Изъ сказаннаго видно, какъ горячо и упорно старался парламентъ о томъ, чтобы ультрамонтанскія доктрины не получили во Франціи господства.

Янсенисты, съ своей стороны, тоже подали смѣлый примѣръ

ревности въ преслѣдованіи этихъ доктринъ. Въ борьбѣ парламента съ парижскимъ архіепископомъ нѣкоторые дали кардиналу Флери совѣтъ принять противъ янсенистовъ насильственныя мѣры, вырыть изъ могилы прахъ діакона Париса, заключить въ тюрьмы и подвергнуть ссылки до 1400 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были многіе придворные духовные и даже нѣкоторые министры.

Епископъ лаонскій уже выгналъ 11 священниковъ янсенистовъ и 8 канонниковъ изъ своего округа. Священникъ Гурмонъ изъ Гіенъ подвергся аресту и отправленъ въ монастырь кордильеровъ за свои проповѣди противъ буллы и правительства. Священники общины коллегіальной церкви св. Бенуа были переведены въ аббатство St. Josse-sur-mer за то, что осмѣлились утверждать, что папская булла противорѣчитъ св. писанію и преданіямъ. По всей Франціи множество духовныхъ, удаленныхъ съ мѣстъ постояннаго ихъ пребыванія, за свое ученіе подвергались наказаніямъ, обыкновенно назначаемымъ за безнравственность духовенства.

Арестъ аббата Бешерана, который былъ въ числѣ конвульсіонеровъ на могилѣ діакона Париса, тѣмъ болѣе надѣлалъ шуму, что совпадалъ съ процессомъ уже обратившимъ общее вниманіе на церковь Сен-Медаръ. Принявшій на себя защиту по дѣлу старостъ этого прихода противъ ихъ священника, адвокатъ Обри, проведя параллель между этимъ послѣднимъ и его предшественникомъ, сказалъ: «новый священникъ жалуется, что старосты его не любятъ; но какъ имъ любить его? Онъ прогналъ викарія, весьма честнаго человѣка и замѣстилъ его другимъ совершенно непохожимъ на него; первый изъ этихъ фактовъ находится въ парламентскихъ реестрахъ.» И приведя постановленіе парламента, обвинявшее викарія въ клеветѣ, онъ прибавилъ: «можетъ быть, скажутъ, что онъ оправдался; но все его оправданіе состояло въ томъ только, что онъ призналъ буллу. Онъ даже и не исправился; ибо послѣ того онъ сталъ еще ожесточеннѣе противъ живыхъ и мертвыхъ.» Этими словами адвокатъ намекалъ на рѣчи викарія противъ діакона Париса.

Подобныя заявленія могли только усилить враждебное настроеніе общества противъ молинистовъ. Годовщина смерти

діакона, собравъ многочисленную толпу въ церковь Сен-Медара, пробудила въ янсенистахъ фанатизмъ; наложенное же архіепископомъ черезъ два дня послѣ этого празднованія запрещеніе тайно издававшагося журнала: «Nouvelles ecclésiastiques» болѣе и болѣе обнаруживало внутреннія несогласія во французскомъ духовенствѣ.

Парижскіе священники, числомъ двадцать одинъ, писали архіепископу, что они, подобно ему, предали осужденію «Nouvelles ecclésiastiques», но своего посланія они не обнародуютъ по нѣкоторымъ, высказаннымъ въ немъ принципамъ. Вслѣдствіе заявленій, сдѣланныхъ многими прелатами, — между прочими и кардиналомъ де-Бисси, — которые осмѣлились утверждать, что епископы получаютъ духовную и свѣтскую власть только отъ Бога, парижскій парламентъ рѣшился самъ разсмотрѣть этотъ вопросъ съ его гражданской стороны. Но министры послали въ Компьень перваго президента и генералъ-прокурора и, опираясь на законъ, по которому всѣ дѣла, касающіяся буллы и чудесъ, обсуждаются государственнымъ совѣтомъ, остановили разсмотрѣніе этого дѣла.

За отказъ нѣкоторыхъ священниковъ обнародовать архіепископское посланіе, въ чемъ они оправдывались тѣмъ, что въ посланіи говорилось о буллѣ Unigenitus, какъ объ апостольскомъ ученіи, признанномъ церковью, они позваны были передъ консисторскій трибуналъ и получили приказаніе повиноваться; знаменитѣйшіе адвокаты, раздѣлявшіе убѣжденія янсенистовъ, вмѣстѣ съ ихъ собратомъ Обри приняли на себя защиту этихъ духовныхъ лицъ. Прихожане горячо отстаивали своихъ священниковъ; и когда въ воскресенье, 11 мая, новый священникъ церкви Сен-Жакъ дю Го-Па, воздавши должную похвалу своему предшественнику и сказавши рѣчь объ обязанности повиноваться, сталъ читать архіепископское посланіе, то въ церкви поднялся страшный безпорядокъ, присутствующіе массами поднялись съ своихъ мѣстъ и около двухъ тысячь человѣкъ оставили церковь. Почти то же было и во многихъ другихъ церквахъ.

Экзальтація становилась заразительною и болѣзненный бредъ овладѣлъ многими. Конвульсіонеры, изгнанные изъ церкви С. Медара, продолжали у себя въ домахъ дѣлать тоже, что прежде дѣлали въ церкви. Между конвульсіонерами особенно

отличались женщины: нерѣдко видали, какъ онѣ подвергали себя жестокимъ истязаніямъ. Онѣ позволяли вывихивать себѣ ноги, стягивать части тѣла, сдавливать горло на время пѣнія псалмовъ. Другія въ это время пророчили. Мученія, которымъ подвергались эти безумные, назывались на ихъ языкѣ secours (помощь) и раздѣлялись на большія и малыя. Сестры, какъ онѣ называли себя, помогали себѣ, нанося другъ другу удары по животу бревнами, камнями, желѣзными полосами. Сестра Саламандра ложилась на горячую жаровню и съ верху падалъ ей на грудь тяжелый камень, привязанный за веревку, ходившую по блоку. Распятымъ мужчинамъ и женщинамъ прокалывали копьемъ бокъ. Въ 1737 году въ одномъ Парижѣ считалось больше 6.000 этихъ сестеръ, прибѣгавшимъ къ этимъ secours. Конвульсіонеры сопровождали этотъ фанатизмъ проклятіями противъ іезуитовъ, особенными молитвами, гимнами въ честь діакона Париса и панихидами по немъ. Даже придумано было особенное крещеніе, называвшееся крещеніе совершенствованія (baptême de la perfection). Секуристы образовали новую секту. Священникъ по имени Вальянъ выдавалъ себя за пророка Илію; его заперли въ Бастилію. У конвульсіонеровъ только и разговоровъ было что о чудесныхъ исцѣленіяхъ. Темницы, въ Парижѣ и провинціяхъ, были наполнены этими несчастными.

Парламентъ осудилъ эти постыдныя глупости, но пощадилъ ихъ виновниковъ. Такой фанатизмъ представлялъ печальное и вдвойнѣ плачевное явленіе. Эта экзальтація вызвала умственное потрясеніе и въ духовенствѣ появилось много больныхъ умопомѣшательствомъ. Одни приписывали конвульсіи дьяволу, другіе — Богу. Изъ епископовъ одни стояли за конвульсіонеровъ, другіе осуждали ихъ. Карре де-Монжеронъ, парламентскій совѣтникъ, написалъ книгу, въ которой разсказалъ о своемъ обращеніи, происшедшемъ вслѣдствіе чудесъ діакона Париса и поднесъ ее Людовику XV. И сочинителемъ этой книги былъ совѣтникъ парламента!

Онъ разсчитывалъ, что Людовикъ XV, послѣ прочтенія его сочиненія, допуститъ божественной благодати коснуться его. Свой разсчетъ Карре де-Монжеронъ могъ основывать на странномъ соединеніи въ королѣ набожности и распутства. Людо-

викъ XV изъ того, чтобы не нарушить поста, отказывался принимать лекарства. Въ любовникѣ м-мъ де-Помпадуръ и многихъ другихъ странною казалась такая совѣстливость. Духовные, стоявшіе во главѣ правленія, должны были видѣть въ этомъ болѣе или менѣе назидательное для себя зрѣлище. Столкновенія не ограничивались только предѣлами церкви, они вызывали столкновенія и внѣ ея. Побочный сынъ регента, С. Альбенъ, камбрейскій архіепископъ въ своемъ посланіи выставилъ въ преувеличенномъ видѣ могущество папской власти; это повело къ столкновенію между парламентомъ, осудившимъ это посланіе, и большимъ совѣтомъ, державшимъ сторону Сентъ-Альбена и не желавшимъ запрещенія посланія.

Конечно, въ этихъ спорахъ, если разсматривать ихъ сами по себѣ, со стороны ли ихъ породившихъ причинъ, или со стороны ихъ крайнихъ слѣдствій, было много элементовъ, которые должны были обратить на себя вниманіе философовъ, вызвать ихъ на болѣе или менѣе смѣлыя размышленія о недостаткахъ догматической стороны ученія, и заставить ихъ видѣть въ религіозномъ индиферентизмѣ единственное средство возстановить міръ и согласіе между людьми. До какихъ выводовъ дошли въ этомъ случаѣ философы, мы увидимъ сейчасъ.

II.

Философское движеніе.

Мы сказали, что въ XVIII столѣтіи религіозный вопросъ во Франціи находился въ рукахъ четырехъ партій: молинистовъ, или ультрамонтановъ, янсенистовъ, противъ которыхъ, какъ мы видѣли, велась ожесточенная борьба; это были двѣ крайнія партіи, которымъ оффиціальный галликанизмъ тщетно старался противодѣйствовать. Четвертую партію, о которой мы теперь и будемъ говорить, составляла партія философовъ или свободныхъ мыслителей, къ которымъ относились преимущественно писатели и представителями которыхъ были Вольтеръ, Монтескье, Жанъ-Жакъ Руссо и энциклопедисты.

Вольтеръ былъ самый смѣлый изъ нихъ; онъ первый, во время самой жаркой борьбы между ультрамонтанами и янсенистами, водрузилъ знамя религіознаго скептицизма.

Всѣмъ уже извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ стало появляться религіозное невѣріе въ Англіи; подобныя же причины содѣйствовали его распространенію во Франціи. Религіозные диспуты о мелочахъ подорвали довѣріе къ теологіи въ тѣхъ, кто на христіанское ученіе смотрѣлъ, какъ на простые принципы нравственности и благочестія. Распущенность нравовъ, отличавшая царствованіе Карла II, обнаружилась и во Франціи во время регентства и вела къ тому, чтобы узы, налагаемыя вѣрою, казались тяжкимъ бременемъ.

Впрочемъ извѣстно, что Вольтеръ свое невѣріе заимствовалъ именно изъ школы англійскихъ философовъ. Для распро-

страненія его во Франціи онъ нашелъ уже вполнѣ подготовленную почву.

Возвратившись въ 1729 году во Францію, онъ во время самыхъ жаркихъ споровъ янсенистовъ, молинистовъ и парламента, обнародовалъ свой памфлетъ «Sottises des deux parts.»

«Глупости враждующихъ сторонъ, какъ извѣстно, говоритъ онъ, составляютъ девизъ всякой вражды. Я не стану говорить здѣсь о враждѣ, въ которой проливается кровь... Здѣсь съ цѣлью личнаго обученія я представилъ краткій сводъ всего, что поучительнаго по этому предмету оставили намъ предки.» Онъ продолжаетъ, въ такомъ же шутливомъ тонѣ, разсказы о спорахъ Стеркоритовъ и о мозарабскомъ переводѣ.

«Около временъ храбраго Оккама и безстрашнаго Скотта, возникъ весьма серьезный споръ, въ который почтенные отцы кордельеры вовлекли весь христіанскій міръ. Вопросъ былъ въ томъ, супъ, который они ѣдятъ, составляетъ ихъ собственность или же находится только въ ихъ пользованіи. Форма капюшона и длина рукавовъ также служила поводомъ къ этой священной борьбѣ... Трое или четверо кордельеровъ были сожжены, какъ еретики. Конечно, и это не бездѣлица; но, такъ какъ эти споры не поколебали троновъ, не послужили къ разграбленію провинцій, то можно ихъ отнести къ глупостямъ возможнымъ.»

«Всегда бывали глупости подобнаго рода; большая часть ихъ совершенно забыта людьми; въ память ихъ хранятся только тѣ, которыя влекли за собою крайнія бѣдствія и казались крайне-смѣшными.

«Однажды, обѣдая у одной голландки я былъ очень любезно предупрежденъ однимъ изъ собесѣдниковъ, чтобы я остерегался въ своихъ разговорахъ хвалить Воеція.—Да я не имѣлъ намѣренія, сказалъ я, ни хвалить ни порицать вашего Воеція; но по какому поводу вы дѣлаете мнѣ это предостереженіе? — Потому, что хозяйка дома коксеенка, отвѣчалъ мой сосѣдъ.—А! понимаю, сказалъ я ему. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ, что въ Голландіи еще и теперь есть четверо коксеенцевъ, и сожалѣлъ, что они перевелись. Придетъ время, когда и янсени-

стовъ, надѣлавшихъ столько шуму между нами, постигнетъ участь коксеенцевъ........

«Секты, какъ и люди, доживаютъ до старости... Онѣ также проходятъ, какъ эпидимическія болѣзни, какъ горячка, коклюшъ. Теперь болѣе не говорятъ уже о благочестивыхъ мечтаніяхъ г-жи Гюйонъ. Вмѣсто неудобопонятной книги: Maximes des saints охотнѣе читаютъ Телемака... Изъ всѣхъ разсказовъ о квіетизмѣ, самый лучшій разсказъ о доброй женщинѣ, которая принесла жаровню, чтобы сжечь рай и кружку воды, чтобы залить огонь въ аду, съ цѣлью уничтожить служеніе Богу изъ надежды и страха.... Я обращу вниманіе только на особенности этого процесса: іезуиты такъ сильно обвиняются во Франціи янсенистами за то, что орденъ св. Игнатія устроенъ съ исключительной цѣлью уничтожать всякую любовь къ Богу, тогда какъ они въ Римѣ отстаивали Камбре во имя чистой любви.

«Чистая любовь, изъ-за которой такъ сильно безпокоились іезуиты, подверглась въ Римѣ осужденію, а въ Парижѣ они слыли за людей, которые шли противъ любви къ Богу... Это мнѣніе такъ вкоренилось въ умахъ, что когда появилось въ продажѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изображеніе Іисуса Христа въ іезуитской одеждѣ, одинъ шутникъ (вѣроятно, изъ янсенистовъ,) написалъ внизу эстампа:

«Подивись искусству этихъ геніальныхъ отцовъ: они тебя одѣли по своему, опасаясь, чтобы кто-нибудь не полюбилъ тебя».

Вольтеръ этими остроумными насмѣшками сильно раздражилъ обѣ партіи и безъ вмѣшательства маршала Вилларса онъ не избѣгъ бы за нихъ ссылки.

Впрочемъ, до возвращенія во Францію онъ уже заявилъ, къ какой школѣ онъ долженъ примкнуть. Въ 1726 г. стали появляться въ Англіи его Lettres philosophiques.

Въ первый разъ они были напечатаны въ англійскомъ переводѣ, съ котораго сдѣланъ былъ переводъ на французскій языкъ, но весьма неудовлетворительный, что̀ и заставило Вольтера издать другой переводъ въ Руанѣ въ 1730 году; въ іюнѣ 1734 года появилось второе изданіе этой книги. Парламентъ осудилъ автора и онъ долженъ былъ бѣжать.

Мы сказали, что почва во Франціи была вполнѣ подготов-

лена къ тому, чтобы столь смѣлыя нападки на духовенство имѣли вѣрный успѣхъ. Распущенность нравовъ духовенства сильно поколебала ихъ авторитетъ, и духовные, дѣлаясь черезъ-чуръ свѣтскими, совершенно теряли изъ виду евангельскіе принципы. Этимъ и объясняется то неуваженіе Вольтера къ религіи, которое въ немъ обнаружилось съ самаго дѣтства, не смотря на то, что онъ воспитывался у іезуитовъ и преподавателемъ реторики у него былъ патеръ Поре. Онъ былъ введенъ въ общество Нинонъ де-Ланкло аббатомъ Шатоневъ, который жилъ съ нею.

Чтеніе англійскихъ скептиковъ, Герберта де-Шербери, Тиндаля, Толанда, Шефтербери и др. окончательно уничтожило въ немъ чувство вѣры и безъ того не весьма сильное. Распущенность нравовъ, начавшаяся во время регентства, продолжалась при Людовикѣ XV, скандалезный образъ жизни котораго имѣлъ въ этомъ случаѣ неоспоримое вліяніе.

На этотъ развратъ должно смотрѣть, какъ на реакцію противъ узкаго ханжества, появившагося при дворѣ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Однакоже не должно полагать, что при великомъ королѣ, съ его обращеніемъ къ набожности, дворъ сталъ образцомъ нравственности; но въ то время безнравственность тѣмъ легче могла укрываться, что уваженіе, почти религіозное, къ королю не позволяло нескромнымъ взорамъ проникать въ тайны того, что происходило въ Версалѣ. Во время регентства деморализація бросалась больше въ глаза, и множество анекдотовъ о томъ времени доказываютъ и распущенность нравовъ при дворѣ и злую готовность общества распространять скандальные разсказы о знати, которая теряла черезъ то въ ихъ глазахъ всякій блескъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ.

Парижане, узнавъ, что жена перваго президента Порталя заболѣла оспой, нисколько не удивились тому, что ея любовникъ во время ея болѣзни ухаживалъ за нею даже въ квартирѣ ея мужа и сдѣлался жертвою своего усердія. Архіепископъ Люсонъ, котораго обыкновенно называли «Dieu de la bonne compagnie» объѣлся ухи и умеръ отъ поноса на рукахъ маркизы Руврэ.

Посѣтители Тюльери, приходившіе съ заявленіемъ своего почтенія принцессамъ де-Конде́, не пропускали случая заявлять его и передъ m-lle Коньямъ. Братъ принцессъ Конде́ подарилъ эту красавицу своему племяннику принцу де-Конти, недавно женившемуся на принцессѣ орлеанской. Однажды, къ великому удивленію всѣхъ, исчезла знаменитая танцовщица Камарго; похитителемъ ея, какъ оказалось, былъ одинъ изъ Конде́, графъ аббатъ клермонтскій. При дворѣ и въ городѣ такого рода анекдоты были въ большомъ ходу.

Г-жа Полиньякъ дошла до того, что бѣгала съ гвардейскими солдатами и лакеями по кабакамъ, послѣ того какъ открыто была любовницею турецкаго посланника. Г-жа Ротембургъ и герцогиня Вожуръ въ компьенскомъ лагерѣ ради шутки допустили надъ собою гнусную комедію, позволивъ обвѣнчать себя съ герцогомъ де-Бирономъ и де-Бисси; при чемъ роль священника исполнялъ одинъ изъ ихъ пріятелей, одѣтый въ приличное платье. Герцогъ Вожуръ, весьма снисходительный къ слабостямъ своей жены воспѣлъ свои похожденія въ такихъ же пикантныхъ стихахъ, въ какихъ герцогъ де-Ниверкэ описалъ тайныя похожденія принцессы де-Конде́, m-lle Шаролэ. Въ самыхъ разговорахъ проглядывала эта распущенность, не́допуская никакого стѣсненія. Даже присутствіе королевы, строгая и почти монашеская жизнь которой повидимому должна была освободить ее отъ всякихъ неумѣстныхъ шутокъ, не всегда удерживало разговоры въ предѣлахъ шутки и злословія.

Вотъ среда, въ которой жили и мыслили философы XVIII вѣка; какъ бы ни сильна была реакція, вызванная ими противъ строя, давившаго тогда Францію, они сами не могли ускользнуть отъ вліянія такой деморализаціи. Ихъ характеръ, менѣе сильно закаленный, нежели умъ, не устоялъ противъ заразительности примѣра, а желаніе заставить себя читать, желаніе сдѣлаться популярными, заставляли ихъ мириться съ испорченностью вѣка. Не они были причиною его испорченности, но они платили ей печальную дань. Притомъ нравственность, искаженная ханжествомъ, лишенная своего возвышеннаго характера, не представлялась для умовъ поверхностныхъ и слабыхъ

общимъ выводомъ изъ законовъ, безъ которыхъ невозможно общество, а только—сборомъ смѣшныхъ и неимѣющихъ никакого значенія предразсудковъ. Большая часть философовъ XVIII вѣка не видѣла различія между узкимъ ригоризмомъ и искреннимъ и просвѣщеннымъ чувствомъ нравственности. Философія, освобождая ихъ умъ и здравый смыслъ отъ давившаго ихъ ига, освобождала ихъ, въ тоже время, отъ соблюденія многихъ существенныхъ законовъ христіанской нравственности. Упоенные свободою мыслить и говорить все, прелесть которой они вкусили, благодаря поддержкѣ встрѣченной ими въ общественномъ мнѣніи, противъ власти, они впали въ крайность и не поняли, что, для возрожденія народа, необходимо усилить чувство долга во всѣхъ его видахъ.

Конечно, характеръ французовъ требуетъ веселости, шутки, и школа Вольтера удовлетворяла этому требованію. Нравственная скорбь не въ характерѣ французовъ; она поразила бы безплодіемъ наши лучшія дарованія; и философы XVIII вѣка были правы, требуя для своихъ соотечественниковъ права смѣяться и шутить; однако надо согласиться, что галльскій духъ, въ своихъ требованіяхъ, зашелъ слишкомъ далеко и не остановился на свободѣ, основанной на чувствѣ любви. Но человѣкъ уже такъ созданъ, что не можетъ, при переворотахъ, не увлечься новыми формами, назначенными на смѣну отжившихъ. Нельзя было достигнуть свободы и оставаться вѣрнымъ извѣстной цѣли, и, подобно тому, какъ, при введеніи христіанства, утвержденіе чистѣйшей нравственности вызвало крайности аскетизма и забвеніе общественныхъ обязанностей, пріобрѣтеніе умственной свободы въ XVIII вѣкѣ временно породило крайнее своеволіе. Здѣсь кстати привести сказанное Вольтеромъ о политической свободѣ.

Въ своихъ Lettres philosophiques Вольтеръ, сдѣлавши краткое сравненіе Рима съ Англіей, указалъ на фактъ, что «гражданскія войны въ Римѣ имѣли слѣдствіемъ рабство, а въ Англіи привели къ свободѣ».—«Англійская нація, прибавляетъ онъ, есть единственная, въ которой сопротивленіе королевской власти допускается закономъ и которой, постоянными усиліями, удалось

наконецъ утвердить у себя разумное правленіе, въ которомъ король имѣетъ право дѣлать все хорошее и ограниченъ въ дѣланіи зла, въ которомъ аристократы велики, не будучи дерзкими вассалами и въ которомъ принимаетъ участіе народъ, не производя никакихъ безпорядковъ.. Конечно, недешево обошлась Англіи свобода; кумиръ деспотизма погибъ въ морѣ крови; но англичанамъ не кажется, чтобы они слишкомъ дорогою цѣною купили свои законы. Другіе народы не меньше ихъ испытали бѣдствій и не меньше ихъ пролили крови; но кровь, ими пролитая за дѣло свободы, только усилила ихъ рабство.»

Монтескье, обнародовавшій свои Lettres persones въ концѣ регентства, въ 1721 г., умѣлъ избѣгнуть крайностей, въ которыя впали его предшественники. Въ своей тонкой критикѣ, направленной противъ предразсудковъ его времени и его страны, онъ не переступилъ границъ шутки и веселости. Этотъ великій публицистъ самымъ счастливымъ образомъ соединяетъ въ себѣ философскій духъ съ знаніемъ истинныхъ общественныхъ потребностей.

Монтескье посѣтилъ различныя европейскіе города; въ Вѣнѣ бесѣдовалъ съ принцемъ Евгеніемъ, въ Венеціи—съ шотландцемъ Лоу и въ Римѣ подружился съ кардиналомъ Корсини, который, скоро потомъ, сдѣлался папою подъ именемъ Климента XII. Въ 1728 году онъ былъ принятъ въ члены академіи, а въ слѣдующемъ 1729 онъ сѣлъ, въ Ла-Гэ, на яхту лорда Честерфильда и отправился въ Англію, съ цѣлью познакомиться ближе съ народомъ, по его собственному выраженію, самымъ свободнымъ въ мірѣ; ибо его король не имѣетъ права дѣлать никому никакого зла, такъ какъ власть его ограничена и находится подъ контролемъ.

Въ 1734 году въ Голландіи появились его Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et leur décadence. Это сочиненіе, выдержавшее почти сразу два изданія, было вновь перепечатано въ 1748 году, и, начиная съ 1755 г. до нашего времени, изданіе этого сочиненія возобновляется безпрерывно. Монтескье пріучилъ французовъ смотрѣть серьезно на серьезныя вещи. Передъ ними открылся новый горизонтъ, когда они познакоми-

лись съ народомъ, который испыталъ переходъ отъ свободы къ деспотизму, отъ величія къ паденію.

Наконецъ, въ своемъ сочиненіи, Esprit des lois, составляющемъ сравнительный и историческій этюдъ политическихъ учрежденій, Монтескье указалъ своимъ соотечественникамъ средства соединить въ государствѣ порядокъ и свободу. Болѣе сдержанный нежели Вольтеръ,—который менѣе думалъ о созиданіи, нежели о разрушеніи,—проникнутый духомъ терпимости и безпристрастія, онъ открылъ французамъ недостатки того государственнаго строя, подъ которымъ они жили, и указалъ, какъ избавиться отъ нихъ. Пренебрегая легкимъ средствомъ бороться съ господствующими идеями, посредствомъ сарказма и указанія въ предметѣ смѣшной стороны, онъ подготовилъ глубокими размышленіями цѣлую школу публицистовъ и юристовъ, которой мы обязаны всѣмъ, что лучшаго дала намъ революція 1789 года.

Руссо, будучи моложе Вольтера шестнадцатью годами и моложе Монтескье — сорока четырьмя, менѣе перваго смѣлый въ нападкахъ на религіозныя вѣрованія, много превосходилъ втораго въ смѣлости своихъ политическихъ взглядовъ. Онъ, въ Discours sur l'inégalité des conditions, подвергъ вѣрной, хотя и желчной оцѣнкѣ всѣ основные принципы общественной жизни; высказался съ горечью и горячностью, достойными лучшаго дѣла, противъ собственности, противъ различія сословій, и въ своихъ выводахъ сразу достигъ крайнихъ предѣловъ самой радикальной демократіи. Затѣмъ появился его Contrat social. Въ этомъ сочинененіи онъ ищетъ въ самой природѣ человѣка и общества основъ правительствъ и законовъ, исходя изъ ложнаго и ни на чемъ неоснованнаго предположенія какого-то ничѣмъ недоказаннаго контракта, и, между тѣмъ, среди этихъ парадоксальныхъ теорій, мы находимъ весьма много вѣрныхъ указаній, практическихъ взглядовъ, доказывающихъ принципъ верховности власти народа. Предлагая обществу радикальныя преобразованія, онъ понималъ необходимость подготовить къ нимъ людей введеніемъ совершенно новой системы воспитанія, но и въ ней можно указать на тѣже недостатки, какія мы видѣли въ Contrat social. Система воспитанія составляетъ предметъ его сочиненія: Emile, которое, въ 1762 г., по приговору парламента, было осуждено на сож-

женіе и въ которомъ, въ ложныхъ идеяхъ, совершенно теряются идеи, въ сущности, весьма вѣрныя. Руссо, подъ вліяніемъ личныхъ несчастій и испытанныхъ имъ несправедливостей, неизбѣжныхъ въ обществѣ при искусственно установившемся неравенствѣ между людьми, сталъ несправедливъ относительно общества, на которое онъ смотрѣлъ и которое понималъ, какъ человѣкъ лично имъ оскорбленный. Но за тѣмъ, въ сочиненіяхъ Руссо, все, высказанное имъ, такъ краснорѣчиво, въ пользу равенства, носитъ на себѣ печать истины. Онъ, какъ и многіе утописты, предугадалъ принципы, которыхъ приложеніе могло имѣть мѣсто только въ будущемъ, но которые онъ считалъ возможными въ настоящемъ; онъ искалъ непосредственнаго осуществленія идей, которыя прежде, нежели поступить въ область совершившихся фактовъ, требовали цѣлые вѣка предварительной работы. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и заключается ошибка Руссо; и какъ общество не могло подчиниться указаннымъ имъ радикальнымъ и непосредственнымъ преобразованіямъ, онъ отвернулся отъ него. Онъ сдѣлался главою школы, думавшей, что можно сразу перестроить все общественное зданіе, что можно человѣчеству возвратить счастіе и добродѣтель, отнявъ у него пріобрѣтенныя имъ богатства и развитіе ума, вкуса и всѣхъ способностей, отличающихъ насъ отъ дикаря. Эта школа въ 1793 году пыталась насильственно заставить народъ возвратиться къ первобытнымъ, естественнымъ условіямъ жизни, въ которыхъ Жанъ-Жакъ видѣлъ источникъ всѣхъ добродѣтелей. Она въ этомъ не имѣла и не должна была имѣть успѣха. Ея попытка стоила много крови и слезъ, и принципъ демократіи и равенства, котораго провозвѣстникомъ былъ Жанъ-Жакъ, привелъ къ самой отвратительной тираніи.

Вліяніе энциклопедистовъ было гораздо слабѣе вліянія упомянутыхъ нами писателей. Великая заслуга этой школы состояла въ распространеніи научныхъ свѣдѣній, составлявшихъ прежде привилегію небольшаго числа спеціалистовъ, и въ оживленіи ихъ философскимъ взглядомъ. Человѣкъ извлекаетъ изъ своего умственнаго развитія не одни только усовершенствованныя средства къ удовлетворенію своихъ нуждъ, къ улучшенію матеріальнаго существованія, научное развитіе возвышаетъ са-

мую силу его ума и доводитъ его до источника истинной философіи. Но, чтобы человѣкъ могъ воспользоваться этими выгодами, науки не должны быть изучаемы отдѣльно одна отъ другой, какъ какое-нибудь ремесло или профессія, а въ связи и необходимо уловить ихъ связь, ихъ ensemble. Ибо только сравненіе выводовъ изо всѣхъ человѣческихъ знаній расширяетъ горизонтъ нашихъ сужденій и даетъ нашему критическому взгляду прочную основу. Въ томъ и заслуга энциклопедистовъ, что они именно такъ смотрѣли на науки и составили изъ нихъ нѣчто цѣлое, руководствуясь которымъ можно было надежнѣе вести ихъ по пути прогресса. И дѣйствительно, развитіе наукъ въ XVIII столѣтіи было блистательно. Между тѣмъ какъ въ математическихъ наукахъ, въ астрономіи, въ медицинѣ совершались однѣ открытія за другими, физика начала оставлять метафизическія теоріи и вступала въ область опытовъ, начиналась химія и естественная исторія изъ простаго сбора фактовъ, какимъ она была прежде, становилась философіей природы.

Тогда же стали приходить къ убѣжденію, что только путемъ опыта и наблюденія можно достигнуть истины. Въ это-то важное время энциклопедисты сознали, какая громадная польза была бы для дальнѣйшаго развитія челевѣчества, если бы всѣ человѣческія знанія того времени, несовершенныя конечно, но сравнительно съ мракомъ среднихъ вѣковъ порожавшія блескомъ, были представлены въ одной общей картинѣ. Два геніальные человѣка,—изъ которыхъ обширность знаній въ одномъ соединялась съ глубиною геометрическихъ познаній, въ другомъ съ оригинальностію, съ пылкимъ, неистощимымъ воображеніемъ,—д'Аламберъ и Дидро стали во главѣ этого гигантскаго труда; ихъ трудъ былъ только почином дѣла, но почином, сдѣланнымъ мощною рукою.

Такимъ образомъ, каждый изъ виновниковъ движенія XVIII столѣтія взялъ на себя отдѣльную задачу и каждый, съ своей стороны, содѣйствовалъ развитію идей и учрежденій. Вольтеръ отстаивалъ права разума противъ нетерпимости и фанатизма, и стоялъ за свободу мысли противъ враговъ ея; Монтескье ясно указалъ взаимныя отношенія государствъ и гражданъ; Руссо дошелъ въ развитіи идей до великаго принципа справедливости,

называемаго на политическомъ языкѣ равенствомъ, и открылъ демократіи доступъ къ политикѣ. Наконецъ, энциклопедисты окончательно отвратили умы отъ схоластики, которая, вмѣсто истинъ добытыхъ опытомъ и наблюденіемъ, довольствовалась метафизичискими теоріями. Они вывели умы изъ изолированнаго состоянія, сблизивъ между собою знанія, прежде бывшія чуждыми и даже враждебными другъ другу.

Въ немногихъ словахъ можно такъ выразить дѣло философской школы: она создала господство свободной критики, ставши противъ религіозныхъ партій, всегда несправедливыхъ одна къ другой, всегда отличавшихся нетерпимостью, она ввела въ наши нравы и привычки великій принципъ свободы совѣсти и преній, который впослѣдствіи вошелъ и въ наше законодательство.

III.

Нравственное влiянiе философiи.

Мы сказали, что французскiе писатели XVIII вѣка не избѣгли печальнаго влiянiя распущенности нравовъ того времени; но, чтобы быть относительно ихъ вполнѣ справедливыми, мы, за сдѣланный имъ упрекъ, должны указать и на заслуги, оказанныя ими умственному развитiю и дѣлу свободы. Великое движенiе идей, совершившееся въ XVIII вѣкѣ, сдѣлало общими такiе принципы, которые прежде или вовсе были неизвѣстны или сознавались только немногими отдѣльными умами. Такой прогрессъ, какъ и прогрессъ предшествовавшаго столѣтiя, не зависѣлъ нисколько отъ правительства. Новые принципы зародились въ общественномъ сознанiи, здѣсь нашли ихъ философы и сдѣлались ихъ краснорѣчивыми истолкователями. По своей лѣности, безпечности Людовикъ XV предоставилъ управленiе государственными дѣлами своимъ креатурамъ и фаворитамъ, а равно креатурамъ и фаворитамъ своихъ любовницъ и правительство шло по пути, проложенному Людовикомъ XIV, не представляя ни его славы, ни генiальности.

Такое, въ нѣкоторомъ смыслѣ отреченiе короля отъ власти, благопрiятствовало умственной эмансипацiи. Писатели, потерявъ въ короляхъ покровителей, прiобрѣли независимость и свобода вообще выиграла отъ безсилiя королевской власти.

Сильные апатiею короля, министры, назначаемые подъ влiянiемъ придворныхъ интригъ, становились болѣе и болѣе могущественными; такъ что король не будучи въ состоянiи противодѣйствовать имъ явно, нерѣдко долженъ былъ дѣйствовать про-

тивъ нихъ тайно. Безспорно, менѣе другихъ признавалъ надъ собою зависимость отъ королевской власти герцогъ Шуазель.

Подчиненный министрамъ міръ чиновниковъ, хотя былъ не обширнѣй теперешняго, однако стремился къ расширенію и началъ уже проникаться новыми идеями, такъ что люди администраціи, составляя часть административной машины, не могли не вліять на знать, когда-то всемогущую.

Что касается философовъ и класса людей, которые посвятили себя умственнымъ занятіямъ, то ихъ дѣятельность, не имѣя непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ и сосредоточиваясь въ области идей, не встрѣчала никакихъ препятствій. Они не признавали надъ собою контроля практики и упускали изъ виду множество обстоятельствъ; а между тѣмъ знакомство съ практикой могло бы удержать философовъ отъ преждевременнаго примѣненія ихъ принциповъ къ практикѣ и даже содѣйствовало бы развитію и самыхъ принциповъ исправленію чрезъ соприкосновеніе ихъ съ существующими интересами. И такъ, дѣятельность философовъ была вполнѣ свободнымъ проявленіемъ ума и воображенія, проявленіемъ ничѣмъ нестѣсняемымъ: оттого въ XVIII столѣтіи появилось множество утопій, въ которыхъ ложное, вредное, несправедливое тѣсно связывалось съ истиннымъ, полезнымъ и справедливымъ; ибо, хотя во всякой утопіи, задуманной умомъ сильнымъ и благороднымъ, есть зародышъ возможнаго, но она не ограничивается предѣлами возможнаго и общій недостатотъ всѣхъ утопій тотъ, что онѣ опережаютъ цѣлыми столѣтіями господствующія идеи и существующія учрежденія. Впрочемъ, утопіи важны въ томъ отношеніи, что отрываютъ насъ отъ предразудковъ и рутины, открывая передъ нами новый горизонтъ. Такимъ же характеромъ преимущественно отличались и смѣлыя теоріи XVIII вѣка. Опасная сторона ихъ въ томъ, что ихъ легко было принять за допускающіе немедленное осуществленіе. Творцы этихъ теорій не принимали въ соображеніе того, что для прочнаго успѣха всякихъ реформъ необходимо, чтобы онѣ совершались медленно и постепенно, и эта ошибка XVIII вѣка стала капитальною ошибкою французской революціи. Подъ вліяніемъ философскихъ доктринъ, люди, думавшіе переродить Францію, вѣрили въ возможность передѣлать все въ нѣсколько лѣтъ и

освободиться отъ всякой традиціи, т. е. отъ условій времени, которымъ, какъ мы видимъ, подчиняются даже явленія физической природы.

Потому, французская революція, порожденная философіей XVIII вѣка, скорѣе, можно сказать, разработала принципы, но не создала ихъ, какъ нѣчто новое. Эти принципы, обезсмертившіе ее, могутъ быть выражены тремя словами: человѣчность, справедливость и свобода.

Конечно, два первые принципа указаны намъ Евангеліемъ, и со введеніемъ христіанства имѣли вліяніе на наши нравы; но еще, во многихъ отношеніяхъ, христіанское общество носило на себѣ слѣды варварства; такъ, какой-то странный компромиссъ установился между религіей и насиліемъ; самое вопіющее неравенство оставалось еще въ отношеніяхъ низшихъ и высшихъ классовъ. Уголовное законодательство также не освободилось еще отъ характера звѣрства и допускало жестокость, что доказывается столь долгимъ существованіемъ пытокъ и казней. Въ подтвержденіе этого можно было бы привести множество свидѣтельствъ, мы ограничимся немногими. Человѣкъ, котораго теперь признали бы сумашедшимъ, Даміенъ, сдѣлалъ 9 марта 1757 года покушеніе убить въ Версали Людовика XV такимъ маленькимъ ножемъ, что онъ, во время совершенія имъ преступленія, выпалъ у него изъ рукъ. Это былъ просто сумашедшій, достойный сожалѣнія, котораго нужно было бы держать въ заперти, а его подвергли пыткамъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ преступниковъ; исполнители казни утомились, истязая этого сильнаго тѣломъ человѣка. Не менѣе 50 минутъ продолжалось четвертованіе; лошади не могли разорвать несчастнаго, котораго физическая сила служила только къ продленію его агоніи. Страшная, отвратительная борьба жизни и смерти превращена была палачемъ: онъ перерѣзалъ связки, которыхъ не могли перервать лошади.

Притомъ, такимъ страшнымъ пыткамъ подвергали не однихъ злодѣевъ, убійцъ; вспомнимъ Жана Кала. И эти жестокости не были дѣломъ простаго народа. Даміена судила большая палата парламента, вмѣстѣ съ палатой перовъ. Что насъ теперь такъ сильно возмущаетъ, то оправдывалось и считалось зако нымъ даже

лучшими умами того времени, людьми высоко поставленными, наиболѣе развитыми. Однако въ это время не служители Евангелія напомнили христіанскимъ обществамъ о необходимости ввести въ законы принципъ человѣчности; объ этомъ первые заговорили философы.

Тоже можно сказать и о принципѣ справедливости. Протестъ противъ вопіющаго неравенства, до того времени раздѣлявшаго людей, самымъ энергическимъ образомъ былъ высказанъ опять философомъ, Ж. Ж. Руссо. Идеи философовъ постепенно поступали въ область практики, изъ нея же никогда не могли возникнуть; такъ какъ правительственные люди были заражены отвратительными, перешедшими къ нимъ по наслѣдству, традиціями.

Однажды кардиналъ Флери спросилъ тюремнаго священника, какая главная причина пороковъ и преступленій, доводящихъ этихъ несчастныхъ до тюремнаго заключенія. Священникъ, передъ которымъ исповѣдывалось такое множество нравственно погибшихъ людей отвѣчалъ: безденежье. Но въ чемъ же главная причина безденежья? Отвѣтъ: въ игорныхъ домахъ. И такъ, министръ зналъ причину зла отъ человѣка вполнѣ компетентнаго, который, по своему характеру и обязанности, имѣлъ возможность получать самыя драгоцѣнныя поэтому предмету указанія. Его свидѣтельства достаточно было бы, чтобы вызвать рѣшительныя реформы: но ихъ даже не пытались произвести. Въ 1738 году игорные дома процвѣтали въ ущербъ общественной нравственности, семейнаго спокойствія и чести. Ихъ содержали герцоги де-Кориньякъ и де-Жевръ. Конечно, они не сами управляли своими игорными домами: люди, уважающіе себя, не захотѣли бы такъ компрометировать своего званія; эти гордые герцоги отдали на откупъ игорную ферму директору оперы, чѣмъ и помирили достоинство своего сана съ выгодами своего кошелька. Достаточно было вліянія этихъ значительныхъ людей, чтобы зло продолжало существовать, хотя честный министръ зналъ его причину.

И такъ, частные интересы людей приближенныхъ къ королю, которыхъ вездѣ много, составляли главное препятствіе самымъ настоятельнымъ реформамъ.

Философы, писатели обратились тогда къ принципамъ. Они обратили общественное вниманіе на возмутительное неравенство и, такимъ образомъ, подготовили преобразованіе уголовныхъ законовъ, прежде произведя переворотъ въ идеяхъ и нравахъ. Не должно забывать, что не законы установляютъ добрые нравы; гдѣ нѣтъ нравственнаго чувства, тамъ самые лучшіе законы безсильны; добрые нравы ведутъ за собою хорошіе законы. И, чтобы быть вполнѣ справедливыми относительно философіи послѣдняго столѣтія, чтобы оцѣнить всю великость услуги, оказанной обществу философами, необходимо имѣть въ виду, какъ мало до нихъ были извѣстны выработанные ими принципы. Было, напримѣръ, время и это время продолжалось до послѣдняго столѣтія, когда не только неравномѣрное распредѣленіе податей находило поддержку въ умахъ въ высшей степени серьезныхъ и честныхъ, но даже несправедливость въ судахъ, допускавшая строгость только относительно низшихъ классовъ и щадившая высшее сословіе, не вызывала съ ихъ стороны осужденія: раскаленное желѣзо, вообще, всякія пытки и разореніе предназначались только для низшаго сословія и это никого непоражало. Съ Людовика XVI, уничтожившаго пытку, мы сдѣлались человѣчнѣе. Мы уже не допускаемъ возможности безнаказанно обворовывать общество, возстаемъ противъ лихоимства; равно непонятно для насъ и то, какъ Людовикъ XV могъ такъ легко утверждать acquits au comptant. Порядокъ, правильность и благоразуміе въ дѣлахъ, мягкость нравовъ, чувство человѣчности и справедливости такъ вкоренились въ насъ, что стали, такъ сказать, предметомъ общественнаго права. Всѣмъ, что отличаетъ насъ отъ людей XVIII и предшествовавшихъ ему вѣковъ, равно и стремленіемъ къ цивилизаціи и прогрессивнымъ движеніемъ, мы, большею частію, обязаны философіи.

Такъ же мало, какъ права человѣчества, обезпечивалась и личная свобода. Тайныя королевскія повелѣнія объ арестѣ (lettres de cachet) служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Впрочемъ, нѣкоторые придаютъ уже слишкомъ гнусное значеніе этому основанному на произволѣ средству, забывая, что имъ обезпечивалось наказаніе виновнаго и спасалась честь семейства. Въ этихъ повелѣніяхъ достойно порицанія то, что

они дѣйствовали тайнымъ образомъ и отнимали у обвиняемаго всѣ средства къ защитѣ. Безъ гласности и свободы защиты нѣтъ безопасности для подсудимаго и основъ для правильнаго суда. Притомъ, много примѣровъ, показывающихъ, къ какимъ злоупотребленіямъ, къ какимъ чудовищнымъ явленіямъ подавали поводъ эти тайныя королевскія повелѣнія (lettres de cachet). Отцы, мужья, родственники, пользовавшіеся при дворѣ вліяніемъ, безъ всякаго труда помощію этихъ документовъ получали возможность подвергать заключенію своихъ дѣтей, женъ и родственниковъ.

У президента главной палаты налоговъ (cour des Aides), Ламамю, былъ братъ, аббатъ, который взыскивалъ съ него слѣдовавшую ему по наслѣдству отъ отца часть. Выхлопотавъ себѣ тайное королевское повелѣніе, президентъ избавился отъ своего брата; несчастный былъ сосланъ на о. св. Маргариты съ пансіономъ въ 650 ливровъ. Семейства, близкія ко двору, въ случаѣ заключенія ихъ родственниками браковъ, считавшихся неприличными партіями, всегда прибѣгали къ тайнымъ королевскимъ повелѣніямъ.

Вообще говоря, въ послѣднемъ столѣтіи неравенство было такъ сказать, во всемъ, а это обусловливало несправедливость. Слѣдовательно, неудивительно, что Франція среди этихъ злоупотребленій такъ рвалась къ равенству, и въ своемъ стремленіи доходила до нелѣпаго. Эта потребность равенства привела къ изобрѣтенію страшнаго оружія казни, употребленіе котораго во время революціи было такъ гибельно для многихъ. Назначеніе неодинаковыхъ наказаній людямъ, виновнымъ въ однихъ и тѣхъ-же преступленіяхъ, было возмутительно: зло хотѣли пресѣчь введеніемъ одного и того-же рода смерти для всѣхъ преступниковъ.

Преслѣдуемые стали самыми ярыми, жестокими преслѣдователями; такими были христіане: прежде они сами были жертвами, впослѣдствіи сдѣлались палачами.

Но, какъ фанатизмъ инквизиторовъ не можетъ заставить насъ забыть благодѣянія оказанныя человѣчеству христіанствомъ, такъ революціонный фанатизмъ не позволяетъ намъ не признать благотворнаго вліянія провозглашенія принциповъ, не

смотря на то странное, одѣланное изъ нихъ приложеніе въ 1794 и 1795 годахъ.

Конечно, среди всѣхъ этихъ ужасовъ, главную роль играли страсти личныя, самыя порочныя, и дѣйствовали подъ прикрытіемъ патріотизма и республиканскихъ добродѣтелей, но нельзя не согласиться, что чувствомъ преобладающимъ было доведенное до крайне экзальтированнаго состоянія, чувство недовольства, вызванное господствомъ привилегій.

Впрочемъ, надо условиться въ значеніи слова привилегіи, такъ какъ не всѣ изъ нихъ несправедливы и беззаконны; онѣ становятся такими только тогда, когда пользующіеся ими не исполняютъ обязательствъ, возлагаемыхъ на нихъ пріобрѣтенными привилегіями.

Дѣйствительно, привилегія въ принципѣ есть законное, справедливое, хотя и исключительное вознагражденіе за нѣкоторыя принятыя на себя кѣмъ нибудь, также исключительныя, обязательства. Съ увеличеніемъ оказанныхъ услугъ, увеличивается вознагражденіе пропорціонально услугамъ. Я имѣю честь быть преподователемъ въ Collége de France. Это — привилегія, ибо не всѣ пользуются этимъ правомъ. Но я пользуюсь этою привилегіею только подъ условіемъ, чтобы я своими трудами, добросовѣстнымъ приготовленіемъ къ лекціямъ былъ вполнѣ достоинъ чести быть преподавателемъ. Очевидно, что тотъ, кто за привелегію не приноситъ обществу никакой услуги ни прошедшею, ни настоящею своею дѣятельностью, тотъ употребляетъ ее во зло. Можно ли допустить, напримѣръ, чтобы въ государствѣ пользовались пансіонами люди, не оказавшіе никакихъ услугъ, которыя бы давали имъ право на эти пансіоны, или, чтобы пансіоны давались людямъ, которые въ нихъ не нуждаются, и которые безъ нихъ имѣютъ средства къ существованію. Ясно, что французскій народъ смѣшалъ привилегіи съ злоупотребленіями, которыя изъ нихъ дѣлались. Однако надо признаться, что даже наиболѣе возстававшіе противъ злоупотребленій привилегіями, нерѣдко пользовались тѣмъ, что сами порицали. Счастливъ человѣкъ, чьи слова не идутъ въ розвь съ его нравственными убѣжденіями и поступками. Какой авторитетъ, какую силу пріобрѣтаетъ тогда защищаемый ими принципъ! Мы указали, что

Вольтеръ и другіе современные ему мыслители не избѣгли развращенія нравовъ окружавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ; но этотъ упрекъ касается ихъ только какъ людей, но не ихъ принциповъ. Сила истины не зависитъ отъ того, что дѣлаетъ или чего не дѣлаетъ высказавшій истину; эта сила прежде всего заключается въ самой истинѣ, и принципъ истины тѣмъ и великъ и мощенъ, что онъ насильственнымъ образомъ, вопреки всѣмъ обстоятельствамъ, подъ конецъ всегда восторжествуетъ. И главная заслуга философіи XVIII вѣка въ томъ, что она ускорила интеллектуальное развитіе Франціи и возбудила экономическое движеніе, изъ котораго вышелъ новый административный порядокъ. Дѣйствительно, появленіе политико-экономическихъ доктринъ тѣсно связано съ новыми теоріями, порожденными философіей. Экономисты, какъ и философы, руководствовались абстрактными принципами справедливости, права и пользы. Они разъяснили жизненный вопросъ о производительныхъ и непроизводительныхъ расходахъ, о полезныхъ и ненужныхъ агентахъ.

Религіозная терпимость, будучи приложеніемъ принципа справедливости, проникла, въ законы также только благодаря настояніямъ философовъ. Только въ 1787 году протестантамъ возвращены гражданскія права; ихъ несчастную исторію до того времени можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ: постоянныя преслѣдованія, ссылка и изгнанія. Преслѣдованіе, казавшееся ненавистнымъ даже во время уничтоженія Нантскаго эдикта, въ XVIII стало еще ненавистнѣе. Что же придало преслѣдованіямъ противъ христіанъ столь ненавистный характеръ? То, что тѣ, которые дѣлались палачами протестантовъ, обыкновенно не думали о божествѣ, поклоняться которому они хотѣли ихъ заставить. Религіозныя преслѣдованія могли бы быть понятны, хотя и не оправданы, въ то время, когда вѣра преслѣдователей была жива и искренна; но онѣ принимаютъ возмутительный характеръ, когда вѣра угасла. Преслѣдованія протестантовъ при Людовикѣ XV не оправдывались даже нетерпимостью, болѣе или менѣе извинительною въ гонителѣ, убѣжденномъ въ истинѣ своей вѣры; ибо мы видѣли, какая распущенность нравовъ была въ XVIII в., даже въ средѣ духовенства. Между тѣмъ эдикты Людовика XIV не теряли своей силы. По временамъ пасторовъ

еще подвергали арестамъ и вѣшали, доносы указывали правительству имущества бѣглецовъ, о которыхъ искъ позабытъ. Севенскіе священники, недовольные тѣмъ, что преслѣдованія протестантовъ утратило свою силу, подали карденалу Флери объ этомъ записку. Они жаловались въ ней, что дѣти протестантовъ не посѣщаютъ ихъ школъ, что родители не приносятъ къ нимъ крестить новорожденныхъ и что ихъ проповѣдники совершаютъ браки. Нерѣдко священники отказывались благословлять брачные союзы протестантовъ, обратившихся въ католичество, такъ какъ уже знали, что они по совершеніи брака, тотчасъ же опять переходили въ протестантство.

Депутатъ отъ духовенства, пославшаго кардиналу записку, говорилъ ему, что протестанты волновались больше обыкновеннаго, хотя и не было возможности указать въ ихъ поступкахъ что-нибудь похожее на возмущеніе. Назначено была награда за открытіе ихъ проповѣдниковъ; Флери обнародывалъ что относительно протестантовъ будетъ соблюдаться прежняя строгость. Епископы Лангедока одобрили мѣры кардинала. Для вступленія въ бракъ требовалось удостовѣреніе въ католичествѣ, выданное отъ мѣстнаго священника и визированное епископомъ. Безъ такого удостовѣренія нотаріусъ не имѣлъ права заключать брачные контракты; епископы не считали лишнею смертную казнь протестантскимъ проповѣдникамъ за совершеніе ими браковъ.

Въ случаѣ открытія такого брака, мужъ подвергался ссылкѣ на галеры, жена и свидѣтели—пожизненному заключенію, имущество же ихъ конфисковалось. По настоянію епископа гор. Монпелье дѣти, родившіеся въ бракахъ, совершенныхъ ихъ пасторами, считались незаконными. У протестантовъ отнимали дѣтей и дочерей силою отдавали въ монастыри. Судебная власть также принимала участіе въ этихъ насиліяхъ. Извѣстно, какую крайнію жестокость выказалъ парламентъ по дѣлу о кавалерѣ де-ла-Барръ. Въ 1762 году тулузскій купецъ несчастный Жакъ Кала, погибъ смертью чрезъ колесованіе за мнимое преступленіе; его обвиняли въ убійствѣ своего сына, за его намѣреніе перейти въ католичество. Комиссія, наряженная по этому дѣлу въ 1765 году, признала невиновность этаго несчастнаго отца семейства, уже погибшаго отъ руки палача.

Людовикъ XVI, которому при вступленіи на престолъ было 20 лѣтъ, понималъ необходимость реформъ, настоятельно требуемыхъ справедливостью. Онъ хотѣлъ окружить себя честными людьми и работать съ ними. Но общественное мнѣніе, вліянію котораго такъ легко уступило его доброе сердце, создано было также философами.

Гуманность, справедливость, терпимость—вотъ три принципа, которые при болѣе глубокомъ анализѣ составляютъ одинъ, заключающійся въ словѣ: справедливость, вотъ то неоцѣненное благо, которымъ мы обязаны философіи XVIII вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ принципъ подъ знаменемъ философіи вступилъ въ міръ, онъ еще болѣе развился, возвысился; и то, что сначала было привилегіею небольшаго числа избранныхъ, то постепенно стало достояніемъ всего народа. Передъ правосудіемъ нѣтъ ни сана, ни кастъ, ни различій по рожденію. Теперь право стало общимъ для всѣхъ гражданъ. Приложеніе этого принципа не остановилось на этомъ только. Уже народы считаютъ обязанностью быть справедливыми другъ къ другу; такимъ образомъ, сдѣлало шагъ впередъ и право между народное. Прежде народъ, занятый единственно своими собственными интересами, думалъ только о себѣ и возвышалъ эгоизмъ въ добродѣтель; къ несчастію, нѣкоторые политики и нѣкоторые народы и теперь еще держатся этой политики. Теперь же внушаютъ народамъ, какъ прежде отдѣльнымъ лицамъ, что они солидарны между собою, что съ успѣхами одного изъ нихъ связаны успѣхи сосѣдей, и что право другаго, кто бы онъ ни былъ, народъ, или отдѣльная личность,—должно быть уважаемо. Націи стремятся въ настоящее время къ соревнованію и становятся менѣе враждебными между собою; этимъ прекраснымъ приложеніемъ евангельскаго ученія, обѣщающаго будущность народамъ, мы опять таки обязаны философіи, мыслителямъ—утопистамъ XVIII столѣтія.

IV.

Прогрессивное движеніе наукъ.

Представленная нами картина умственнаго и нравственнаго движенія, вызваннаго во Франціи философіей XVIII вѣка, была бы неполна, если бы мы ограничились обзоромъ произведеній чисто философскихъ. И притомъ, какъ пріобрѣтенное философіею значеніе находилось въ связи съ движеніемъ, обнаружившемся въ изученіи естественныхъ законовъ, то мы должны сказать здѣсь объ успѣхахъ другихъ наукъ, по скольку и онѣ принимали участіе въ духовномъ развитіи человѣчества.

Конечно, нельзя сказать, что въ наукахъ физическихъ и математическихъ до XVIII вѣка не было сдѣлано никакихъ успѣховъ; объ нихъ говорятъ имена великихъ ученыхъ: Коперника — изъ Польши, Тихо де-Браге — изъ Даніи, Галилея—изъ Италіи, Декарта, Ферма, Паскаля—изъ Франціи, Гюйгенса—изъ Голландіи; но науками въ то время занималось весьма небольшое число избранныхъ, науки были чужды массамъ и большинство даже образованныхъ людей шло по пути отжившей схоластики. Наблюденіямъ недоставало критической оцѣнки, опыты только начинались. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ придавалось слишкомъ большое значеніе умозрѣніямъ, узкая теологія господствовала надъ всѣми понятіями, метафизика мѣшала развитію правильныхъ научныхъ методовъ.

Въ XVIII вѣкѣ наука вступаетъ въ полное обладаніе всѣми пріемами, она освободилась отъ путъ, мѣшавшихъ ея развитію и подъ вліяніемъ философіи она останавливается на изученіи фактовъ, констатируя ихъ опытами, основывая свои выводы

на логическихъ законахъ и математическихъ вычисленіяхъ, обобщенія—на индуктивномъ методѣ.

Астрономія опередила прочія науки; она при помощи геометріи, оставаясь въ сферѣ чистаго абстракта, развивалась гораздо свободнѣе ихъ, хотя и не безъ борьбы съ предразсудками. Открытіе телескопа дало ей средство ближе узнать изучаемыя ею явленія. Прочія науки отстали отъ нея, а нѣкоторыя были въ состояніи дѣтства. Упорно держась метафизическихъ теорій, отчасти перешедшихъ къ нимъ отъ прежнихъ временъ, физики, химики, естествоиспытатели, врачи продолжали блуждать въ лабиринтѣ фактовъ, не умѣя отыскать связи между явленіями и ихъ частностями.

Но едва только научный методъ былъ найденъ и сдѣлался для всѣхъ доступенъ, какъ начало обнаруживаться его плодотворное вліяніе на занятіе науками, которое среди интеллектуальнаго движенія, начавшагося въ Англіи съ Бэкона, въ XVII столѣтіи, во Франціи же въ XVIII, пріобрѣтало постоянно возрастающее значеніе.

Впрочемъ, для полнаго и прочнаго успѣха недостаточно было приготовить болѣе крѣпкую и лучше обработанную почву; надо было, кромѣ того, научные результаты сдѣлать достояніемъ всѣхъ умовъ и показать обществу всю демонстративную силу новыхъ научныхъ методовъ. Эту новую задачу взяла на себя философія; несмотря на успѣшную въ большей части дѣятельность, она еще обнаруживала недостатокъ опытности. Вольтеръ изложилъ физику Ньютона въ формѣ доступной для большинства; ему въ этомъ дѣлѣ помогала м-мъ де Шатлэ, болѣе его знакомая съ геометріею и содѣйствовавшая къ распространенію во Франціи нѣкоторыхъ математическихъ положеній этого безсмертнаго генія. Фонтенелль въ своихъ Eloges и другихъ сочиненіяхъ также имѣлъ въ виду сдѣлать доступными для свѣтскихъ людей знанія, прежде бывшія для нихъ мертвою буквою. Д'Аламберъ въ своихъ Elements de philosophie собралъ начала геометріи и механики, понятныя для незнакомыхъ съ математическимъ анализомъ. Наконецъ, Бюффонъ своимъ изящнымъ стилемъ, возбудилъ интересъ къ зоологіи, геологіи и сравнительной физіологіи въ людяхъ, ко-

торые прежде индифферентно относились къ этимъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Рядомъ съ этими великими писателями, скромные дѣятели, профессора открывали курсы естественныхъ наукъ и писали элементарныя сочиненія по своимъ предметамъ. Такимъ образомъ, общество стало постепенно знакомиться съ фактами, которые прежде были исключительнымъ достояніемъ немногихъ спеціалистовъ.

Энциклопедисты старались популяризировать знанія, указывать на существующую между ними связь и благодаря имъ великое значеніе науки въ будущемъ стало очевиднымъ для всѣхъ. Развитіе науки безпредѣльно; каждое открытіе въ обширной системѣ наукъ развиваясь ведетъ къ новымъ открытіямъ, наводитъ на неизвѣстные прежде законы, которые, въ свою очередь, даютъ новыя сѣмена, также прежде неизвѣстныя и также плодотворныя, и такъ далѣе безъ конца: одни знанія порождаютъ другія и такимъ образомъ расширяется и пополняется знаніе законовъ природы, составляющихъ основу всѣхъ нашихъ знаній. Не только все, касающееся жизни матеріальной, промышленности, искусства, но и все, относящееся къ сферѣ интеллектуальной и нравственной,—ко всякой системѣ экономической и философской и даже все, имѣющее отношеніе къ какому бы ни было религіозному ученію—все необходимо опирается на знаніи физическихъ законовъ и составляетъ часть науки о природѣ. Такое представленіе о единомъ, истинномъ и прочномъ основаніи всякаго знанія принадлежитъ преимущественно философіи XVIII вѣка и за него мы ей обязаны признательностью.

Чтобы составить себѣ понятіе объ громадныхъ успѣхахъ естественныхъ наукъ съ Людовика XIV до нашего времени, стоитъ обратить вниманіе на планъ занятій, начертанный Перро (Perrauts) въ 1667, для физическаго отдѣленія академіи наукъ. Изъ него мы увидимъ, что въ то время не было рѣчи ни объ организаціи животныхъ и растеній, ни объ ихъ различіи между собою. Сравнительная анатомія, органографія и физіологія растеній, химія изучались безъ всякаго серьезнаго метода и какъ бы ощупью. Самая академія въ началѣ своего существованія была просто ученою коммисіею, не пользовавшеюся никакою самостоятельностью; конечно, она и тогда дѣйствова-

ла подъ вліяніемъ благородныхъ побужденій и—вполнѣ безупречно и честно, однакоже—не безъ вліянія на нее власти, отъ которой она подобострастно принимала разнаго рода милости. Теперь академія наукъ въ этихъ милостяхъ не нуждается; самая власть, понимая, чѣмъ она ей обязана, относится къ ней съ уваженіемъ; теоріи свѣта, теплоты, электричества, магнетизма, химическаго анализа, составляющія содержаніе ея мемуаровъ, освобождаютъ ее отъ необходимости искать чьего нибудь покровительства. Однако такой успѣхъ достался ей не безъ упорной борьбы, еще болѣе усиливавшей и поддерживавшей ея значеніе въ умахъ массы.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка произошла послѣдняя борьба старой школы алгебраистовъ и картезіанцевъ. Іезуиты, опровергнувъ ученіе Декарта помощію схоластики, избрали его же самаго своимъ орудіемъ въ борьбѣ противъ геометровъ и ньютоновой физики. Борьба продолжалась полстолѣтія. Такъ какъ Франція дала міру Декарта, то многіе французскіе ученые считали для себя за особенную честь оставаться вѣрными послѣдователями его ученія.

Авторитетъ знаменитаго базельскаго математика, Жана Бернулли, состоявшаго при академіи въ званіи сотрудника (associé), только возвышалъ значеніе теоріи вихрей во мнѣніи послѣдователей Декарта и усиливалъ ихъ упорство. Ньютоніанизмъ уже распространился по Голландіи, нашелъ себѣ много послѣдователей въ Германіи; благодаря Бульфингеру, сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ; одна только Франція продолжала упорно держаться бредней Декарта.

За сочиненія, защищавшія ученіе Декарта, академія назначала преміи. Такъ въ 1728 г. она выдала премію Мезьеру, члену «ораторіи», бывшей въ то время главнымъ разсадникомъ картезіанства, за его мемуаръ: Traité des petits tourbillons de la matière subtile; въ немъ авторъ имѣлъ притязаніе доказать помощію простыхъ ударныхъ явленій, что вселенная наполнена жидкою матеріею, весьма подвижною и дѣйствующею подъ вліяніемъ безконечнаго множества вихрей сферической формы, составляющихъ основу всѣхъ явленій природы. Четыре года спустя была присуждена премія Жану Бернулли за его

сочиненіе: Nouvelles pensées sur le système de Descartes et la maniere d'en dédufre les orbites et les aphelies des planetes.

Кассини (изъ Тюри) думалъ согласить въ мемуарѣ, поданномъ имъ академіи наукъ, законы Кеплера съ гипотезою вихрей. Такое упорство академіи находило поддержку въ рѣчахъ и сочиненіяхъ непремѣннаго секретаря академіи, Фонтенелля, которому сочувствовали многіе члены обѣихъ парижскихъ академій. Въ 1763 г. Ле-Бо, непремѣнный секретарь академіи древностей, въ своей рѣчи о Каммиллѣ, Фальконетѣ, говоритъ объ немъ и Фонтенеллѣ: «это два ветерана, закаленные въ бою и еще оба полные силъ; они укрываются за вихрями Декарта, какъ за стѣнами осажденнаго города, храбро и умно защищая ихъ противъ нападеній стремительной молодежи.»

Старикъ Мэранъ, занявшій послѣ Фонтенелля мѣсто непремѣннаго секретаря академіи и дожившій какъ и онъ, до ста лѣтъ, также велъ борьбу за картезіанскую физику.

«Каково бы ни было назначеніе теоріи вихрей, писалъ онъ въ 1742 году, она есть великая и прекрасная теорія, вполнѣ заслуживающая того, чтобы поддерживать ее и защищать отъ всѣхъ нападеній, дѣлаемыхъ на нее болѣе пятидесяти лѣтъ сторонниками пустоты». Не отрицая трудностей, связанныхъ съ картезіанской гипотезой, онъ доказывалъ, что Ньютонова система представляетъ ихъ гораздо больше. «Противуположная система, говоритъ онъ, допуская движеніе небесныхъ тѣлъ въ безпредѣльной пустотѣ, какъ бы предоставленныхъ самимъ себѣ и удерживаемыхъ въ своихъ движеніяхъ только какою-то неизвѣстною метафизическою причиною, о которой невозможно составить себѣ яснаго понятія, не заключаетъ ли въ себѣ также своего рода трудностей и притомъ — гораздо большихъ?» Мэранъ высказалъ эту мысль въ похвальномъ словѣ аббату Прена де-Мольеръ, одному изъ самыхъ неумолимыхъ противниковъ ньютоніанизма.

Будучи ученикомъ Малебранша и подобно ему членомъ «ораторіи», онъ съ 1721 по 1736 г. постоянно занималъ академію чтеніемъ своихъ мемуаровъ, настоящихъ рекламъ въ пользу картезіанизма. Аббатъ Сигорнъ, профессоръ въ Collège du Ples-

sis, не устрашился столь сильнаго противника, занимавшаго каѳедру въ Collége royal. Не имѣя авторитета, которымъ пользуются члены академіи, онъ однако принялъ на себя смѣлость исключить изъ университетскихъ школъ физику Декарта. Аббатъ Мольеръ умирая протестовалъ противъ такого неслыханнаго нововведенія и завѣщалъ аббату де-Лоне продолжать борьбу, которая скоро сдѣлалась совсѣмъ невозможною. Вихри аббата Мольера, бывшіе подражаніемъ скорѣе малебраншевымъ, нежели декартовымъ, не устояли противъ другаго вихря — болѣе сильнаго, порожденнаго прогрессивнымъ движеніемъ человѣческаго разума. Церковь положила оружіе и, несмотря на усилія journal de Trévout, признала открытіе еретика Ньютона.

Кардиналъ Полиньякъ, почетный членъ академіи, первый рѣшился оставить лагерь картезіанцевъ и съ успѣхомъ повторилъ въ первый разъ во Франціи, доставъ за очень дорогую цѣну хорошія призмы, опыты Ньютона надъ разложеніемъ свѣта. Бюффонъ нанесъ картезіанизму послѣдніе удары; когда Клерво въ 1747 году высказалъ мысль на нѣкоторое время смутившую членовъ академіи, что оказавшаяся изъ его вычисленій неравномѣрность движеній луны повидимому несогласна съ законами тяготѣнія, Бюффонъ доказалъ универсальность принципа Ньютона, сдѣлавшагося вскорѣ основою всякаго теоретическаго изученія.

Изъ естественныхъ наукъ развивалась успѣшнѣе другихъ ботаника. Хотя Турнефоръ во многомъ былъ ниже своихъ предшественниковъ, хотя онъ съ меньшею, нежели они тщательностью, изслѣдовалъ составныя части плодовъ и зеренъ, и не признавалъ въ растеніяхъ половъ, однако ясность и естественность его метода пріобрѣли ему огромное вліяніе въ ученомъ мірѣ и много содѣйствовали успѣхамъ ботаники. Онъ далъ точныя названія родамъ растеній; прежнія названія или опредѣленія были слишкомъ сбивчивы, но его терминологія ограничивалась видами. Такіе успѣхи ботаники сдѣлали возможнымъ составленіе такъ-называемыхъ флоръ, т. е. систематическихъ описаній растеній извѣстной страны.

Себастьянъ Валльянъ, его ученикъ, приложилъ систему своего учителя къ Botanicon parisienne, напечатанномъ въ Лейденѣ въ

1727 году. Впрочемъ, слѣдя за успѣхами ботаники, Валльянъ не раздѣлялъ предубѣжденій Турнефора противъ половъ въ растеніяхъ, и въ сочиненіи, появившемся въ 1718 и имѣвшемъ вполнѣ заслуженный успѣхъ, онъ окончательно доказалъ присутствіе половъ въ растеніяхъ. Сдѣлавшись членомъ академіи наукъ, онъ много содѣйствовалъ распространенію между своими товарищами новыхъ ученій, долгое время отвергаемыхъ французскими ботаниками. Его сочиненіе, оставившее далеко за собою труды Маршана и Додера содѣйствовало распространенію между современниками свѣдѣній о строеніи цвѣтовъ и объ уходѣ за ними, что поселило въ нихъ любовь къ цвѣтоводству.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда во Францію начали проникать идеи Линнея, ботаники, Фабрегонъ и Далибаръ, корреспонденты академіи, перестроили парижскую флору по системѣ этого великаго шведскаго естествоиспытателя. Пріѣздъ его самого въ 1768 году въ Парижъ, обратилъ къ нему и тѣхъ, кто до того времени былъ противъ него. Онъ былъ принятъ Кювье съ энтузіазмомъ, они вмѣстѣ гербаризировали въ Фонтенебло и въ Бургундіи. Ему предлагали переселиться на житье во Францію, съ назнавеніемъ пенсіи. Но Линней этого предложенія не принялъ и академія должна была ограничиться избраніемъ его впослѣдствіи въ свои иностранные сотрудники.

Постепенно возраставшая любовь къ цвѣтоводству повела за собою разведеніе по всей Европѣ ботаническихъ садовъ, чему много содѣйствовали своимъ покровительствомъ Францискъ I, Марія-Терезія, Елизавета, императрица россійская, Георгъ III, король англійскій. Королевскій садъ въ Парижѣ принялъ значительно большіе противъ нрежняго размѣры. Основанный съ исключительною цѣлью разведенія медицинскихъ растеній, и будучи отдѣленіемъ факультета, состоявшаго подъ управленіемъ перваго королевскаго врача, этотъ садъ, благодаря стараніямъ дю-Фэ (Fay) сталъ учрежденіемъ чисто научнымъ.

Съ назначеніемъ этого ученаго, интересовавшагося всѣмъ въ природѣ, директоромъ сада отнятъ былъ главный надзоръ за нимъ у Фагона и Ширака, поступивъ въ распоряженіе придворнаго врача, этотъ садъ едва не сдѣлался фермою, при которомъ должности раздавались въ видѣ пенсіона, или награды.

Дю-Фэ, человѣкъ свѣтскій, умѣвшій сохранить къ себѣ расположеніе министровъ, и остаться ученымъ, посѣтилъ сады: Гамптонъ-Куръ, Шельзи, Эльтамъ, — въ Англіи, и садъ Лейденскій, — въ Голландіи; въ послѣднемъ получилъ образованіе великій Боэргавъ. Дю-Фэ возвратился изъ своихъ поѣздокъ со множествомъ идей и плановъ въ головѣ, которые не замедлилъ приложить къ улучшенію королевскаго сада. Это заведеніе, обновленное и расширенное, скоро принесло богатые плоды. Здѣсь Велльянъ понялъ ошибки своего учителя; здѣсь же выросла семья Жюссе, которая слишкомъ сто лѣтъ служила у насъ нагляднымъ выраженіемъ успѣховъ ботаники.

Глава этой фамиліи Антуанъ де-Жюссе родился въ Ліонѣ въ 1686 году и занялъ мѣсто Данти д'Иснара, профессора ботаники, преемника Турнефора. Путешествуя по Франціи съ цѣлью собиранія растеній, онъ пользовался указаніями и совѣтами этихъ обоихъ ботанистовъ. Въ 1715 году онъ былъ принятъ въ члены академіи и читалъ въ ней по примѣру своего предмѣстника Данти д'Иснара свои мемуары о различныхъ еще неизвѣстныхъ родахъ растеній. Десять лѣтъ спустя и его братъ Бернаръ вступилъ въ число членовъ этой ученой корпораціи. Уже въ 1722 году онъ занялъ мѣсто Велльяна въ королевскомъ саду. Онъ написалъ нѣсколько мелкихъ сочиненій прежде нежели приступилъ къ своему большему труду о раздѣленіи растеній по естественнымъ семействамъ, идея котораго принадлежитъ ему вполнѣ.

Въ 1729 году Бернаръ де-Жюссье въ тайнобрачныхъ растеніяхъ, — которыхъ изученіе началось съ 1717 г., со времени обнародованія системы классификаціи Линнеія (Delenius), основанной на аналогіи организаціи, ввелъ эту же систему и доказалъ въ мемуарѣ, читанномъ имъ въ академіи, что грибы относятся къ лишаямъ. Дю-Фэ, который, съ утвержденіемъ его директоромъ королевскаго сада, сталъ исключительно заниматься ботаникой, представилъ въ 1736 г. академіи свой мемуаръ о мимозахъ и началъ въ теплицахъ, имъ самимъ выстроенныхъ и до сихъ поръ носящихъ его имя, рядъ наблюденій, впрочемъ, безплодныхъ для науки, которыя свидѣтельствовали только объ его ученой дѣятельности, не оставившей послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

По мѣрѣ того какъ ботанисты глубже изучали свой предметъ, они болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости для классификаціи растеній изученія ихъ органовъ. Разработка органографіи и физіологіи растеній между членами академіи приняла значительные размѣры, со временемъ еще болѣе увеличившіеся. Въ концѣ первой половины XVIII вѣка членъ академіи, Геттаръ, сообщилъ ей свои наблюденія надъ желудями и пухомъ растеній, надъ испареніями изъ нихъ и надъ паразитными растеніями. Но настоящимъ представителемъ растительной физіологіи въ это время является Дюгамель-дю-Монсо, одинъ изъ славныхъ ученыхъ прошедшаго вѣка: произведенія его, по замѣчанію Шевреля, удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ абстрактной и прикладной науки.

Дюгамель дю Моноо свои изслѣдованія на всѣ отрасли науки, о растительномъ царствѣ и его продуктахъ, съ цѣлью содѣйствовать усовершенствованію земледѣлія и индустріи. Онъ указалъ на свойство гаранса окрашивать кости въ красный цвѣтъ; Флурансъ, въ наше время, дополнилъ его указанія; онъ множествомъ опытовъ доказалъ важный для лѣсоводства фактъ, что увеличеніе объема ствола и корня въ обыкновенныхъ многолѣтнихъ растеніяхъ совершается чрезъ образованіе слоевъ древесныхъ фибръ, которыя развиваются и отдѣляются между деревомъ и корою. Онъ между прочимъ изслѣдовалъ анатомическое строеніе груши, открылъ интереснаго растительнаго паразита на землѣ.

Желая объяснить вредное вліяніе атмосферы на растенія, Дюгамель-дю-Монсо въ продолженіе 10 лѣтъ въ деревнѣ и въ окрестностяхъ столицы наблюдалъ метеорологическія явленія и составилъ для нихъ весьма тщательныя таблицы. При этомъ преимущественно онъ имѣлъ въ виду вопросъ о вліяніи атмосферы на ростъ растеній, предложенный ему академіею наукъ, въ 1729 г., заняться изслѣдованіемъ быстраго роста растеній во время дождей. Дюгамель-дю-Монсо былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ агрономовъ, его труды подняли на степень науки сельское хозяйство, долго остававшееся у насъ подъ вліяніемъ рутины и экспериментовъ, такъ что академія должна была открыть у собя для земледѣлія новое отдѣленіе. При своихъ

практическихъ свѣдѣніяхъ онъ могъ удовлетворять множеству интересныхъ для общества вопросовъ. Онъ обратилъ вниманіе на разведеніе хлѣбныхъ растеній и на лучшій способъ сохраненія зеренъ; онъ первый ввелъ въ употребленіево Франціи картофель; онъ подвергъ оцѣнкѣ существовавшія въ то время системы удобренія почвы. Но особенно почетное мѣсто занялъ онъ въ разработкѣ лѣсоводства и его Traité des arbres до сихъ поръ считается классническимъ сочиненіемъ.

Король имѣлъ въ виду назначить его преемникомъ дю-Фэ въ управленіи jardin des Plantes; но къ несчастію, въ то время, когда послѣдній чувствовалъ приближеніе смерти. Дюгамель-дю-Монсо былъ въ Англіи и занимался изслѣдованіями надъ строевымъ лѣсомъ. Напрасно оба Жюссье держали его сторону; химикъ Гелло убѣдилъ дю-Фэ забыть мелкія непріятности, бывшія у него съ Бюффономъ и уговорить короля назначить его директоромъ gardin des Plantees. Такимъ образомъ Дюгамель-дю Монсо былъ отстраненъ отъ этой должности соперникомъ, который скоро долженъ былъ затмить его. Бюффонъ также занимался, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ изученіемъ растительной силы деревьевъ и писалъ о разведеніи лѣсовъ.

Назначенный. въ утѣшеніе понесенной имъ неудачи, морскимъ генералъ-инспекторомъ, Дюгамель-дю-Монсо обратилъ свое вниманіе исключительно на изученіе деревьевъ. Его Physique des arbres, появившаяся въ печати въ концѣ его ученаго поприща показываетъ, съ какимъ стараніемъ и знаніемъ дѣла онъ наблюдалъ растительную жизнь, которая во Франціи была предметомъ занятій только отдѣльныхъ личностей.

Научное движеніе усилилось еще болѣе во 2-ой половинѣ вѣка; въ это время важныя открытія расширили поле физическихъ и математическихъ наукъ; такъ что онѣ уже образовали обширную научную область съ многими подраздѣленіями, приносившими свои особенные плоды. Почти каждый годъ, человѣческій умъ вступалъ въ обладаніе какими нибудь новыми истинами. Отрасли нашихъ знаній представляли сначала какъ бы почки, изъ которыхъ развились впослѣдствіи великолѣпныя вѣтви, въ свою очередь пустившія отъ себя другія вѣтви. Ничто въ природѣ не осталось безъ изслѣдованія, хотя самыя изслѣ-

дованія были еще неточны и неполны. Все, что было доступно вычисленію, было подвергнуто вычисленію, опыты стали производиться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ, повидимому, нельзя было производить никакихъ опытовъ.

Философія прежде всего есть методъ. Въ чемъ же главнымъ образомъ заключается этотъ методъ? Въ свободномъ изслѣдованіи, т. е. въ изысканіи истины посредствомъ наблюденія съ представленіемъ уму полной свободы признавать истиною только то, что онъ самъ узналъ посредствомъ наблюденія или вывелъ логически изъ наблюдённыхъ имъ же самимъ фактовъ. Вотъ основы науки, провозглашенныя Бэкономъ и Декартомъ и, хотя при развитіи своей доктрины они сами не всегда оставались вѣрны этому принципу, однако имъ принадлежитъ честь признанія наблюденія явленій за главную основу всякаго знанія, а XVIII вѣку;—вѣчная слава за то, что онъ мужественно отстоялъ необходимость изслѣдованія явленій для достиженія истины.

Духъ XVIII-го вѣка проявился не въ одномъ только легкомъ и не въ одной насмѣшкѣ, въ чемъ нѣкоторые исключительно и видятъ его. Что мелочность, частности, легонькіе стишки, анекдоты составляютъ одну изъ главныхъ чертъ его,— это не подлежитъ сомнѣнію. Но кто рѣшится отрицать явныя, громадныя заслуги философіи того времени, оказанныя ею умственному развитію? и, если бы она только облегчила трудность пріобрѣтенія знанія и постепенно возвысила умъ цѣлаго народа до пониманія болѣе серьезныхъ представленій, кто рѣшится сказать, что духу XVIII в. недоставало серьезности? Я сказалъ это, имѣя въ виду успѣхъ наукъ; но не однѣ науки подвинулись впередъ, — самый національный духъ и отдѣльные умы окрѣпли, развились, возвысились и все потому, что философія была не столько доктриною, сколько методомъ, орудіемъ, доступными для всѣхъ. Духъ изслѣдованія, духъ свободы и въ то же время духъ обобщенія—вотъ что характеризуетъ XVIII в., выразившійся въ гигантскомъ памятникѣ Encyclopédie, которая какъ бы составляетъ его полнѣйшее выраженіе.

Первая мысль объ энциклопедіи пришла Пеллиссону, но она за смертію Фукэ не могла быть приведена въ исполненіе.

Предпріятіе Дидро и д'Аламбера было гораздо обширнѣе; этому труду предстояло побѣдить множество препятствій со стороны духовенства, министровъ и парламента. Но энциклопедисты, благодаря вліянію Вольтера, Фридриха II и Екатерины II нашли наконецъ покровителей въ герцогѣ де-Шоазель и Малербѣ. Трудъ ихъ съ 1750 по 1772 появился въ 28 томахъ in—folio подъ заглавіемъ: Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonneé, des sceienes, des arts et des metiers, par une société des gens de lettres, mise en ordre par Diderotet pour les matematiques, par d'Alembert. Къ этимъ 28 томамъ было прибавлено 2 тома таблицъ и 5 томовъ дополненій.

Успѣхъ этого изданія былъ громадный. Въ Женевѣ оно было перепечатано и тамъ же появилось въ 1777 г. новое изданіе ея въ 39 том. in—quarto. Другое изданіе его было сдѣлано въ 1778 году въ Лозаннѣ въ 16 т. in — 8°. Кромѣ того оно было перепечатано въ Ливорно въ 1770 и въ Луккѣ въ 1771 г. Наконецъ между 1770 — 1780 это изданіе было пересмотрѣно Феликсомъ въ Ивердонѣ, и дополнено статьями Эйлера, Лаланда и Галлера.

За этой первой энциклопедіей стали появляться другія; конечно, не всѣ они были одинаковаго достоинства. Есть произведенія, которыя можно передѣлать, но нѣкоторыя не передѣлываются. Съ 1782 начала появляться Encyclopédie mathematique, издаваемая книготорговцемъ Панкукомъ. Это есть самый обширный трудъ въ этомъ родѣ, онъ состоитъ изъ 166 том. in 4°; изданіе его продолжалось съ 1782 по 1832. Въ составлeніи его принимали участіе знаменитѣйшіе ученые. Съ той поры энциклопедіи стали появляться въ большомъ количествѣ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи.

Впрочемъ, кажется, французскіе энциклопедисты заимствовали первую мысль подобнаго изданія у англичанъ: Чемберсъ въ Лондонѣ, въ 1728 издалъ с л о в а р ь и с к у с с т в ъ и н а у к ъ, 2 т. in — folio. Англія была, можно сказать, колыбелью большей части философскихъ взглядовъ XVIII в.

Какъ измѣрить обширность интеллектуальнаго движенія, сообщеннаго духомъ XVIII в. наукамъ, искусствамъ ремесламъ и торговлѣ? Какъ исчислить различныя слѣдствія съ точки

зрѣнія политической свободы, личности, достоинства отдѣльныхъ занятій? Съ какой бы точки мы ни смотрѣли на прошедшее, но сравнивая его съ настоящимъ, мы во всемъ видимъ между ними страшную разницу. Эта разница есть дѣло XVIII в.

Что дѣлается въ настоящее время для распредѣленія налоговъ? Вы знаете, сколько несправедливаго было въ системѣ налоговъ при прежнемъ строѣ; теперь для ихъ опредѣленія служитъ кадастръ, а кадастръ есть изобрѣтеніе экономистовъ, а экономисты были философы. И такъ, благодаря XVIII в. съ учеными начинаютъ совѣтываться относительно мѣръ для политическаго порядка.

Что такое въ прежнее время былъ ученый? Могъ ли съ уваженіемъ относиться къ нему человѣкъ, пользовавшійся правомъ носить шпагу и считавшій за особенную честь, за привилегію не умѣть читать? Тогда ученыхъ не было, были школьные педанты, безъ всякаго вліянія на общество; ихъ мнѣнія никто не спрашивалъ, они не принимали участія въ правленіи. Теперь ученые сдѣлались людьми государственными, къ которымъ государство обращается за совѣтомъ; мы видимъ, что академія наукъ не только пользуется уваженіемъ, но къ ней весьма часто обращаются за совѣтами. Эмансипація ума выразилась не въ одной всѣми за нимъ признанной свободѣ мыслить, но и въ усиленіи къ нему общественнаго уваженія, въ прочномъ, неотъемлемомъ явно признанномъ уваженіи ко всѣмъ людямъ, а также и ко всѣмъ занятіямъ, которыя исходятъ изъ мысли и служатъ къ ея проявленію. Не должно думать, что все началось только съ 1789 г., съ Учредительнаго Собранія; самое это Собраніе, въ которомъ принимали участіе столь замѣчательные люди, могло состояться не безъ предварительной подготовки, оно возникло непроизвольно, и не само по себѣ; полувѣковая упорная работа, полвѣка глубокихъ серьезныхъ занятій нужно было для того, чтобы возможно было его появленіе, котораго честь принадлежитъ философамъ XVIII вѣка.

До нихъ, старый предразсудокъ, по которому смотрѣли на трудъ, какъ на рабское дѣло, какъ на нѣчто унижающее человѣка, былъ еще во всей силѣ. Наука возстановила правду и возвысила не только тѣхъ, кто посвѣщалъ себя те-

оретической дѣятельности въ отвлеченной области, но и самыя искусство, ручныя работы и ремесла. Этимъ данъ былъ толчокъ индустріи и торговлѣ. Люди, подобные Реомюру, Дюгамелю, не считали унизительнымъ посвѣщать себя занятіямъ, долгое время бывшимъ въ презрѣніи гордаго, тщеславнаго общества, презрительно смотрѣвшаго почти на всѣ занятія, потому только что оно презирало самый трудъ. Слѣдствіе стараго предразсудка, дѣленіе занятій на благородныя и неблагородныя, не совсѣмъ еще исчезло и теперь и окончательное уничтоженіе его есть дѣло времени, однако, какая разница между теперешнимъ и средневѣковымъ взглядомъ на садовника и аптекаря. Какая разница между роскошью и великолѣпіемъ княжескихъ праздниковъ и свиданіемъ королей въ camp du Drap d'or, между этими, такъ сказать,—выставками устроенными королями и всемірными выставками нашихъ художниковъ, нашихъ ремесленниковъ, привлекающими народы со всѣхъ концевъ свѣта!

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ ЭД. ЛАБУЛЭ.

ПРИБЛИЖЕНІЕ РЕВОЛЮЦІИ.

I.

Свобода совѣсти въ 1787 году.

19 ноября 1787 года Ламуаньонъ, хранитель печати, представилъ въ парламентъ два эдикта: одинъ изъ нихъ, предлагавшій новые займы — былъ худо принятъ; другой, признавалъ за не-католиками законное существованіе и возвращалъ имъ гражданскія права. Этотъ второй эдиктъ указанъ мимоходомъ историками революціи; онъ былъ отодвинутъ на задній планъ декретами учредительнаго собранія, которые утвердили за протестантами равенство гражданское и политическое, и, насколько было возможно, изгладили и исправили жестокости Людовика XIV. Для насъ, занимающихся преимущественно исторіей учрежденій, по многимъ причинамъ было бы полезно поближе изучить эдиктъ Людовика XVI. Онъ былъ внушенъ Малербомъ, Тюрго, Вольтеромъ. Несмотря на его несовершенство, онъ дѣлаетъ честь королю и даетъ намъ понятіе о реформахъ, которыхъ можно бы было ожидать, если-бы не вспыхнула революція. Эдиктъ даетъ намъ возможность, безъ особаго краснорѣчія и ссылаясь на законы, представить, положеніе протестантовъ въ Франціи, по отмѣненіи Нантскаго эдикта, т. е. съ октября 1685 года. Это одна изъ самыхъ грустныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поучительныхъ страницъ въ нашей исторіи.

Извѣстно, что въ апрѣлѣ 1598 года Генрихъ IV, получивши наконецъ полную власть, издалъ Нантскій эдиктъ для возстановленія между своими подданными религіознаго мира. Цѣли эдикта изложены королемъ самымъ благороднымъ языкомъ:

«Теперь, когда мы, благодаря Бога, пользуемся спокойствіемъ, мы рѣшили употребить его на славу Его святаго имени и служеніе Ему, и пещись, чтобы Его почитали и молились Ему всѣ наши подданные; если Онъ и допустилъ, что это происходитъ не въ одной религіозной формѣ, то пусть по-крайней мѣрѣ дѣлается это съ одними и тѣми же намѣреніями и въ такомъ порядкѣ, чтобы не было волненій и смутъ и чтобы мы и наше государство могли заслужить и сохранить славное названіе христіанѣйшаго и такимъ образомъ избѣгнуть золъ и волненій, могущихъ произойти въ дѣлѣ религіи, какъ предмета наиболѣе скользкаго и сильно дѣйствующаго».

Нантскій эдиктъ никакъ не утверждалъ равенства, онъ просто даровалъ протестантамъ свободу ихъ богослуженія въ мѣстахъ, гдѣ оно совершалось въ 1596 и 1597 годахъ; но онъ запрещалъ богослуженіе протестантской религіи при дворѣ, въ Парижѣ и на пять миль вокругъ него (Шарантонъ составлялъ исключеніе, дарованное 10-й статьей эдикта 1577 года). Это была не свобода, а законная вѣротерпимость.

Я не буду описывать исторію протестанства въ царствованіе Людовика XIII; скажу только, что послѣ осады Ла-Рошеля, политическія силы гугенотовъ были сокрушены; во Франціи, какъ и въ настоящее время, были протестанты, но они уже не составляли государства въ государствѣ.

Этого было достаточно для Мазарини, который объявлялъ, что доволенъ маленькимъ стадомъ, но не удовлетворяло Людовика XIV, который считалъ славой—истребить ересь и возстановить католическое единство. Онъ стремился къ этому въ продолженіи многихъ лѣтъ, отнимая мало по малу привилегіи, данныя протестантамъ его дѣдомъ, и, наконецъ, въ 1685 году рѣшилъ, что настало время уничтожить въ государствѣ даже самое имя протестантовъ.

Нашлось много причинъ для оправданія этой жестокости; при дворѣ деспотовъ нѣтъ недостатка въ софистахъ: но Людовикъ XIV рѣшился самъ порицать ихъ. Предисловіе эдикта, отмѣняющаго Нантскій эдиктъ, чрезвычайно поучительно. Людовикъ XIV измѣняетъ слову, данному его дѣдомъ, не по политической причинѣ, но просто по религіозному убѣжденію.

Людовикъ XIV объявляетъ, что если Людовику XIII-му не удалось присоединить къ церкви тѣхъ, которые такъ легко отдѣлились отъ нея, то только по причинѣ войны съ иностранцами. Это же ему мѣшало дѣйствовать ранѣе.

«Съ 1635 года до перемирія, заключеннаго въ 1684 году съ европейскими государями, государство, рѣдко пользуясь покоемъ, не въ состояніи было сдѣлать что-нибудь въ пользу религіи, кромѣ уменьшенія числа отправленій службъ мнимо-реформатской религіи (religion prétendue reformée), посредствомъ запрещенія тѣхъ богослуженій, которыя были учреждены въ противность положенія эдиктовъ, и уничтоженія смѣшанныхъ палатъ, (chambres mi-parties), которыя были учреждены только на время.

«Такъ какъ Богъ наконецъ даровалъ нашему народу совершенное спокойствіе и такъ какъ мы сами, не имѣя нужды защищать народы противъ нашихъ враговъ, могли воспользоваться этимъ перемиріемъ, которому мы способствовали, чтобы употребить всѣ старанія для успѣшнаго достиженія цѣли нашего отца, цѣли, къ которой мы стремимся съ самаго восшествія на престолъ;

«То теперь мы видимъ, благодаря Бога, что наши старанія достигли той цѣли, которую мы себѣ поставили, потому что лучшая и большая часть нашихъ подданныхъ, вышесказанной мнимо-реформатской религіи, приняла католицизмъ, и что посему исполненіе Нантскаго эдикта остается безполезнымъ; мы считаемъ за лучшее, чтобы заставить забыть мятежи, волненіе и зло, происшедшія въ нашемъ государствѣ отъ ложной религіи, — вполнѣ отмѣнить Нантскій эдиктъ.... и все что было сдѣлано въ пользу вышесказанной религіи.»

Эдиктъ Людовика XIV заключаетъ одиннадцать статей. Первою статьею отмѣняется Нантскій эдиктъ и другіе эдикты, благопріятствующіе мнимо-реформатской религіи и приказывается, чтобы немедленно всѣ храмы были разрушены.

Вторая и третья статья запрещаютъ религіозныя сходки въ какомъ бы то ни было мѣстѣ или въ частномъ домѣ.

Четвертая статья приказываетъ необратившимся священникамъ выѣхать изъ государства не позже двухъ недѣль по обнародованіи эдикта и запрещаетъ имъ проповѣдывать въ про-

долженія этого времени, то и другое подъ страхомъ ссылки на галеры.

Пятая и шестая—заключаютъ льготы, привилегіи и пансіоны священникамъ, которые обратятся. Седьмою—запрещаются частныя школы для воспитанія дѣтей, принадлежащихъ къ вышесказанной реформатской религіи и—вообще все то, что̀ содержитъ какую либо уступку въ пользу этой религіи.

Статья 8. «Въ отношеніи дѣтей, рожденныхъ отъ лицъ вышесказанной мнимо-реформатской религіи, приказываемъ, чтобы впредь они были окрещаемы приходскими священниками и затѣмъ были воспитываемы въ римско-католической, апостольской вѣрѣ—для чего предписываемъ мѣстнымъ судьямъ принять мѣры.»

Статья 9, въ видахъ милосердія приказываетъ реформатамъ, вышедшимъ изъ государства, возвратиться въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, подъ опасеніемъ конфискаціи ихъ имущества.

Десятая статья не говоритъ о милосердіи и заключается въ слѣдующемъ: «Настоятельно и повторительно запрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ, принадлежащимъ къ мнимо-реформатской религіи, выходить изъ государства со своими женами и дѣтьми и вывозить свое имущество подъ опасеніемъ галеръ для мужчинъ, тюремнаго заключенія и конфискаціи имущества — для женщинъ.»

Наконецъ, одиннадцатая статья рѣшаетъ, что послѣдователи реформатской религіи, въ надеждѣ, что Богъ просвѣтитъ ихъ, какъ и другихъ, могутъ оставаться въ государствѣ, продолжать свою торговлю и пользоваться имуществомъ, съ условіемъ не исполнять обрядовъ своей религіи и не собираться подъ предлогомъ молитвъ и богослуженія, подъ страхомъ тюремнаго заключенія и конфискаціи имущества.

Я не хочу напоминать, какимъ образомъ эдиктъ 1685 года былъ приведенъ въ исполненіе; не стану тревожить эту грязь; любопытныхъ я отсылаю къ запискамъ Николая Фуко, интенданта Пуату, публикованнымъ въ 1862 г. въ Собраніи неизданныхъ документовъ Бодри. Признаніе этого усерднаго слуги власти даетъ полное понятіе, какъ драгонады, гоненія, галеры и

изгнаніе опустошали провинціи, не давая ни мира, ни перемирія тѣмъ, которые, по словамъ Лувуа, изъ пустой славы хотѣли до конца остаться вѣрными религіи, ненравящейся его величеству.

Скажу только (что̀ менѣе извѣстно), что распоряженіе 1724 года, изданное во время малолѣтства Людовика XV, превзошло жестокостью уголовные законы Людовика XIV; что въ 1745 году парламентъ Гренобля, одинъ изъ самыхъ жестокихъ для протестантовъ, велѣлъ казнить двухъ священниковъ, Рана и Рожера; что въ 1746 году тотъ же самый парламентъ присудилъ 200 человѣкъ мужчинъ на галеры, а женщинъ на заточеніе, обвинивъ ихъ въ слушаніи проповѣдей, принятіи причастія и крещеніи дѣтей ихъ священниками. Прибавлю еще, что въ 1762 году священникъ Ла-Рошетъ былъ повѣшенъ въ Тулузѣ за то, что проповѣдывалъ, крестилъ, вѣнчалъ и причащалъ святыхъ таинъ въ пустынѣ. Три молодыхъ стекольщика, по имени Гренье, — изъ нихъ старшему было 22 года, — преданы суду за попытку освободить священника и повѣшены вмѣстѣ съ нимъ. Теперь оставимъ эти ужасы и посмотримъ, каково было законное положеніе протестантовъ во Франціи послѣ эдикта 1685 года.

Законно-протестантовъ не было, власти ихъ не признавали. Теперь подобное невѣденіе ничего бы не значило, такъ какъ общество и правительство свѣтскія; отдѣльныя личности исповѣдуютъ религію, а государство не имѣетъ ее. Не такъ было при Людовикѣ XIV: во Франціи было правительство католическое, гражданскія дѣла были въ рукахъ духовенства. Оно записывало въ протоколахъ рожденіе, свадьбы и кончины; оно вѣнчало и погребало. Правда, что Людовикъ XIV, приказомъ 15 сентября 1685 года, дозволилъ протестантамъ вѣнчаться въ присутствіи полицейскаго офицера, но, чтобы заставить гугенотовъ возвратиться въ лоно церкви—постановленіе было отмѣнено. Изъ этого вытекало: для того, чтобы имѣть званіе законнаго ребенка, чтобы жениться и быть погребеннымъ, протестантъ долженъ былъ перейти въ католицизмъ. Протестантъ не могъ сдѣлать этихъ актовъ гражданской жизни, не отказавшись отъ своей религіи.

Поставленные между самыми законными интересами и совѣстью, многіе протестанты не колебались; они вѣнчались и крестили дѣтей въ пустыняхъ. Изъ этого выходило, что по закону ихъ бракъ не считался дѣйствительнымъ и дѣти ихъ считались незаконными. Понятно, какіе безпорядки производило это въ семействахъ и обществѣ. Протестанты были многочисленны, ихъ насчитывали до трехъ милліоновъ, изъ которыхъ 60,000 было въ Парижѣ, и предполагалось до 100,000 свадебъ. Я полагаю, что ошибались по крайней мѣрѣ на половину, если не на двѣ трети; но если бы ихъ было только милліонъ, то все же ясно, какой безпорядокъ производило правительство въ обществѣ, подъ предлогомъ покровительства религіи.

Чтобы помочь этому, нѣкоторые парламенты, основываясь на римскомъ законѣ, который относительно брака и дѣтей признаетъ законность за пятилѣтнею давностью, по прошествіи этого срока отказывали притязанію дальнихъ родственниковъ, оспаривавшихъ бракъ и утверждавшихъ его недѣйствительность.

Даже въ концѣ вѣка было совѣщаніе адвокатовъ прованскаго парламента, которое утвердило это правило. Оно было подписано знаменитымъ Порталисомъ. Однакоже необходимо было прожить безъ тревогъ въ продолженіи пяти лѣтъ и сверхъ того нельзя было признаваться, что бракъ совершенъ по протестантскому закону, иначе онъ осуждался въ силу самаго признанія. Такимъ образомъ юриспруденція способствовала обману, и законъ содѣйствовалъ беззаконію.

Со времени царствованія Людовика XV, занялись этимъ фальшивымъ положеніемъ. Людовикъ XV былъ слишкомъ набоженъ, чтобы признать какія либо права за протестантами, но онъ не любилъ жестокихъ мѣръ. Сынъ его, дофинъ, отецъ Людовика XVI былъ еще болѣе христіанинъ и менѣе жестокъ; на слишкомъ усердную просьбу одного епископа онъ отвѣчалъ словами, которыя раздались по всей Франціи и дѣлаютъ на вѣчныя времена честь его памяти: О, не будемъ преслѣдовать. Говорятъ, что онъ даже возымѣлъ мысль секуляризировать гражданское право и поручить, какъ это теперь дѣлается, веденіе протоколовъ чиновникамъ. Съ другой стороны, администрація, сдѣлавшись могущественнѣе королевской власти, видѣла въ

протестантахъ, преданныхъ торговлѣ, источникъ государственнаго богатства и была чужда религіозной ненависти; такимъ образомъ въ 1751 году одинъ интендантъ, безъ сомнѣнія уполномоченный министрами, совѣтовался съ двумя епископами: епископомъ Але и епископомъ Ажана о томъ, какъ бы предотвратить сходки въ пустынѣ и тайные браки.

Отвѣтъ двухъ прелатовъ замѣчателенъ. Епископъ алесскій, котораго письмо напечатано, говоритъ, что изъ двухъ сотъ протестантовъ, вѣнчающихся въ католическихъ церквахъ, не найдется и двухъ, исповѣдующихъ католическую религію. Для избѣжанія этого постояннаго святотатства онъ находитъ единственное средство: издать новое повелѣніе короля, которое запрещало бы протестантамъ вѣнчаться въ пустынѣ, подъ опасеніемъ строгихъ наказаній, назначаемыхъ, безъ всякихъ формъ, комендантомъ провинціи, а за его отсутствіемъ — интендантомъ. О, христіанское милосердіе, до чего ты дошло?

Епископъ ажанскій человѣколюбивѣе; въ письмѣ къ государственному контролеру, 6-го мая 1751 года, онъ прямо признается, «что всѣ средства, употребляемыя до сихъ поръ для обращенія протестантовъ, — истощились; что вслѣдствіе продолжительности и повсемѣстности злоупотребленій, нѣтъ возможности допускать ихъ и еще менѣе возможно принуждать къ принятію таинствъ; что упорство протестантовъ укоренилось навсегда и что хлопотать объ обращеніи ихъ — значило бы только обманывать самихъ себя; наконецъ, что единственное средство прекратить политическое и религіозное зло — это навсегда избавиться отъ упрямыхъ еретиковъ, выславъ ихъ изъ государства.

Это рѣзкое мнѣніе не могло понравиться Людовику XV. Протестантская эмиграція обогатила Англію и Пруссію; даже и въ ту минуту происходили значительныя переселенія протестантовъ въ англійскія колоніи Америки (ежегодно тысячъ тридцать эмигрантовъ, французовъ и нѣмцевъ); съ другой стороны, донесенія интендантовъ ясно доказывали, какъ много потеряли вѣдомства: Руанъ, Канъ, Пуату, Бордо, Тюрень — въ торговлѣ, промышленности и морскихъ предпріятіяхъ. Мнѣніе

епископовъ уже не соотвѣтствовало взгляду правительства; еще менѣе подходило оно ко взглядамъ общества, хотя общественное мнѣніе и не было благопріятно протестантамъ. Гоненія утомили и признавались безполезными.

Въ это время, въ 1753 году, въ Кельнѣ появилась брошюра, подъ названіемъ совершенное согласіе (accord parfait), требовавшая вѣротерпимости; за нею послѣдовало сочиненіе, которому я приписываю административное происхожденіе; заглавіе этого сочиненія объясняетъ и его содержаніе: богословское и политическое разсужденіе по предмету тайныхъ браковъ протестантовъ во Франціи, гдѣ показывается, что интересъ религіи и государства требуетъ уничтоженія такихъ браковъ и установленія для протестантовъ новой формы брака, которая бы не оскорбляла ихъ совѣсти и не возмущала бы епископовъ и священниковъ.

Предложенная форма заимствована изъ католическихъ обычаевъ Голландіи. Тамъ задача была обратная, католики были только терпимы. Въ Голландіи окликали брачущихся гражданскимъ порядкомъ и браки совершались въ присутствіи чиновниковъ. Замѣчательно, что эта форма была принята эдиктомъ 1786 года и затѣмъ перешла въ наши законы въ то время, когда учредительное собраніе передало гражданскія дѣла свѣтской власти.

Эти два сочиненія произвели нѣкоторое впечатлѣніе; на нихъ отвѣчали. У меня подъ рукою одинъ изъ этихъ отвѣтовъ названный: Разсужденіе о терпимости протестантовъ во Франціи, 1756 года. Эта книжка любопытна, она точно показываетъ намъ мнѣніе духовенства того времени.

«Планъ полнаго согласія, говоритъ авторъ разсужденія, есть нѣчто безумное. Авторъ старается доказать три пункта. Первый, что вѣротерпимость, какъ онъ ее понимаетъ, т. е. свобода всѣхъ сектъ, требуется разсудкомъ, писаніемъ и преданіемъ. Второй—что протестанты заслуживаютъ эту терпимость по свойству своихъ догматовъ, по чистотѣ своей нравственности, по характеру своихъ первыхъ проповѣдниковъ и по своей всегдашней вѣрности; наконецъ, третій пунктъ доказываетъ,

что возстановленіе Нантскаго эдикта необходимо для государства. Эти три части, изъ которыхъ и состоитъ все сочиненіе, — явно ложны».

Чтобы подумалъ этотъ почтенный человѣкъ, еслибы онъ явился теперь? Всѣ эти ложныя мнѣнія обратились въ истины и перешли въ аксіомы нашего законодательства. Безумство прошедшаго столѣтія—въ наше время обратилось въ мудрость, а нынѣшняя мудрость, въ грядущихъ столѣтіяхъ, можетъ быть, будетъ казаться безумствомъ; это научаетъ всѣхъ насъ скромности.

Второе сочиненіе авторъ нашелъ болѣе сноснымъ; требованіе не такъ очевидно несправедливо и авторъ представляется безупречнымъ католикомъ.

«Но этотъ замаскированный гугенотъ можетъ обмануть только простяковъ», а такъ какъ нашъ теологъ не простякъ, то онъ объявляетъ, и легко докажетъ: «что король не обязанъ и даже по совѣсти не можетъ даровать протестантамъ вѣротерпимость и что онъ можетъ отказать имъ въ новой формѣ браковъ, не оскорбляя ни религіи, ни государства, ни человѣческаго чувства».

Онъ оканчиваетъ свое предисловіе словами:

«Я не льщу себя надеждою вывести изъ заблужденія протестантовъ, по поводу вѣротерпимости: это ихъ любимая система, которую они почти желаютъ сдѣлать для насъ догматомъ вѣры, но я всегда найду возможность убѣдить католиковъ, что гоненія, въ которыхъ ихъ обвиняютъ эти малые гугенотскіе писатели, — явная клевета, и что уголовные законы, направленные противъ еретиковъ, когда они хорошо прилагаются, не только должны быть позволены, но даже и необходимы».

Привожу эти выдержки не для того, чтобы воскресить и обезчестить какого нибудь неизвѣстнаго памфлетиста: но этихъ правилъ духовенство, во всемъ его объемѣ, держалось до самой революціи; противъ нихъ возставалъ Людовикъ XVI въ 1787 г.; они принадлежатъ исторіи, и не мѣшаетъ указать на нихъ, чтобы понять, какою цѣною пріобрѣтена нашими отцами, въ 1789 году, религіозная свобода.

При каждомъ собраніи духовенства въ 1750, 1755, 1760, 1765 и 1770 годахъ королю дѣлаются увѣщанія, чтобы онъ приказывалъ исполнять во всей строгости законы противъ протестантовъ. Въ 1772 году епископы, собравшись по особенному случаю, доносятъ королю о сходкахъ въ пустынѣ: «Ересь, говорятъ они, ходитъ съ поднятою головою и преступленіе совершается безнаказанно и съ соблазномъ». Преступленіе же заключалось въ томъ, что люди славятъ Бога иначе, чѣмъ католики.

Когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, Малербъ и Тюрго предложили ему—при помазаніи на царство, измѣнить форму присяги, въ которой король обѣщалъ уничтожить еретиковъ. Людовикъ XVI отказалъ имъ изъ уваженія къ преданію; но утверждаютъ, что онъ произнесъ присягу такъ тихо, что никто не слыхалъ.

Эта присяга ободрила духовенство, и въ предложеніяхъ, читанныхъ Ломени-де-Бріеномъ а также и въ запискѣ, присоединенной къ этимъ предложеніямъ, оно побуждало короля начать преслѣдованіе; и этого самаго человѣка, побуждавшаго короля мстить еретикамъ, Людовикъ XVI не хотѣлъ утвердить парижскимъ архіепископомъ, говоря: «Нужно, по крайней мѣрѣ, чтобы парижскій архіепископъ вѣровалъ въ Бога».

Въ то время какъ духовенство настаивало на оппозиціи противъ протестантовъ, Тюрго замышлялъ произвести ту большую перемѣну, честь которой досталась учредительному собранію; онъ хотѣлъ воротить всѣхъ изгнанныхъ. Малербъ, не менѣе человѣколюбивый, писалъ свои записки, о гражданскомъ положеніи протестантовъ, изданныя въ 1785 и 1786 годахъ. Съ своей стороны Рюльеръ издалъ въ двухъ томахъ историческія объясненія причинъ отмѣны Нантскаго эдикта, и положенія протестантовъ во Франціи съ царствованія Людовика XIV. Это сочиненіе составлено по документамъ, доставленнымъ ему правительствомъ.

Въ собраніи нотаблей, Лафайетъ, всегда готовый защищать изгнанниковъ, обратилъ вниманіе отдѣленія, находившагося подъ предсѣдательствомъ графа Артуа, на положеніе протестантовъ; ему помогалъ въ этомъ племянникъ Малерба, епископъ лангрскій,

который впослѣдствіи сдѣлался кардиналомъ Люцерна и имя котораго всегда будетъ дорого для французской церкви; онъ поддерживалъ начала человѣколюбія и вѣротерпимости, нѣкогда защищаемыя Фенелономъ.

Наконецъ, чтобы указать успѣхи дѣлаемые человѣколюбіемъ, упомянемъ, что въ 1787 году, Робертъ-де-Сенъ-Венсанъ, одинъ изъ самыхъ строгихъ и добродѣтельныхъ людей, въ парламентѣ обратилъ вниманіе своихъ сослуживцевъ на законы, относящіеся къ протестантамъ, и настоялъ, чтобы ими занялись.

И вотъ мы наканунѣ эдикта 1787 года. Краткій очеркъ прошедшаго былъ необходимъ, дабы дать понятіе о духѣ и значеніи новаго закона.

Въ настоящее время онъ намъ кажется очень неудовлетворительнымъ; между тѣмъ Людовику XVI нужно было употребить большое усиліе, чтобы отказаться отъ преданія своего дѣда и прадѣда, и, видя какими онъ былъ окруженъ препятствіями, надо отдать ему честь за это усиліе.

Мы увидимъ тотчасъ, какъ случилось то, что духовенство настаивало на требованіи гражданскаго исключенія протестантовъ; религіозныя страсти всегда заключаютъ въ себѣ идею, ихъ объясняющую, и если въ Европѣ преслѣдованія прекратились, то причиной тому была перемѣна идей. Эта перемѣна чрезвычайно интересна для философскаго обслѣдованія.

Я неохотно затрогиваю это тяжелое прошедшее. Но или исторія ничего не значитъ, или она есть судилище, безпристрастно разбирающее ошибки и заблужденія прежнихъ временъ. Нѣтъ ничего легче, какъ принадлежать къ какой нибудь партіи; это не требуетъ долгаго изученія,—достаточно извинять и умалять ошибки своихъ, увеличивая и выставляя на видъ промахи противниковъ. Но гораздо труднѣе осуждать зло вездѣ, гдѣ оно встрѣчается, возвышаться надъ заблужденіями и преступленіями прошедшаго, ибо для этого надо добросовѣстно изучать событія—что̀ довольно опасно, такъ какъ прошедшее часто соединяется съ настоящимъ тысячами видимыхъ и невидимыхъ нитей. Партіи скорѣе преобразуются, чѣмъ уничтожаются и они не любятъ дневнаго свѣта. Но первая обязанность судьи—забыть

посторонніе отношенія; для него существуетъ только подсудимый, какого бы онъ ни былъ званія и происхожденія. Если мы разъ признаемъ верховное значеніе цѣли, то мы обезоружены навсегда. Вобанъ имѣлъ мужество требовать возстановленія Нантскаго эдикта; Фенелонъ и Флешье проповѣдывали вѣротерпимость,—историкъ будетъ превозносить ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливо осудитъ Боссюэта, требовавшаго преслѣдованія. Только дѣйствуя такимъ образомъ имѣешь право быть выслушаннымъ и осуждать жестокость, подъ какимъ бы именемъ она не являлась и какою бы одеждою ни старалась закрыть свои окровавленныя руки.

Эдиктъ, представленный въ парламентъ 19 ноября 1787 г., былъ одинъ изъ самыхъ скромныхъ. Онъ ограничивался признаніемъ за не-католиками права законнаго брака и утверждалъ за ними гражданскія права, въ которыхъ, по простому человѣколюбію, нельзя отказать даже иностранцамъ. Этого было достаточно для возбужденія религіозной страсти. Супруга маршала де-Ноайля, принадлежавшая къ знаменитой фамиліи, извѣстной своею умѣренностію, распустила дерзкую брошюру; написанную аббатомъ Ланфаномъ, который изъ преслѣдователя 1787 года сдѣлался въ 1792 году самъ гонимымъ и былъ умерщвленъ 2-го сентября 1792 года.

Въ парламентѣ спорили съ жаромъ. Рѣзкій д'Епремениль, не только католикъ, но и иллюминатъ, съ жаромъ возсталъ противъ всякой перемѣны, и, поднявъ руку къ распятію, находящемуся въ залѣ, сказалъ: неужели вы хотите его распять еще разъ. Онъ былъ опровергаемъ герцогомъ де Люинь и герцогомъ де Мортемаръ;—большинство парламента, и большинство значительное, было въ пользу эдикта. Дѣло однакоже происходило не такъ просто, какъ можно бы подумать читая исторію революціи. Не мѣшаетъ имѣть точное понятіе о религіозномъ либерализмѣ парламента въ 1788 году; мы увидимъ, что онъ не переходилъ самыхъ тѣсныхъ границъ вѣротерпимости. 18 января 1788 года парламентъ постановилъ сдѣлать королю предложенія относительно эдикта, объявляя впрочемъ, что онъ готовъ внести его въ протоколъ и что религія и человѣколюбіе одинаково требуютъ отмѣны законовъ, из-

данныхъ въ прошедшемъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Нѣкоторыя изъ этихъ предложеній затрогивали только подробности изложенія и вопросы о формахъ; другія — имѣли болѣе важное значеніе; тѣ и другія были приняты королемъ.

Между послѣдними слѣдуетъ указать тѣ, въ которыхъ просятъ Людовика XVI издать новыя положенія, по которымъ некатолики должны быть исключены изъ судебныхъ мѣстъ, городскихъ должностей и учрежденій народнаго образованія.

Парламентъ кромѣ того требовалъ, чтобы не раздѣляли документовъ о крещеніи и рожденіи, такъ какъ крещеніе есть совершенно необходимое таинство. Протестантъ могъ крестить своихъ дѣтей какъ хотѣлъ, но долженъ былъ объявить о рожденіи, долженъ былъ представить свидѣтельство о крещеніи, если не принадлежалъ къ какой нибудь сектѣ отвергающей крещеніе: въ послѣднемъ случаѣ нужно было дѣлать прямое объявленіе, помѣщаемое мѣстнымъ судьей въ свидѣтельствѣ о рожденіи ребенка.

Цѣлью этихъ требованій было опредѣлить секты, существовавшія въ государствѣ, и воспрепятствовать католику избѣгать обязанности крестить своихъ дѣтей. Приведу въ заключеніе слѣдующій параграфъ, показывающій состояніе умовъ того времени.

«Нѣкоторыя статьи эдикта, а равно и введеніе къ нему, доказываютъ, что не-католикамъ не будетъ дозволено общественное богослуженіе. Это намѣреніе, хотя мудрое и религіозное, требуетъ однакоже болѣе положительнаго заявленія, о чемъ и умоляемъ, ваше величество, чтобы въ первой статьѣ было даровано однимъ католикамъ право отправленія общественнаго богослуженія».

27 января Людовикъ XVI отвѣчалъ на эти предложенія для того только, чтобы показать свое согласіе съ парламентомъ. Онъ говорилъ, «что въ эдиктѣ своемъ ограничивался только дарованіемъ гражданскаго права тѣмъ, которые не исповѣдуютъ истинной религіи.... что предъ уничтоженіемъ Нантскаго эдикта протестанты имѣли религіозныя права, но что новый эдиктъ

не даетъ имъ никакихъ, и что въ немъ не было даже упомянуто о протестантахъ». Дѣйствительно, тамъ говорилось только о не-католикахъ, — выраженіе неопредѣленное, которое обозначаетъ фактъ, но не признаетъ правъ. Впрочемъ, король давалъ свое согласіе на просьбы парламента, который на другой же день опредѣлилъ занесеніе въ протоколъ большинствомъ 96-ти голосовъ противъ 17-ти. Семь совѣтниковъ и три епископа удалились во время разсужденія.

Вступленіе эдикта заключало прямое обвиненіе короля Людовика XIV. Какъ ни было велико уваженіе Людовика XVI къ прадѣду, онъ въ сущности публично признаетъ, что Людовикъ XIV ошибся. что власть была безсильна и что еслибы не обходили закона, эмиграція приняла бы болѣе сильное теченіе. Отмѣненіе Нантскаго эдикта послужило только къ подверженію невинныхъ на цѣлое столѣтіе преслѣдованію и порабощенію,—къ обнищанію государства и униженію религіи. Правдивость этого признанія несомнѣнна и исторія имѣетъ право принять его.

Эдиктъ, сверхъ того, показываетъ намъ доброту Людовика XVI, его отвращеніе къ жестокостямъ и любовь къ подданнымъ. Ревностный католикъ, привыкшій видѣть въ союзѣ церкви съ государствомъ — силу и благо монархіи, онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы признать существованіе въ своемъ государствѣ не-католиковъ и то, что эти люди имѣли естественныя права, какъ бы малы они ни были. Въ этомъ отношеніи отдадимъ королю справедливость. Но въ тоже время надо признаться, что дарованное не-католикамъ, королемъ и парламентомъ, было далеко отъ свободы и религіознаго равенства. Это объяснятъ лучше подробности эдикта, чѣмъ всѣ наши слова. Не-католики не только не могутъ составлять собраніе, т. е. соединяться въ религіозное общество, не только не имѣютъ общественнаго богослуженія, не только запрещено ихъ пасторамъ носить особую одежду, но даже прямо сказано, что не-католики должны способствовать уплачивать всѣ расходы католическаго богослуженія и,—что̀ всего тяжелѣе и похоже на преслѣдованіе, это то, что по смерти ихъ запреще-

но будетъ выставлять трупы передъ домами, по тогдашнему обычаю и сопровождать ихъ пѣніемъ и молитвами. Протестантъ— есть парія; его обезпечивали только тѣмъ, что на кладбищѣ ему отдѣлялся клочекъ земли, т. е. что его похоронятъ какъ преступника или прокаженнаго.

Скажемъ же, что Людовикъ XVI сдѣлалъ шагъ впередъ и допустилъ вѣротерпимость, но прибавимъ, что одно учредительное собраніе имѣло честь признать за всѣми гражданами право славословить Бога по своей совѣсти, а потому справедливо сказать, что свобода религіозная есть принципъ 1789 года и завоеваніе революціи.

Въ томъ балансѣ, который мы составляемъ теперь и въ которомъ стараемся вести счетъ хорошему и дурному и быть справедливымъ ко всѣмъ партіямъ, мы должны религіозную свободу записать за учредительнымъ собраніемъ. Это, можетъ быть, самое величайшее благодѣяніе, которымъ мы ему обязаны. Теперь, чтобы быть справедливымъ ко всѣмъ, чтобы не осуждать прошлаго въ силу идей и чувствъ, которыхъ прошлое не знало, разсмотримъ—какъ идея вѣротерпимости появилась въ современномъ мірѣ и какимъ образомъ она повлекла за собою идею о свободѣ.

Въ январѣ 1686 года Боссюэтъ, говоря надгробную рѣчь надъ канцлеромъ Михаиломъ Летелье, не можетъ удержаться отъ радости при воспоминаніи объ эдиктѣ 1685 года, уничтожившемъ Нантскій эдиктъ. Онъ приходитъ въ восторгъ, онъ вооружается всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, дабы восхвалить новаго Константина, новаго Ѳеодосія, новаго Карла Великаго, истребившаго еретиковъ.

Но скажутъ, Боссюэтъ былъ епископъ; отъ него, конечно, нельзя требовать, чтобы онъ сочувствовалъ религіозной свободѣ; но Боссюэтъ—человѣкъ большаго ума, и можно задать себѣ вопросъ, какъ онъ могъ прославлять преслѣдованія и какія еще преслѣдованія!

Но Боссюэтъ говоритъ не только отъ имени епископовъ, онъ намъ представляетъ первое гражданское лицо въ государствѣ— канцлера Летелье, получающаго приказаніе составить эдиктъ

1685 года и вотъ что онъ намъ говоритъ — я боюсь ослабить его слова:

«Когда мудрый канцлеръ получилъ приказаніе составить этотъ богоугодный эдиктъ, нанесшій послѣдній ударъ ереси, онъ уже чувствовалъ приближеніе болѣзни, отъ которой умеръ... но Богъ еще сподобилъ его совершить это великое религіозное дѣло и, прикладывая печать къ отмѣненію знаменитаго Нантскаго эдикта, онъ сказалъ, что послѣ такого торжества вѣры и такого доказательства благочестія короля, онъ не боится окончить свои дни, — вотъ послѣднія слова, произнесенныя имъ въ его должности, слова, достойныя увѣнчать его славное управленіе. Дѣйствительно, смерть приближается, уже не пробуютъ средствъ противъ гибельныхъ, недуговъ; цѣлыхъ десять дней онъ спокойно и безъ тревоги смотритъ на нее, день и ночь она у него передъ глазами, ибо онъ страдалъ безсонницей—и только холодная рука смерти могла закрыть ему глаза. Я на стражѣ, говорилъ онъ. Онъ говорилъ еще, что въ продолженіи сорока двухъ лѣтней службы онъ имѣлъ утѣшеніе ни разу не подать королю совѣта противъ своей совѣсти и что въ продолженіи долголѣтней службы никогда не позволялъ несправедливости, если могъ помѣшать. Наконецъ, готовясь испустить духъ, онъ сказалъ: благодарю Бога, что вижу тѣло мое разрушающимся, а духъ мой бодрствуетъ.... и восхищенный тѣмъ, что до послѣдняго издыханія можетъ приносить благодарность, онъ начинаетъ пѣть гимнъ милосердія: Misericordias Domini in aeternum cantabo. Онъ испустилъ духъ, произнося эти слова, и онъ продолжаетъ пѣть съ ангелами этотъ священный гимнъ».

Есть отъ чего содрогнуться, когда видишь съ такимъ спокойствіемъ умирающаго человѣка, который, отказавшись отъ всякаго человѣческаго честолюбія, подписываетъ охладѣвшею рукою — смерть, разореніе, ссылку болѣе чѣмъ милліону своихъ согражданъ. И этотъ человѣкъ хвалится своимъ правосудіемъ и благословляетъ милосердіе Божіе. Быть можетъ скажутъ, что онъ фанатикъ; я согласенъ, но отъ этого вопросъ не подвигается впередъ. Что такое фанатикъ? Это не сумасшедшій, а человѣкъ, который ошибается и употребляетъ свои добродѣ-

тели или пороки на служеніе ложнымъ идеямъ. Что же за ложная идея господствовала у Летелье и Боссюэта?

Надобно признать, что Боссюэтъ и Летелье являются здѣсь заступниками преданія. Фенелонъ, въ письмѣ къ Іакову II говоря: «давайте всѣмъ вѣротерпимость, не одобряя все какъ безразличное, но перенося съ терпѣніемъ то, что̀ Богъ терпитъ», разсуждаетъ болѣе какъ политикъ, чѣмъ какъ богословъ. Боссюэтъ, что̀ менѣе извѣстно, поступилъ также какъ и Фенелонъ. Въ 1693 году онъ подалъ совѣтъ Іакову II, отъ котораго требовали, въ его изгнаніи, чтобы, если хочетъ возвратиться на престолъ, объявилъ, что онъ будетъ почитать англиканскую вѣру, не нарушитъ клятвы Test и не будетъ разрѣшать отъ нея. Боюссэтъ признаетъ, что король не имѣетъ силы надъ совѣстью, что французскіе короли могли поддерживать Нантскій эдиктъ, не переставая быть добрыми католиками. «Признано было, говоритъ онъ, что совѣсть ихъ не имѣетъ отношенія къ этимъ уступкамъ, насколько они считаются необходимыми для общественнаго спокойствія, потому что причиною ихъ было это спокойствіе, а не мнимо-реформатская религія». Но ни Боссюэтъ ни Фенелонъ поэтому еще не признаютъ равенства правъ различныхъ религій. Ни тотъ, ни другой не допустили бы, чтобы въ странѣ чисто католической, можно было ввести новое богослуженіе. На какомъ принципѣ, на какой идеѣ основывалось это сопротивленіе? Это слѣдуетъ намъ изучить.

Господствующая идея въ средніе вѣка была—что единство мнѣній и вѣрованій необходимы для безопасности государства. Одна вѣра, одинъ законъ, одинъ король—вотъ девизъ нашихъ прежнихъ законовѣдовъ; имъ нужно единство религіозное, законодательное и политическое. Не одни средневѣковые народы имѣютъ это убѣжденіе; его раздѣляли древніе Греки, Римляне, Евреи и Мусульмане. Они смотрятъ на единство какъ на гарантію общественнаго спокойствія и какъ на признакъ истины: эта самая идея господствуетъ и до сихъ поръ въ большей части умовъ и у людей нимало не имѣющихъ склонности къ преслѣдованію. Сколько честныхъ душъ сожалѣетъ, что реформація разорвала цѣльный хитонъ Іисуса Христа; сколько людей сожалѣетъ, что теперь Франція не одушевлена одними и тѣми

же убѣжденіями и видятъ въ различіи мнѣній причину всѣхъ нашихъ несчастій!

Конечно, если для мнѣнія доказательство истины заключается въ общемъ согласіи, мнѣніе, требующее единства, имѣетъ на своей сторонѣ большинство, также какъ оно имѣетъ за себя прошлое. Замѣчательно однакоже, что внѣ религіи это мнѣніе потеряло прежнюю силу; въ настоящее время понимаютъ, что страна можетъ оставаться спокойною не смотря на безконечныя различія мнѣній политическихъ, историческихъ, ученыхъ, экономическихъ и проч. Отчего эта перемѣна?

Отъ новаго понятія объ истинѣ. Наша философія отличается отъ философіи нашихъ отцевъ; мы не разсматриваемъ истину какъ что-то наружное, объективное, какъ законъ, предписываемый авторитетомъ нашему уму. Мы различаемъ. Истина, конечно, есть что-то, что̀ существуетъ само собою; но для насъ она существуетъ въ той мѣрѣ, какъ мы ее принимаемъ, точно такъ какъ свѣтъ существуетъ только для нашихъ глазъ. И эта мѣра измѣняется соотвѣтственно состоянію и развитію каждаго ума. Мы не смѣшиваемъ законъ и истину. Мы требуемъ повиновенія закону потому, что это повиновеніе—есть нѣчто внѣшнее, подчиненіе нашей воли; мы не требуемъ, чтобы признали истину, которую умъ отвергаетъ, потому что это признаніе невозможно. Можно человѣка заставить повиноваться, но нельзя его заставить вѣрить.

Мы далеки отъ мысли навязывать истину; мы каждому даемъ полную свободу ее искать и проповѣдывать,—мы видимъ въ этомъ разнообразіи умовъ божественный законъ, который составляетъ самое условіе прогресса, и вмѣсто того, чтобы добиваться механическаго, внѣшняго однообразія, мы стремимся къ единству—чрезъ разнообразіе. Нашъ идеалъ гармонія.

Католическая церковь никогда такъ не понимала истину; истина для нея была открыта самимъ Богомъ и передана церкви на сохраненіе. Эта истина безусловна, такова и теперь какъ прежде. Вѣрующему остается принять ее и покориться; онъ долженъ заглушить волненія своего ума и своего сердца. «Быть готовымъ вѣровать во все то, во что вѣруетъ церковь, говоритъ Боссюэтъ,

это значитъ отказаться отъ своихъ мнѣній, если они противуположны мнѣніямъ церкви, что̀ влечетъ за собою отреченіе отъ всѣхъ заблужденій, осуждаемыхъ ею.» Но можно ли заставить замолчать разсудокъ?—«Да, говоритъ Боссюэтъ, надобно вѣрить съ католиками, что тотъ не старается, какъ слѣдуетъ, и не употребляетъ надлежащихъ усилій, кто наконецъ этими усиліями не подчинитъ искренно свои сужденія сужденіямъ церкви!»

Истина такъ понимаемая не та истина, которую мы разумѣемъ въ субъективномъ смыслѣ. Это законъ. Боссюэтъ это чувствовалъ; для него писаніе есть непогрѣшимый законъ, объясняемый и примѣняемый непогрѣшимымъ судьею, который есть церковь. Это, скажемъ между прочимъ, объясняетъ, какъ химерично думать, что католическая церковь допуститъ когда-либо религіозную свободу, говоря теологически. Это было бы ея отреченіемъ. Первые протестанты тоже признавали Священное Писаніе за непогрѣшимый законъ, но они признавали судьею индивидуумъ, а не церковь, увѣренные впрочемъ вполнѣ, что всѣ умы увидятъ одно и тоже въ Писаніи, такъ какъ считали его очевиднымъ; и вотъ почему они были также не вѣротерпимы, какъ католики, и почему считали отступниками всѣхъ, кто не думалъ какъ они.

Индепенденты, социніанцы и квакеры первые потребовали религіозной свободы, потому что они отстали отъ католическихъ принциповъ и замѣнили ихъ принципомъ индивидуальнымъ.

«Основаніе нашей протестантской религіи, писалъ Мильтонъ въ 1659 году, въ своемъ «Трактатѣ гражданской власти въ религіозныхъ дѣлахъ, показывающемъ, что никакая власть на землѣ не имѣетъ права употреблять насиліе въ дѣлѣ религіи» заключается въ томъ, что у насъ кромѣ Священнаго Писанія нѣтъ другаго внѣшняго авторитета и что нѣтъ внутренняго авторитета кромѣ вдохновенія Святаго Духа. Итакъ какъ Священное Писаніе не можетъ быть понято безъ этого божественнаго вдохновенія, такъ какъ никто не можетъ быть увѣренъ, что обладаетъ имъ во всякое время, а еще менѣе можно быть увѣреннымъ, что оно всегда находится въ комъ либо другомъ, то изъ этого слѣ-

дуетъ, что ни одинъ человѣкъ, ни одно собраніе не можетъ быть судьею въ предметѣ религіи, что это дѣло можно рѣшить только самимъ собою».

Это мнѣніе возмущало Боссюэта, и съ другой стороны его противникъ Жюріенъ не смѣлъ его защищать; онъ отстранялъ, какъ оскорбленіе, званіе главы вѣротерпимыхъ, между тѣмъ какъ Боссюэтъ, чтобы его поразить, обѣщалъ заставить его проглотить весь ядъ вѣротерпимости. Въ настоящее время идея Мильтона восторжествовала не только у протестантовъ, но и въ цѣломъ свѣтѣ и даже у католиковъ. Не потому, чтобы католики отказались отъ своего основнаго догмата непогрѣшимости церкви, но они пришли къ тому убѣжденію, что вѣра есть предметъ индивидуальный, даръ Божій и что никого нельзя заставить силой вѣровать. Можно сожалѣть о томъ, кто ошибается, но нельзя его осуждать! Богословы, пропитанные прошлымъ, могутъ продолжать поддерживать ученіе о томъ, что такъ какъ церковь есть истина, а все прочее заблужденіе, то церковь имѣетъ право быть принятою повсюду и обязана не терпѣть никого, когда сила на ея сторонѣ. Въ нынѣшнее время этотъ исключительный принципъ мало по малу теряетъ свою силу. Если католики и признаютъ, что церковь одна заключаетъ истину, то они не считаютъ болѣе заблужденіе и невѣденіе—преступленіемъ,—они признаютъ по малой мѣрѣ, что гражданская власть не имѣетъ силы въ такомъ случаѣ, потому что она тутъ несостоятельна, и что совѣсть зависитъ только отъ Бога.

И такъ, въ умѣ человѣческомъ произошла достопримѣчательная перемѣна. Съ благороднымъ жаромъ Вольтеръ возставалъ противъ нетерпимости и требовалъ, чтобы не казнили, не подвергали тюремному заключенію, не изгоняли людей, которые, не смотря на свои заблужденія, были братья; но выводы Вольтера не шли далѣе вѣротерпимости или, если угодно, равнодушія государства. Все его честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы болѣе не занимались религіозными раздорами. Затѣмъ церкви могли отлучать сколько угодно другъ друга.

Въ настоящее время идутъ далѣе. Не требуютъ уже религіозной свободы во имя человѣколюбія и общественнаго спокой-

ствія,—ее требуютъ во имя уваженія, которое каждый человѣкъ долженъ питать къ своему ближнему, во имя права каждой совѣсти. Это уже не равнодушіе, это—правосудіе, это сознаніе равенства. И такъ, теперь уже требуется не вѣротерпимость, а совершенная свобода, отдѣленіе церкви отъ свѣтской власти. Религія входитъ въ сферу совѣсти, изъ которой она не должна была бы никогда выходить. Она избѣгаетъ опаснаго покровительства, равно какъ и страшной непріязни государства.

Мы далеко уже ушли отъ эдикта 1788 года и однакоже не прошло еще и столѣтія, какъ его считали за благодѣяніе; это потому, что идеи подвинулись впередъ, и что произошелъ переворотъ въ умѣ человѣческомъ. Исторія записываетъ происшествія, она знаетъ и повѣствуетъ о томъ, что̀ дѣлается въ собраніяхъ, на улицахъ и на полѣ битвы. Но происшествія суть слѣдствіе идей, — нужнѣе всего узнать идеи, видѣть ихъ въ зародышѣ и слѣдить за ихъ развитіемъ. Это и есть истинная философія, истинная политика, — та, которая, зная причины вещей, можетъ вѣрно выводить заключенія. Когда земледѣлецъ бросаетъ зерно въ борозду, онъ можетъ предсказать жатву; когда наблюдатель слѣдилъ нѣкоторое время за новою идеею, онъ можетъ съ такою же вѣрностію предсказать, что̀ изъ нея выйдетъ;—настоящее ему указываетъ будущее.

II.

Индивидуальная свобода въ 1787 году.

Изгнаніе орлеанскаго герцога и арестованіе Фрето-де-Сенъ-Жюста и Сабатье-де-Кабра, — мѣры, послѣдовавшія за королевскимъ засѣданіемъ 19-го ноября 1787 года, произвели самое дурное дѣйствіе. Хотѣли показать силу и напугать зачинщиковъ, которые подстрекали принца крови; но ни Людовикъ XVI ни Бріеннъ не были настолько рѣшительны и тверды, чтобы устоять на этомъ пути; притомъ же, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ противъ парламента нужно было имѣть на своей сторонѣ мнѣніе, — а оно было противъ ихъ.

Не одинъ парижскій парламентъ протестовалъ, но и всѣ провинціальные парламенты. Движеніе шло свыше. Во имя нарушеннаго правосудія, судьи,—эти прирожденные хранители общественнаго порядка, напали на право тюремнаго заключенія (lettres de cachet) и требовали индивидуальной свободы, какъ естественнаго права всѣхъ людей, какъ собственности французовъ. Многочисленные эти протесты едва указаны историками, которые торопились начать описаніе революціи.

Мы же, напротивъ, находимъ полезнымъ остановиться на этомъ, не только потому, что эти протесты парламента сильно волновали умы въ 1787 и 1788 годахъ, но еще и потому, что эти документы очень любопытны во многихъ отношеніяхъ. Они показываютъ намъ, что̀ такое была старая французская свобода. Въ настоящее время ни одно учрежденіе не осмѣлилось бы говорить съ такою энергіею. Правда, что не существуетъ ни одного, которое бы пользовалось такою совершен-

ною независимостію, какъ судьи парламента. Владѣя своими должностями какъ своею собственностію, эти безсмѣнные судьи ничего не боялись и ничего не могли ожидать отъ власти.

20-го ноября приказанія короля были исполнены. Въ тоже время, чтобы не дать возможности французскому дворянству принять сторону принца крови, король адресовалъ письмо къ перамъ, въ которомъ объявляя имъ, что не желаетъ ни мало нарушать правъ перства, приказываетъ имъ не являться въ парламентъ до тѣхъ поръ, пока его величество не объявитъ имъ противнаго намѣренія.

Перы повиновались приказаніямъ короля, но 17 изъ нихъ [1]) послали королю представленіе, требуя права признаннаго за ними Людовикомъ XV въ 1758 году: занимать свои мѣста въ парламентѣ всякій разъ, когда имъ будетъ угодно.

Право это было неоспоримое, поэтому 7-го декабря запрещеніе было снято; было хорошо сдѣлано, что не настаивали на несправедливомъ запрещеніи, но видя, что король уступаетъ и уступаетъ, умы волновались; судьи уже не полагали границъ своимъ требованіямъ.

Парижскій парламентъ, который 22-го ноября послалъ королю угрожающее прошеніе, 26-го получилъ отъ Людовика XVI отвѣтъ, мягкій по формѣ, но подтверждавшій изгнаніе герцога орлеанскаго и удаленіе двухъ судей; парламентъ снова обратился къ королю 8-го ноября уже не съ просьбою, а съ представленіями, составленными въ общемъ собраніи, въ присутствіи принцевъ и перовъ.

Парламентъ громко жаловался на арестованіе двухъ судей, двухъ гражданъ безъ суда. «Не о милости умоляетъ васъ вашъ парламентъ, говорилъ онъ, но онъ, государь, снова проситъ васъ о справедливости.»

«Справедливость имѣетъ правила, независящія отъ воли человѣческой, и даже короли подчинены имъ. Генрихъ IV признавалъ надъ собою двухъ властелиновъ: — Бога и Законъ.»

[1]) Епископъ графъ Бове, герцоги — Сюлли, Люинь, Бриссакъ, Фронсакъ, Мортемаръ, Ноайль, Омонъ, Шаро Сенъ-Клу, д'Аркуръ, Фитцъ-Жамъ, Вилларсъ-Бранкасъ, д'Егильонъ, Дюра Праленъ и Ларошфуко.

Вся бумага написана въ такомъ же тонѣ. Парламентъ гордо напоминаетъ, что законы ставятъ личную безопасность во главѣ всякой собственности и что эти основные законы невозможно нарушать, «по великолѣпнымъ словамъ Боссюэта, не колебля основаній земли, и не го́товя паденіе государства».

На эти представленія король далъ отлагательный отвѣтъ: «О моихъ намѣреніяхъ я дамъ знать моему парламенту», но судъ продолжалъ свои разсужденія и на слѣдующій день, препоручая первому президенту продолжать свои настоянія у короля.

Въ тоже время провинціальные суды соединились съ парижскимъ парламентомъ, для сопротивленія. Парламентъ Бордо, изгнанный въ Либурнъ, писалъ парижскому парламенту, чтобы соединиться съ нимъ. Парламентъ Дофине 20 декабря 1787 г. послалъ покорнѣйшія и почтительныя представленія, въ которыхъ указываетъ королю слова Генриха IV, Боссюэта, Массильона, д'Агессо, Монтескье, сказанныя ими въ честь правосудія и судей. Парламентъ не побоялся прибавить, какъ намекъ на министровъ и на короля, слѣдующую фразу:

«Какъ сильна еще интрига даже при самомъ лучшемъ королѣ! Чистота вашей души, государь, возвышенность вашего сердца, неспособнаго къ недовѣрію, подвергаютъ васъ обманамъ, совершаемымъ съ ловкостію, извѣстною только при дворѣ государей, которую самая высшая мудрость иногда не можетъ отвратить.»

Надобно было остановить движеніе, увлекавшее всю Францію. 27 декабря король отвѣтилъ на предложенія 8-го, что онъ ихъ читалъ со вниманіемъ и что послѣ того, что̀ онъ отвѣтилъ прежде, ему нечего болѣе сказать. Онъ прибавилъ: «Моему парламенту не нужно вымаливать отъ моего правосудія того, чего онъ долженъ ожидать только отъ моей доброты.»

Этотъ отвѣтъ далеко не удовлетворилъ парламентъ. Слова Людовика XVI служили утвержденіемъ и оправданіемъ бланковъ тюремнаго заключенія. Съ 4 января парламентъ принялъ рѣшеніе объявить, что онъ не можетъ и не долженъ прибѣгать къ милости королей, для полученія свободы герцога орлеанскаго,

Фрето и Сабатье; что подобный поступокъ былъ бы противъ существенныхъ принциповъ общественнаго порядка; что монархія перерождается въ деспотизмъ, потому что дѣйствительно министры, употребляя во зло королевскую власть, произвольно подвергаютъ людей тюремному заключенію; что сдѣлать отъ королевской милости отмѣненіе подобныхъ приказаній—значитъ утвердить принципъ въ пользу бланковъ, что такой принципъ ведетъ не менѣе какъ къ разрушенію самыхъ священныхъ законовъ монархіи. Вслѣдствіе этого судъ поручилъ комисарамъ составить новыя представленія и покорнѣйшія и почтительнѣйшія предложенія касательно бланковъ тюремнаго заключенія, чтобы умолять короля даровать всѣмъ французамъ безопасность, о которой заботиться обязаны и правительство и законы.

Эти предложенія, одобренныя большинствомъ голосовъ, препровождены королю 9-го января. Парламентъ напоминаетъ въ нихъ, что благотворительность королей заключается въ правосудіи, что онъ обращается не къ добротѣ короля, и требуетъ права, а не милости.

Я увѣренъ, Людовикъ XVI былъ не прочь помиловать, но на отказъ воспользоваться его добротою, на требованіе правосудія, на угрозы, худо скрытыя, онъ отвѣчалъ, съ нѣкоторою суровостію, 17 февраля 1788 года.

«Я желалъ и желаю еще принимать просьбы моего парламента о возвращеніи двухъ судей, которыхъ я наказалъ; но не считаю умѣстнымъ уступить этимъ просьбамъ.»

«Притомъ же эти просьбы составлены такъ, что не достойны моего снисхожденія. Законная свобода моихъ подданныхъ мнѣ также дорога, какъ имъ самимъ».

«Но я не потерплю, чтобы мой парламентъ возставалъ противъ распоряженій власти, которыхъ часто требуютъ интересы семействъ и спокойствіе государства, которую не перестаютъ призывать сами судьи, которую, какъ я имѣю удовольствіе думать, я употреблялъ съ большею умѣренностію, чѣмъ мои предшественники».

«Выраженія, употребленныя вами въ постановленіи 4 января, безразсудны.... я ихъ исключаю изъ вашихъ списковъ,

какъ противныя уваженію и покорности, въ чемъ мой парламентъ долженъ подавать примѣръ».

«Я запрещаю ему давать имъ дальнѣйшее значеніе и впередъ употреблять подобныя».

Напрасное запрещеніе, ибо на слѣдующій же день судъ,—разбирая отчетъ перваго президента и проникнутый необходимостью поддерживать истинные принципы, которые одни могутъ утвердить законный порядокъ монархіи и индивидуальную свободу гражданъ,—рѣшилъ отправить королю покорнѣйшія и почтительнѣйшія представленія на его отвѣтъ, къ коимъ будутъ присоединены представленія, принятыя прежде, относительно бланковъ тюремнаго заключенія. Только 11 марта 1788 года парламентъ постановилъ свои представленія объ употребленіи бланковъ. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей исторіи въ концѣ XVIII столѣтія. Парламентъ говоритъ съ твердостію, которой не превзошло ни одно народное собраніе.

«Государь,

обязанность вашего парламента есть—неусыпно пещись о нуждахъ народовъ и правахъ монарховъ: народы могутъ быть приведены въ заблужденіе мятежниками; короли подвергаются часто обманамъ. Парламентъ говоритъ королямъ о свободѣ, народамъ — о подчиненіи; онъ освящаетъ подчиненіе своими примѣрами; онъ дѣлаетъ власть прочнѣй своими принципами. Однимъ словомъ онъ соединяетъ народное могущество съ правосудіемъ, народную свободу съ вѣрностію, — такова, государь, главная обязанность вашего парламента, такова была всегда, въ тяжелыя времена, цѣль и награда его стараній».

«Всегда проникнутые одинаковыми чувствами, всегда ревнующіе удостоиться благосклонности нашихъ королей и утвердить свободу нашихъ согражданъ, мы взываемъ, государь, къ вашему правосудію, вашей мудрости и вашему человѣколюбію, противъ употребленія бланковъ.

«Отъ этого ужаснаго слова сжимаются всѣ сердца и всѣ мысли смущаются. Пораженные ужасомъ люди колеблятся, смотрятъ другъ на друга, боятся объясниться, а народъ, въ молчаніи, едва смѣетъ вознестись мыслію къ этой непонятной власти,

которая располагаетъ людьми безъ суда и оправданія; которая ихъ погружаетъ и удерживаетъ по своему произволу во мракѣ, куда часто не проникаетъ ни дневной свѣтъ, ни взоръ правосудія, ни крики природы, ни голосъ дружбы; къ этой власти, душа которой тайна и достоинство которой есть сила, къ этой власти, которою безнаказанно пользуются министры, повѣренные и полицейскіе агенты; которая наконецъ, начинаясь отъ перваго министра до послѣдняго полицейскаго — образуетъ надъ нашими главами длинную цѣпь ужасныхъ преслѣдованій, предъ которыми остаются безмолвными законы природы и государства».

«Нѣтъ, государь, законы природы и государства не будутъ упрекать вашъ парламентъ, этотъ живой законъ у подножія трона, въ преступномъ молчаніи.

«Человѣкъ родится свободнымъ и благосостояніе его зависитъ отъ правосудія.

«Свобода есть непредписуемое право. Она заключается въ возможности жить по закону.

«Правосудіе есть всеобщая обязанность, и эта обязанность предшествуетъ самимъ законамъ, которые ее предполагаютъ и должны ею руководить, но отъ нея не могутъ освободить ни королей ни подданныхъ.

«Правосудіе и свобода, вотъ, государь, принципъ и цѣль всякаго общества, вотъ непоколебимыя основанія всякой власти, и для счастія человѣческаго рода таково удивительное отношеніе этихъ двухъ благъ, что безъ нихъ не можетъ существовать ни разсудительная власть, ни прочное повиновеніе.

«Употребленіе бланковъ разрушаетъ всѣ эти идеи; въ силу его правосудіе—одна лишь химера, а свобода—пустое слово.

«Оно оскорбляетъ разсудокъ и противно постановленіямъ, а побудительныя причины, которыми хотятъ оправдать его, суть только предлоги, опровергаемые примѣрами.

«Оно оскорбляетъ разсудокъ, такъ какъ явно противно природѣ человѣка.... первымъ понятіямъ нравственности,—а таковы существенныя свойства бланковъ.

«По природѣ человѣкъ не есть существо независимое. Для него независимость есть состояніе войны; хитрость и сила

тогда господствуютъ по очереди, а правосудіе, лишенное законности, не имѣетъ власти. И такъ въ природѣ человѣка — соединяться со своими ближними и жить въ обществѣ, подчиняясь общимъ условіямъ, т. е. законамъ. Но условія, подчиняющія человѣка, не покровительствуя ему, были бы не законы, а оковы. Сила можетъ ихъ наложить, слабость или безуміе могутъ ихъ носить; но сила не обязываетъ, а слабость или безуміе не могутъ давать обязательства. Всякое законное подчиненіе свободно въ своемъ принципѣ. Виновный гражданинъ заранѣе согласился на приговоръ, который его осуждаетъ. Люди, которые сказали бы другимъ людямъ: поступайте съ нами самовластно; мы соглашаемся, чтобы судьи были безсильны и законы безполезны, по одному вашему слову, по нѣсколькимъ строкамъ вашей руки, мы соглашаемся лишиться имущества, свободы, нашихъ дѣтей, нашихъ женъ, даже права защищаться.... люди, которые говорили бы подобнымъ образомъ, безъ сомнѣнія, были бы безумцами. И такъ, употребленіе бланковъ для заточенія противно природѣ человѣка, разсматриваемаго какъ существо разумное и какъ существо общественное.

«Постановленія не менѣе противны бланкамъ, какъ и принципы. Во всѣ времена честолюбіе, месть, лесть, жадность — однимъ словомъ самыя сильныя и презрительныя страсти осаждали тронъ. Но также во всѣ времена законы предостерегали государей и защищали народы, если не съ равнымъ успѣхомъ, покрайней мѣрѣ съ равною энергіею; и эта постоянная борьба произвольной власти съ свободой не помѣшала свободѣ взять перевѣсъ въ умахъ народовъ и королей. Таково правило нашей монархіи: что ни одинъ гражданинъ не можетъ быть заключенъ въ тюрьму безъ приговора судьи. Всѣ короли двухъ первыхъ династій признавали это правило. Гуго Капетъ засталъ его при вступленіи на престолъ. Всѣ королевскія распоряженія третьей династіи подтвердили его.... наконецъ указъ 1670 года положилъ печать на это правило, требуя, чтобы заключенные за преступленія были допрошены въ 24 часа по заключеніи; безсильное учрежденіе, смѣшная предосторожность, до

тѣхъ поръ пока будутъ существовать бланки тюремнаго заключенія.

«По какому фатализму это употребленіе введено въ нашемъ государствѣ и сохранилось въ немъ? Пусть люди, жаждущіе личной кратковременной власти, пусть жадные придворные, закрывъ глаза на будущее, прикрашиваютъ это употребленіе благовидными доводами общественной безопасности, или чести семействъ, вашъ парламентъ, государь, этому нисколько не удивляется; духъ рабства идетъ по слѣдамъ честолюбія и жадности. Но неужели найдутся граждане дотого ослѣпленные, чтобы не видѣть въ каждомъ бланкѣ, котораго они требуютъ для другаго, ужасной опасности, угрожающей имъ самимъ—вотъ что насъ удивляетъ и огорчаетъ! Интересъ лѣности, дурнаго расположенія или злобы лицъ на важныхъ мѣстахъ не обезпечиваетъ общественной безопасности. Общественная безопасность имѣетъ два вѣрныхъ основанія: страхъ злыхъ и спокойствіе невинныхъ. Страхъ злыхъ—чѣмъ болѣе они имѣютъ вліянія, и спокойствіе невинныхъ, чѣмъ они безпомощнѣе.

«Употребленіе бланковъ имѣетъ цѣлію и слѣдствіемъ успокоивать могущественное преступленіе и пугать слабую невинность».

«Гдѣ не царствуетъ частная безопасность, тамъ безопасность общественная есть воображаемое благо; гдѣ существуетъ употребленіе бланковъ, тамъ частная безопасность не царствуетъ, слѣдовательно безопасность общественная есть воображаемое благо тамъ, гдѣ существуетъ употребленіе бланковъ.

«Что если бы возможно было вашему величеству войти въ подробности донесеній, составленныхъ повѣренными, записокъ всегда секретныхъ, справокъ всегда скрытныхъ? Что если бы вамъ возможно было допросить всѣ эти жертвы произвольной власти, заключенныя, забытыя въ этихъ непроницаемыхъ тюрьмахъ, гдѣ царствуетъ неправосудіе и безмолвіе! Тогда вы скоро бы убѣдились, государь, что интриги, жадность, стремленіе къ власти, жажда мести, страхъ или ненависть къ правосудію, дурное расположеніе духа, простое приличіе человѣка съ кредитомъ, управляютъ поперемѣнно раздачею бланковъ тюремнаго заключенія. Вы бы узнали на какія мученія осужде-

ны эти несчастные, для которыхъ день не приноситъ надежды и ночь проходитъ безъ успокоенія. Страшная неизвѣстность! Состояніе хуже смерти! И это дѣлается именемъ короля! Если бы вы это знали, государь, вы бы ужаснулись участи вашихъ подданныхъ. Вы бы оплакивали положеніе наилучшихъ государей, и ваше величество поторопились бы погасить эти невидимыя молніи, которыя поражаютъ правосудіе падая на невинныхъ и поражаютъ его также казня виновныхъ».

Вотъ, конечно, энергическое требованіе французской свободы; эта гордая рѣчь трогательна. На минуту забываешь, что парламентъ сдѣлался такимъ чувствительнымъ къ произволу только тогда, когда бланки поразили двухъ совѣтниковъ и принца крови. Но даже еслибы мы нашли, что подобныя представленія переходили мѣру обращаясь къ Людовику XVI, который конечно былъ далеко не тиранъ, нужно было бы признать, что процессъ поведенный противъ старой монархіи былъ законнымъ, потому что она была ничто иное какъ безграничный произволъ. Нравы были мягки, мало было арестованныхъ, но всѣмъ угрожала опасность, никто не былъ свободенъ. Слѣдствіемъ этого было отсутствіе политическаго духа, безпечность въ общественныхъ дѣлахъ, невѣжество и легкомысліе, въ которыхъ справедливо упрекаютъ французовъ. Старая монархія дорого поплатилась за дурное воспитаніе, которое она дала своимъ подданнымъ; парламентъ тоже своимъ разрушеніемъ искупилъ ошибку, которую онъ сдѣлалъ, мало занимаясь общественной свободой; но чтобы не относиться несправедливо къ принципамъ, провозглашеннымъ парламентомъ въ его послѣдніе дни, не забудемъ, что самыми уважаемыми судьями древней Франціи, просвѣщенными личнымъ опытомъ, было высказано королю слѣдующее правило, которое я заимствую изъ представленій и которое слѣдовало бы начертать во всѣхъ политическихъ собраніяхъ и судахъ.

«Свобода не привилегія, а право,—и уважать это право есть обязанность всякаго правительства». Если бы парижскій парламентъ оставилъ намъ одну эту фразу, ея было бы достаточно, чтобы уважать его память, и принять славное наслѣдство, которое онъ намъ оставилъ, умирая.

Король отвѣчалъ на это 16-го марта съ горечью, худо скрытою: «Я запретилъ вамъ давать дальнѣйшій ходъ вашимъ представленіямъ, 9 января. Возвращенія двухъ судей, которыхъ я считалъ необходимымъ наказать — вы достигнете не тѣмъ, что будете противиться моимъ приказаніямъ; мнѣ нечего прибавить къ послѣднему моему отвѣту; мой парламентъ долженъ положиться съ почтеніемъ и въ безмолвіи на мою мудрость. Еще разъ запрещаю давать дальнѣйшій ходъ вашимъ совѣщаніямъ объ этомъ предметѣ».

Этотъ отвѣтъ, рѣшенный въ совѣтѣ, былъ неловокъ и несчастенъ. Заставили поддерживать и выхвалять бланки добраго и честнаго короля, который справедливо хвалился болѣе умѣреннымъ ихъ употребленіемъ, чѣмъ его предшественники, и который пользовался ими только чтобы сдѣлать одолженіе (конечно несправедливо) нѣкоторымъ семействамъ.

Кромѣ того забыли, что идеи во Франціи подвинулись впередъ. Для отеческаго управленія прошло время. Въ 1788 году, также какъ и теперь, не признавали, чтобы правосудіе должно было уступать мнимой чести знатныхъ фамилій, требующихъ безнаказанности нѣкоторыхъ преступниковъ. Что̀ значило спокойствіе государства, если оно не было основано на уваженіи къ правосудію и къ законамъ?

Отвѣчая парламенту болѣе съ неудовольствіемъ чѣмъ съ твердостію, Людовикъ XVI, въ тоже время, по обыкновенію, уступалъ. Герцогъ орлеанскій, который переносилъ удаленіе изъ Парижа съ недостойнымъ нетерпѣніемъ, получилъ позволеніе приблизиться къ Парижу. Тюремное заключеніе Сабатье и Фрето было замѣнено изгнаніемъ. Хотѣли внести умѣренность въ пользованіе произвольной властью, какъ будто умѣренность можетъ сдѣлать произволъ менѣе ненавистнымъ. Наоборотъ, она его выдвигаетъ на видъ, показывая, что даже тѣ, которые имъ обладаютъ, стыдятся его и не имѣютъ даже оправданія, что дѣйствуютъ съ чистой совѣстью.

Примѣру парижскаго парламента послѣдовали парламенты провинцій. Всякій старался настроить массу, протестуя противъ бланковъ; нѣкоторые суды пошли дальше парижскаго, и возставали противъ устройства провинціальныхъ собраній. Король

отвѣчалъ строго на ихъ представленія; парламенты протестовали съ новою энергіею; они чувствовали, что ихъ поддерживало общественное мнѣніе.

Военные начальники являлись въ парламентъ, чтобы вписывать приказанія короля въ реестры суда; тогда судьи тотчасъ же уходили и оставляли ихъ наединѣ съ первымъ президентомъ и секретаремъ. Вписавши законъ, военный начальникъ уходилъ; тогда судьи, чтобы объявить вписываніе недѣйствительнымъ, снова протестовали противъ сбора подати и провинціальныхъ собраній. Съ обѣихъ сторонъ началась война, безъ сомнѣнія словесная, но которая колебала всѣ умы. Въ государствѣ было двѣ власти, которыя взаимно парализировались,—это была анархія и самая ужасная, потому что противъ нея нѣтъ средства: анархія общественныхъ властей.

III.

Дефицитъ и займы въ 1788 году.

Среди всѣхъ этихъ волненій, главный министръ Бріеннъ захворалъ (декабрь 1787 года). Гнѣвъ разжигалъ его кровь, уже испорченную невоздержанною жизнью, а двѣ страсти, жадность и месть, заставили его забывать всякую мѣру. Люинь, архіепископъ санскій умеръ. Бріеннъ выхлопоталъ себѣ это богатое наслѣдіе, присоединивъ его къ столькимъ другимъ. Когда онъ оставилъ должность, доходы его простирались до 678 тысячъ ливровъ. Одна рубка лѣса въ одномъ изъ его аббатствъ принесла ему 900,000 ливровъ. Въ то время, когда казна была чрезвычайно затруднена въ деньгахъ, это скандалезное богатство не могло пріобрѣсти первому министру народной любви, въ которой онъ такъ нуждался.

Но если онъ былъ жаденъ, онъ былъ не менѣе честолюбивъ и мстителенъ. — Парламентъ его стѣснялъ, и онъ хотѣлъ его уничтожить. Въ своемъ тщеславіи онъ воображалъ, что ничто не помѣшаетъ уничтожить эдиктъ о созываніи парламентовъ и возстановить во Франціи правленіе Мопу. Хранитель печатей Ламуаньонъ, его совѣтникъ и другъ, который не менѣе его ненавидѣлъ парламенты, но который имѣлъ болѣе здраваго смысла, чѣмъ архіепископъ, одобрилъ идею, но отвергъ средства. Отмѣнить эдиктъ о созываніи, значило выставить еще разъ на видъ слабость короля и кромѣ того пробудить воспоминаніе о мѣрѣ непопулярной, которая была осуждена общественнымъ мнѣніемъ. Всякое другое средство было бы лучше, уже потому, что оно имѣло преимущество новизны.

Впрочемъ, по мнѣнію Ламуаньона было бы легко превзойти Мопу, который принималъ только полумѣры. Со временемъ этотъ новый парламентъ возобновилъ бы притязанія прежняго; тѣже преимущества возбудили бы въ немъ тоже честолюбіе. Надо было нанести рѣшительный ударъ и уничтожить эту власть, сопротивлявшуюся королевской власти.

Эти взгляды соблазнили архіепископа санскаго; Ламуаньону было поручено подготовить коренную реформу.

Франція есть страна, которою управлять всего разумнѣе явно и открыто; тайна здѣсь менѣе всего имѣетъ успѣха, потому что никто не умѣетъ хранить ее.

Въ Парижѣ также какъ въ Версали скоро узнали, что готовится что-то. Парламентъ, который чувствовалъ, что ему угрожаютъ, только и думалъ, какъ бы затруднить министерство и правительство. Съ обѣихъ сторонъ, съ одинакою страстью, съ одинакою неосторожностью, играли судьбою монархіи.

Въ мартѣ 1788 года генеральный контролеръ Ламберъ обнародовалъ состояніе финансовъ. Сокращенія далеко не доходили до 40 милліоновъ, какъ это легкомысленно обѣщалъ Бріеннъ, но только до 19 милліоновъ; увеличенія доходовъ простирались до 9 милліоновъ. Отсрочивъ погашеніе долговъ, получили дѣйствительный дефицитъ, который равнялся 160 милліонамъ. Итакъ надобно было прибѣгнуть или къ займу или къ налогу, но въ обоихъ случаяхъ сталкивались съ оппозиціей парламента, которую нужно было обойти.

Займа сдѣлать было невозможно. Первый заемъ 1788 года (120 милліоновъ, которые король своею властію заставилъ внести въ роспись въ засѣданіи 19 ноября 1787 года) начиналъ пополняться; парламентъ хотѣлъ подорвать довѣріе и заставить правительство сдѣлать уступку, лишивъ его всѣхъ средствъ. Такова была цѣль знаменитыхъ представленій 11 апрѣля 1788 года. Парламентъ съ чрезвычайною живостью протестуетъ противъ королевскаго засѣданія 19 ноября 1787 года и противъ вынужденнаго внесенія займа въ роспись.

«Государь,

«Общественная свобода, оскорбленная въ своемъ основаніи, деспотизмъ, замѣнившій въ государствѣ законы, право-

судіе, доведенное до того, что сдѣлалось лишь орудіемъ произвола: вотъ важные и печальные предметы, которые приводятъ вашъ парламентъ къ подножію трона.

«Вѣрные подданные, предусмотрительные судьи не безъ сожалѣнія занимаемся мы открыто такими щекотливыми вопросами. Спокойные въ томъ мѣстѣ, гдѣ основные законы, освященные клятвою короля, ограждаютъ свободу нашихъ одобреній и нашихъ личностей, мы стараемся согласовать усердіе къ правосудію съ любовью къ миру. Но внѣ этого мѣста господствуетъ интрига, честолюбіе ищетъ себѣ пищи. Власть законовъ, мудрость судей суть препятствія ихъ намѣреніямъ: нужно ихъ уничтожить, нужно сломать двери святилища, исказить самыя честныя намѣренія и извратить самыя священныя правила. Не смотря на то, что народы и короли имѣютъ одинъ и тотъ же интересъ: народы — уважать власть, короли — поддерживать свободу, не смотря на то, что магистратъ почерпаетъ всю свою силу изъ этого счастливаго согласія, обманываютъ народъ, вводятъ въ заблужденіе королей и поносятъ судей. Если бы возможно было заставить ихъ замолчать! Надо сдѣлать, по крайней мѣрѣ на сколько возможно, ихъ мнѣнія тщетными, голосъ ихъ недѣйствительнымъ. Такъ разсуждаютъ, государь, интрига и честолюбіе. Самые хитрые софизмы, самые жестокіе совѣты ничего не значатъ для того, кто основываетъ свою славу и безопасность на уничтоженіи законовъ. Въ этой крайности сила кажется правомъ, коварство есть необходимость, выдумка замѣняетъ истину, а наружное почитаніе національныхъ формъ есть только средство обманывать народъ.»

Послѣ этого вступленія, или скорѣе доноса, парламентъ возвращается къ засѣданію 19 ноября, «этому величественному засѣданію, которое должно было, приближая истину къ трону, приготовить средства укрѣпить навсегда въ государствѣ свободу посредствомъ разума и довѣріе посредствомъ свободы; онъ протестуетъ противъ поведенія хранителя печатей, который не собиралъ голосовъ; онъ возстаетъ противъ уничтоженія въ реестрахъ рѣшенія, которое принялъ парла-

ментъ по выходѣ изъ королевскаго засѣданія 19 ноября, «произвольнаго уничтоженія, которое болѣе походитъ на нарушеніе закона, чѣмъ на исправленіе ошибки»; и наконецъ повторяетъ свои возраженія противъ незаконности займа.

«Намѣреніе парламента, говоритъ онъ, состоитъ не въ томъ, чтобы обмануть довѣріе заимодавца. Ему есть возможность обезпечить ихъ. Правда, средства не въ рукахъ вашего парламента. Но заимодавцамъ остается еще средство въ собраніи генеральныхъ штатовъ».

Послѣ этихъ размышленій, мало успокоительныхъ для заимодавцевъ, которые были недовѣрчивы во Франціи, потому что имъ рѣдко платили, парламентъ, всегда озабоченный своими преимуществами, требуетъ своего права подавать мнѣнія, когда король присутствовалъ въ парламентѣ.

«Одна воля короля не есть полный законъ; простое выраженіе этой воли не составляетъ національной формы. Чтобы сдѣлаться обязательной, эта воля должна быть законно опубликована; она должна быть свободно провѣрена, чтобы быть опубликованною законно. Такова, государь, французская конституція; она родилась вмѣстѣ съ монархіею».

Я не буду слѣдовать за парламентомъ въ его историческихъ изысканіяхъ. Это совершенный Мабли. Марсовы поля, les placités généraux, засѣданія первыхъ Капетинговъ, все это обращено въ парламенты XVIII-го столѣтія, и свобода льется въ изобиліи. Конечно, мы знаемъ знаменитую фразу капитуляріи, который объявляетъ, что: Lex fit consensu populi et constitutione regis; но отыскивать въ этомъ основаніе парламента, значило бы во зло употреблять ученость. Онъ былъ раздвоеніемъ королевскаго совѣта, но не былъ никогда освобожденіемъ или представленіемъ страны.

Наоборотъ, парламентъ былъ справедливъ, когда замѣчалъ, что право повѣрки сдѣлалось частью общественнаго французскаго права, и что въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ короли добровольно опирались на судей и умѣли усиливать свою власть, ограничивая ее.

«Не дай Богъ, прибавлялъ парламентъ, чтобы эти принципы приносили ущербъ законодательной власти вашего величества!

Право повѣрять законы не значитъ право ихъ составлять; но, если бы власть составляющая законъ могла бы уничтожить или стѣснить повѣрку и повѣрка обратилась бы только въ смѣшную предосторожность или въ пустую формальность, то воля одного человѣка могла бы замѣнить волю общественную и государство подпало бы подъ власть деспотизма».

Эти слова вполнѣ разумны; законъ долженъ быть общественной волей, въ противномъ случаѣ онъ дѣлается капризомъ одного человѣка и служитъ только частнымъ интересамъ; но если парламентъ былъ правъ политически, то онъ былъ не правъ исторически. Отвѣчая парламенту, Людовикъ XVI защищалъ старыя правила Ришелье и Людовика XIV, не замѣчая, что если бы даже все прошедшее было за насъ, мы не были бы сильнѣе, когда идеи и требованія перемѣнились; прошедшее умерло, и древность заблужденій и злоупотребленій не служитъ имъ оправданіемъ.

Отвѣтъ короля посланъ 17 апрѣля 1788 года; онъ заключаетъ въ себѣ заявленіе абсолютнаго права монархической власти, перафразъ словъ: чего хочетъ король, того хочетъ законъ. «Еслибы большинство моихъ судовъ насиловало мою волю, монархія сдѣлалась бы только аристократіей судей, одинаково противной правамъ какъ народа, такъ и верховной власти».

Это положеніе совершенно справедливо, но съ условіемъ, чтобы нація имѣла представительство. Въ противномъ случаѣ парламентская аристократія, обуздывая деспотизмъ, является гарантіею, которая не имѣетъ достаточной силы, но лучше, чѣмъ произволъ.

Этотъ отвѣтъ нисколько не устрашилъ парламента; короля уже не боялись; но встревоженный болѣе, чѣмъ когда либо слухами, которые носились въ обществѣ и которые предвѣщали государственный переворотъ противъ магистратуры, парламентъ придумалъ новый образъ нападенія. Не смотря на его представленія заемъ пополнялся; парламентъ вздумалъ коснуться налоговъ, гарантирующихъ собою заемъ.

29 апрѣля 1788 года, одинъ молодой совѣтникъ Гуасларъ Монсаберъ, которому эта выдумка и нѣсколько дней преслѣ-

дованія доставили временную популярность, донесъ парламенту въ собраніи всѣхъ палатъ и въ присутствіи перовъ о явныхъ злоупотребленіяхъ, сопровождавшихъ взиманіе второй двадцатой доли, на которое согласился парламентъ по возвращеніи изъ Труа.

Налогъ двадцатой доли былъ, по мнѣнію парламента, налогъ распредѣлительный, т. е. количество его опредѣлено, и не могло быть увеличиваемо произвольно. По мнѣнію же министровъ, взиманіе двадцатой доли былъ налогъ пропорціональный; каждый долженъ былъ платить двадцатую часть своего дохода. По этой системѣ налогъ увеличивался вмѣстѣ съ общимъ богатствомъ. Чтобы достигнуть приращенія доходовъ, министерство поручило контролерамъ по взиманіи двадцатой доли совершать повѣрку, что̀ у насъ называется общею ревизіею. Министерство надѣялось, что эта повѣрка налоговъ принесетъ ему болѣе 24 милліоновъ, которые оно ожидало собрать отъ поземельной собственности.

Вотъ злоупотребленіе, о которомъ донесъ совѣтникъ Гуасларъ. Надо признать, что притязаніе парламента было согласно съ его предшествующими требованіями. Онъ всегда поддерживалъ опредѣленность циѳры податей. Въ 1778 году парламентъ согласился на болѣе правильное распредѣленіе налоговъ и для этого внесъ въ списки эдиктъ, которымъ были созданы провинціальныя собранія; но въ тоже время онъ удерживалъ принципъ опредѣленной циѳры налоговъ. И надо правду сказать, что при правительствѣ безъ гласности, безъ бюджета, безъ контроля, это было единственное средство противъ злоупотребленій при взиманіи податей.

Два мѣста изъ этихъ представленій 1778 года, которыя были перепечатаны по повелѣнію парламента въ 1788 году, дадутъ понятіе о старой свободѣ, которую могло затемнить правленіе Людовика XIV, но, которая сохранилась еще въ памяти народа и въ реестрахъ парламента.

«Прогрессивная пропорція есть принципъ, непризнаваемый закономъ, правосудіемъ и здравой политикой:

«Здравой политикой въ отношеніи деревень, гдѣ скоро было-бы покинуто земледѣліе и недоставало бы ѳонда на покрытіе

налоговъ, если бы правиломъ государства было, что казна повѣряетъ и беретъ часть прогрессивныхъ плодовъ промышленности владѣльцевѣ [1]).

«Правосудіемъ, которое требуетъ, чтобы налоги имѣли основаніемъ не доходы несущихъ подать, а настоящія нужды государства; иначе ваше величество сдѣлались бы формально совладѣльцемъ имуществъ своихъ подданныхъ; а вашъ парламентъ предполагаетъ, что администрація будетъ всегда хорошо понимать интересъ вашихъ финансовъ, неразрывный съ интересами вашихъ подданныхъ, такъ что не признаетъ этого совладѣнія, разрушающаго и тотъ и другой интересъ.

«Наконецъ закономъ, который въ 1742 году признаетъ окончательными списки 1741 года, подтверждаетъ ихъ въ 1749, скрѣпляетъ ихъ въ 1763, удерживаетъ ихъ въ 1767 и 1768 годахъ и ссылается на нихъ въ 1771 году». Замѣтьте этотъ принципъ: что единственное основаніе, мы сказали бы теперь: законность налоговъ, суть необходимыя нужды государства. Сдѣлать подать пропорціональною, говорилъ парламентъ Нормандіи 6 февраля 1788 года, «это значило бы породить нужду въ подати, тогда какъ подать должна существовать только ради необходимости. Или, какъ выражается еще живѣе парижскій парламентъ, это значило бы сдѣлать короля совладѣтелемъ всѣхъ имуществъ своихъ подданныхъ. Въ этомъ и заключается опасность пропорціональныхъ и косвенныхъ налоговъ, разсчитываютъ расходъ по налогу, а не налогъ по расходу. Такимъ образомъ расходъ постоянно увеличивается и никогда не останавливается.

Второй принципъ, который поддерживаетъ парламентъ, не менѣе замѣчателенъ; именно, что должно вѣрить объявленію несущаго подати.

«Съ 1710 до 1771 года двадцатая часть была испрашиваема Людовикомъ XIV и покойнымъ королемъ, и всегда была испра-

---

[1]) Парламентъ утверждалъ, что владѣлецъ или фермеръ давалъ въ казну 10 су изъ 18-ти, не считая поземельныхъ повинностей, поправокъ и т. д. Не слишкомъ ли увеличена эта цифра?

шиваема какъ особенная помощь; ничто не показываетъ вынужденія.

«Государь, качество особенной помощи и добровольнаго дара — существенно принадлежитъ десятинѣ. Свобода объявленій, которая кажется необыкновенною, если только думаютъ о взысканіи сбора, не имѣетъ ничего необыкновеннаго для тѣхъ, которые занимаются конституціею.

«Всякій владѣлецъ имѣетъ право или самъ, или чрезъ своихъ представителей давать субсидіи. Если онъ не пользуется этимъ правомъ какъ членъ цѣлаго народа, то долженъ имѣть его лично; въ противномъ случаѣ онъ не хозяинъ болѣе своего имѣнія, и не можетъ имъ спокойно владѣть. Довѣріе къ личнымъ объявленіямъ есть одно вознагражденіе права, котораго нація не употребляла, но не могла лишиться, права самой давать согласіе и распредѣлять двадцатыя доли.

«Единственное средство сдѣлать налоги законными—выслушивать народъ. За недостаткомъ народнаго мнѣнія, одно средство сдѣлать ихъ сносными—есть выслушиваніе частныхъ лицъ, такъ чтобы довѣріе къ объявленіямъ было по крайней мѣрѣ подобіемъ, признакомъ, вознагражденіемъ естественнаго права. Эти правила, данныя разумомъ, принятыя законами и сохраненныя фактами, господствовали, государь, въ продолженіи 60-ти лѣтъ. Съ 1771 года отъ нихъ совершенно удаляются. За то государство наводнено злоупотребленіями и оглашается жалобами; за то всѣ выборы разстроены необузданными людьми, которые въ глазахъ правосудія виновны въ превышеніи власти».

Слушая эти рѣчи, спрашиваешь себя, находишься ли во Франціи или въ Англіи. Принципъ, который утверждаетъ, что гражданинъ, обложенный податью безъ своего согласія уже не хозяинъ и не спокойный владѣтель, не есть ли завоеваніе революціи? Нисколько; онъ явился со времени феодальнаго или скорѣе—германскаго права. Феодальный баронъ, какъ и начальникъ германскій, есть господинъ своего имѣнія; никто не можетъ до него коснуться безъ соизволенія хозяина. Только

vilain, не имѣющій своей собственности, можетъ быть обложенъ налогомъ по произволу.

Это древніе принципы Франціи; слѣдъ ихъ сохранился до неограниченной монархіи. Подать, наложенная на vilains, осталась до конца податью произвольною; но подать на свободную собственность могла только быть законно позволена генеральными штатами, представителями націи. Это было древнее правило, и всетаки короли часто не исполняли феодальныхъ правилъ, когда нуждались въ деньгахъ.

Нѣсколько разъ парламентъ также былъ ихъ соучастникомъ, но въ 1788 какъ и въ 1778 проникнутый духомъ свободы онъ опять возвратился къ прежнимъ воспоминаніямъ.

Защищая права народа и древнюю французскую конституцію, парламентъ ссылался на свои бывшія представленія; онъ также могъ бы ссылаться на эдикты и распоряженія нашихъ королей, которые признавали, какъ Филиппъ Красивый «что послѣднее денежное вспомоществованіе, которое намъ сдѣлали народы, было сдѣлано чисто изъ милости, хотя ихъ держали не милостиво». Въ привѣтливыхъ словахъ никогда не было недостатка въ старой Франціи, въ особенности когда нужно было денегъ; но если это правило неоспоримо, то также вѣрно и то, что со времени Франциска I-го и особенно со времени Лудовика XIV-го не затруднялись наложить подать на народъ безъ его согласія. Сомнѣніе въ этомъ отношеніи невозможно, фактъ бросается въ глаза въ нашей исторіи, и г. Монтіонъ въ своемъ знаменитомъ донесеніи, сдѣланномъ его величеству Лудовику XVIII въ 1796 году, простодушно призналъ его.

Въ этой апологіи старой французской конституціи, такой какою онъ ее воображалъ, либеральной и удивительной, имѣющей только тотъ недостатокъ, что она никогда не существовала, г. Монтіонъ долженъ былъ признаться, что со времени Людовика XIV налоги неправильно и ужасно возвысились, и что права гражданъ вышли изъ употребленія; другими словами королевская власть, уничтоживъ всѣ преграды, ее связывавшія, дошла до того, что пользовалась народнымъ достояніемъ безъ соизволенія народа.

И такъ, наканунѣ революціи было въ виду гораздо болѣе политическихъ элементовъ, чѣмъ вообще предполагаютъ.

Была старая, неограниченная монархія, которая существовала злоупотребленіями и произволомъ.

Былъ парламентъ, судьи и значительная часть націи, которые требовали древней свободы Франціи.

Наконецъ, была философская партія, которая презирала прошедшее и ссылалась только на разумъ.

Но въ каждомъ вѣкѣ разумъ не есть независимая сила отъ среды, гдѣ онъ дѣйствуетъ; мы получаемъ отъ нашихъ отцевъ и наставниковъ идеи, руководящія нами, которыя мы измѣняемъ только съ большимъ трудомъ и незначительно.

Бо́льшая часть нашихъ философовъ заимствовала свои идеи отъ Англіи. Локкъ былъ ихъ пророкомъ. Но самъ Локкъ пріобрѣлъ свои идеи изъ англійскихъ преданій, т. е. онъ принялъ феодальное понятіе о независимой собственности и о согласіи на налогъ тѣхъ, которые его уплачиваютъ.

И такъ между парламентами и философами, которые потомъ стали взаимно отлучать другъ друга (s'excommunier), было гораздо болѣе сходства, нежели они воображали; ихъ раздѣляло общее невѣжество. Они сошлись бы на одной почвѣ, если бы стали отыскивать источникъ своихъ мнѣній; всѣ партіи тогда выиграли бы и свобода выиграла бы не менѣе партій.

Дѣйствительно, для сколькихъ людей свобода представляется иностранкой, выскочкой, или я не знаю какимъ-то злотворнымъ божествомъ, которому не нужно много довѣряться! Увы! Если бы захотѣли порыться въ нашей исторіи, то увидѣли бы, что она болѣе француженка и гораздо благороднѣе нашихъ королей, потому что она существовала прежде ихъ на нашей почвѣ. Она не иностранка, она пришла съ германцами; она не выскочка, потому что напротивъ ее ограбили; это старая Франція, которой имя обозначаетъ вольность (franchise), т. е. свободу.

Вотъ чего не должна бы забывать партія, которая изъ уваженія къ преданію часто удаляется отъ свободы. Это новое преданіе есть преданіе самоуправства и похищенія. Подъ этимъ свѣжимъ слоемъ, если рыть почву, дойдутъ до свободы. Я признаюсь, что она была привилегіею дворянства, но развѣ это

причина, чтобы ее задушить деспотизмомъ законовъ и римскаго управленія, какъ поступили наши короли? Не счастливѣе ли бы было для всѣхъ, еслибы народъ, дворяне и король соединились какъ въ Англіи, и еслибы безъ революціи, общимъ усиліемъ, изъ привилегій нѣкоторыхъ людей составили бы права всей націи? Мы не имѣли бы равенства, говоритъ извѣстная школа, ведущая начало отъ Ришелье; напротивъ, мы бы имѣли равенство настоящее, которое я опредѣляю такъ: общая и равная свобода.

VI.

Арестованіе д'Еспремениля.

Выше мы видѣли, какъ парламентъ пытался парализировать власть правительства, нападая на заемъ и налоги, какъ на незаконные и недѣйствительные; заимодавцы безпокоились, контролеры двадцатой доли боялись быть схваченными, подданные не хотѣли платить податей, которыхъ не имѣли права съ нихъ требовать, парламентъ усиливалъ взрывъ, который долженъ былъ его уничтожить.

Впрочемъ, все предсказывало, что гроза была готова разразиться; это-то и объясняетъ горячность парламента. Не смотря на безмолвіе, которое старались выказать Бріеннъ и Ламуаньонъ, всѣ знали, что министры дѣлаютъ тайныя приготовленія. Въ Версали присматривали за рабочими королевской типографіи; всѣ коменданты провинцій получили приказаніе явиться къ своимъ должностямъ; въ города, гдѣ находились парламенты, были посланы государственные совѣтники и рекетмейстеры; посланы были депеши, которыя должны быть открыты вездѣ въ одно время, 8 мая. Государственный переворотъ былъ неизбѣженъ.

Одинъ изъ совѣтниковъ парламента, Дюпоръ, который по своей твердости, рѣшимости, усердію долженъ былъ играть роль въ революціи, собиралъ у себя людей, заботящихся о публичныхъ дѣлахъ. Между совѣтниками находились Дюваль д'Еспремениль, Сенъ-Венсанъ и нѣсколько молодыхъ людей, имена которыхъ встрѣчаются во времена республики, имперіи и реставраціи, Семонвиль, Морель де-Винде, аббатъ Луи. Съ ними собирались вельможи и члены дворянства, извѣстные потомъ въ

генеральныхъ штатахъ: герцогъ ла-Рошфуко, герцогъ Луинь, молодой герцогъ д'Эгильонъ, епископъ Отенскій, Талейранъ, уже хлопотавшій о карьерѣ, маркизъ Лафайетъ, который мечталъ только о свободѣ, и усердный ученикъ Тюрго, маркизъ Кондорсе.

Въ то время, какъ въ этомъ собраніи волновались, д'Еспремениль принесъ, говорятъ, эдикты, которые должны были распустить парламентъ. Одинъ изъ работниковъ королевской типографіи спряталъ въ глиняномъ комкѣ одинъ экземпляръ и отдалъ д'Еспременилю.

При видѣ опасности рѣшились предупредить министерство, открыть публикѣ заговоръ Бріенна и Ламуаньона и осудить его торжественнымъ приговоромъ. Еслибы они погибли, по крайнѣй мѣрѣ въ послѣдній разъ услышанъ бы былъ голосъ закона во Франціи, и, если я могу такъ выразиться, былъ бы поднятъ флагъ, былъ бы взорванъ корабль и съ нимъ вмѣстѣ и королевская власть.

Въ субботу 3 мая 1788 года палаты собрались; перы первоприсутствовали. Д'Еспремениль началъ говорить, но не для того чтобы сказать рѣчь, а чтобы просить перваго президента—подвергнуть общему обсужденію, что̀ слѣдовало дѣлать, въ какомъ положеніи государство и какія несчастія угрожаютъ сословію судей [1]).

«Послѣ обсужденія:

«Судъ и т. д.

«Имѣя въ виду, что предпріятія министровъ относительно судейскаго сословія видимо имѣютъ основаніемъ намѣреніе суда противиться двумъ бѣдственнымъ налогамъ [2]), признать себя не компетентнымъ въ дѣлѣ налоговъ, просить о созваніи генеральныхъ штатовъ и требовать личной свободы гражданъ.

«Имѣя въ виду наконецъ, что система одной воли, ясно изложенная въ различныхъ отвѣтахъ короля, указываетъ со стороны министровъ гибельный проектъ уничтожить монархію и не оставляетъ націи другихъ источниковъ кромѣ точнаго

---

[1]) Я списываю оффиціальное донесеніе, заключающееся въ Recueil des arrêtés, remontrances, etc. Лондонъ 1782 г. 50 стр.

[2]) La subvention territoriale et le timbre.

объявленія судомъ правилъ, которыя онъ обязанъ поддерживать и мнѣній, которыхъ онъ никогда не перестанетъ заявлять:

«Объявляетъ, что Франція есть монархія, управляемая королемъ, по законамъ;

«Что изъ этихъ законовъ, нѣкоторые коренные содержатъ въ себѣ и освящаютъ:

«Право царствующаго дома на тронъ....

«Право націи свободно соглашаться платить подати чрезъ посредство генеральныхъ штатовъ, правильно созванныхъ и составленныхъ;

«Обычаи и капитуляціи провинцій;

«Несмѣняемость судей;

«Право судовъ повѣрять волю короля въ каждой провинціи и позволять вписывать ее въ протоколъ только тогда, когда она согласна съ конституціонными законами провинціи и основными законами государства;

«Право каждаго гражданина быть судиму только естественными его судьями, которыхъ ему указываетъ законъ;

«И право,—безъ котораго всѣ другія безполезны—въ случаѣ арестованія по какому бы ни было приказанію, быть передану безотлагательно въ руки надлежащихъ судей;

«Вышесказанный судъ протестуетъ противъ всякаго нарушенія принциповъ выше выраженныхъ;

«Объявляетъ единодушно, что онъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ отступить отъ нихъ; что эти принципы, одинаково вѣрные, обязательны для всѣхъ членовъ суда и заключены въ ихъ присягѣ... и что, въ случаѣ, когда сила, распустивъ судъ, доведетъ его до невозможности поддерживать самому принципы, заключающіеся въ настоящемъ рѣшеніи, вышесказанный судъ объявляетъ, что онъ передаетъ ихъ неприкосновенность съ настоящаго времени въ руки короля, его августѣйшей фамиліи, перовъ государства, генеральныхъ штатовъ, и каждому изъ сословій соединенныхъ или раздѣленныхъ, составляющихъ націю.

Всѣ голоса были за слово единодушно, которое курсивнымъ шрифтомъ стоитъ въ печатномъ экземплярѣ. Эта клятва служила предисловіемъ клятвѣ jeu de paume, которая дана была один-

надцатью мѣсяцами позже, какъ и самое объявленіе было предисловіемъ къ объявленію правъ.

Это завѣщаніе нашего древняго суда не менѣе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ высказано, какъ и тѣмъ, чего не сказано. Въ немъ требуютъ энергически права личной свободы и собранія голосовъ въ пользу налоговъ, вотъ и все.

Парламентъ, говоря о своемъ правѣ внесенія въ протоколъ, забываетъ о законодательной власти генеральныхъ штатовъ. Политическая свобода исключена изъ этой программы. Она хорошо показываетъ, чѣмъ бы должна быть французская свобода во время старой монархической власти, но не упоминаетъ о новыхъ нуждахъ и идеяхъ, волновавшихъ Францію въ 1788, которыя въ скоромъ времени заставили ее потребовать себѣ участія въ правленіи.

Въ тотъ же самый день, въ томъ же засѣданіи парламентъ постановилъ повторительныя представленія о королевскомъ засѣданіи и объ отвѣтѣ короля. Это тоже одинъ изъ документовъ, которыми историки революціи пренебрегали, но которые однако же имѣютъ важное значеніе. Въ то время, когда не существовала печать, подобныя обвиненія правительства считались событіемъ; они наставляли народъ и справедливо или несправедливо возбуждали его. Здѣсь ключь къ революціи.

Когда національное собраніе и цѣлая страна возстаютъ противъ злоупотребленія и расточительности прежняго управленія, не должно забывать, что онѣ идутъ по слѣдамъ парламента. Будь это похвала или упрекъ, но должно признаться, что парламентъ нравственно убилъ старую монархію. Вотъ главнѣйшія мѣста этихъ представленій, которыя, судя по слогу, я припишу д'Еспременилю.

«Государь,

«Отвѣтъ вашего величества отъ 17 числа сего мѣсяца огорчителенъ; но мужество вашего парламента не подверглось колебанію. Излишество деспотизма было единственнымъ прибѣжищемъ враговъ націи и истины; они не боялись его употреблять; ихъ успѣхъ служитъ предсказаніемъ величайшихъ золъ. Предупредить ихъ, на сколько возможно, будетъ до послѣдней минуты предметомъ усердія вашего парламента; своимъ молча-

ніемъ, онъ измѣнилъ бы самымъ дорогимъ интересамъ вашего величества, предоставя государство всѣмъ вторженіямъ произвольной власти. Таково, дѣйствительно, было бы слѣдствіе правилъ, исторгнутыхъ у вашего величества. Если бы ваши министры дали имъ силу, наши короли были бы не монархи, а деспоты; они царствовали бы не по закону, а силою, надъ рабами замѣнившими подданныхъ.

«Способъ дѣйствія честолюбивыхъ министровъ всегда одинъ, распространять свою власть подъ именемъ короля. Оклеветать судейское сословіе—вотъ средство ихъ. Вѣрные этой старой и гибельной методѣ, они приписываютъ намъ безумный проектъ устроить въ государствѣ аристократію судей. Но какое время избрали они для этого обвиненія? То, когда парламентъ, наученный фактами и исправляя свои прошлыя дѣйствія, доказываетъ, что онъ болѣе привязанъ къ правамъ народа, чѣмъ къ своимъ примѣрамъ.

«Конституція французская казалась забытой. Считали химерой собраніе генеральныхъ штатовъ; Ришелье и его жестокости, Людовикъ XIV и его слава, регентство и его безпорядки, министры покойнаго короля и ихъ безчувствіе казалось навсегда вытѣснили изъ умовъ и сердецъ даже имя націи. Всѣ мѣры, доводящія народъ до безпомощности: ужасъ, энтузіазмъ, развратъ, равнодушіе — все было испробовано министерствомъ, чтобы довести до упадка французскій народъ. Но оставался парламентъ; думали что онъ въ летаргіи, повидимому всеобщей; но ошиблись. Извѣщенный неожиданно о положеніи финансовъ, принужденный дать объясненія на два гибельные эдикта, онъ приходитъ въ безпокойство, онъ перестаетъ себя обманывать, онъ судитъ по прошедшему о будущемъ; онъ видитъ для націи одно средство: самую націю. Потомъ, послѣ глубокихъ и здравыхъ размышленій, онъ рѣшается дать вселенной неслыханный примѣръ: древнее учрежденіе, аккредитованное и составляющее одну изъ основъ государства, само передаетъ своимъ согражданамъ великую власть, которую онъ употреблялъ въ ихъ пользу, но безъ ихъ прямаго согласія, въ продолженіи столѣтія. Быстрый успѣхъ соотвѣтствуетъ его мужеству: 6 іюля онъ выражаетъ желаніе собрать генеральные штаты; 19 сентября

онъ формально объявляетъ свою некомпетентность; 19 ноября ваше величество сами пожелали созвать генеральные штаты, на слѣдующій день вы соблаговолили опредѣлить срокъ этого собранія, ваше слово священно. Пусть найдутъ на землѣ и въ исторіи такое государство, гдѣ бы король и нація сдѣлали бы такъ спокойно, въ такое короткое время, такіе широкіе шаги, король къ правосудію, нація—къ свободѣ. Итакъ, генеральные штаты будутъ собраны! Они войдутъ въ свои права! Мы можемъ спросить у вашихъ министровъ, кому король обязанъ этимъ великимъ предначертаніемъ? Кому обязана нація этимъ великимъ благодѣяніемъ? И ваши министры дерзаютъ обвинять насъ передъ народомъ и королемъ, будто мы стремились къ аристократической власти! Никто не подумалъ упрекнуть насъ въ этомъ въ 1697 г., когда вашъ парламентъ вносилъ въ протоколъ поголовную подать; въ 1710, когда онъ вносилъ въ списки взиманіе 10-й доли; съ 1710 до 1782, когда онъ соглашался на распространеніе и даже увеличеніе налоговъ посредствомъ третьей 20-й доли. Откуда это новое усердіе? Министры не сомнѣваются въ нашей власти и отдаютъ справедливость нашимъ благимъ намѣреніямъ до тѣхъ поръ, покуда они надѣются употреблять во зло нашими голосами для отягощенія націи займами или налогами, и видятъ въ насъ лишь честолюбивыхъ аристократовъ, когда мы отказываемся способствовать или раздѣлять ихъ деспотизмъ.

«Нѣтъ, государь, не нужно аристократіи во Франціи, но не нужно и деспотизма. Такова конституція, таково желаніе вашего парламента и интересъ вашего величества.

«Пусть допустятъ на время правила, выманенныя у вашего величества: Развѣ могутъ сказать, что король никогда не употребитъ во зло права, которое ему приписываютъ? Что онъ будетъ всегда справедливъ? Что его законы и его рѣшенія будутъ всегда уважать права всѣхъ, начиная съ его старшаго сына до послѣдняго подданнаго? Вашъ парламентъ, государь, будетъ вынужденъ отвѣчать, что это предположеніе невозможно, что короли тѣ же люди, что нѣтъ людей непогрѣшительныхъ; и именно потому, что король не можетъ быть всегда на

сторожѣ противъ заблужденія и соблазна; именно, чтобы не допустить націю до несчастныхъ послѣдствій исторгнутыхъ повелѣній, конституція относительно законовъ требуетъ повѣрки судовъ, относительно пособій предварительнаго согласія генеральныхъ штатовъ, чтобы быть увѣреннымъ, что воля короля будетъ согласоваться съ справедливостію, а его требованія съ нуждами государства».

Представленія оканчиваются слѣдующими величавыми и благородными словами:

«Чтò касается до вашего парламента, то его принципы, или лучше, государь, принципы государства, которые ему довѣрены, неизмѣнны; не въ его власти перемѣнить свой образъ дѣйствій. Иногда судьи бываютъ призваны жертвовать собою законамъ, но ихъ почетное и опасное положеніе таково, что они должны перестать существовать прежде чѣмъ нація перестанетъ быть свободною.»

На другой день указъ совѣта кассировалъ это постановленіе, равно какъ и то, которое было сдѣлано противъ контролеровъ двадцатой доли. Въ тотъ же день дано было приказаніе арестовать Дюваля д'Еспремениля и Гуаслара де Монтабера. Министры уже давно хотѣли отмстить д'Еспременилю, на котораго смотрѣли, какъ на подстрекателя сопротивленія, но король, возымѣвшій уваженіе къ этому судьѣ, противился всякой насильственной мѣрѣ и потому только уступилъ, что былъ очень раздраженъ нарушеніемъ государственной тайны.

Тайно предупрежденные статсъ-секретаремъ, осуждавшимъ поведеніе главнаго министра, оба совѣтника скрылись отъ агентовъ превотства и укрылись въ палатѣ 5-го мая; судьи и перы тотчасъ туда собрались.

Началось засѣданіе, какъ это водилось съ римскимъ сенатомъ въ дни его процвѣтанія. Д'Еспремениль заговорилъ первый и обвинилъ въ поддѣлкѣ рѣшеніе 3 мая, гдѣ слова: посягательства министровъ на магистратуру были замѣнены словами: посягательства его величества на магистратуру. Это была типографская ошибка, министры тутъ ни въ чемъ не были виноваты; не смотря на то, вслѣдствіе заключеній главнаго адвоката Сегье, рѣшеніе, составленное д'Еспреме-

ниемъ, приказывало: «сказанную брошюру разорвать и сжечь у подножія большой лѣсницы палаты рукою палача, какъ содержащую коварную поддѣлку, противную уваженію къ королю, и сдѣланную съ намѣреніемъ приписать суду чувства и выраженія, несообразныя съ глубокимъ уваженіемъ къ священной особѣ короля,—уваженіемъ, отъ котораго судъ никогда не отдалится и въ которомъ никогда не перестанетъ давать примѣръ другимъ гражданамъ, до какой бы крайности онъ ни былъ доведенъ. Судъ кромѣ того постановляетъ, что бы это рѣшеніе было опубликовано въ текущемъ засѣданіи и отнесено королю первымъ президентомъ». Послѣ этого доказательства уваженія къ королю, оба совѣтника доложили парламенту о попыткѣ, сдѣланной прошедшею ночью, арестовать ихъ въ собственномъ домѣ, на что судъ далъ слѣдующее рѣшеніе:

«Имѣя въ виду, что министры не только не обращены къ принципамъ монархіи поведеніемъ суда, всегда законнымъ, всегда почтительнымъ къ королю, а напротивъ занимаются развитіемъ всѣхъ средствъ деспотизма, который стараются поставить вмѣсто закона;

«Что министры посягнули на свободу двухъ судей, которыхъ преступленіе состояло лишь въ томъ, что они присоединили свое усердіе къ усердію остальныхъ членовъ для защиты самыхъ священныхъ правъ націи....;

«Судъ отдаетъ гг. Дюваля, Гуасляра и другихъ судей и гражданъ подъ защиту короля и закона;

«Впрочемъ рѣшилъ, что президентъ [1]), еще два президента [2]) и четыре совѣтника [3]) тотчасъ же отправятся въ Версаль, чтобы представить королю всѣ несчастія, угрожающія націи, и умолять его мудрость слушать иные совѣты, а не такихъ людей, которые готовы низвергнуть законную власть и общую свободу въ пропасть, откуда никакимъ усердіемъ судей не будетъ возможно ихъ извлечь».

Судъ рѣшилъ, между прочимъ, не трогаться съ мѣста до возвращенія президента и депутатовъ.

---

[1]) д'Алигръ.

[2]) д'Ормессонъ и Саронъ, самые старшіе.

[3]) д'Амекуръ, Роберъ де сенъ Венсанъ, Барбье и д'Энгревилль.

Толпа собралась въ большой камерѣ. Около 11 часовъ вечера, французская гвардія, предшествуемая саперами со штыками на ружьяхъ, загородила всѣ выходы палаты и окружила большую камеру.

Судъ хотѣлъ совѣщаться объ этомъ происшествіи, но присутствіе постороннихъ мѣшало совѣщанію. Предложенъ былъ вопросъ, можно ли въ такомъ случаѣ стать выше правилъ? «Господа, сказалъ президентъ Гургъ, бывшій въ главѣ засѣданія, неужели вы хотите нововведеніемъ нарушить старыя формы?» Постороннихъ вывели черезь маленькую дверь, ведущую въ буфетъ; они скрылись въ палату св. Людовика, гдѣ оставались до другаго утра.

Уже судьи хотѣли приступить къ совѣщаніямъ, когда капитанъ д'Агу попросилъ позволенія войдти въ большую камеру, какъ предъявитель приказаній короля. Введенный съ обыкновенною церемоніею, при видѣ ста двадцати судей, перовъ, маршаловъ Франціи, и прелатовъ, онъ въ первую минуту смутился и измѣнившимся голосомъ прочиталъ приказаніе короля не парламенту, а ему самому въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Приказываю г. д'Агу, капитану моей французской гвардіи, отправиться въ палату во главѣ шести ротъ; занять всѣ выходы, арестовать въ большой камерѣ или гдѣ бы то нибыло, г-дъ Дюваля и Гуаслара, совѣтниковъ моего парламента, и отдать ихъ въ руки полиціи. *Подписалъ:* Людовикъ».

Прочитавъ это приказаніе, капитанъ д'Агу всталъ и потребовалъ, чтобы президентъ выдалъ ему этихъ господъ.

Гургъ отвѣчалъ, что судъ до исполненія долженъ подвергнуть это приказаніе обсужденію, что таковы были, во всѣ времена и во всякихъ случаяхъ, его порядки.

«Господа, отвѣчалъ д'Агу, я не знаю вашихъ формальностей. Приказаніе, какъ вы видите, требуетъ, чтобы я тотчасъ же арестовалъ г-дъ Дюваля и Гуаслара въ палатѣ; итакъ, не угодно ли вамъ будетъ мнѣ ихъ указать».

Ему замѣтили, что въ приказаніи не сказано тотчасъ, и что, слѣдовательно, можно еще совѣщаться; онъ отвѣчалъ, что словесныя приказанія, данные ему, показывали, что такова воля короля.

Тогда герцогъ Люинъ возразилъ: «Я замѣчу г-ну д'Агу, что на немъ нѣтъ офицерскаго знака». На эти слова, капитанъ вынулъ изъ кармана офицерскій знакъ и показалъ его.

Хотя онъ обладалъ полною рѣшительностью солдата, но, не зная лично тѣхъ, кого ему слѣдовало арестовать, онъ былъ въ большомъ затрудненіи. Герцогъ Пралэнъ, видя его замѣшательство, сказалъ ему: «г-нъ д'Агу, принимая на себя подобныя порученія, надобно стараться уяснить ихъ себѣ, чтобы не приходить въ замѣшательство при исполненіи ихъ. Полагая, что можете ихъ исполнить, вы, конечно, не воображали, что мы вамъ выдадимъ двухъ членовъ суда. Если вы ихъ не знаете лично, конечно не мы вамъ ихъ покажемъ».

Въ ту же минуту, всѣ вскричали: «Мы всѣ Дювали и Гуаслары; если хотите ихъ арестовать, арестуйте насъ всѣхъ».

Капитанъ потребовалъ, чтобы президентъ вручилъ ему письменный отказъ выдать двухъ членовъ, которыхъ ему приказано арестовать. Ему отвѣтили, что отказъ сдѣланъ всѣми и что всѣ готовы подписать его. Послѣ такого сопротивленія д'Агу удалился. Было половина третьяго утра.

Около трехъ часовъ депутація возвратилась изъ Версаля; король не хотѣлъ ее принять, такъ какъ онъ не былъ предупрежденъ объ ней по обыкновенной формѣ.

Рѣшено было тотчасъ же послать королевскихъ людей въ Версаль, «дабы просить короля назначить день, часъ и мѣсто, когда королю угодно будетъ принять просьбу парламента», а пока судъ будетъ безмолвно ожидать ихъ возвращенія и дальнѣйшихъ событій.

Но королевскіе люди были также задержаны у рѣшетки суда, какъ судьи въ большой камерѣ; новая депутація не могла быть отправлена.

Около девяти часовъ утра, перамъ были доставлены бланки, подписанные вчерашнимъ числомъ, которыми они приглашались не идти въ парламентъ, принимая во вниманіе обстоятельства. Въ тоже время капитанъ д'Агу передалъ, что они могутъ выйдти изъ собранія; но посовѣтовавшись, перы рѣшились остаться.

Въ одиннадцать часовъ утра ночная сцена возобновилась.

160 судей возсѣдали на гербовыхъ лиліяхъ, когда капитанъ вошелъ въ большую камеру и дошелъ почти до половины того паркета, чрезъ который во время засѣданія суда позволено проходить только принцамъ королевской крови и президентамъ. Онъ прочиталъ приказъ объ арестованіи и трижды приказалъ Дювалю д'Еспременилю и Гуаслару де Монтаберу слѣдовать за нимъ. Всѣ молчали.

Разсерженный д'Агу приказалъ войти какому-то Ларшеру, полицейскому exempt de robe courte [1]), подвелъ его къ периламъ и сказалъ: «я вамъ приказываю, именемъ короля, сказать мнѣ, находятся ли здѣсь д'Еспремениль и Гуасларъ, и показать мнѣ ихъ.»

Хотя бѣдный служитель и боялся ослушаться, но вспомнилъ, что не смотря на всю малость своего чина, онъ все-таки имѣлъ честь служить парламенту. Онъ объявилъ, что онъ не видитъ этихъ двухъ судей, и д'Агу удалилъ его.

«Я требую отъ суда указать мнѣ этихъ господъ», сказалъ капитанъ, обращаясь къ первому президенту. Это требованіе, предъявленное палатѣ перовъ простымъ капитаномъ, возбудило трепетъ негодованія, но отвѣта не было.

«Такъ какъ никто не отвѣчаетъ, сказалъ д'Агу, я ухожу, чтобы дать отчетъ объ этомъ отказѣ.

Всѣ понимали, что эта сцена не могла долѣе продолжаться; капитана снова позвали; д'Еспремениль сидя и въ шляпѣ сталъ говорить:

«Я одинъ изъ двухъ судей, которыхъ вы отыскиваете. Законъ въ силу этого основанія запрещаетъ мнѣ повиноваться закрытымъ приказаніямъ (lettres closes) и повелѣніямъ, выманеннымъ у короля. Я до сихъ поръ не называлъ себя изъ повиновенія закону. Я чувствую, что настало время принести себя въ жертву, въ чемъ я поклялся у подножія святаго престола. И такъ, я требую, чтобы вы мнѣ объявили, имѣете ли вы приказаніе взять меня силой съ мѣста, на которомъ я теперь сижу, если я не послѣдую за вами добровольно.

---

[1]) Военные чины, состоявшіе при парижскихъ судахъ.

— Король предоставляетъ вамъ выбирать, отвѣчалъ твердо д'Агу.

— Когда вы употребите ваши средства, возразилъ судья, я увижу, что мнѣ должно дѣлать.

Д'Агу отвѣтилъ, что онъ сейчасъ позоветъ стражу.

— Довольно, сказалъ д'Еспремениль. Чтобы не подвергнуть палату перовъ, храмъ юстиціи, святилище законовъ, подобному оскверненію, я уступаю силѣ.

Потомъ вставъ съ мѣста и снявъ шляпу, онъ обратился къ первому президенту, протестовалъ противъ насилія, употребленнаго надъ нимъ и объявилъ, что никогда «ни обѣщанія, ни угрозы, ни мученія и даже самая смерть не заставятъ его отречься отъ принциповъ своихъ сочленовъ, и что онъ не позволитъ себѣ ни малѣйшаго дѣйствія, недостойнаго имени судьи и члена палаты перовъ.»

Сказавъ это, онъ низко поклонился первому президенту и сошелъ со ступеней судилища. Всѣ товарищи бросились обнимать его; съ генеральнымъ прокуроромъ Жоли де Флери сдѣлался обморокъ. Потомъ д'Еспремениль, идя твердымъ шагомъ, со стоическимъ спокойствіемъ, прошелъ между двумя рядами штыковъ до кареты, ожидавшей его на новомъ дворѣ для препровожденія его на острова св. Маргариты. Черезъ полтора часа капитанъ д'Агу возвратился въ палату и объявилъ, что онъ пришелъ арестовать Гуаслара.

Тѣ же сцены возобновились, и молодой совѣтникъ былъ сосланъ въ Пьеръ Ансизъ. Уводя своего плѣнника, д'Агу объявилъ, что судъ свободенъ, что онъ прикажетъ стражѣ удалиться, но что король желаетъ, чтобы послѣ засѣданія двери палаты были закрыты и охраняемы.

Тридцать часовъ судьи были заперты и подъ стражею, но несмотря на усталось и волненіе они остались въ соборѣ, чтобы отпечатлѣть послѣдній вздохъ умирающей свободы въ приказѣ, гдѣ парламентъ жаловался «на похищеніе двухъ судей, вырванныхъ силою изъ святилища юстиціи и законовъ вооруженными людьми, нарушившими спокойствіе убѣжища общественной свободы».

Парламентъ рѣшилъ, кромѣ того, послать къ королю депу-

тацію, чтобы умолить его возвратить къ своимъ обязанностямъ судей, столь же полезныхъ королю своими достоинствами, сколько и защитѣ принциповъ королевства своею преданностію.

«Такимъ образомъ, передаетъ отчетъ, которому мы слѣдовали, окончилось это ужасное проявленіе самаго неограниченнаго деспотизма. Иностранныя націи, грядущія вѣка, не повѣрятъ подробностямъ, описаннымъ нами такъ слабо и далеко ниже дѣйствительности. Никогда не вообразятъ и т. д....»

Увы! грядущіе вѣка видѣли еще хуже, и мы, вынесшіе столько испытаній, не можемъ не улыбнуться на разсказы о страданіяхъ этихъ узниковъ, которыхъ учтиво отвозятъ на почтовыхъ въ недолговременное изгнаніе. Мы не вѣримъ ни въ деспотизмъ Людовика XVI, ни въ жестокость его министровъ. Однако же это былъ переворотъ гибельный для монархіи; не только потому, что волнуя общественное мнѣніе и выставляя д'Еспремениля героемъ, онъ возбуждалъ всю Францію противъ министерскихъ проектовъ, но еще по болѣе сильной причинѣ, которой не видѣли и люди, считавшіе себя болѣе великими политиками, нежели Бріеннъ и Ламуаньонъ.

Не внѣшняя, не матеріальная сила даетъ жизнь правительству; иначе бы вся земная сила заключалась только въ солдатахъ. Жизнь правительствамъ даетъ уваженіе; но не одно уваженіе общества къ власти, но и уваженіе власти къ учрежденіямъ.

Что̀ составляетъ силу законовъ, силу судей? Съ одной стороны, то, что общественная власть принуждаетъ гражданъ повиноваться имъ, а съ другой — то, что общественная власть уважаетъ эту бренную бумагу и этихъ нѣсколькихъ людей, говорящихъ отъ имени правосудія и закона.

Но это уваженіе есть также основаніе власти. Если государь имѣетъ право на повиновеніе, то не потому, что онъ владѣетъ силою, но потому, что онъ также преклоняется передъ закономъ и правосудіемъ. Онъ имѣетъ право требовать, чтобы всѣ слѣдовали его примѣру и дѣлали то, что̀ онъ дѣлаетъ.

Но если онъ нарушаетъ законъ, если онъ попираетъ правосудіе, чего можетъ онъ требовать отъ народа? Онъ самъ разру-

шаетъ основаніе законности своей власти. Это чувствовали наши древніе короли, и потому, не смотря на всѣ недостатки, старая монархія была уважаема и любима.

Неограниченная по теоріи, она не была такою на дѣлѣ. Никогда наши короли не ссылались на силу, какъ на основаніе своей власти. Они призывали на помощь законы, обычаи—даже и тогда, когда употребляли ихъ воздо. Ссорясь съ парламентомъ, они все-таки договаривались съ нимъ, и съ своей стороны парламентъ не имѣлъ охоты къ чрезмѣрному сопротивленію. Обѣ стороны досаждали другъ другу, но не дрались. Умѣренность, взаимное уваженіе ограждали короля и парламентъ.

Напротивъ, въ 1788 г. каждый изъ нихъ доводитъ свое право до крайности. Парламентъ приводитъ королевскую власть къ необходимости или государственнаго переворота, или уступки; монархія, съ своей стороны, желала бы покончить со своими неугомонными критиканами. Но какъ скоро уничтоженъ былъ парламентъ, монархія не могла существовать.

Оставалось только слабое правительство съ притязаніями на деспотизмъ, и народъ, возбужденный всѣми этими спорами, явился на сцену съ непреоборимою силою. Въ ту минуту, когда королевская власть имѣла наибольшую нужду въ защитѣ, она срыла свое послѣднее укрѣпленіе. Великій урокъ, большею частію забываемый и доказывающій намъ геній Монтескье, который, кратко повторяя свое ученіе, назвалъ умѣренность добродѣтелью законодателей.

V.

Всеобщее волненіе въ 1788 году.

Дюваль д'Еспремениль и Гуасларъ де Монтаберъ были арестованы 6 мая; на слѣдующій день парламентъ былъ призванъ присутствовать въ засѣданіи, которое король назначилъ въ Версали на четвергъ, 8 числа, — день, когда онъ намѣренъ былъ за однимъ разомъ возвѣстить всей Франціи о реформахъ, принятыхъ Бріенномъ, которыя одно время назывались революціей 8-го мая.

Парламентъ тотчасъ же принялъ рѣшеніе, которое было объявлено на другой день первымъ президентомъ въ засѣданіи короля.

Судъ заранѣе протестовалъ противъ угрожающаго ему всецѣлаго измѣненія конституціи монархіи. Онъ объявилъ, что «французская нація никогда не пріиметъ деспотизма, который намѣреваются отдать въ руки короля, и что ни одинъ членъ парламента не пріиметъ участія ни въ какомъ другомъ собраніи, кромѣ самаго этого судилища, составленнаго изъ тѣхъ же лицъ и облеченныхъ тѣми же правами.

«Мы воздержимся, государь, (прибавилъ парламентъ) отъ подробнаго перечисленія всѣхъ отдѣльныхъ несчастій, которыя насъ огорчаютъ; мы удовольствуемся объясненіемъ вамъ съ почтительнѣйшею твердостью, что основные законы вашего государства непоколебимы; что ваша власть можетъ быть уважаема настолько, насколько она умѣряется правосудіемъ и сохраненіемъ древнихъ формъ; что заявленіе вашего парламента, чтобы налоги были обсуждаемы и принимаемы націей,

собранной въ правильно составленные и созванные генеральные штаты, не должно служить причиною противозаконныхъ нововведеній, угрожающихъ всему судейскому сословію».

Вотъ какимъ образомъ парламентъ старался связать свое дѣло съ дѣломъ генеральныхъ штатовъ и націи.

Рѣчь короля была строга; онъ возсталъ противъ уклоненій парижскаго парламента и противъ посягательствъ провинціальныхъ парламентовъ, слишкомъ точныхъ подражателей перваго суда въ государствѣ.

«Изъ этого слѣдуетъ, говорилъ король, что важные и всѣми желаемые законы вообще не исполняются, что довѣріе подрывается, что правосудіе останавливается или задерживается, и что наконецъ, народное спокойствіе можетъ быть нарушено.

«Мой народъ и мои предшественники налагаютъ на меня обязанность прекратить подобныя уклоненія. Я бы могъ ихъ подавить, но я желаю лучше предупредить ихъ послѣдствія.

«Я хочу не уничтожать мои парламенты, но хочу обратить ихъ къ своему долгу и назначенію.

«Я хочу превратить минуту кризиса въ эпоху, благодѣтельную для моихъ подданныхъ;

«Начать преобразованіе суда съ судовъ, которые должны служить ему основаніемъ;

«Доставить тяжущимся болѣе скорое и менѣе убыточное правосудіе;

«Даровать снова націи пользованіе своими законными правами, которыя должны всегда согласоваться съ моими.

«Я въ особенности хочу ввести во всѣхъ частяхъ монархіи то единство взглядовъ и ту связь, безъ которыхъ большое государство ослабляется самимъ числомъ и обширностію своихъ провинцій.

«Порядокъ, который я хочу ввести, не новъ; парламентъ былъ одинъ, когда Филиппъ Красивый назначилъ его мѣстопребываніемъ Парижъ. Для большаго государства нуженъ одинъ король, одинъ законъ и одно внесеніе въ роспись;

«Суды съ малою подсудностію, рѣшающіе наибольшее число процессовъ;

«Парламенты, которымъ будутъ предоставлены наиболѣе важныя дѣла;

«Одинъ судъ, блюститель общихъ законовъ всего государства и обязанный вписывать ихъ въ протоколъ;

«Наконецъ, генеральные штаты, собираемые не одинъ разъ, но каждый разъ, когда этого потребуютъ нужды государства.

«Такова Реставрація, которую, пріуготовила моя любовь къ подданнымъ и нынѣ освящается мною для ихъ счастья.

«Ихъ счастье будетъ непрестанно моею единственною цѣлью».

Подъ руководствомъ прошедшаго установить единство управленія и правосудія, такова была мысль короля и его министровъ. Эти разсужденія были въ духѣ того времени; казалось прошедшее было святилищемъ мудрости; но въ настоящемъ случаѣ, было очень ясно, что въ прошедшемъ отыскивалось только средство уничтожить парламентъ, и что въ сущности совершалась не реставрація, а просто государственный переворотъ.

Въ тоже время, надо замѣтить, что обѣщаніемъ созывать генеральные штаты каждый разъ, когда нужды государства будутъ требовать того, предполагалось привлечь общественное мнѣніе и обратить его противъ парламента, не много обязываясь на будущее время, потому что отъ одного только короля зависѣло созваніе генеральныхъ штатовъ.

Когда король окончилъ свою рѣчь, хранитель печати Ламуаньонъ произнесъ напыщенную похвалу королевскимъ засѣданіямъ и происходящимъ отъ нихъ благодѣяніямъ; затѣмъ онъ прочелъ шесть эдиктовъ, которые король велѣлъ безъ всякаго обсужденія внести въ списки своею собственною властію. Изъ этихъ шести эдиктовъ пять имѣли предметомъ уничтоженіе парламента.

Когда канцлеръ Мопу сломилъ судебное сословіе въ 1771 г., онъ сопровождалъ это насильственное дѣло многими частными улучшеніями. Ламуаньонъ и Бріеннъ послѣдовали этому примѣру, не понимая, что подобными средствами нельзя привлечь къ себѣ общественнаго мнѣнія. Исавъ могъ продать свое право первородства за блюдо чечевицы; но народъ не такъ довѣрчивъ; онъ менѣе смотритъ на подарокъ, чѣмъ на руку, предлагаю-

щую его, а этой то рукѣ онъ не довѣряетъ. Timeo Danaos et dona ferentes: вотъ девизъ Франціи въ 1788 году.

Посмотримъ, что̀ такое были эти эдикты, и что̀ заключали они дурнаго и хорошаго.

Первый эдиктъ, подъ названіемъ ордонансъ относительно отправленія правосудія, имѣлъ предметомъ уменьшить слишкомъ обширную подсудность и компетентность парламентовъ. Между парламентами и земскими судами (présidiaux), окончательная подсудность которыхъ простиралась до суммы въ четыре тысячи ливровъ, эдиктъ помѣстилъ 47 среднихъ судебныхъ мѣстъ, подъ названіемъ великихъ уѣздныхъ судовъ.

Великіе уѣздные суды должны были рѣшать въ послѣдней инстанціи гражданскія дѣла, которыхъ главная стоимость не превышала 20 тысячъ ливровъ,—сумма настолько значительная, что къ этому суду должна была отойдти бо̀льшая часть гражданскихъ процессовъ. Кромѣ того, эти окружные суды судили въ качествѣ первой инстанціи и съ аппеляціей всѣ уголовныя преступленія, исключая такихъ, гдѣ обвиняемый былъ дворянинъ или духовное лицо. Но подобное дѣло встрѣчалось развѣ въ десять лѣтъ одинъ разъ. Парламентъ же былъ только судомъ привилегированныхъ лицъ. Или, разсматривая дѣло съ другой стороны, какъ сдѣлали три сословія Дофине, выходило, что: «жизнь, честь, имущество третьяго сословія считались уже предметами недостойными высшихъ судовъ, которымъ предоставляли только процессы богатыхъ и преступленія привилегированиыхъ лицъ». Какъ ни выгодно было приблизить гражданское правосудіе къ подсудимымъ, но было очень ясно, что скорѣе имѣлось въ виду стѣснить судей, нежели благопріятствовать тяжущимся. Второй эдиктъ не оставлялъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Парламентъ впредь долженъ былъ состоять изъ большой палаты и изъ одной уголовной палаты, всего изъ 67 судей: это было сокращеніе почти на двѣ трети.

Правда, что эдиктъ, производившій это сокращеніе, объявлялъ въ тоже время, что судья будутъ получать плату за свою службу, и что сумма на это уже приготовлена. Но все-таки это было преступное нарушеніе закона несмѣняемости, какъ его понимали наши отцы.

«Уничтожить должность, говорилъ генеральный адвокатъ Сегье, значитъ отрѣшить штатнаго чиновника отъ должности посредствомъ отнятія у него его функцій». Это значило въ тоже время предоставить министерству возможность составлять парламентъ и измѣнять его по своему произволу.

Другой эдиктъ отмѣнялъ исключительныя суды: финансовыя бюро, казенную и удѣльную палаты, станціонное вѣдомство, соляные амбары, вѣдомство водъ и лѣсовъ, выборы.

«Чтобы упростить отправленіе правосудія, говорилъ хранитель печати, единство судовъ будетъ отселѣ соотвѣтствовать единству законовъ, и, конечно, достаточно объявить объ этомъ новомъ благодѣяніи короля, чтобы обнаружить его пользу.»

Это была благая мѣра. Предполагалось, что она разчитана на то, чтобы заставить чиновниковъ, оставшихся за штатомъ по отмѣнѣ извѣстныхъ должностей, вступить въ великіе уѣздные суды. Правительство не желало быть застигнутымъ врасплохъ, какъ это случилось съ Мопу. Такой искусстный разсчетъ, мнѣ кажется, едва-ли могъ имѣть мѣсто; въ нашей древней монархіи не видно, чтобы вакантное мѣсто имѣло недостатокъ въ кандидатахъ.

Четвертый эдиктъ вводилъ полезныя реформы въ уголовный процессъ.

Извѣстно, какъ много занимало умы въ концѣ XVIII столѣтія преобразованіе уголовныхъ законовъ. Монтескье открылъ путь, по которому слѣдовалъ Беккаріа; его маленькой трактатъ Dei delitti e delle pene составляетъ эпоху въ исторіи уголовнаго права. Вольтеръ, который всегда шелъ на проломъ, завлекъ на эту дорогу всѣ молодые умы. Серванъ, старшій Лакретель, Бриссо-Варвель, Валазе пріобрѣли извѣстность, возставая противъ жестокихъ уголовныхъ законовъ; президентъ Дюпати избавилъ трехъ человѣкъ отъ колесованія, Робеспьеръ писалъ противъ смертной казни, а Маратъ, другъ народа, приготовлялъ свой планъ уголовнаго законодательства. На этотъ счетъ всѣ были согласны, за исключеніемъ нѣсколькихъ отсталыхъ судей, какъ Мюйаръ де Вугланъ. Малербъ подробно разобралъ этотъ вопросъ, Ламуаньонъ раздѣлялъ мнѣніе Малерба, и всѣ напередъ были увѣрены, что будутъ имѣть на своей сторонѣ

Людовика XVI, когда дѣло идетъ о человѣколюбіи. Распоряженія эдикта были хороши и перешли въ новѣйшіе законы.

Судьямъ вмѣнялось въ обязанность опредѣлять и квалифицировать преступленіе, въ которомъ подсудимый былъ изобличенъ. «Король думалъ, говорилъ Ламуаньонъ, что всякое торжественное осужденіе, которое ставитъ наказаніе рядомъ съ преступленіемъ, должно указывать преступленіе рядомъ съ наказаніемъ». Эта реформа была слишкомъ необходима. Развѣ не былъ Лалли осужденъ на смерть за преступленія, обнаруженныя слѣдствіемъ, тоесть, за собраніе мнимыхъ преступленій, изъ которыхъ ни одно, взятое отдѣльно, не влекло за собою смертной казни?

Эдиктъ давалъ обвиняемому стряпчаго и запретилъ обычай вымогать у него признаніе (sur la sellette). Эта формальность, говорилъ министръ, сдѣлалась настоящимъ клеймомъ для подсудимыхъ, между тѣмъ какъ прокурорскій надзоръ есть сторона, а не судья. [1]) Онъ не долженъ имѣть права налагать на нихъ до осужденія позорное клеймо посредствомъ одного объявленія своего мнѣнія, которое не всегда подтверждается судомъ. Если подсудимый виновенъ, человѣколюбіе запрещаетъ его мучить; если онъ невиненъ, правосудіе не позволяетъ его позорить.

Благородныя слова, которыя имѣютъ бо́льшую важность, чѣмъ имъ придавалъ самъ хранитель печати! Старое судопроизводство, заимствованное династіей Валуа изъ римскаго деспотизма и служащее основаніемъ указа 1670 года, предполагаетъ существованіе преступленія и обращается съ подсудимымъ, какъ съ виновнымъ; англійскіе законы допускаютъ сомнѣніе и истолковываютъ его въ пользу подсудимаго; они признаютъ за нимъ всѣ права гражданина integri status. Точно такъ поступили уголовные законы революціи, что было забыто въ 1810 году и составило прискорбный въ наше время анахронизмъ.

---

[1]) Сторона (Partie), говоря языкомъ юридическимъ, есть синонимъ противника. Химена говоритъ Родригу:

Va, je suis ta partie et non pas ton bourreau (Le Cid).

Этого мало. Эдиктъ уничтожилъ предварительный допросъ, пытку передъ смертью, которой подвергали подсудимаго, чтобы заставить его выдать сообщниковъ. Уже въ 1780 году Людовикъ XVI уничтожилъ приготовительный допросъ, который производился надъ невиннымъ.

Кромѣ того эдиктъ приказывалъ, чтобы при каждомъ неуголовномъ приговорѣ большинство голосовъ превышало меньшинство, покрайней мѣрѣ, на два голоса, и непремѣнно на три голоса, когда назначается смертная казнь. Онъ повелѣвалъ еще, чтобы протекалъ мѣсяцъ до исполненія смертныхъ приговоровъ, кромѣ дѣлъ о возмущеніи или возстаніи. Въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ подача кассаціонной жалобы не останавливала исполненія приговора; не одинъ разъ случалось, что приговоръ отмѣнялся тогда, когда подсудимый былъ уже казненъ.

Противъ этого человѣколюбиваго распоряженія генеральный адвокатъ Сегье сдѣлалъ странное возраженіе. Онъ ссылается на «отчаяніе несчастныхъ осужденныхъ, которые будутъ находиться цѣлый мѣсяцъ между жизнью и смертью». Совершенно неумѣстное состраданіе. Наконецъ, эдиктъ объявляетъ, что уголовный уставъ будетъ пересмотрѣнъ въ видахъ человѣколюбія и правосудія, и что осужденнымъ, признаннымъ невинными, будетъ назначено удовлетвореніе; прекрасная, но очень трудная реформа, которая еще не введена въ наши законы.

Вы видите, что сдѣлалъ Людовикъ XVI и какое участіе онъ принялъ въ этомъ обновленіи уголовнаго права. Однакоже тутъ нѣтъ ни публичности допросовъ, ни публичности засѣданій, ни словесной защиты, ни присяжныхъ: учредительное собраніе пошло гораздо далѣе королевской власти. Но Людовикъ XVI сдѣлалъ первый шагъ и шагъ значительный. Честь государю, который уничтожилъ варварство и жестокости монархичесаго законодательства.

Эдиктъ былъ принятъ безмолвно, не потому чтобы парламентъ былъ нечувствителенъ къ этой реформѣ, но онъ въ ней усматривалъ только средство прикрыть проекты, въ которыхъ не ловко было признаться. Реформу не должно продавать странѣ;

если она справедлива, ее нужно вводить, безъ задней мысли и безъ разчета.

Въ сущности, всѣ эти либеральныя мѣры были ничто иное, какъ великолѣпная драпировка для проведенія эдикта, который поражалъ политическую власть парламента и превращалъ его въ простое судилище. Чтобы установить единство законодательства, чтобы воспрепятствовать парламентамъ противиться полезнѣйшимъ законамъ, каковы свобода торговли хлѣбомъ, отмѣна барщины и провинціальныя собранія; чтобы ввести судъ надъ самими судьями, когда они не будутъ повиноваться ордонансамъ, и наконецъ, чтобы вносить въ протоколъ налоги, которые парламенты считали себя не въ правѣ провѣрять, эдиктъ учреждалъ полное собраніе (cour plénière), имѣющее силу для всего государства. Этотъ судъ долженъ былъ состоять изъ канцлера, или хранителя печати, изъ великой палаты парижскаго парламента, въ которой засѣдали принцы крови и перы государства, изъ главнѣйшихъ сановниковъ двора и государства въ числѣ 16-ти [1]), изъ четырехъ епископовъ или архіепископовъ, изъ десяти государственныхъ совѣтниковъ или рекетмейстеровъ, изъ одного члена каждаго провинціальнаго парламента, двухъ членовъ палаты сборовъ и двухъ членовъ парижской счетной палаты. Этому безсмѣнному суду, составляемому королемъ, поручено было внесеніе въ списки общихъ законовъ и налоговъ. Мѣстные ордонансы должны были вноситься въ списки въ парламентѣ и въ одномъ изъ окружныхъ провинціальныхъ судовъ. Что же касается до налоговъ, то право внесенія ихъ въ списки было временное; король все еще утверждалъ, что созоветъ генеральные штаты, но не опредѣлялъ времени этого созванія и сохранялъ за собою право заключать всякій заемъ, который не будетъ требовать учрежденія новыхъ налоговъ. За полнымъ собраніемъ признавалось право дѣлать представленія, но это право было номинально и безплодно, по-

[1]) Милостыннаго священника, великаго распорядителя королевскаго дома, великаго камергера, великаго шталмейстера, двухъ маршаловъ, двухъ генералъ-лейтенантовъ, четырехъ исполнителей приказаній короля, четырехъ именитыхъ лицъ, не считая капитана гвардіи, если онъ сопровождалъ короля.

тому что палата поставлена была въ невозможность отказа во внесеніи въ списки.

Не нужно было особенной прозорливости, чтобы понять, что судъ, назначаемый пожизненно и могущій опереться въ извѣстную минуту на общественное мнѣніе, въ непродолжительномъ времени сдѣлается законодательною властью. Этого именно министры не хотѣли, а потому было прибавлено, что когда полное собраніе найдетъ нужнымъ сдѣлать представленія, четыре ея члена будутъ позваны въ совѣтъ для обсужденія представленій, дабы рѣшеніе короля по ихъ поводу было постановлено съ совершеннымъ знаніемъ дѣла.

Другая статья, опредѣлявшая рангъ каждаго члена суда, отличала засѣданія обыкновенныя отъ тѣхъ, гдѣ судилъ самъ король; то-есть напередъ было установлено средство обойдти всякую оппозицію. Одна рука давала, другая отнимала; правительство хитрило съ общественнымъ мнѣніемъ: грустная политика, которая никогда не имѣла успѣха; именно въ этихъ случаяхъ можно справедливо сказать, что есть нѣкто, имѣющій болѣе ума чѣмъ Вольтеръ, и что этотъ нѣкто весь міръ. Не долго можно обманывать народъ на счетъ его интересовъ и правъ.

Въ то время, какъ эдиктъ наносилъ ударъ парламенту, пользовавшемуся тогда наибольшею популярностію, онъ волновалъ общественное мнѣніе по поводу собранія генеральныхъ штатовъ, которыхъ нація ждала съ нетерпѣніемъ. Эдиктъ гласилъ, что соизволеніе генеральныхъ штатовъ необходимо для *окончательнаго* установленія налоговъ; но ничто не указывало ни на то, что эти штаты будутъ собраны въ опредѣленное время, ни на то, что они будутъ возобновляться періодически. Кромѣ того извѣстно было, что въ продолженіе двухъ вѣковъ существовали налоги, которые, хотя и не были *окончательными*, но все-таки взимались непрестанно.

Редакція эдикта увеличила еще эти опасенія. Тамъ было сказано, что «внесеніе въ протоколъ налоговъ въ полномъ собраніи будетъ имѣть только временное дѣйствіе, до собранія генеральныхъ штатовъ, которые мы созовемъ, дабы по ихъ обсужденіи установить налоги окончательно». Это было старое ученіе о монархическомъ всемогуществѣ; можетъ-быть,

преданіе оправдывало это ученіе, но въ 1788 г. Франція хотѣла другаго: она не могла понять, чтобы налоги, отмѣненные депутатами націи, могли быть окончательно утверждены королемъ.

Это незнаніе современныхъ нуждъ и правъ страны заставило министровъ принять смѣшное рѣшеніе. Чтобы отвлечь вниманіе отъ нововведенія, которое измѣняло формы судопроизводства и нарушало договоры и капитуляціи провинцій, они изловчились возвѣстить не учрежденіе, но возстановленіе полнаго собранія; они вложили въ уста короля утвержденіе, будто въ первоначальной конституціи монархіи существовало два рода собраній: съ одной стороны, генеральные штаты, съ другой — полное собраніе, изъ котораго вышелъ парламентъ, бывшій только однимъ изъ его отдѣленій. Фактъ этотъ оправдывается исторіею: безспорно, что парламентъ былъ отдѣленіемъ совѣта или королевскаго суда; но уже прошло, по крайней мѣрѣ, четыре съ половиною столѣтія какъ онъ отдѣлился, а съ тѣхъ поръ сколько было революцій во французскомъ правленіи. Представьте себѣ, что возобновятъ теперь какое-нибудь приказаніе Карла VI или Карла VII и назовутъ это возстановленіемъ стараго монархическаго государственнаго строя? Что же выйдетъ изъ этого, кромѣ самой худшей революціи,—революціи, обращенной назадъ? Когда вводится что-нибудь новое, можно натолкнуться на учрежденіе, которое будетъ существовать; но что же, спрашивается, можно заимствовать изъ прошедшаго, кромѣ мертваго учрежденія?

Этотъ вызовъ изъ гроба давно усопшаго прошлаго сбивалъ всѣхъ съ толку. Приблизительно было извѣстно, чѣмъ были генеральные штаты, хотя ихъ не собирали уже въ продолженіе 174 лѣтъ; но никто, и я говорю о самыхъ ученыхъ, не зналъ вѣрно, что такое было полное собраніе, этотъ существенный элементъ монархіи, который безслѣдно исчезъ болѣе чѣмъ за четыре столѣтія, съ лексикономъ въ рукахъ отыскивалось, что такое полное собраніе; вотъ опредѣленіе, которое нашлось въ лексиконѣ Треву: «Полное собраніе. Такъ называются великолѣпныя собранія, которыя устроивались нашими королями на Рождествѣ или на Пасхѣ, по случаю брака либо другой какой-нибудь особенной радости, то во дворцѣ, то въ какомъ-ни-

будь большомъ городѣ, а иногда даже на полѣ, но всегда въ мѣстности, удобной для помѣщенія именитыхъ лицъ.»

Опредѣленіе было точно, но не могло внушить настолько уваженія, чтобы рекомендовать публикѣ это странное возобновленіе политической корпораціи, никогда не существовавшей.

Судъ окончился чтеніемъ объявленія, которымъ упразднялись парламенты, то-есть, которымъ они отмѣнены до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлена подсудность низшихъ судовъ; оно запрещало судьямъ собираться и разсуждать о какомъ бы то ни было дѣлѣ общественномъ или частномъ, подъ угрозою недѣйствительности разсужденій и неповиновенія королю.

Мирабо, два года спустя, предстояло воспользоваться этимъ примѣромъ, не для востановленія парламента въ прежнемъ видѣ, но для его отрицанія.

По выходѣ изъ собранія, судьи раздѣлились; тѣмъ, которые должны были участвовать въ полномъ собраніи, приказано было оставаться въ Версалѣ; другіе уѣхали въ Парижъ, въ палату юстиціи, гдѣ нашли уже военный караулъ; обѣ стороны протестовали.

Въ Версалѣ, въ этотъ самый день члены великой палаты, собравшись не въ зданіи Игры въ мячъ, а въ трактирѣ, написали королю письмо, гдѣ говорили, что, «опечаленные разрушительными нововведеніями въ монархическую конституцію, они нашлись въ безусловной невозможности принять какую-либо изъ тѣхъ должностей, которыя имъ назначили прочитанные въ судѣ эдикты».

На слѣдующій день они составили новый протестъ въ томъ же смыслѣ, подписанный всѣми членами великой палаты и господами почетными совѣтниками д'Агессо и де-ла Мишодьеромъ. Д'Агессо былъ зять Ламуаньона.

Министры рѣшились не обращать вниманія; они заставили короля лично присутствовать на засѣданіи, открывавшемъ полное собраніе, и при этомъ вложили ему въ уста небольшую рѣчь слѣдующаго содержанія: «Вы вчера выслушали мою волю, а сегодня я васъ собралъ съ тѣмъ, чтобы объявить вамъ, что я всегда буду твердъ въ исполненіи плана, имѣющаго цѣлію общій порядокъ моего государства и счастіе моихъ подданныхъ».

Парламентъ нисколько не вѣрилъ этой твердой волѣ, которая будто бы не должна была никогда измѣниться. Послѣ засѣданія, господа великой палаты подписали опять новый протестъ, гдѣ единодушно объявляли, что они не примутъ никакой новой должности и что до послѣдняго издыханія будутъ держаться своихъ рѣшеній, принятыхъ недавно, и принциповъ, въ оныхъ заключенныхъ. Отставленные и не отставленные, всѣ судьи слѣдственные и челобитные, въ тотъ же самый день и въ томъ же смыслѣ написали хранителю печатей.

Правосудіе прервалось и этотъ перерывъ продолжался пять мѣсяцевъ.

Мы увидимъ, какое волненіе произвели эти эдикты въ провинціи; что же касается до Парижа, то тамошняя сумятица была велика. Со всѣхъ сторонъ писались брошюры и свободно и умно обсуждались притязанія неограниченной королевской власти. Это былъ настоящій потокъ памфлетовъ, который предвѣщалъ приближеніе бури.

И какъ въ Парижѣ всегда смѣются, то явилась самая наглая комедія, гдѣ равно нѣтъ пощады и королевѣ, и министрамъ. Заглавіе этой пьесы, которое было сохранено любителями, гласитъ: Полное собраніе, героическая трагикомедія, игранная обществомъ любителей въ одномъ изъ замковъ окрестностей Версаля, въ Бевилѣ, и находится въ Парижѣ, у вдовствующей Свободы, подъ вывѣскою революціи, съ слѣдующею надписью:

Тощая скотина
До тѣхъ поръ дулась, что лопнула.

Изъ всей этой министерской политики, я выведу одно заключеніе.

Когда говорятъ о правосудіи или о истинѣ, всегда найдутся люди, свою практичность выражающіе словами, что все это прекрасно въ теоріи, но совершенно непримѣнимо на практикѣ; что это громкія фразы мечтателей, которыя хороши въ проповѣдяхъ или въ оппозиціонныхъ рѣчахъ, но что людей вести такимъ образомъ нельзя; что народъ есть стадо, которымъ можно руководить только ловкостію. Я выражаюсь самымъ честнымъ образомъ.

Что же такое истина и правосудіе? Не есть ли истина то, что воспринимается человѣческимъ разсудкомъ всего легче? Развѣ правосудіе не есть уваженіе къ правамъ всякаго, охраненіе всѣхъ законныхъ интересовъ? Не вѣрно ли, что защищая ихъ, имѣешь на своей сторонѣ большую часть или почти всю націю? Наоборотъ, не вѣрно ли и то, что обманомъ и хитростію можно служить интересамъ одной партіи, но не привязать къ себѣ страну, и что, напротивъ, рискуешь раздражить и возмутить общественное мнѣніе? Это не теорія, а опытъ, это самое практичное и положительное правило. Я уже не говорю о томъ, что сами по себѣ правосудіе и истина суть нѣчто высокое, великое и святое; это умѣстно было бы для объясненія преданности и самопожертвованія человѣка, но я ограничиваюсь только этими великими истинами, этимъ точнымъ доводомъ, дѣйствующимъ на самый обыкновенный умъ. Не правда ли, что истина и правосудіе составляютъ, вмѣщаютъ въ себѣ интересъ большей части людей, и что, слѣдовательно, всякое правительство, желающее существовать, должно согласовать свое дѣло съ дѣломъ правосудія и истины? Слѣпой только не видитъ этого! Какъ же послѣ этого могутъ существовать Бріенны и Ламуаньоны? Да такъ, что подобные люди, опираясь на царедворцевъ, только и думаютъ о настоящемъ времени, и въ сущности желаютъ лишь угождать королю и тѣмъ, кто руководитъ имъ. Вотъ почему исторія ихъ презираетъ, и справедливо. Но недостаточно ихъ презирать, надобно доказать безсиліе и опасность этихъ мелкихъ средствъ.

Полное собраніе (cour plénière) ни кого не обмануло; но кому помогло оно? Ни обманутому Людовику XVI, ни двору, ни министрамъ. Правительство раздражило націю и погибло. Это вѣчный урокъ событій. Посмотрите на нихъ вблизи, день за днемъ, кажется, будто одна ловкость царица міра; посмотрите на нихъ на разстояніи, подумайте о завтрашнемъ днѣ, и вы увидите, что настоящая политика не имѣетъ ничего общаго съ хитростью и что величайшая ловкость государственныхъ людей состоитъ въ простотѣ средствъ, правотѣ намѣреній, искренности дѣйствій, однимъ словомъ: въ честности.

Министры не очень устрашились сопротивленія парижскаго

парламента; они на это разчитывали, но они надѣялись, что, заставивъ внести въ списки въ тотъ же день и во всѣхъ провинціяхъ эдиктъ 8 мая, они уничтожатъ всякое сопротивленіе; они надѣялись также, что учрежденіе уѣздныхъ судовъ дастъ имъ въ распоряженіе города, которые будутъ пользоваться этими судами, а такимъ образомъ легко будетъ совладать съ этимъ временнымъ недовольствіемъ.

Они ошиблись во всемъ: сопротивленіе было повсемѣстное. Не одни только парламенты протестовали, какъ во время Людовика XV, но вся страна присоединилась къ этой оппозиціи. Новый духъ поселился въ умахъ, именно духъ революціи. Провинціальное дворянство, дурно расположенное къ министрамъ, приняло сторону парламента; духовенство забыло старыя ссоры, буржуазія устрашилась этого полнаго собранія, которое будетъ располагать имуществомъ и свободой народа и которое составлялось только изъ придворныхъ. Юношество и адвокаты, два рода людей, всегда готовыхъ принять новыя идеи, съ жаромъ ратовали за судей, на сцену явился народъ. Армія была въ нерѣшительности и смущеніи; офицеры были изъ дворянства, солдаты изъ народа. Вездѣ замѣтно было то глухое неудовольствіе, то волненіе, которое предшествуетъ великимъ событіямъ. Но въ нашей старой монархіи, такъ долго не видавшей бури, ничего не понимали въ этихъ мрачныхъ предвѣщаніяхъ; правительство играло съ огнемъ и не думало о пожарѣ.

Въ тоже время остановилось правосудіе; парижскій Шателе протестовалъ указомъ 18 мая 1788 года; его примѣру послѣдовало большое число низшихъ судовъ. Адвокаты не являлись, тяжущіяся стороны запрещали своимъ повѣреннымъ ходатайствовать за себя, однимъ словомъ, правосудіе находилось подъ запрещеніемъ.

Вскорѣ стало извѣстно, что волненіе обнаружилось и въ парламентскихъ городахъ; въ Лангедокѣ, въ Провансѣ, Руссильонѣ и Беарнѣ носили какъ святыню колыбель Генриха IV, требуя неприкосновенности провинціальныхъ привилегій. Но самыя важныя событія произошли въ Бретани и въ Дофине.

Въ Реннѣ, гдѣ непрестанно помнили, что соединеніе Бретаніи съ Франціей совершилось свободно, гдѣ каждые два года

актъ соединенія возобновлялся между комиссаромъ короля и штатами, генералъ-прокуроръ синдикъ штатовъ, Ботерель, сопровождаемый бретонскими дворянами, опередилъ въ парламентѣ королевскихъ комиссаровъ, и представилъ отъ имени провинціи протестъ противъ всякаго акта, который не будетъ свободно внесенъ въ парламентскіе списки.

Комиссарами короля были: графъ Тіаръ, губернаторъ провинціи и интендантъ Бертранъ Моллевиль. Губернаторъ запретилъ войскамъ употреблять въ дѣло оружіе и дозволилъ народу оскорблять себя по выходѣ изъ парламента. Но такая мѣра не могла уменьшить волненіе; парламентъ, подстрекаемый пылкими головами, не удовольствовался протестаціею; до ареста королевскихъ комиссаровъ ему оставался одинъ шагъ. Въ тоже время онъ отдалъ приказаніе, чтобы его протестъ былъ распространенъ по всей Бретани.

Королевскіе комиссары имѣли при себѣ бланковыя секретныя письма; они воспользовались ими и въ ту же ночь судьи были изгнаны. Третейская комиссія штатовъ, которая, по закону, была представительницею провинцій, составила къ королю адресъ въ смыслѣ охраненія и востребованія привилегій Бретани; въ тоже время она приказала епископамъ служить молебны, употребительные во времена общественныхъ бѣдствій: вѣрное средство взволновать умы. Дворяне, сколько ихъ было въ Реннѣ, написали декларацію слѣдующаго содержанія: «Мы, члены бретанскаго дворянства, объявляемъ безчестными тѣхъ, которые согласятся принять какое-нибудь мѣсто въ новомъ судоустройствѣ либо въ администраціи штатовъ, которая не будетъ возвѣщена законами и учрежденіями провинціи».

130 дворянъ отнесли эту декларацію къ графу Тіару. Не смотря на его запрещеніе, они соединились въ гораздо болѣе значительномъ количествѣ написали жалобу на министровъ и отправили въ Парижъ 12 депутатовъ съ порученіемъ передать этотъ протестъ королю. Бріеннъ и Ламуаньонъ велѣли посадить этихъ смѣльчаковъ въ Бастилію; ихъ не обезпокоило, что потревожили короля!

Какъ только вѣсть объ этомъ достигла до Бретани, тотчасъ

же отправлена была болѣе значительная депутація для истребованія освобожденія заключенныхъ.

Король принялъ эту депутацію въ Версали, 10-го іюня 1788 года; онъ говорилъ съ нею строго, жалуясь на генералъ-прокурора синдика, третейскую комиссію штатовъ, парламентъ и бретанскихъ дворянъ.

«Можно прибѣгнуть, говорилъ онъ, къ моей добротѣ и правосудію представленіями умѣренными и основанными на доказательствахъ. Всякое другое средство отвергается закономъ и противно вѣрности, которою мнѣ обязаны. Я могу, пожалуй, оставить свое неудовольствіе безъ послѣдствій, но скажите вашимъ согражданамъ, что снисходительность королей можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не приноситъ вреда народному порядку.»

Сопротивленіе Бретани было сопротивленіемъ провинціи, защищающей свои древнія привилегіи; это было провинціальное и феодальное движеніе. Совсѣмъ иначе было въ Дофине. Движеніе тамъ было національно и вызвало вспышку революціи.

Парламентъ Гренобля, созванный герцогомъ Клермономъ Тоннеръ, губернаторомъ провинціи, 10-го мая, собрался 9-го мая для заявленія, подобнаго тому, которое сдѣлалъ парижскій парламентъ 3-го мая. «Нужно постановить за конституціонныя правила, говорилось тамъ, что налоги должны взиматься только съ октруа и съ согласія народа, представителями котораго были бы депутаты, свободно выбранные и законно созванные; что ни одинъ гражданинъ не можетъ и не долженъ быть судимъ иначе, какъ надлежащими судьями и по формамъ, предписаннымъ ордонансами; что онъ не можетъ быть и временно лишенъ свободы безъ условія въ кратчайшій срокъ представить его во власть его судей; и что ни одинъ законъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе прежде повѣрки, внесенія въ протоколъ и опубликованія по заведенному порядку». Судъ заранѣе протестовалъ противъ всего, что будетъ противно этимъ правиламъ; онъ объявлялъ ничтожнымъ и незаконнымъ всякое внесеніе въ роспись, сдѣланное противъ принятыхъ формъ; онъ запрещалъ всякому исполнять законы, такимъ образомъ вписанные, подъ страхомъ быть преслѣдуемымъ нарочито, т. е. уголов-

нымъ порядкомъ; наконецъ, судъ не поколебался объявить публично, что всякій парламентскій чиновникъ, который, измѣняя своей клятвѣ, вступитъ въ какую-либо новую судебную организацію, будетъ считаться измѣнникомъ отечества.

На слѣдующій день герцогъ Клермонъ-де-Тоннеръ, сопровождаемый интендантомъ провинціи Казъ-де-ла-Бовъ, явился въ парламентъ съ большею военною силой; онъ велѣлъ секретарю прочесть эдиктъ и самъ прочелъ судьямъ секретное письмо, которымъ приказано имъ было вносить въ протоколъ безъ разсужденій. При этомъ чтеніи всѣ судьи, повинуясь приказаніямъ, которые запрещали имъ исполнять секретныя письма (ордонансъ въ Мулэнѣ, статья 81), оставили свои мѣста и удалились въ одну изъ палатъ, чтобы возобновить свой протестъ.

Черезъ нѣсколько дней появилось маленькое сочиненіе, безъ имени автора и типографщика, подъ заглавіемъ: Духъ эдиктовъ, военною силой внесенныхъ въ списки въ Греноблѣ 10-го мая 1788 года.

На этихъ страницахъ, написанныхъ съ полною юношескою пылкостью, ядовито критиковались всѣ эдикты, предложенные суду. Тутъ не различалось худа отъ добра; это всегдашнее обыкновеніе оппозиціи; но достоинство этого сочиненія заключалось въ воззваніи къ духовенству, дворянству и народу, которымъ всѣ классы приглашались соединиться между собою и требовать свободы, какъ общаго права французовъ. Это воззваніе отзывается сантиментальностью, которая тогда была въ модѣ; но въ немъ слышется голосъ чести и сквозитъ благородство души, и потому эта брошюра имѣла громадный успѣхъ. Отыскался авторъ: то былъ адвокатъ 27 лѣтъ, по имени Барнавъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого начался бунтъ. Положеніе, принятое парламентомъ Гренобля, оскорбило министерство; секретныя письма, разосланныя на имя каждаго изъ судей, изгоняли ихъ въ ихъ имѣнія. Толпа воспротивилась ихъ выѣзду; она бросала въ солдатъ черепицами, арестовала коменданта и возвратила парламентъ силою; возстаніе торжествовало. Въ этотъ бунтъ, 8 іюня 1788 года, получившій названіе дня черепицъ, была пролита первая кровь во имя свободы.

Между тѣмъ брошюра Барнава приносила свои плоды: со всѣхъ сторонъ проявилось стремленіе соединенными силами сопротивляться министрамъ и упрочить народное спокойствіе. Главный совѣтъ и три сословія Гренобля соединились, 14 іюня, и рѣшеніемъ, которое, можетъ-быть, не принялъ бы парламентъ, собраніе приглашало, своею собственною властію, три сословія провинціи собраться, 24 іюля, въ старомъ замкѣ Визиля, прежней резиденціи дофина, для дальнѣйшихъ совѣщаній о правахъ и интересахъ провинціи и для совокупнаго ходатайства передъ его величествомъ.

Бріеннъ замѣстилъ герцога Клермонъ-Тоннера маршаломъ де-Во, который былъ извѣстенъ своею строгостью. Но не смотря на то, что въ его распоряженіи находилось 20 тысячь войска, новый губернаторъ чувствовалъ, что не въ состояніи будетъ помѣшать этому собранію. Все, что онъ могъ сдѣлать, это принять совершенно безполезныя мѣры предосторожности; наступилъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ согласія и энтузіазма, которые возвѣщаютъ пробужденіе свободы. Славные дни, еслибы слѣдующіе за ними не бывали такъ ужасны!

Шестьсотъ депутатовъ отъ трехъ сословій составили собраніе, на которомъ присутствовалъ и Барнавъ. Оно открылось постановленіемъ, что президентъ будетъ взятъ изъ двухъ высшихъ сословій, а секретарь изъ третьяго сословія. Графъ де-Моржъ назначенъ былъ президентомъ. Въ секретари выбранъ былъ королевскій судья Гренобля, другъ и соревнователь Барнава, молодой Мунье.

Собраніе, отъ имени трехъ сословій, по совокупномъ совѣщаніи, составило также свое объявленіе правъ. Оно постановило что самая драгоцѣнная привилегія жителей Дофине заключается въ правѣ собираться для совѣщанія о публичныхъ дѣлахъ, правѣ, отвергаемомъ новыми эдиктами;

Что право опредѣлять мѣру налоговъ принадлежитъ генеральнымъ штатамъ.

Что̀ никто не можетъ быть лишенъ свободы, кромѣ случая, когда онъ обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ законами, и не можетъ быть судимъ иначе какъ только по формѣ, предписанной ими;

Что секретныя письма и произвольные приказы были актами насилія, посягательства на народную безопасность, которыхъ нельзя уважать, не презирая законы.

Что три сословія обязаны защищать тѣхъ, которыхъ усердіе къ отечеству подвергло гоненіямъ министровъ.

Провозгласивши эти принципы, собраніе протестовало противъ новыхъ эдиктовъ, которые не могли ихъ обязывать къ повиновенію, потому что они ниспровергали конституцію королевства и что ихъ внесеніе въ протоколъ было незаконное.

Сверхъ того оно постановило отправитъ почтительнѣйшія представленія королю, гдѣ будетъ просить отмѣнить эти эдикты, возстановить парламентъ, и созвать генеральные штаты и штаты провинціи;

Допустить, чтобы въ штатахъ провинціи число депутатовъ средняго сословія было равно числу двухъ первыхъ соединенныхъ сословій; чтобы три сословія Дофине никогда не отдѣляли своего дѣла отъ дѣлъ другихъ провинцій; что, поддерживая свои частныя права, они никогда не оставятъ поддерживать и правъ народа.

Наконецъ, собраніе отложило засѣданіе до 1-го сентября, для дальнѣйшихъ совѣщаній.

Таково было знаменитое собраніе въ Визилѣ, совѣщанія котораго возбудили самый живой энтузіазмъ во всей Франціи. Оно поняло пароль тогдашняго положенія и имѣло мужество произнести его. Франція узнавала себя, она хотѣла свободою достигнуть единства. Среди этого всеобщаго волненія, король, утомленный государственными дѣлами, казалось, ничего не зналъ. Онъ проводилъ все время на охотѣ. Отъ времени до времени ему доносили на половину о положеніи дѣлъ. Его пугали опасностью уступки и пользуясь его слабостью, доводили его до самыхъ отважныхъ рѣшеній. Указами совѣта кассированы и отмѣнены протесты парламентовъ, но такой образъ дѣйствій жалокъ, когда противъ него общественное мнѣніе. Бріеннъ, всегда важный и скудоумный, говорилъ: я все предвидѣлъ, даже междоусобную войну, слова дурака, который хочетъ выказаться государственнымъ человѣкомъ. Губернаторамъ и комендантамъ провинцій, которые спрашивали у него инструкцій, онъ

отвѣчалъ: королю будутъ повиноваться, король долженъ заставить повиноваться; а между тѣмъ волненіе росло.

Баронъ де-Бретейль, который начальствовалъ надъ полиціей, понялъ и опасность своего положенія, и неспособность министра, и подалъ въ отставку.

Среди этихъ волненій, финансы находились въ жалкомъ положеніи. Бріенну показалось, что онъ нашелъ путь къ спасенію: онъ созвалъ чрезвычайное засѣданіе изъ духовенства и просилъ у него такъ-называемой помощи. Епископъ Санскій помнилъ собраніе нотаблей и вліяніе, которое оно произвело на духовенство; онъ зналъ, на сколько духовенство, ревнивое къ своимъ привилегіямъ, боялось генеральныхъ штатовъ; онъ предполагалъ, что въ немъ найдетъ поддержку. Притомъ же жертва, которую онъ требовалъ, не была велика и ее можно было оказать на счетъ монаховъ, у которыхъ много было противниковъ, но мало защитниковъ.

Когда духовенство собралось, архіепископъ увидѣлъ, на сколько обманулся. Оно поступило съ нимъ такъ, какъ онъ поступилъ съ Калономъ. Общественное мнѣніе увлекало прелатовъ, и такъ какъ въ настоящее время это мнѣніе поддерживало ихъ въ охраненіи своихъ привилегій, то они охотно увлеклись влеченіемъ къ популярности.

Бріеннъ долго настаивалъ, чтобы духовенство объявило себя въ пользу эдиктовъ; но оно оставалось глухо. Онъ долженъ былъ уменьшить свои финансовыя требованія; онъ ограничился требованіемъ 1.800,000 ливровъ на текущій годъ и столько же на 1789 годъ; излагая свою просьбу, онъ прибавилъ, что король обѣщаетъ оставить неприкосновенными формы управленія, которыхъ духовенство болѣе придерживалось чѣмъ денегъ, потому что эти формы освящали политическую независимость церкви.

Все было напрасно. Представленія, которыя духовенство доставило 15 іюня 1788 года, не имѣли ничего общаго съ парламентскимъ озлобленіемъ: но они были не менѣе горестны для министра.

«Государь, когда первое сословіе въ государствѣ одно можетъ возвысить свой голосъ, когда народный вопль проситъ его

повергнуть всеобщія мольбы къ подножію вашего трона, когда общая польза и усердіе этого сословія къ вашей службѣ повелѣваютъ ему это; то нѣтъ словъ говорить, а стыдно молчать. Наше молчаніе было бы преступленіемъ, котораго намъ ни нація, ни потомство не простили бы». Послѣ этого велерѣчиваго вступленія, собраніе объявляло, что «французскій народъ не подлежитъ податямъ по произволу, что собственность есть право ненарушимое и святое, и что, какъ доказываютъ лѣтописи міра, безпорядки въ финансовомъ управленіи и народная бѣдность охлаждаютъ сердца и колеблютъ троны».

Кромѣ того, собраніе возставало съ силой противъ полнаго собранія, которое лишило духовенство своихъ правъ также, какъ и всю націю. Въ заключеніе оно обращалось къ доброму сердцу короля.

«Духовенство Франціи простираетъ къ вамъ, государь, умоляющія руки, а какъ достохвально, когда сила и могущество уступаютъ просьбамъ!.. Слава вашего величества состоитъ не въ томъ, чтобы быть королемъ Франціи, а въ томъ, чтобы быть королемъ французовъ, и сердце вашихъ подданныхъ есть наилучшее изъ вашихъ владѣній».

Въ тоже время духовенство, очень внимательное къ своимъ привилегіямъ, составило другія представленія, чтобы противодѣйствовать мнимому праву подчинять налогамъ церковныя владѣнія.

Въ этомъ случаѣ, по справедливости говоря, духовенство добивалась не столько льготнаго положенія, сколько полнѣйшей независимости своихъ владѣній. Вопросъ этотъ для него былъ болѣе политическій, чѣмъ финансовый.

Народъ мало обратилъ вниманіе на эти представленія, онъ видѣлъ только одно, именно, что духовенство приняло сторону общей оппозиціи и отказало министру въ 1.800,000 ливровъ, въ которыхъ королевская казна имѣла нужду. Всѣ партіи соединились, чтобы взять приступомъ власть; послѣ побѣды имъ предстояло раздѣлиться.

Доведенный до крайности недостаткомъ денегъ, Бріеннъ, по примѣру Калона, хотѣлъ сдѣлать рѣшительный шагъ и завоевать общественное мнѣніе.

Указъ 8-го марта 1788 года гласилъ, что генеральные штаты соберутся 1-го мая 1788 года, и что возстановленіе полнаго собранія будетъ отложено до этого времени. Ровно три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ XVI первый и единственный разъ засѣдалъ въ полномъ собраніи съ цѣлью объявить, что онъ будетъ всегда настаивать на исполненіи плана, который имѣлъ цѣлью общественный порядокъ государства и счастье его подданныхъ. Трудно было выказать болѣе неловко и болѣе ослабить королевскую власть. Правительство въ ожиданіи 1-го мая питалось изъ наличныхъ средствъ.

Бріеннъ захватилъ не только малость, которая находилась въ государственной казнѣ, но онъ запустилъ лапу въ частныя кассы и въ священные вклады: въ кассу инвалидовъ и въ сборъ, доставленный благотворительною лоттереею.

Указъ совѣта, 16-го августа 1788 года объявилъ, что до 31-го декабря 1789 года платежи государства будутъ производится частію деньгами, частію процентными билетами. Это была бумажная монета, т. е. начало банкротства.

Толпа бросилась въ учетную кассу, которая замѣняла теперешній французскій банкъ. Указъ совѣта 18-го августа прекратилъ уплату звонкою монетой и собщилъ вынужденный курсъ билетамъ. Послѣдовала всеобщая паника; люди практичные, т. е. тѣ, которые заботятся о принципахъ лишь тогда, когда страдаютъ отъ послѣдствій, тутъ только замѣтили, что дѣла коммерческія и благоденствіе страны связаны съ политикою, и стали жаловаться не тише другихъ.

Архіепископъ, цѣплявшійся за власть, вздумалъ предложить Неккеру мѣсто государственнаго контролера. Этого предложенія не возможно было принять: Неккеръ видѣлъ, что Бріеннъ погибъ, и чувствовалъ, что волею-неволею придется обратиться къ нему, что онъ властелинъ настоящаго положенія. Онъ отвѣчалъ, что его преданность только тогда можетъ быть полезна, когда онъ одинъ будетъ управлять финансами, обладая необходимымъ вліяніемъ на всѣ вѣтви администраціи, сопричастныя съ ними. Двумя словами, главному министру, которой просилъ его соучастія, онъ отвѣтилъ, что желаетъ занять его мѣсто.

Не смотря на этотъ отказъ, Бріеннъ все-таки оставался

на своемъ мѣстѣ. Королева его поддерживала съ настойчивостію, которую нѣкоторые люди, а особенно женщины (и сколько мужчинъ въ этомъ отношеніи похожи на женщинъ) принимаютъ за силу. Уступить магистратурѣ, дворянству, духовенству, значило будто бы унизить и подвергнуть опасности королевскую власть. Одна придворная интрига ускорила паденіе Бріенна. Мадамъ Полиньякъ, завидуя власти Бріенна надъ королевою, возстановила противъ него графа д'Артуа, который не могъ простить архіепископу паденіе Калона. Послѣ очень крупныхъ объясненій, Бріеннъ почувствовалъ себя погибшимъ, онъ подалъ въ отставку, представляя себя передъ королемъ добровольною жертвой, и объявилъ, что Неккеръ единственный человѣкъ, который можетъ устроить финансы.

24 августа 1781 года Бріеннъ впалъ въ немилость; настала всеобщая радость, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. Въ Греноблѣ, напримѣръ, упоеніе было такъ велико, что въ полдень иллюминовали городъ.

Въ Парижѣ въ тотъ же день носили по городу чучело, наряженное въ епископское платье; оно на половину было склеено изъ бумаги, которою намекалось на банковые билеты съ вынужденнымъ курсомъ; шутовское судопроизводство присудило это чучело къ сожженію, что и было исполнено на Новомъ мосту у подножія статуи Генриха IV.

На слѣдующій день тѣже сцены возобновились, но караулъ аттаковалъ толпу на площади Дофине; многіе были убиты; озлобленная толпа бросилась на солдатъ, обезоружила ихъ и бѣжала на Гревскую площадь, гдѣ войска, расположенныя въ боевой порядокъ, дали залпъ, убили нѣкоторое число бунтовщиковъ и разсѣяли остальныхъ.

Въ провинціи не было надобности оплакивать подобныхъ сценъ.

Добродѣтели короля и милости королевы прославлялись повсюду; но энтузіазмъ разсѣялся очень скоро, когда стало извѣстно, какою цѣною архіепископъ продалъ свою отставку. Выходя изъ службы, онъ получилъш апку кардинала, кромѣ того коадъюторство Сана, самую богатую епархію, дано было его племяннику, аббату Ломени, которому едва исполнилось 30-ть

лѣтъ. Другому племяннику данъ былъ полкъ, племянницу помѣстили къ королевѣ, а его братъ оставался военнымъ министромъ. Эта скандальная жадность повредила королевѣ, которая окружала себя подобными любимцами; эти милости были какъ бы вызовомъ, брошеннымъ общественному мнѣнію. Въ сущности короля и королеву слѣдуетъ обвинять только въ излишней слабости.

Впослѣдствіи Бріеннъ доказалъ, какъ велика была слабость его характера; это самый большой упрекъ, который можно справедливо ему сдѣлать.

Одинъ только архіепископъ присягнулъ гражданской конституціи духовенства. Изъ 131 епископа, только 4 послѣдовали его примѣру: епископъ отенскій (Талейранъ), епископъ Лидда (Гобель), епископъ орлеанскій (Жарантъ) и епископъ вивьескій.

23 февраля 1791, Пій VI прислалъ папскую грамоту кардиналу, гдѣ выражалъ свое неудовольствіе на то, что кардиналъ обезчестилъ римскую багряницу, принявъ гражданскую присягу и исполнивъ ее уничтоженіемъ капитула и похищеніемъ чужой епархіи.

Чтобы оправдать свое поведеніе, кардиналъ писалъ папѣ, что онъ присягалъ не съ тѣмъ, чтобы принять гражданскую конституцію во всѣхъ ее отдѣлахъ, но чтобы сохранить управленіе своею епархіей и избѣжать величайшихъ золъ для церкви.

Папа отвѣчалъ ему съ справедливою строгостью:

«Для того, чтобы загладить свою ошибку, утверждать, что ваша присяга была только наружною и что только одни уста, а не сердце произносили ее, значитъ прибѣгать къ оправданіямъ столь же ложнымъ, сколько и неприличнымъ; это значитъ позволить себѣ пагубную мораль человѣка, воображавшаго себя философомъ, который выдумалъ подобную увертку, вполнѣ недостойную, не говорю уже, святости присяги, но и естественной прямоты честнаго человѣка. А при всякомъ провозглашеніи подобнаго ученія, церковь тотчасъ же запрещала и осуждала его.

Въ отвѣтъ на эту папскую грамоту Ломени де-Бріеннъ немедленно бы отослалъ папѣ кардинальскую шапку. Съ своей стороны Пій VI въ консисторіи, собранной въ Квириналѣ, 26 сентября 1791 г., изложилъ всю жизнь Бріенна; тутъ ви-

денъ человѣкъ, обладающій громаднымъ честолюбіемъ, при сильномъ скудоуміи; папа представляетъ его возвысившимся до кондомскаго, тулузскаго, санскаго престоловъ, и наконецъ, достигшаго кардинальскаго сана лишь по милости принцевъ и папы. Онъ припоминаетъ, съ какимъ усердіемъ Бріеннъ доносилъ въ собраніяхъ духовенства 1762 года на общественный договоръ и требовалъ, чтобы подавлено было необузданное своеволіе печати; какъ въ 1765 г. онъ требовалъ исполненія эдикта 1724 года противъ протестантовъ и возсталъ даже противъ вѣротерпимости; какъ онъ донесъ въ 1770 г. на нечестивыя книги и на вторженія парламентовъ въ духовную юрисдикцію и какъ, наконецъ, въ 1772 г., онъ возсталъ противъ сокращенія достоянія духовенства,—достоянія, назначеннаго для вспоможенія бѣднымъ, т. е. противъ подчиненія его налогамъ.

«Но, прибавилъ папа, сдѣлавшись министромъ и епископомъ Сана, онъ все измѣнилъ; появилась снова вѣротерпимость, онъ начерталъ планы, которые принесли и религіи и государству громадный вредъ; лишившись власти, принужденный удалиться въ Ниццу и получивши санъ кардинала противъ нашего желанія, онъ оставался въ Санѣ, въ 1790 году, и тамъ похвалялся, что былъ однимъ изъ двигателей революціи; вскорѣ послѣ этого онъ написалъ папѣ, что нужно принять гражданскую конституцію, если онъ не хочетъ видѣть ереси и пресвитеріанизма воздвигнутыми на развалинахъ католическихъ догматовъ; наконецъ, онъ принялъ гражданскую присягу, исполнилъ конституцію и отослалъ кардинальскую шапку».

Вслѣдъ за этимъ разсказомъ, Пій VI объявилъ Ломени лишеннымъ кардинальскаго сана.

Оставшись конституціоннымъ епископомъ въ Санѣ, Ломени нѣсколько разъ безуспѣшно являлся на выборы законодательнаго собранія, гдѣ въ красной шапкѣ подавалъ свое мнѣніе, зная, впрочемъ, какая участь ожидаетъ его. Арестованный въ 1794 году и отправленный въ парижскую тюрьму, онъ унесъ съ собой тотъ ядъ, который Кабанисъ далъ Кондорсе и который послужилъ обоимъ.

Ему было 67 лѣтъ отъ роду, когда добровольною смертію

онъ избѣгнулъ эшафота, на которомъ погибло все его семейство.

Даже смерть его не обезоружила ненависти тѣхъ, которыхъ его отступничество сильно озлобило, и вотъ что было помѣщено въ Римѣ, въ 1796 году, въ запискахъ сборника, изданнаго по приказанію Пія VI:

«Неблагодарный къ королю, Ломени научился у революціи быть неблагодарнымъ и къ самому себѣ... Онъ избѣжалъ руки палача, но не позора и опалы... Весьма справедливо архіепископъ санскій самъ лишилъ себя жизни. Онъ долженъ былъ покончить какъ Іуда, апостолъ, котораго жизнь совершенно сходна съ его жизнію, и мерзѣйшій изъ людей долженъ былъ прекратить теченіе своей постыдной жизни рукою самаго мерзѣйшаго палача».

Будемъ же милосерднѣе. При видѣ столь печальной кончины, не слѣдуетъ давать мѣсто страстямъ, тутъ скорѣе можно соболѣзновать. Ломени былъ не злой человѣкъ, но неограниченное тщеславіе и сильная слабость его погубили. Его примѣръ еще разъ доказываетъ, что человѣкъ безъ характера и безъ правилъ есть одинъ изъ тѣхъ слѣпцовъ, о которыхъ говоритъ св. Писаніе; онъ бросается въ пропасть и увлекаетъ съ собою другихъ, которые не видятъ, что энергія въ убѣжденіяхъ и честность характера въ политикѣ, какъ для государей, такъ и для народовъ, суть истинныя условія силы и безопасности.

нять менѣе 200,000 франковъ. Не подобнымъ поведеніемъ возвысились Ламуаньоны и пріобрѣли уваженіе Франціи!

Печати были вручены первому президенту палаты сборовъ, Барентину, болвану, одѣтому въ симарру, говоритъ Безенваль, который, безъ сомнѣнія, не былъ его другомъ. Это былъ уважаемый судья, чуждый всѣхъ партій, всѣхъ интригъ, но человѣкъ ума узкаго и ограниченнаго, не имѣющій ни смышленности, ни энергіи, необходимыхъ для поддержанія короля среди начавшихся для него испытаній.

Вторыя секретныя письма были отправлены къ судьямъ для отмѣны первыхъ; эдикты были отмѣнены, изгнанные судьи были возвращены, и можно было надѣяться, что согласіе и спокойствіе возстановятся.

Между тѣмъ на улицахъ Парижа происходили важные безпорядки. Толпа носила чучело въ подрясникѣ, изображавшее Ламуаньона, и слѣдуя обычаямъ подобныхъ народныхъ представленій, сожгла на Новомъ мосту у подножія статуи Генриха IV. Она останавливала кареты и заставляла проѣзжихъ кричать: Да здравствуетъ Генрихъ IV! Къ чорту Бріенна и Ламуаньона! Во имя свободы она ставила на колѣни кучеровъ, которые позволяли себѣ не раздѣлять ее мнѣнія; она спускала ракеты, аплодировала изо всей силы, когда увидѣла въ каретѣ герцога орлеанскаго, въѣзжающаго на Новый мостъ для снисканія жалкой популярности.

Переходъ отъ радости къ бунту не далекъ, какъ у дѣтей, такъ и у толпы. Все во имя свободы, толпа заставляла людей иллюминовать, била стекла, колотила стражу, наконецъ бросилась въ военное министерство, въ улицу Сенъ-Доминикъ, гдѣ министромъ былъ Бріеннъ, братъ архіепископа, и въ улицу Мелай, гдѣ жилъ кавалеръ Дюбуа, начальникъ стражи. Французскіе гвардейцы соединились съ швейцарскими и произошла кровопролитная стычка.

24 сентября парламентъ двинулся по городу при крикахъ браво и рукоплесканіяхъ толпы. Десять герцоговъ и перовъ присоединились къ членамъ суда и были приняты не менѣе шумно.

Когда судъ занялъ свое мѣсто, королевскіе люди по обычаю испросили позволеніе войдти и представили парламенту объявленіе

короля, данное въ Версалѣ, 23-го сентября 1788 года, которымъ созывались генеральные штаты въ продолженіе января 1789, приказывалось всѣмъ судьямъ безъ исключенія продолжать свои занятія и отмѣнялись всѣ эдикты, данные 8-го мая.

Побѣда парламента была полная, король преклонился предъ нимъ.

Однакоже сдѣлана была попытка не выходить изъ границъ благопристойности и прикрыть отступленіе. Объявленію предшествовало предисловіе, въ которомъ король говорилъ, что издавая послѣдніе эдикты, онъ имѣлъ лишь цѣлью улучшеніе порядка и наибольшія выгоды своего народа; что эти самыя чувства, обративъ его вниманіе на различныя представленія, которыя присылались къ нему, показали ему неудобства, кои сначала не были имъ замѣчены.

«Мы ничего не перемѣняемъ, говорилъ онъ, но вѣрнѣе исполняемъ наши намѣренія, отложивъ наши послѣднія рѣшенія до окончанія засѣданія генеральныхъ штатовъ».

Король говорилъ еще, что для измѣненія нѣкоторыхъ распоряженій уголовнаго судопроизводства, касающихся его человѣколюбія онъ не станетъ ждать засѣданія генеральныхъ штатовъ и что онъ хотѣлъ удовлетворить желанію своего сердца, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, чѣмъ въ эдиктѣ 8-го мая; онъ взывалъ къ доброй волѣ парламента, къ забвенію прошлаго, къ согласію и употребилъ слѣдующую фразу, которую онъ одинъ могъ написать: «Трудно дѣлать добро, и съ каждымъ днемъ мы пріобрѣтаемъ этотъ грустный опытъ; но мы никогда не перестанемъ желать и отыскивать его.»

Представляя это объявленіе, генеральный адвокатъ Сегье сопровождалъ его длинною рѣчью.

Антуанъ Сегье есть одна изъ величавыхъ парламентскихъ особъ прошедшаго столѣтія; его сравнивали съ д'Агессо. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ судей, которые никогда не отдѣляли дѣло короля отъ дѣла закона; онъ умеръ въ Турнѣ въ 1792 году изгнанникомъ или эмигрантомъ. Я осмѣлюсь сказать однакоже, что въ своей рѣчи онъ сдѣлалъ ошибку, настаивая сильно на эдиктахъ 8-го мая и не слѣдуя умнымъ совѣтамъ короля, который просилъ забыть прошедшее. Онъ это сдѣлалъ, говорилъ онъ, для успокоенія своей совѣсти и дабы отвѣчать едино-

душному желанію всей Франціи; намъ кажется, что онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы молчалъ; но генералъ-адвокаты рѣдко упускаютъ случай произнести панегирикъ мудрости и добродѣтели судей; они подобны монахамъ, кои только и думаютъ о своемъ монастырѣ и о своемъ святомъ.

Я приведу одно лишь мѣсто изъ этой длинной рѣчи, которое намъ покажетъ, какова была тогда популярность Неккера.

«Франція обременена долгами, но она не безъ средствъ. Самое сильное и самое быстрое заключается въ сердцѣ французовъ. Генрихъ IV, кумиръ Франціи, не зналъ болѣе вѣрнаго. Если онъ обязанъ частію славы своего царствованія доблестному министру, котораго удостоилъ своего довѣрія и дружбы, то и король будетъ радоваться тому дню, когда призвалъ опять къ подножію трона министра, который старается слѣдовать по стопамъ Сюлли. Въ немъ видны тотъ же характеръ, таже строгость нравовъ, тотъ же духъ порядка и экономіи, таже осторожность, тѣже правила. Вознагражденный заранѣе, согласно желанію своего сердца, общимъ энтузіазмомъ, онъ всецѣло посвятитъ себя отечеству, которое онъ добровольно избралъ. Онъ оправдаетъ надежду великаго народа, который пересталъ отчаяваться въ своихъ несчастьяхъ съ той минуты, какъ администрація финансовъ поручена ему; онъ также отвѣтитъ ожиданіямъ великаго короля, который разсчитываетъ на его добродѣтель, чтобы помѣстить его въ свой совѣтъ. Энергія его души отблагодаритъ Францію и ея монарха, придавши новую степень дѣятельности талантамъ, уже такъ счастливо развитымъ.»

Послѣ этой рѣчи слѣдовало бы приступить къ внесенію въ списки королевскаго объявленія. Парламентъ отложилъ эту формальность до другаго дня, подъ предлогомъ приглашенія принцевъ и перовъ, и затѣмъ занялся составленіемъ указовъ, какъ будто его функціи никогда не прекращались. Онъ не видѣлъ необходимости въ особомъ законѣ, чтобы снова приступить къ отправленію должности, которая, какъ онъ утверждалъ, была остановлена только силою. Это поведеніе парламента, равно какъ и приказъ, коимъ онъ его оправдывалъ, вызвало очень много порицателей, которые говорили, что именемъ французской конституціи онъ объявилъ свою власть независимою отъ власти королевской. Эти

упреки мнѣ кажутся неосновательными. Парламентъ утверждалъ, что онъ составляетъ часть французской конституціи и что невозможно было его уничтожить, не нарушая основныхъ законовъ страны, и этимъ то правомъ онъ подкрѣплялъ все свое сопротивленіе. Могъ ли онъ обвинять себя въ то время, когда сама королевская власть своею уступкой признала его правымъ.

Первымъ дѣломъ парламента было заняться безпорядками и безчиніемъ, омрачившими Парижъ. Но судьи, видѣвшіе въ народномъ волненіи одинъ только энтузіазмъ, ими вызванный, не могли строго относиться къ толпѣ, и обратились потому противъ полиціи и вооруженной силы.

Одинъ совѣтникъ доложилъ суду о чрезмѣрности, насиліяхъ и убійствахъ, совершенныхъ въ Парижѣ съ 26 августа 1788; было приказано господину Дюбуа, начальнику стражи, и де-Кросну, начальнику полиціи, явиться немедленно же для представленія объясненій по поводу этихъ дѣйствій, и положено было пригласить герцога Бирона (начальника военной силы) занять къ завтрашнему дню свое мѣсто въ судѣ. Г-нъ Кроснъ и начальникъ стражи явились въ тоже засѣданіе. На пути въ судъ толпа осыпала ихъ оскорбленіями, и такъ какъ ихъ ожидало тоже при выходѣ, то ихъ вывели тайно.

Судъ высказался противъ нихъ; онъ встрѣтилъ королевскаго генералъ-прокурора жалобами на чрезмѣрность, насилія и убійства, совершенныя въ Парижѣ, и приказалъ ему произвести слѣдствіе, хотя бы и въ вакантное время. Народъ истолковалъ это рѣшеніе въ свою пользу.

«Засѣданіе парламента, какъ говоритъ почти оффиціальный разсказъ, закрылось въ четыре часа. Стеченіе толпы было громадное. Залы и дворы палаты были переполнены безчисленнымъ народомъ; крики радости и рукоплесканія раздавались со всѣхъ сторонъ. Въ это время судьи принимали нелицемѣрныя доказательства общаго удовольствія, достойную награду ихъ усердія и ихъ предавности къ благу народному, единственно приличную ихъ патріотическимъ доблестямъ».

Извѣстно, чего стоитъ и какъ долго продолжается эта популярность.

Принявши это рѣшеніе, парламентъ задумалъ отмстить

свергнутымъ министрамъ, чтобы задать острастку тѣмъ, кои захотѣли бы подражать имъ.

Совѣтникъ Бодкенъ де-Фитцъ-Жеральдъ произнесъ длинную рѣчь для преданія суду Ламуаньона и Бріенна. Судъ, по его словамъ, измѣнилъ бы королю, государству и даже самому себѣ, если бы не занялся строжайшимъ образомъ мѣрами для избавленія на предбудущее время націи отъ подобнаго кризиса, который чуть ее не погубилъ. Другими словами, онъ требовалъ отвѣтственности министровъ. Онъ напоминалъ, что канцлеры Пойе и Дюпра, архіепископъ санскій, были осуждены за нарушеніе основныхъ законовъ государства, и въ подтвержденіе привелъ слова Монтескьё: «тотъ, кто исполняетъ, не можетъ исполнять дурно, если у него нѣтъ злыхъ совѣтниковъ, которые ненавидятъ законы, какъ министры, хотя законы имъ и благопріятствуютъ какъ людямъ; ихъ то можно допросить и наказать» (Духъ законовъ, книга XI, гл. VI).

Монтескьё говорилъ это про Англію, но его мнѣніе было таково же и про французскую монархію и съ своею обыкновенною осторожностью, прикрывая свою мысль, онъ спрашивалъ, не будетъ ли оскорбленіемъ величества искаженіе принципа монархіи, обращеніе королевскаго достоинства къ деспотизму и этимъ самымъ компрометированіе безопасности государя (Ibid., книга VIII, гл. VII).

«Если вы даруете безнаказанность министрамъ, продолжалъ Фитцъ-Жеральдъ, кто же помѣшаетъ имъ жертвовать интересами народа интересамъ людей сильныхъ? Кто помѣшаетъ имъ проливать кровь гражданъ для попранія правъ націи? Какая преграда могла бы ихъ остановить, такъ какъ даже при неудачѣ за ними было бы обезпечено мирное уединеніе, гдѣ на свободѣ они могли бы пользоваться милостями, которыми бы сами себя осыпали и плодами своихъ грабительствъ..... Если бы министры не были отвѣтственны, участь королей была бы ужасна: на нихъ бы обрушивались проклятія народовъ, которыя заслужили бы развѣ эти же министры».

Послѣ этихъ разсужденій, Фитцъ - Жеральдъ перечислилъ 11-ть обвинительныхъ пунктовъ противъ Ламуаньона и Бріенна; всѣ они сводились къ обнаруженной рѣшимости опровергнуть

конституціонныя права націи, къ установленію системы единой воли, къ попранію личной свободы, къ пролитію крови, и наконецъ «къ попыткамъ завладѣть общественнымъ мнѣніемъ, покровительствуя скандальнымъ и возмутительнымъ сочиненіямъ противъ судей и запрещая подъ страхомъ строжайшихъ наказаній печатать отвѣты на эти клеветы».

«Всматриваясь, прибавилъ онъ въ заключеніе, въ эту картину столькихъ преступленій, не постигаешь, какъ могли совершить ихъ всего два министра въ продолженіе одного года управленія министерствомъ; но истина выше всякаго вѣроятія».

Послѣ этой рѣчи, парламентъ обратился къ генералъ-прокурору съ жалобами по поводу фактовъ, представленныхъ Фитцъ-Жеральдомъ, и позволилъ ему произвести слѣдствіе, съ тѣмъ что когда оно будетъ окончено и представлено въ судъ, парламентъ постановитъ надлежащее рѣшеніе.

Въ тоже время въ отомщеніе всѣмъ своимъ врагамъ, парламентъ, на основаніи очень жестокаго требованія Сегьё, приказалъ, чтобы памфлетъ Ленге подъ № CXVI тома XV Лѣтописей политическихъ, гражданскихъ и литературныхъ, былъ разодранъ рукою палача и сожженъ на дворѣ палаты у подножія большой лѣстницы. Парламентъ заодно запретилъ это изданіе и на предбудущее время.

Легко было ругаться надъ Ленге, который бѣжалъ въ Англію; кромѣ того, этотъ человѣкъ пользовался жалкою репутаціею, и Сегьё могъ его сравнить съ низкимъ Аретиномъ, который подвергалъ контрибуціи народы и королей; но каковы бы ни были его вины, они не давали еще права замыкать ему уста тогда именно, когда онъ защищалъ министровъ и старался ихъ оправдать.

Подъ предлогомъ защиты конституціи и нарушенныхъ законовъ, парламентъ дѣлалъ буквально то же, что онъ находилъ преступнымъ въ министрахъ; онъ хотѣлъ одинъ пользоваться правомъ говорить; онъ признавалъ свободу только за тѣми, которые были съ нимъ одного мнѣнія. Откровенно говоря, очень легко сказываться либеральнымъ на такихъ условіяхъ.

Парламентъ принялъ это рѣшеніе 27-го сентября; за два дня до этого, онъ внесъ въ списки королевскую декларацію, отъ

23-го, которая созывала его и отмѣняла эдикты; но онъ приказалъ сдѣлать это внесеніе въ списки въ выраженіяхъ, самыхъ непріятныхъ для королевской власти.

Онъ прибавилъ наконецъ, что не перестанетъ требовать созванія генеральныхъ штатовъ и составленія ихъ по формѣ, принятой въ 1614 году».

Доселѣ парламентъ пользовался безграничною популярностью, такъ какъ дѣйствовалъ заодно съ общественнымъ мнѣніемъ; но притязаніе опредѣлить форму генеральныхъ штатовъ удивило всѣхъ. Никому не было извѣстно, что такое генеральные штаты 1611 года, всякій любопытствовалъ узнать объ этомъ, и вотъ обратились къ повѣствованіямъ того времени; но что же въ нихъ нашли?

Тамъ нашли, что третье сословіе говорило съ королемъ на колѣняхъ, и что когда одинъ изъ ихъ ораторовъ, гражданскій судья де-Месмъ, сказалъ другимъ сословіямъ, что Франція ихъ общая мать, и что третье сословіе смотритъ на себя, какъ на младшаго сына семейства, президентъ дворянства баронъ де-Сеннеси отвѣчалъ, какъ Меркурій Созію, что третье сословіе не можетъ присвоивать себѣ этого права, не будучи ни одинаковой крови, ни одинаковой добродѣтели. Дворяне жаловались королю на такую чрезвычайную новость, и выразили стыдъ, который испытывали, слушая эту скандальную претензію. «Въ какомъ жалкомъ положеніи мы находились бы, говорили они, если бы эти слова были справедливы».

Въ замѣнъ того и чтобы утвердить различіе чиновъ и сословій, духовенство требовало десятину со всякаго рода плодовъ и зеренъ, увольненіе его пошлинъ октруа и новыхъ стѣсненій книгопечатанія. Съ своей стороны, дворянство требовало отмѣны личнаго ареста за долги и уничтоженія пошлины съ соли, монополію должностей и пенсіоновъ; оно предложило, чтобы каждое сословіе носило особую одежду, чтобы простолюдинамъ было запрещено имѣть огнестрѣльное оружіе и чтобы у мѣщанскихъ охотничьихъ собакъ были подрѣзаны поджилки.

Что касается до третьяго сословія, которое требовало уничтоженія внутреннихъ таможенъ, равенства податей, уничтоженія продажности должностей и отмѣны исключительныхъ судовъ, то

на его требованія такъ мало обратили вниманія, что 1789 годъ ушелъ не дальше 1614 г.

Чего же хотѣлъ парламентъ, требуя формы 1614 года? Была ли это какая-либо система представительства, которая должна была клониться къ подобному безсилію? Нѣтъ, парламентъ хотѣлъ сохранить роль, которую онъ игралъ въ 1614 году. Онъ какъ будто предполагалъ учредить нѣчто въ родѣ четвертаго сословія для защиты независимости гражданской власти отъ духовенства и дворянства. Въ 1788 году онъ очевидно хотѣлъ, какъ блюститель основныхъ законовъ, присвоить себѣ высшее право утверждать законы, кои будутъ изданы собраніемъ генеральныхъ штатовъ.

Можетъ-быть, какъ говорили его враги и нѣкоторые изъ его друзей, онъ начиналъ бояться идеи пройдти черезъ горнило генеральныхъ штатовъ.

Въ то время вопросъ двойнаго представительства средняго сословія и поголовнаго собранія голосовъ волновалъ всю Францію. Парламентъ могъ бояться, чтобы это новое могущество возобновленныхъ генеральныхъ штатовъ не затмило его собственнаго; онъ хотѣлъ, поддерживая древніе обычаи, удержать верхъ за собою. Привилегія очень легко принимается за право!

Какъ бы то ни было, произошелъ такой переворотъ въ общественномъ мнѣніи, что парламентъ видѣлъ себя покидаемымъ съ каждымъ днемъ. За похвалами послѣдовало оскорбленіе. Съ нимъ поступили такъ, какъ онъ поступилъ съ министрами; д'Еспремениль, который съ торжествомъ возвращался съ острова св. Маргариты, не могъ сохранить свою популярность въ теченіи всей дороги; на его счетъ распространилась шутка, авторомъ которой былъ генералъ-адвокатъ Серванъ, гдѣ губернаторъ острововъ св. Маргариты объявилъ, что изъ его дома бѣжалъ сумасшедшій. Какъ примѣты приводились его обыкновенныя рѣчи; то были высокопарныя фразы, которыми д'Еспремениль прославлялъ власть парламента. Онъ выѣхалъ изъ Парижа, какъ мученикъ, а возвратился съ прозвищемъ Криспинъ-Катилина, даннымъ ему Мирабо.

Эта потеря популярности чрезвычайно взволновала парламентъ; мы увидимъ, что 5-го декабря, по наущенію д'Еспремениля, онъ попытается вернуться къ своему постановленію,

говоря, что его дурно поняли; но въ это время страна чувствовала уже свои силы, и парламентъ не имѣлъ болѣе власти. Убивши старую монархію, онъ убилъ самаго себя; въ свободной странѣ не казалось уже мѣста для аристократіи судей.

Въ исторіяхъ революціи поведеніе парламента въ царствованіе Людовика XVI обсуживалось различнымъ образомъ. Его по очереди то превозносили, то унижали. Что касается до меня, я постараюсь быть строгимъ къ нему. Во время Тюрго, когда реформа была легка, онъ помѣшалъ ея успѣху. Неккеръ, во время своего перваго управленія, лавировалъ искусно, но не сдѣлалъ никакой важной реформы именно потому, какъ онъ признается самъ, что ничего не могъ подѣлать съ парламентомъ. Чтобы отвратить эту оппозицію привилегированныхъ, онъ попытался хотя робко организовать провинціальныя собранія. Такимъ образомъ, по винѣ парламента, утеряны были лучшіе годы царствованія Людовика XVI.

Парламентъ гордился тѣмъ, что возставалъ противъ грабительства Калона. Въ то время, когда никто не могъ говорить, онъ имѣлъ мужество сказать, что министръ смѣется надъ страною, говоря постоянно о сбереженіяхъ и улучшеніяхъ, между тѣмъ какъ самъ постоянно предлагаетъ новые займы и увеличиваетъ народный долгъ. Но когда Калонъ созвалъ первое собраніе нотаблей, парламентъ тотчасъ же постарался препятствовать его успѣху въ интересѣ своего собственнаго вліянія, и ему вполнѣ удалось всему помѣшать. Бріеннъ и Ламуаньонъ виноваты во многомъ, но они явились съ полными руками реформъ, и неизвѣстно еще, не это ли и было непосредственною причиной сопротивленія парламента, котораго власть эти реформы уменьшали.

Безъ сомнѣнія, парламентъ дѣлалъ превосходныя и энергическія представленія, онъ благородно говорилъ въ пользу индивидуальной свободы въ тотъ день, когда двое изъ его членовъ были арестованы; безъ сомнѣнія, онъ провозглашалъ нѣсколько разъ великолѣпные принципы свободы, но его оппозиція всегда была личная и несговорчивая.

Несговорчивою оппозиціей онъ вовлекъ въ бездну монархію, которую онъ долженъ былъ поддерживать; личною оппозиціей

онъ защищалъ народныя вольности только тогда, когда онѣ соприкасались съ его привилегіями: поэтому парламентъ внушаетъ мнѣ мало симпатіи въ его послѣднихъ борьбахъ. Я отдаю справедливость его храбрости и краснорѣчію, но я въ немъ вижу слишкомъ мало безкорыстія. И если свобода во Франціи утвердилась, то этимъ обязаны не парламенту, а всякаго рода усиліямъ тысячи неизвѣстныхъ людей безъ полномочія, которымъ не нужно было защищать своихъ мѣстъ и которые требовали свободы не для себя и не какъ привилегію, а какъ общее право всѣхъ людей.

Неккеръ, при вступленіи въ управленіе дѣлами, сильно заботился о возстановленіи кредита. Банкротство было неизбѣжно вслѣдствіе вынужденнаго курса билетовъ учетной кассы, и казна платила частью монетою, частью билетами, приносящими проценты. Въ кассѣ не было даже и 500 тысячъ ливровъ, а требовалось нѣсколько милліоновъ для необходимыхъ расходовъ и платежей въ продолженіе недѣли. Въ будущемъ ожидалось мало утѣшительнаго, такъ какъ урожай былъ плохъ; очевидно было, что потребуются большія жертвы, и дѣйствительно издержано было 70 милліоновъ на покупку зерна и на пособія. Между тѣмъ до собранія генеральныхъ штатовъ нельзя было ни прибавить пошлинъ, ни прибѣгнуть къ займамъ.

Единственная сила и единственный источникъ правительства былъ Неккеръ. Одинъ я и этого достаточно. Довѣріе къ его ловкости и честности было такъ всеобще, что его присутствіе въ дѣлахъ въ одинъ день возвысило государственныя облигаціи съ 30 на 100. Онъ внесъ въ казну 2 милліона, взятые изъ своего собственнаго имущества, два милліона, которые онъ тамъ оставилъ изъ деликатности, когда покинулъ службу, и которые забыли ему отдать до 1814 года, когда реставрація уплатила долгъ Франціи. Капиталисты послѣдовали примѣру Неккера и предложили большія ссуды казнѣ, которая уже не платила. Парижскіе нотаріусы дали въ долгъ 6-ть милліоновъ. Во время паническаго страха этихъ средствъ было бы недостаточно; но въ минуту довѣрія они подняли кредитъ. Государственные кредиторы приняли деньги въ зачетъ и повѣрили обѣщаніямъ. Неккеръ не сдѣлалъ никакого примѣненія изъ рѣшенія совѣта,

коимъ дозволялось платить частью деньгами, частью билетами; но онъ не уступилъ и нетерпѣливымъ, которые подстрекали его сдѣлать важный шагъ объявляя, что все будетъ уплачено въ открытой конторѣ. Въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которое поставилъ Францію Бріеннъ, надо было вести себя поскромнѣе. Неккеръ тогда только велѣлъ уничтожить приказъ совѣта, когда онъ былъ въ состояніи вѣрно исполнить всѣ обязательства казны. Все дѣлалось явно, безъ шума и шарлатанства. Такимъ образомъ, среди безчисленныхъ затрудненій, онъ могъ почти въ продолженіе цѣлаго года управлять финансами Франціи и достигнуть до собранія генеральныхъ штатовъ съ помощію таланта и прямодушія.

Это хорошая сторона Неккера; нельзя отвергать, что если онъ и былъ очень честный и очень способный человѣкъ, то не былъ великимъ финансистомъ.

Но въ 1788 году финансовый кризисъ былъ удвоенъ политическимъ кризисомъ. Генеральные штаты были уже въ виду. Необходимъ былъ не только хорошій министръ финансовъ, но законодатель и политикъ. Неккеръ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; какъ умъ, такъ и характеръ его отличались нерѣшительностію. «Мнительность преобладала въ немъ, писала де-Сталь, точно такъ, какъ страсть преобладаетъ въ другихъ. Ширина его ума и воображенія причиняли ему иногда болѣзнь нерѣшительности. Онъ былъ удивительно склоненъ къ сѣтованіямъ и часто обвинялъ себя во всемъ съ недостойною легкостью.» Де-Сталь можетъ хвалить въ своемъ отцѣ то, что она называетъ двумя благородными недостатками его природы, но очевидно, чтобы управлять страною, которая сбилась съ дороги, первое условіе знать, чего хотятъ, а второе—идти впереди. Неккеръ не соединялъ въ себѣ качествъ ни кормчаго, ни генерала и государственнаго человѣка.

Тѣ, которые потерпѣли отъ революціи, и особенно дворянство и духовенство, часто упрекали Неккера въ томъ, что онъ созвалъ генеральные штаты. Они воспользовались его финансовою способностью, чтобы обвинить его въ томъ, что онъ безъ необходимости бросилъ Францію и монархію въ неизвѣстность. Но или я далъ вамъ фальшивую идею о положеніи въ

1788 году, или вы должны понять, что никогда упрекъ не былъ болѣе несправедливъ. Истинные виновники революціи (если подъ этимъ словомъ разумѣть созваніе генеральныхъ штатовъ) были Калоннъ, Бріеннъ, духовенство, дворянство, парламентъ, всѣ, исключая Неккера, которому нельзя поставить въ вину, что онъ сдержалъ слово, данное торжественно королемъ Франціи.

Кто же объявилъ себя невластнымъ голосовать налоги и требовалъ созванія генеральныхъ штатовъ? Не парламентъ ли? Развѣ дворянство въ провинціальныхъ штатахъ, духовенство въ своемъ собраніи 1788 года не присоединились къ этому требованію? Развѣ адвокаты, писатели, т. е. тѣ, которые во всѣ времена руководятъ и служатъ представителями общественнаго мнѣнія, не единодушно требовали созванія этого собранія? Развѣ страна, утомленная непослѣдовательностью правительства, разхищеніемъ финансовъ, совершеннымъ отсутствіемъ гарантіи, не дошла до того, что желала необходимой реформы, которую обѣщалъ ей король? Отказать въ созваніи генеральныхъ штатовъ значило лишить уваженія королевскую власть и уничтожить въ одну минуту кредитъ.

Что было бы послѣ этого дерзкаго рѣшенія? Нужно было бы прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ. Но ни Людовикъ XVI, ни Неккеръ, не были способны употреблять подобныя средства: первый изъ любви къ народу и изъ отвращенія къ кровопролитію, второй изъ уваженія къ общественному мнѣнію и изъ ненависти къ жестокости. И гдѣ было найдти точку опоры? Возстановили бы противъ себя парламентъ. Страна отказалась бы отъ уплаты налога. Оставалась армія, но и та колебалась. Въ Бретани полкъ Басиньи возсталъ противъ полученныхъ приказаній. Полкъ уничтожили, но примѣръ остался; не думаю, чтобы можно было разчитывать на офицеровъ или на солдатъ. Вся Франція хотѣла обновленія своихъ учрежденій, и желала этого съ тѣмъ большею живостью, что не имѣла никакого понятія о революціи, и искренно любила и короля и монархію.

Наконецъ, для чего Людовикъ XVI прибѣгнулъ бы къ силѣ и рисковалъ бы междоусобною войной? Чтобы поддерживать злоупотребленія? Никто ихъ не хотѣлъ, кромѣ тѣхъ, которые ими пользовались. Чтобы дворъ и фавориты брали полными

пригоршнями изъ государственнаго казначейства? Король былъ сама честность и не терпѣлъ этого хищничества. Чтобы всецѣло господствовалъ министерскій произволъ? Король и Франція были утомлены этимъ. Чтобы дворянство, духовенство и парламентъ, сохраняли анахроническія и оскорбительныя привилегіи? Короля это нисколько не занимало, а Францію и того менѣе. Часто полагаютъ, что́ наши короли были покровителями привилегій дворянства и духовенства; но такъ думать, значитъ сильно заблуждаться. Именно съ Людовика XIV царствуетъ администрація и ведетъ къ равенству.

Надо, значитъ, признать, что въ 1788 году созваніе генеральныхъ штатовъ было неизбѣжно и что Неккеръ ничего не значилъ въ этомъ важномъ дѣлѣ. Слѣдуетъ прибавить, мнѣ кажется, что это созваніе было благоразумною мѣрой, и если дѣла приняли несчастный поворотъ, то это зависѣло отъ тысячи другихъ причинъ, которыя мы разсмотримъ въ свое время. Чтобы выразить мою мысль въ нѣсколькихъ словахъ, я думаю, что въ 1788 г. не могло быть вопроса объ устраненіи реформы, но можно было ее подготовить, направить, обратить къ общему благу и Франціи и короля. Ошибка Неккера состоитъ не въ томъ, что онъ допустилъ націю до соединенія, но въ томъ, что онъ не сталъ во главѣ движенія и не оказалъ никакой помощи генеральнымъ штатамъ въ выполненіи ихъ щекотливаго назначенія, которое застало всѣхъ въ расплохъ.

Вотъ что долженъ былъ сдѣлать государственный человѣкъ; но Неккеръ былъ гораздо ниже подобнаго дѣла и не имѣлъ даже храбрости рѣшительно приступить къ нему. Видящіе въ немъ заговорщика, республиканца, протестанта, который только и думаетъ о низверженіи королевской власти и разрушеніи церкви, представляютъ себѣ какого-то другаго человѣка. Неккеръ любилъ короля и монархію, онъ гордился одобреніемъ духовенства, онъ искалъ себѣ друзей и опоры въ дворянствѣ, онъ не хотѣлъ ничего ни уравнивать, ни разрушать. Его заблужденіе состояло въ представленіи, что генеральные штаты возымѣютъ такое уваженіе къ его заслугамъ, его добродѣтели и характеру, что подъ его вліяніемъ легко и сдѣлаютъ необходимую реформу, которая удовлетворитъ всѣхъ. Это значило разчитывать, не взявъ

въ соображеніе ни страстей человѣческихъ, ни различія принциповъ и интересовъ. Чтобы вызвать въ какомъ-либо собраніи повиновеніе и уваженіе къ себѣ, необходимо жить его жизнью, а не ставить себя внѣ ея подобно идолу, котораго одинъ видъ уже требуетъ обожанія.

Въ его сочиненіи, горделиво озаглавленномъ: администрація г. Неккера, составленная имъ самимъ (1791 г., in 8°), Неккеръ говоритъ, чего онъ ожидалъ отъ генеральныхъ штатовъ. Его представленія относительно этого предмета справедливы, но ихъ нужно было примѣнить къ дѣлу. Франція хотѣла конституціонныхъ гарантій; какимъ образомъ удовлетворить ее? Генеральные штаты, собственно говоря, не были законодательными собраніями, но скорѣе средствомъ собирать жалобы народа и опредѣлять нужды и желанія націи, а не образъ управленія. При помощи генеральныхъ штатовъ 1789 г. слѣдовало составить конституцію и народное представительство, такъ какъ уже невозможно было снова подчиниться игу неограниченной власти.

Неккеръ это понималъ, и если бы могъ, то далъ бы Франціи англійскую конституцію. «Надобно было, писалъ онъ въ своей Исторіи Революціи, чтобы простому секретарю поручено было взойти на каѳедру генеральныхъ штатовъ и читать голосомъ Стентора британскую конституцію.» Онъ бы помѣстилъ духовенство и дворянство въ верхней палатѣ, третье сословіе въ палатѣ общины, и далъ бы Франціи религіозную свободу, свободу печати, habeas corpus и присяжныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ 1788 г. подобный подарокъ былъ бы принятъ съ восторгомъ.

Но Неккеръ хранилъ для себя и для своего салона удивленіе, которое питалъ къ Англіи. Онъ не смѣлъ ничего сказать королю. «Меня никогда не призывали близко познакомиться съ тѣмъ, пишетъ онъ, что̀ я могъ сдѣлать, когда я принялъ министерство, когда я проникнутъ былъ столь глубокимъ и столь чрезвычайнымъ уваженіемъ къ управленію Англіи; ибо, хотя и рано мои мысли и рѣчи должны были носить отпечатокъ мнѣнія, которымъ я былъ проникнутъ, но рано также я увидѣлъ отвращеніе короля ко всему, что могло напоминать обычаи и поли-

тическія учрежденія Англіи». Людовикъ XVI дѣйствительно былъ воспитанъ такъ, что смотрѣлъ на Англію какъ на выродившуюся монархію, а на англійскаго короля какъ на самаго мелкаго феодальнаго господина. Таково же было мнѣніе Людовика XVIII, когда онъ писалъ въ 1799 г. свои критическія размышленія на тетрадяхъ дворянства Пуату.

Слѣдуя его словамъ, требовать періодическаго созванія генеральныхъ штатовъ, значило вводить новое; «потому что король Франціи, на основаніи конституціи, имѣетъ право по своему желанію созывать или не созывать, продлить или распустить генеральные штаты; и это столь важное есть самый лучшій цвѣтокъ въ моей коронѣ; оно то и дѣлаетъ меня властелиномъ надъ моими подданными, между тѣмъ какъ король Англіи, который, разумѣется, можетъ распустить свой парламентъ, но обязанъ тотчасъ же созвать другой, есть лишь часть государя!

Отвращеніе Людовика XVI ко всему, что походило на англійскія учрежденія, слѣдовало побороть, но останавливаться противъ него и не стараться побѣдить его, когда монархія стояла на картѣ, есть дѣло ума посредственнаго. Калоннъ, предлагая реформы, дѣйствовалъ откровеннѣе и храбрѣе. «Государь, сказалъ онъ, разъ пообѣщавшись, нельзя уже пятиться назадъ; дѣло идетъ о спасеніи или гибели королевской власти». Неккеръ предоставилъ все теченію; отъ событій, отъ генеральныхъ штатовъ ожидалъ онъ направленія; но не собранію было давать его; тутъ требовалась воля человѣка, а этимъ то человѣкомъ не былъ ни самъ король, ни министръ.

Прежде чѣмъ созывать генеральные штаты, слѣдовало рѣшить два великіе вопроса. Будетъ ли третье сословіе представлено въ числѣ, равномъ количеству представителей двухъ другихъ соединенныхъ сословій? И затѣмъ, будетъ ли собираніе голосовъ поголовное или по сословіямъ? Вотъ два вопроса, игравшіе важную роль во время революціи, — вопроса, которые въ 1788 году король могъ рѣшить безъ волненія и шума.

Когда Бріеннъ рѣшился созвать генеральные штаты, онъ издалъ, 5 іюля 1788, указъ совѣта самаго страннаго свойства. Этотъ указъ объявлялъ, что изслѣдованія, сдѣланныя по пове-

лѣнію короля, не дали точныхъ свѣденій о количествѣ и качествѣ избирателей и избираемыхъ, о формѣ избранія и т. д. Его величество желаетъ, чтобы эти обстоятельства были ему уяснены, дабы самое полное довѣріе окружало національное собраніе. Вслѣдствіе чего всѣ муниципалитеты, всѣ суды приглашались пересмотрѣть свои архивы, всѣ ученые и люди свѣдующіе приглашались произвести изслѣдованія и опубликовать свои мнѣнія. Двумя словами, сознательно или безсознательно, но дана была свобода печати.

Послѣдствія этого соизволенія не заставили себя ждать. Со всѣхъ сторонъ писали, печатали, и каждый находилъ въ прошломъ Франціи, что хотѣлъ. Въ различныя времена и въ различныхъ мѣстностяхъ обычаи были такъ разнообразны, что легко было сыскать прецеденты въ подкрѣпленіе всякаго мнѣнія. Аббатъ Мори, которому Ламуаньонъ поручилъ сдѣлать изысканія о генеральныхъ штатахъ, скоро удостовѣрился, что онъ терялся въ безвыходномъ лабиринтѣ. Самымъ дѣйствительнымъ послѣдствіемъ мѣры, предпринятой Бріенномъ, слѣдовательно, было волненіе умовъ безъ разрѣшенія чего бы то ни было. Но если исторія ничего не дала, то интересъ надоумилъ третье сословіе; оно очень скоро почувствовало, что въ этомъ вопросѣ замѣшано его вліяніе. Оно легко сообразило, что безполезность штатовъ проистекала ни отъ чего инаго, какъ отъ самаго ихъ состава, отъ раздѣленія ихъ по сословіямъ и отъ способа преній, и такъ какъ относительно провинціальныхъ собраній удвоенное представительство третьяго сословія было требуемо дворянствомъ и даровано королемъ, то оно въ подкрѣпленіе своего требованія относительно удвоенія средняго сословія въ генеральныхъ штатахъ опиралось на этотъ недавній примѣръ голосованія.

Указанные доводы въ подтвержденіе этого требованія были справедливы; а потому они были приняты самыми просвѣщенными членами дворянства и духовенства. Во Франціи было четыреста тысячь привилегированныхъ и 24 милліона гражданъ; могли ли не принять во вниманіе такую огромную разницу? Привилегированное сословіе, говорили, можетъ ограничиться только слабымъ представительствомъ, у этого сословія всего одинъ ин-

тересъ; но среднее сословіе состоитъ изъ земледѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ, юристовъ, членовъ университета или администраціи, ему необходимо дать широкое представительство, чтобы оно могло отвѣчать на различные интересы и группировать всѣ способности ума, въ которыхъ нуждается законодательное сословіе.

Въ подкрѣпленіе этого требованія указывались прецеденты. Вообще среднее сословіе имѣло болѣе многочисленное представительство нежели каждое изъ остальныхъ двухъ сословій взятое порознь. Требовалось, слѣдовательно, скорѣе распространеніе нежели ниспроверженіе стариннаго порядка.

Наконецъ, прибавляли еще, если подавать голоса отдѣльно и по сословіямъ, что нужды до числа членовъ, составляющихъ среднее сословіе? Оно никогда не будетъ имѣть болѣе одного голоса. А если будутъ подавать голоса совокупно, то развѣ много дать двойное представительство среднему сословію для уравновѣшенія двухъ привилегированныхъ сословій? Справедливо ли ставить напередъ большинство голосовъ противъ него?

Эта послѣдняя перспектива устрашила большинство духовенства и дворянства. При раздѣленіи сословій, удвоеніе средняго сословія само по себѣ имѣло маловажное значеніе. Но что произойдетъ, если будутъ подавать голоса сообща? Это значило бы убить привилегіи. А для чего же и требовалось удвоеніе, если не для поголовной подачи голосовъ, которая была уничтоженіемъ старой конституціи, этого послѣдняго оплота привилегированныхъ?

Въ генеральныхъ штатахъ старой монархіи совокупныя пренія происходили нѣсколько разъ, но съ единодушнаго согласія сословій; такимъ образомъ привилегированные могли всегда свободно поддерживать сословную рознь. Но въ 1788 году никто не обманулся; чувствовали, что во Франціи вѣетъ новый духъ, духъ равенства. Итакъ, привилегированные отстаивали послѣднюю преграду, охранявшую ихъ.

Самые умные и самые просвѣщенные люди, Мунье, Малуэ, Лалли-Толлендаль, всѣ друзья монархіи и свободы, желали удвоенія средняго сословія и поголовной подачи голосовъ. Это былъ единственный путь къ свободной конституціи. Какъ, спрашивается, было дѣлать добро съ тремя палатами, имѣющими

одна надъ другой право veto, и изъ которыхъ двѣ были привилегированныя? Это было бы самою вопіющею несправедливостью. Предположите три палаты, составленныя каждая изъ 100 членовъ, предположите, что 51 голосъ можетъ преобладать надъ 249. И замѣтьте, что этотъ 51 голосъ имѣло бы духовенство для противодѣйствія религіозной свободѣ и свободѣ печати. Стало быть, для достиженія свободы и равенства, надо было смѣшать сословія и видѣть только одну націю.

Этимъ желаніемъ объясняется, почему отцы наши были такъ склонны къ роковой идеѣ единственнаго собранія; ибо, какъ намъ показалъ уже пятикратный тяжкій опытъ, такое собраніе есть власть деспотическая, неспособная умѣряться сама собою и губящая себя своими собственными крайностями.

Итакъ, въ 1788 году министру было необходимо на что-нибудь рѣшиться; въ его рукахъ была будущность Франціи. Что же сдѣлалъ Неккеръ? Рѣшившись слѣдовать общественному мнѣнію и ничего не брать на свою отвѣтственность, онъ совѣтовалъ королю созвать нотаблей 1787 года и посовѣтоваться съ ними насчетъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ составу генеральныхъ штатовъ. Онъ хотѣлъ, говоритъ онъ, «предотвратить всякую мысль о расчетѣ или частныхъ видовъ со стороны правительства.» Трудно этому вѣрится, когда вспоминаешь, что нотабли положили допустить удвоенное представительство средняго сословія въ провинціальныхъ собраніяхъ. Но и кромѣ того это созваніе обладало двумя важными пороками. Нотабли были ничто иное какъ общество привилегированныхъ, безъ корней въ странѣ, и слѣдовательно, безъ всякаго вліянія на общественное мнѣніе. Сверхъ того, отсрочено было созваніе генеральныхъ штатовъ; давая волненію рости, правительство доказало, что у него не было той рѣшительности, которая такъ необходима въ нашей странѣ.

6-го декабря нотабли собрались скорѣе среди общаго удивленія чѣмъ удовольствія.

Испуганные волненіемъ умовъ, они подобно парламенту уцѣпились за старыя формы. Они требовали, чтобы эти формы были сохранены во всемъ, что не противорѣчило перемѣнамъ, происшедшимъ въ продолженіе двухъ вѣковъ. Это уваженіе къ

старому завело ихъ такъ далеко, что они думали, что для опредѣленія представительной способности округа, нѣтъ надобности соображаться ни съ его населеніемъ, ни съ суммою платимыхъ имъ податей.

70 тысячамъ жителей сенешальства Пуатье дано было столько же депутатовъ, какъ и 8 т. жителей уѣзда Дурдана. Бюро брата короля было единственное, которое вооружилось противъ этого столь страннаго рѣшенія. Если не представляется ни народонаселеніе, ни богатства, то что же такое представительство?

Нотабли, наоборотъ, думали, что для полученія права подавать голосъ въ первоначальныхъ собраніяхъ достаточно имѣть осѣдлость, быть совершеннолѣтнимъ и вписаннымъ въ податныя росписи. Это, впрочемъ, не было всеобщею подачею голосовъ, въ нашемъ смыслѣ, потому что голосованіе происходило въ двухъ степеняхъ.

Наконецъ нотабли высказались противъ удвоенія средняго сословія; но меньшинство, во главѣ котораго стоялъ братъ короля, оказалось болѣе благосклоннымъ къ среднему сословію, и приняло принципъ удвоенаго представительства.

Какія побужденія заставили принца, столь благоразумнаго, какъ будущій Людовикъ XVIII, стать на сторону Неккера? Относительно этого пункта намъ не зачѣмъ прибѣгать къ догадкамъ. Вотъ что въ 1799, въ своемъ изгнаніи, писалъ братъ Людовика XVI:

«Одинъ изъ самыхъ большихъ промаховъ въ моей жизни есть подача голоса въ собраніи нотаблей, въ 1788, за двойное представительство средняго сословія; и я себя упрекаю въ томъ тѣмъ болѣе, что еслибы мое имя не находилось въ меньшинствѣ голосовъ этого собранія, Неккеръ не осмѣлился бы назвать его достойнымъ уваженія; и такимъ образомъ я болѣе всякаго другаго несу въ могилу упрековъ за страшныя несчастія, которыя повлекли за собою его донесеніе отъ 27 декабря 1788 и результатъ совѣта 31 числа того же мѣсяца. Послѣ этого признанія я надѣюсь, что повѣрятъ нижеслѣдующему разсказу....

«Два класса людей вліяли на пагубное рѣшеніе, предпринятое тогда королемъ, моимъ братомъ,—рѣшеніе, коимъ приказывалось, чтобы число представителей средняго сословія было

равно двумъ другимъ соединеннымъ сословіямъ: изверги, желавшіе зла и хорошо видѣвшіе, и честные люди, желавшіе добра, но видѣвшіе дурно. Отвѣтъ первыхъ легокъ; они видѣли въ двойномъ представительствѣ средство произвести революцію, и они видѣли это тѣмъ вѣрнѣе, что съ увѣренностью надѣялись своими дѣйствіями продиктовать большую часть протоколовъ и заставить назначить большую часть депутатовъ средняго сословія по своему желанію. Отвѣтъ другихъ тоже не трудный, и какъ я имѣю несчастіе принадлежать къ нимъ, то я и скажу его: Вспомните поведеніе магистратуры въ 1787 г., равно какъ и духовенства и дворянства въ 1788, и скажите, моя ли вина, что я возъимѣлъ подозрѣнія? Одно только среднее сословіе еще не высказалось; вѣроломные, замышлявшіе революцію, даже пустили въ ходъ прошенія, кои дышали чувствомъ чистѣйшаго роялизма. Я повѣрилъ этимъ протестаціямъ, я осмѣлился разчитывать на благодарность сословія, которому король далъ бы великое доказательство довѣренности; я вспомнилъ даже, что въ 1588, Генриху III была подана помощь въ его бѣдственномъ положеніи добровольнымъ приношеніемъ средняго сословія, что въ 1614 г. одно лишь среднее сословіе поддерживало правило, по которому король отдаетъ отчетъ одному Богу. Я льстилъ себя надеждою, что дѣти пожелаютъ идти по стопамъ своихъ отцевъ. Я не скрывалъ однакоже отъ себя опасности этой мѣры; я чувствовалъ, что если она не возымѣетъ своего дѣйствія, то государство тѣмъ вѣрнѣе погибнетъ; но я сказалъ себѣ: «Съ одной стороны опасность видна, но съ другой она еще не показалась; надобно употребить послѣднее средство, какъ врачи даютъ lilium безнадежно больному;» и подалъ голосъ за двойное представительство.

«Я скрылъ это побужденіе отъ моего бюро; потому что высказывать его было бы неблагоразумно. Я вложилъ его въ сердце короля и королевы; настало время извлечь его изъ моего сердца и я признаюсь въ ослѣпленіи, которое они слишкомъ раздѣляли.»

Эта исповѣдь любопытна. Съ одной стороны, она подтверждаетъ то, что я вамъ доказывалъ уже столько разъ, то-есть, что привилегированные довели страну до революціи, и они же

первые сдѣлались ея жертвою; мы приблизились уже къ 1788, а среднее сословіе показалось лишь въ нѣсколькихъ провинціяхъ. Съ другой стороны, она намъ открываетъ, что намъ извѣстно было уже изъ другихъ нескромныхъ устъ, именно, что королевская власть надѣялась воспользоваться среднимъ сословіемъ, чтобы уничтожить привилегированныхъ, и установить равенство гражданъ подъ однимъ уровнемъ администраціи. Уже въ іюлѣ 1788, Ламуаньонъ, разговаривая съ своими друзьями, говорилъ имъ: «Парламентъ, дворянство и духовенство осмѣлились противиться королю; не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ не станетъ ни парламента, ни дворянства, ни духовенства». Ламуаньонъ оказался пророкомъ, но самъ онъ не такъ понималъ свое пророчество. Онъ не предвидѣлъ, что революція совершится въ пользу средняго сословія, а не въ пользу королевской власти.

Что же касается до злодѣевъ, которые въ 1788 приготовляли революцію, то это миражъ. Теперь, когда уже нѣтъ масокъ, очень хорошо извѣстно, чего хотѣла Франція въ 1789: она именно хотѣла равенства и свободы. Партіи всегда послѣ своего паденія воображаютъ, что одно лишь преступленіе взяло верхъ надъ невинностью: это двойное заблужденіе; онѣ падаютъ по своей винѣ, и если злодѣи воспользовались ихъ паденіемъ, то все-таки не злодѣи ихъ довели до того. Безпомощное состояніе страны, общественное равнодушіе—вотъ что губитъ правительства. Братъ короля былъ правъ въ 1788. Удовлетвореніемъ законныхъ желаній 25 милліоновъ людей, ихъ привязали бы къ монархіи; и у него хватило настолько смыслу, что понялъ это въ 1814, когда далъ хартію. То, что Мунье, Малуэ, Клермонъ-Тоннеръ требовали въ 1789, даровалъ онъ только тогда. Они не были врагами, и если бы ихъ послушали, то Франція избавилась бы отъ 25 лѣтней междуусобной и внѣшней войны; а особенно избѣгнула бы ужаснаго зла, причиняемаго революціями. Пролитая кровь, потерпѣнныя бѣдствія все это страшныя несчастія; но еще грустнѣе то, что революціей пугаютъ новыя поколѣнія и заставляютъ ихъ бояться свободы, которой названіе осквернили, но которая однако одна лишь можетъ даровать имъ безопасность и величіе.

VII.

Положеніе принцевъ и короля.

Въ то время, какъ нотабли препирались, подвергался парижскій парламентъ яростнымъ нападкамъ; ему не могли простить указа 25-го сентября 1788 г., коимъ онъ требовалъ, чтобы генеральные штаты были созваны сообразно формѣ 1614 года.

Противъ него распространены были самые злые памфлеты, каковъ, напримѣръ, памфлетъ, извѣстный подъ названіемъ Катехизиса парламента.

В. Что вы такое отъ природы?

О. Мы чиновники короля, обязанные оказывать правосудіе его народамъ.

В. Чѣмъ добиваетесь вы сдѣлаться?

О. Законодателями, и слѣдовательно, правителями государства.

В. Какъ сможете вы сдѣлаться правителями?

О. Когда мы заберемъ въ свои руки законодательную и исполнительную власти, то никто не сможетъ намъ противиться.

В. Какимъ образомъ вы этого достигнете?

О. Поведеніе наше съ королемъ, духовенствомъ, дворянствомъ и народомъ будетъ неодинаково.

В. Какъ прежде всего вы будете вести себя съ королемъ?

О. Мы постараемся лишить его довѣрія націи, возставая противъ всѣхъ его желаній, увѣряя народъ, что мы его защит-

ники и что для его же пользы отказываемся вносить въ списки налоги.

В. Не увидитъ ли народъ, что вы отказывались отъ налоговъ только потому, что вы сами должны были бы ихъ платить.

О. Нѣтъ, потому что мы проведемъ его, говоря, что только нація можетъ согласиться на налоги, и потребуемъ генеральныхъ штатовъ.

В. Если, къ вашему несчастью, король поймаетъ васъ на словѣ и генеральные штаты будутъ созваны, какъ вы отдѣлаетесь?

О. Мы придеремся къ формѣ и потребуемъ форму 1614 года.

В. Для чего же это?

О. Потому что по этой формѣ среднее сословіе будетъ представлено юристами, а это дастъ намъ перевѣсъ.

В. Но вѣдь юристы васъ ненавидятъ?

О. Если они насъ ненавидятъ, значитъ боятся, и мы ихъ заставимъ преклониться передъ нашею волей и т. д.

Парижскій парламентъ, привыкшій къ популярности, привыкшій притомъ говорить одинъ и быть одному органомъ страны, устрашился этихъ нападеній. Онъ чувствовалъ себя покинутымъ и властью, которую онъ привелъ на край гибели, и народомъ, на который онъ такъ долго опирался. А потому онъ старался примириться съ общественнымъ мнѣніемъ. Д'Еспремениль, менѣе чѣмъ кто-либо расположенный отказаться отъ своей популярности, заставилъ, говорятъ, парламентъ воротиться къ прежнему; его побудилъ къ тому Неккеръ, который, отдадимъ ему справедливость, старался соединить всѣ умы.

5-го декабря 1788 года парламентъ, большинствомъ 45 голосовъ противъ 39-ти, принялъ рѣшеніе, по которому совершенно оставлялъ свое требованіе формъ 1614 года и косвеннымъ образомъ высказался въ пользу удвоенія представителей средняго сословія.

Въ тоже время парламентъ предлагалъ королю планъ конституціи, и такимъ образомъ, казалось, присвоивалъ себѣ право быть представителемъ націи въ то время, когда созваніе генеральныхъ штатовъ отнимало у него эту прерогативу.

Въ этомъ рѣшеніи парламента были превосходныя вещи, но оно появилось слишкомъ поздно; трудно было забыть, что это сословіе, которое теперь требовало, между прочими реформами, свободу печати, было ея самымъ жестокимъ противникомъ въ продолженіи всего XVIII столѣтія. Не всѣмъ позволено говорить о свободѣ; чтобы получить это право, надо защищать ее, во время гоненій, а не восхвалять ее, когда она торжествуетъ. Общество на этотъ счетъ не обманулось. Объявленіе парламента послужило лишь для новаго доказательства того, насколько генеральные штаты и конституція были необходимы; что же касается до судей, то они не познали никакой благодарности за такъ-называемое отреченіе.

Король, который каждый разъ, когда хотѣлъ произвести реформу, встрѣчалъ на своемъ пути противодѣйствіе парламента, мало былъ тронутъ этимъ новымъ превращеніемъ. А потому когда, 9-го декабря, судъ понесъ свое рѣшеніе въ Версаль, король съ нѣкоторымъ удовольствіемъ сухо замѣтилъ, что «ему нечего отвѣчать на просьбы парламента, что онъ узнаетъ о нуждахъ своего народа отъ генеральныхъ штатовъ».

Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ, парламенту было оказано одно только презрѣніе.

Въ собраніи нотаблей образовалась могущественная партія, хотя и немногочисленная, которая устрашилась уличныхъ волненій, а еще болѣе волненія умовъ. Принцъ Конти отъ имени принцевъ, въ общемъ собраніи всѣхъ коммиссаровъ бюро подъ предсѣдательствомъ брата короля, возвысилъ голосъ и объявилъ, что «Франція наводнена скандалезными сочиненіями, посѣвающими повсюду волненіе и раздоръ». Монархія оскорблена, продолжалъ онъ, желаютъ ея уничтоженія, и мы приближаемся къ этой гибельной минутѣ.

«Соблаговолите, ваше высочество, представить на усмотрѣніе короля, какъ важно для устойчивости его трона запрещеніе разъ навсегда всѣхъ новыхъ системъ сохраненія во всей цѣлости конституціи и старыхъ формъ».

Принцъ Конти требовалъ, чтобы его заявленіе было сообщено всѣмъ бюро и подвергнуто ихъ обсужденію, и затѣмъ писменно передалъ его брату короля, для представленія самому ко-

ролю. По совѣту Неккера, Людовикъ XVI сурово отвергнулъ это предложеніе; онъ отвѣчалъ, что собраніе нотаблей, занимаясь подобнымъ предметомъ, отступаетъ отъ своихъ обязанностей, и что впредь онъ запрещаетъ всякое преніе касательно этого вопроса. Мало того, онъ отослалъ принцу Конти его рукопись. Роялисты ожесточенно порицали то, что они называли суровостью короля; но что же предлагалъ ему принцъ Конти? Остановить всякую реформу и ничего не дѣлать. Развѣ такому совѣту можно было слѣдовать въ концѣ 1788 года, да еще послѣ обѣщанія созвать генеральные штаты?

Безуспѣшность этой попытки не привела въ уныніе принца Конти. Онъ чувствовалъ (и конечно, былъ правъ), что правительство вступило на неизвѣданный путь, онъ боялся неизвѣстности; запрещая нотаблямъ разсуждать о предложеніи принца Конти, Людовикъ XVI прибавилъ, что, когда принцы крови пожелаютъ указать ему на то, что считаютъ полезнымъ для блага его службы и государства, то могутъ во всякое время обращаться къ нему лично. Графъ д'Артуа и принцы Конде, которые были испуганы не менѣе принца Конти, сошлись и поручили Монсіону, канцлеру графа д'Артуа, составить записку, которая и была представлена королю.

«Ваше величество, говорили они, государство въ опасности; ваша особа уважаема, добродѣтели монарха обезпечиваютъ за нимъ благоговѣніе къ нему націи; но, государь, революція подготовляется въ принципахъ управленія и опирается на волненіе умовъ. Священныя учрежденія, благодаря коимъ монархія благоденствовала въ продолженіи столькихъ вѣковъ, превращены въ сомнительные вопросы, или даже обозваны несправедливостью.

«Сочиненія... записки... требованія, составленныя различными провинціями, городами или сословіями, предметъ и слогъ этихъ требованій, все обнаруживаетъ и доказываетъ систему обдуманнаго неповиновенія и презрѣнія къ законамъ государства. Всякій авторъ выдаетъ себя за законодателя...; всякій, кто выдвигаетъ смѣлое предложеніе, всякій, кто предлагаетъ перемѣну законовъ, увѣренъ, что будетъ имѣть читателей и послѣдователей.

«...Кто можетъ сказать, на чемъ остановится дерзость мнѣній? Права трона подвергнуты сомнѣнію; права двухъ сословій государства вносятъ раздвоеніе въ общественное мнѣніе, скоро подвергнутся нападенію и права собственности; неравенство богатствъ будетъ представлено, какъ предметъ реформы; уже предлагалось уничтоженіе феодальныхъ правъ, въ смыслѣ отмѣны системы притѣсненія и остатка варварства».

Далѣе записка говоритъ, что требованіе удвоеннаго числа голосовъ для третьяго сословія именно имѣетъ въ виду достиженіе вышесказаннаго, что это требованіе неконституціонно и имѣетъ цѣлью достигнуть уничтоженія сословій и ниспроверженія старой монархіи. Но принцы объявляютъ, что ни духовенство, ни дворянство не согласятся на свое уничтоженіе; и вотъ уже въ 1788 году они поднимаютъ знамя контръ-революціи.

«Въ государствѣ, гдѣ уже такъ давно не было гражданскихъ несогласій, съ сожалѣніемъ произносится имя разрыва; между тѣмъ слѣдуетъ ожидать этого событія, если права двухъ первыхъ сословій потерпятъ какую либо перемѣну; тогда одно изъ этихъ сословій, а можетъ-быть, и оба, могутъ не признать генеральныхъ штатовъ и отказаться отъ собственнаго утвержденія своего уничиженія, явившись въ собраніе.»

Принцы напоминаютъ королю, что его первая обязанность быть дворяниномъ, какъ выразился Генрихъ IV; они умоляютъ его не приносить въ жертву, не унижать «это бравое, старинное и почтенное дворянство, которое пролило столько крови за отечество и королей, посадило на тронъ Гуго Капета, вырвало скипетръ изъ рукъ англичанъ, чтобы отдать его Карлу VII, и коему суждено было утвердить корону на головѣ родоначальника царствующей вѣтви [1]).

«Пусть же перестанетъ среднее сословіе оскорблять права двухъ первыхъ сословій,—права, которыя, будучи не менѣе древни, чѣмъ монархія, должны быть столь-же неизмѣнны какъ конституція; пусть оно ограничится тре-

---

[1]) То-есть, Генриха IV.

бованіемъ уменьшенія налоговъ, коими оно можетъ быть обременено: тогда два первыя сословія, признавая въ третьемъ дорогихъ для себя согражданъ, будутъ въ состояніи по великодушію своихъ чувствъ отказаться отъ преимуществъ, кои имѣютъ предметомъ денежный интересъ, и согласиться отбывать наравнѣ со всѣми народныя повинности.

«Пусть среднее сословіе предвидитъ, какой можетъ выйдти, при послѣднемъ анализѣ, результатъ отъ лишенія духовенства и дворянства ихъ правъ, и какой получится плодъ отъ смѣшенія сословій. Въ силу цѣлаго ряда общихъ законовъ, коими управляются всѣ политическія конституціи, французской монархіи предстояло бы перероди́ться въ деспотизмъ или демократію, два рода противоположныхъ революцій, но оба гибельные.»

Эта напечатанная и распространенная записка была тотчасъ же опровергнута со всѣхъ сторонъ. Среднее сословіе имѣло большое преимущество передъ духовенствомъ и дворянствомъ: на его сторонѣ были не только лучшіе писатели, но и право и разумъ. Что это за уступка дворянъ, которые по великодушію чувства могли бы согласиться платить подати наровнѣ со всѣми? Чтоже! Неужели духовенство и дворянство были бы унижены тѣмъ, что имъ, 500 тысячамъ, давалось бы одинаковое число представителей съ среднимъ сословіемъ, состоящимъ изъ 24 милліоновъ душъ? И кто же, принцы крови, эти естественныя подпоры монархіи, вызываютъ сопротивленіе привилегированныхъ? По какому праву? Что такое они? Ни братъ короля, ни герцогъ орлеанскій, первый принцъ крови, не подписали записку. Это не болѣе какъ жалоба пяти важныхъ недовольныхъ вельможъ, говорили въ 1788 году; но въ настоящее время мы можемъ быть справедливѣе.

Прежде всего нельзя отвергать въ принцахъ нѣкотораго рода ясновидѣнія. Озаренные, если угодно, свѣтомъ собственнаго интереса, они чувствовали опасность, и кто можетъ сказать, что съ ихъ точки зрѣнія они не были правы? Волна равенства вздымалась и готовилась затопить ихъ.

Примемъ во вниманіе ихъ воспитаніе. Не только принцы, но и вся дворянская и парламентская Франція была воспитана

въ идеяхъ, которыя раздѣлялъ Монтескье: будто такая монархія, какъ старая французская монархія,—правленіе, гдѣ народъ не имѣлъ представительства, могло существовать только при участіи посредствующихъ сословій съ одной стороны, на столько сильныхъ, чтобы противиться министерскому деспотизму, а съ другой — настолько рѣшительныхъ, чтобы подавить демократію. За уничтоженіемъ дворянства, они видѣли во Франціи только двѣ формы правленія: деспотизмъ или демократію. Ошиблись ли они? Не оправдала ли ихъ взглядъ исторія?

Въ чемъ же заключалось ихъ заблужденіе? Ихъ заблужденіе заключалось въ убѣжденіи, что старая конституція монархіи должна быть неизмѣнна, то есть, что извѣстная форма правленія можетъ навсегда заполонить общество. Франція возросла; на сторонѣ средняго сословія трудъ, богатство, наука; эмансипація полная; для новаго общества нужна новая форма правленія. Франціи 1789 года нужна была представительная конституція; она была демократіей и чувствовала это.

Современники, кои въ борьбѣ своей встрѣчаются съ интересами, заговорщиками и страстями, воображаютъ всегда, что ихъ противники злодѣи; съ одной стороны, привилегированные вопили о томъ, что уничтожается собственность и разрушается общество, съ другой — революціонеры вопили о злоумышленіяхъ деспотизма и жестокости; но кто возвышается надъ предразсудками времени, тотъ видитъ какъ борьбу идей, такъ равно невинныхъ и виновныхъ въ обоихъ лагеряхъ. Обѣ стороны сражаются за свою вѣру съ одинаковою искренностію или одинаковымъ фанатизмомъ; но съ одной стороны заблужденіе, съ другой — истина. Вотъ куда надо обращаться, чтобы принять какое-либо рѣшеніе. Надо смотрѣть не на людей, а на идеи, которыя они проводятъ; такимъ образомъ, въ одно и тоже время, можно очень рѣшительно защищать принципы и быть очень снисходительнымъ къ отдѣльнымъ личностямъ; собственные противники уважаются, но ихъ заблужденій можно гнушаться. Вотъ что въ исторіи и въ политикѣ составляетъ истинное правосудіе; но чтобы возвыситься до этого, надо обладать просвѣщеннымъ умомъ и сердцемъ безъ страстей, а это двѣ

вещи рѣдкія во всякое время и почти невстрѣчающіяся среди лихорадки революцій.

Тогда, какъ принцы отстаивали старыя привилегіи, дѣлавшія изъ горсти людей хозяевъ Франціи, на сцену появилось третье сословіе; къ стѣнамъ рынковъ стали прибиваться объявленія слѣдующаго содержанія:

«Совѣтъ добрымъ людямъ.

«Храбрые Парижане, сознайте свои силы; не дозволяйте господствовать надъ вами этимъ парламентамъ, этому дворянству и духовенству, коихъ только одна горсть и изъ коихъ вамъ такъ легко сдѣлать завтракъ».

Совѣтъ Парижанамъ, менѣе грубый по формѣ, былъ не менѣе жестокъ по сущности:

«Легкомысленные Парижане, вы ходите по спектаклямъ и играмъ, когда монархія находится въ опасности, когда ваши враги работаютъ надъ отягощеніемъ вашихъ оковъ.... Вы, долженствующіе подавать примѣръ провинціямъ, едва говорите о революціи, которая подготовляется. Ваши дни протекаютъ въ жизни изнѣженной и женственной. Подлые! Выходите же изъ этой постыдной апатіи, изъ этой безчувственности, которая дѣлается преступною. Возстаньте противъ духовенства, дворянства, судейскаго сословія.. Слышете ихъ, какъ они отстаиваютъ свои привилегіи, когда большинство народа находится въ нищетѣ....

«Выслушайте меня. Вы не можете быть представлены законно до тѣхъ поръ, пока ваши депутаты не будутъ соотвѣтствовать населенію. Должны же 24 милліона имѣть болѣе депутатовъ, чѣмъ 600 тысячъ. Требовать, чтобы число вашихъ представителей, по крайней мѣрѣ, въ семь разъ превосходило число представителей другихъ сословій не значитъ требовать многаго. Настаивайте же на полученіи этой пропорціи.

«Народы, подумайте о бремени, которое вы несете. Взгляните на окружающіе васъ дворцы и за́мки, построенные вашимъ по́томъ и вашими слезами! Сравните ваше положеніе съ положеніемъ этихъ прелатовъ, вельможъ и сенаторовъ. Что получаете вы отъ нихъ за оказываемое имъ уваженіе? Презрѣніе. Кто же васъ еще останавливаетъ? Отчего не раздается вашъ

голосъ? Вы не знаете, какъ вамъ приняться, чтобы соединиться? Неужели васъ нужно всегда водить на помочахъ! Чтоже! Развѣ вы не составляете сословій, обществъ? Развѣ вы не имѣете секретарей, синдиковъ и присяжныхъ? У васъ развѣ нѣтъ канцелярій? Развѣ тѣ, которые находятся во главѣ васъ, не могутъ созвать васъ! А если бы они были на столько равнодушны и подлы, что покинули бы ваши интересы, развѣ любой изъ васъ не можетъ исполнить это? Бѣгите же огуломъ, поддержите ваши права, вы должны разсчитывать только на милость короля и на самихъ себя. Составляйте изъ себя комиціи....

«Повторяю вамъ: духовенство, дворянство и судьи соединились противъ васъ; они уступятъ только силѣ. На вашей сторонѣ перевѣсъ, васъ шестнадцать противъ одного: неужели же вы дозволите поработить себя вашимъ тиранамъ, вашимъ притѣснителямъ, которые во сто разъ слабѣе васъ, которые неспособны бороться съ вами ни перомъ, ни съ оружіемъ въ рукахъ. Ваша многочисленность ихъ раздавила бы? Ужъ не прелаты ли надѣнутъ на себя латы? Ужъ не судьи ли явятся съ каской на головѣ?»

Уже чувствуется вѣяніе революціи. Но сочиненія 1788 года отличаются отъ сочиненій, имѣвшихъ скоро появиться, уваженіемъ къ королевской власти. Они, лучше сказать, опираются на короля, чтобы вторгнуться въ брешь привилегій.

«Парижане, окружите короля, составьте собою раздѣльную стѣну. Поддержите его власть и независимость его короны... Содѣйствуйте видамъ благодѣтельнаго монарха. Самое любезное желаніе его сердца — это возвратить вамъ ваше первоначальное достоинство. Способствуйте же всѣми вашими силами исполненію его намѣреній, которыя имѣютъ цѣлью ваше счастье; ибо, наконецъ, не можетъ же быть отъ васъ скрыто, насколько противодѣйствуютъ его намѣреніямъ».

Такимъ образомъ народъ опирался на короля, а король, съ своей стороны, подобно своимъ предкамъ, охотно соглашался опереться на народъ, чтобы покончить съ привилегіями. Кто этого не видитъ, тотъ ничего не пойметъ въ зарожденіи революціи.

Среди этого всеобщаго волненія Неккеръ наконецъ принялъ свое рѣшеніе. Онъ объявилъ королю, что общественное мнѣніе уже ясно высказалось и предложилъ ему даровать двойное представительство третьему сословію. Такъ какъ нотабли склонились къ противному мнѣнію, то можно было положить на вѣсы рѣшеніе парламента.

Это предложеніе было принято безъ затрудненія королемъ, королевой и братомъ короля. Очень раздраженный противъ дворянъ и парламента, король находилъ кромѣ того, что двойное представительство средняго сословія было сообразно съ правосудіемъ.

Въ совѣтѣ было рѣшено, что генеральные штаты будутъ составлены, по крайней мѣрѣ, изъ тысячи депутатовъ, что выборы будутъ производиться по округамъ и сенешальствамъ, что число депутатовъ каждаго округа будетъ пропорціонально его населенію и податямъ, и что, наконецъ, депутаты средняго сословія будутъ уравновѣшены въ числѣ съ двумя другими сословіями.

Этотъ важный актъ былъ опубликованъ подъ страннымъ заглавіемъ: Результатъ засѣданія королевскаго совѣта, 27 декабря 1788 года. Такая форма была совершенно неупотребительная. До этого времени королевскія рѣшенія были всегда объявляемы въ формѣ законовъ или указовъ совѣта, при чемъ введеніе объясняло мотивы и духъ закона. Это введеніе было дѣломъ министровъ, но оно было объявляемо отъ имени короля, который одинъ имѣлъ право говорить своему народу. Въ результатѣ совѣта все измѣнено; тутъ говоритъ министръ, а король довольствуется соизволеніемъ и приказаніемъ, чтобы министерское донесеніе было напечатано вслѣдствіе рѣшенія, принятаго совѣтомъ. Какая причина понудила Неккера дѣйствовать такимъ образомъ? Было ли это желаніе взять на себя всю отвѣтственность этой мѣры, какъ бы это сдѣлалъ англійскій министръ? Было ли это пустое тщеславіе? Я не знаю, но склоняюсь къ послѣдней причинѣ.

Для человѣка, столь влюбленнаго въ популярность, какъ Неккеръ, было пріятно отдать справедливость третьему сословію, поддерживаемому общественнымъ мнѣніемъ, а еще пріятнѣе—

объявить отъ имени короля, что монархъ даруетъ уничтоженіе секретныхъ предписаній, свободу печати и періодическое собраніе генеральныхъ штатовъ для ревизіи финансовъ. «Онъ старался, говоритъ мадамъ де-Сталь, отнять у будущихъ депутатовъ все то добро, которое они хотѣли сдѣлать, чтобы народная любовь къ королю обратилась на нихъ». Позволительно думать, что Неккеръ, обдѣлывая дѣла короля, разсчитывалъ, что и на его долю выпадетъ частица народной любви, этой единственной награды, которой онъ всегда добивался.

Рѣшаясь на удвоеніе средняго сословія, Неккеръ не высказался относительно поголовной подачи голосовъ, которая, какъ кажется, была естественнымъ слѣдствіемъ такого удвоенія. Совершенно напротивъ, Неккеръ скользилъ по этому затрудненію.

«Важность, придаваемая этому вопросу, говорилъ онъ въ своемъ отчетѣ, можетъ быть преувеличена съ той и съ другой стороны... Было бы, безъ сомнѣнія, желательно, чтобы сословія соединились для общаго обсужденія всѣхъ дѣлъ, въ коихъ интересъ ихъ совершенно равенъ и сходенъ, но такой рѣшимости, даже въ виду явнаго желанія сословій, можно ожидать лишь отъ любви ко благу государства».

Чего хотѣлъ Неккеръ, удвоивая среднее сословіе и въ то же время оставляя тремъ сословіямъ совершенную свободу, для опредѣленія того, каковы будутъ общія пренія?

По мнѣнію людей практическихъ то была прекрасная политика относительно приведенія и принужденія къ поголовной подачѣ голосовъ, не уничтожая привилегіи рукою короля. Я предполагаю, что съ этимъ-то Ламуаньонъ и поздравлялъ Неккера. По мнѣнію привилегированныхъ, то была гнусная хитрость, для понужденія духовенства и дворянства къ отреченію. Вся революція вышла изъ этого указа совѣта, коего никогда не могли простить Неккеру.

Съ другой стороны, пылкіе умы, друзья народнаго дѣла оскорблялись министерскою теоріей. Что нужды, говорили они, въ совокупномъ совѣщаніи въ дѣлахъ, гдѣ интересъ безусловно равенъ и одинаковъ? Напротивъ, лишь при столкновеніи интересовъ приходится рѣшать, кто получитъ верхъ, привилегіи ли,

или общій интересъ? Чего же хочетъ министръ? Безъ сомнѣнія, онъ хочетъ сохранить за собою высшее руководство генеральными штатами, заставляя сословія подавать голоса то совокупно, то отдѣльно.» Съ этого времени вѣра въ Неккера падаетъ и на него начинаютъ смотрѣть, какъ на шарлатана.

Въ сущности же Неккеръ былъ ничто иное, какъ Макіавелли. Онъ могъ бы сказать ясно, чего хотѣлъ. Его идея, согласно тому, что онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, защищающемъ его управленіе, заключается въ слѣдующемъ:

Виды короля простирались на то, чтобы всѣ привилегированные отказались отъ денежныхъ привилегій, и парламентъ, равно какъ и дворянство, въ собраніи нотаблей уже выразили свое намѣреніе. Вотъ точка, на которой любовь ко благу отечества должна была соединить сословія.

Разъ установивши равенство налоговъ, чтоже оставалось духовенству и дворянству? Почетныя привилегіи и болѣе ничего, потому что съ политическою свободой и свободой печати должно было мало по малу уничтожиться все, что могло еще носить характеръ дѣйствительнаго неравенства. Неккеръ предполагалъ (и таково же было мнѣніе короля и брата короля), что третье сословіе, счастливое и гордое сдѣланными ему уступками, не выйдетъ изъ очерченнаго ему круга дѣйствій. Получилось бы нѣчто похожее на конституцію и на англійское общество, въ которыхъ почетныя привилегіи могутъ льстить тщеславію однихъ и уязвлять тщеславіе другихъ, но гдѣ царствуетъ прочное равенство передъ закономъ. Въ странѣ, гдѣ 1300 лѣтъ господствовало духовенство и дворянство, можно ли было совершить реформу на лучшихъ условіяхъ, какъ оставивъ прошлому лишь наружный видъ и давъ народу самую полную и самую твердую свободу?

Вотъ какова, я думаю, была идея Неккера. Само по себѣ ее можно защищать; но оставлять подобный вопросъ нерѣшеннымъ, было бы въ политическомъ отношеніи неловко и опасно. Этимъ путемъ генеральные штаты застали всѣхъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи того, что будетъ. Если бы король постановилъ, 27-го декабря 1788 г., какіе вопросы будутъ разрѣшаться совокупнымъ голосованіемъ, а какіе отдѣльно, то вся Франція

приняла бы это рѣшеніе съ благодарностью. Для короля было все возможно, не только потому, что онъ былъ государь, но и потому, что во всемъ государствѣ не было ни одного француза, который бы не былъ убѣжденъ, что Людовикъ XVI желалъ блага своему народу чистосердечно, безъ задней мысли. Будучи предоставлено теченію все погибло, тогда какъ не было ничего легче, какъ избѣгнуть подводнаго камня, у котораго разбилась монархія.

Не отдаютъ себѣ полнаго отчета о роли королевской власти въ свободныхъ обществахъ: часто воображаютъ, что король брусокъ. Это совершенно ложная идея. Король есть верховный посредникъ, который, будучи чуждъ партій и взвѣсивъ всѣ мнѣнія, изрекаетъ правду. Чтобы общество не находилось въ безпрестанныхъ тяжбахъ, нуженъ судья. Если же слово судья имѣетъ слишкомъ узкій смыслъ, то я возьму старое слово управлять, хорошо опредѣляющее роль короля; это кормчій. Помѣщенный у руля, и всегда внимательный къ теченію, къ цвѣту воды, къ вѣтрамъ и волнамъ, онъ управляетъ кораблемъ и отвѣчаетъ за его судьбу. Едва двигается онъ, едва чувствуется его присутствіе, а между тѣмъ безъ него нѣтъ спасенія. Что нынѣ народы уже сами въ состояніи обдѣлывать свои дѣла, что мы уже болѣе не дѣти въ рукахъ отца или правителя, я съ этимъ согласенъ; но мы всѣ пустились въ общее плаваніе, и если нѣтъ кормчаго, который знаетъ дорогу и который твердою рукой держитъ руль, то кораблекрушеніе несомнѣнно.

VIII.

Памфлеты.

Мы уже говорили о памфлетахъ и аффишахъ, каковы Adresse aux Parisiens [1]), Avis aux bonnes gens [2]), которыми народъ призывали пустить въ дѣло свою силу и просто позавтракать [3]) духовенствомъ и дворянствомъ. Мы могли бы привести Litanies du tiers état [4]) и его Évangile [5]) и другіе памфлеты, въ большомъ числѣ распространенные однимъ дѣятельнымъ и безпокойнымъ обществомъ, которое собиралось въ Пале-Ройялѣ и приняло скромный титулъ Клуба Бѣшеныхъ (Club des enragés).

Далѣе, мы говорили о презрительномъ посланіи принцевъ, которые объявили отъ имени дворянства, что оно, по своему великодушію, согласится на равное распредѣленіе налоговъ, если среднее сословіе перестанетъ нападать на оба первыя сословія. Это презрительное отношеніе принцевъ нашло себѣ отголосокъ во множествѣ памфлетовъ, гдѣ обращались въ смѣшную сторону требованія средняго сословія. Уже начиналась эта монархическая пресса, пресса насмѣшливая и ѣдкая, которая своими нападеніями вводила въ заблужденіе общественное мнѣ-

---

1) Обращеніе къ Парижанамъ.

2) Объявленіе хорошимъ людямъ.

3) Ne faire qu' un déjeuner.

4) Литаніи средняго сословія.

5) Per Evangelica dicta deleantur carnifices, magistratus et nobiles. Amen. Т. е. Да поведутъ слова этого Евангелія за собою уничтоженіе палачей, магистрата и дворянъ. Аминь.

ніе и всего болѣе причинила зла привилегированнымъ классамъ и королевскому достоинству.

Во всякое время существовали буйные умы, которые ищутъ войны и наталкиваютъ па безпорядокъ, якобинцы или крайніе; все дѣло ихъ воспламенять страсти для того, чтобы не слышенъ былъ голосъ закона.

Среди этаго разлива памфлетовъ можно отличить нѣсколько сочиненій, обратившихъ на себя вниманіе публики благодаря имени или таланту ихъ авторовъ.

Мы уже говорили о трехъ брошюрахъ Тарже озаглавленныхъ: Les états generaux convoqués par Louis XVI [1]). Все достоинство ихъ заключалось въ имени автора. Это разсужденія адвоката; въ нихъ больше словъ, чѣмъ дѣла. Тарже, какъ и Неккеръ, приходитъ къ удвоенію средняго сословія; онъ разсчитываетъ, что оно приведетъ къ поголовной подачѣ голосовъ, на которую согласятся добровольно. Но это значило бы желать отъ привилегированныхъ классовъ отреченія. Подобное отреченіе рѣдко встрѣчается въ исторіи, и я не знаю, найдется-ли ему примѣръ. Извѣстная партія можетъ примириться съ лишеніемъ своихъ правъ, но сама его не предложитъ.

Малуе (Malouet)—морской интендантъ, одинъ изъ нашихъ самыхъ способныхъ администраторовъ, родившійся въ Ріомѣ въ 1740 году и, слѣдовательно въ 1788 году человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ и опытности, въ декабрѣ мѣсяцѣ этаго года напечаталъ Avis à la noblesse [2]) съ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Observations [3]) Мабли: «Что можетъ сдѣлать дворянство, когда оно потеряло кредитъ въ народѣ или когда оно его дозволило угнетать.»

Малуе желалъ конституціи, которая гарантировала бы свободу и политическое равенство, что, по его мнѣнію, будетъ достигнуто удвоеніемъ средняго сословія и поголовною подачей голосовъ. Онъ говорилъ языкомъ ума и справедливости; но этотъ-то языкъ и отказываются слушать въ тѣ лихорадочныя

---

[1]) Генеральные штаты, созванные Людовикомъ XVI.

[2]) Обращеніе къ дворянству.

[3]) Наблюденія.

времена, которыя называются революціями. У всѣхъ партій одно желаніе,—какъ бы раздавить другъ друга и это идетъ до тѣхъ поръ, пока взаимное пораженіе не покажетъ имъ цѣны тѣхъ совѣтовъ, которыми онѣ такимъ пагубнымъ образомъ пренебрегали.

Другой другъ свободы, Мунье (Mounier), образъ дѣйствій котораго въ Дофине обратилъ на себя всеобщее вниманіе и который былъ въ то время органомъ конституціонной партіи и отголоскомъ всей Франціи, обнародовалъ Nouvelles observations sus les états généraux [1]), имѣвшія большой успѣхъ. Идеи, которыя онъ защищаетъ, тѣже какъ и у Малуе.

Какъ Малуе, онъ не можетъ распознать конституціи въ «этомъ хаосѣ, гдѣ всякое сословіе, всякая провинція, всякіе чины, всякій частный человѣкъ ссылается на привилегіи и грамоты». Быть можетъ больше чѣмъ Малуе, онъ чувствуетъ, что государственные чины принесутъ счастіе или злополучіе Франціи. Они или спасутъ страну, если будутъ смотрѣть на цѣлую Францію какъ на великую семью, или погубятъ ее, если каждый изъ нихъ станетъ хлопотать только о себѣ и стараться сдѣлаться средоточіемъ, если заботы о частныхъ интересахъ поставятъ выше интереса общественнаго.

Съ краснорѣчіемъ, исполненнымъ патріотизма, Мунье требуетъ отъ провинцій, чтобы онѣ отказались отъ своихъ привилегій, которыя нѣкогда, правда, могли стѣснять деспотизмъ, но теперь представляютъ только препятствія для установленія свободы.

Нужно пожертвовать не только провинціальнымъ духомъ, нужно пожертвовать также духомъ корпорацій; этимъ духомъ недовѣрія, который раздѣляетъ Францію на три соперничествующихъ народа.

Мунье напоминаетъ, что Дофине дало своимъ будущимъ депутатамъ наказъ образовать Національное Собраніе и вотировать поголовно, убѣдившись собственнымъ опытомъ и на примѣрѣ послѣднихъ государственныхъ чиновъ, что нація, ра-

---

[1]) Новыя разсужденія о генеральныхъ штатахъ.

здѣленная на три государственныя тѣла, представляетъ Европѣ только смѣшное зрѣлище народныхъ представителей, занятыхъ самыми низменными интересами и жалкими ссорами, пренебрегаемыхъ дворомъ и, въ заключеніе, презираемыхъ націею, интересамъ которой они повредили, и права которой они предали.

Мунье былъ ученикомъ Монтескье, партизаномъ англійскихъ идей, какъ тогда выражались. Онъ желалъ достигнуть конституціоннаго образа правленія, но отталкивалъ мысль о непосредственномъ образованіи двухъ палатъ, одной, гдѣ бы соединялись дворянство и духовенство, другой, гдѣ бы засѣдало среднее сословіе. По его мнѣнію, дѣйствовать такъ, значитъ не подражать Англіи, а разрубить французскій народъ на два куска, образовать двѣ націи въ одной, организовать двѣ равносильныя арміи и поставить ихъ въ боевой порядокъ.

Онъ желалъ однако собранія, которое представляло бы народъ, и въ это представительство онъ надѣялся ввести какъ подраздѣленіе законодательный корпусъ. Эта идея единаго конституціоннаго собранія, я полагаю, была одною изъ великихъ ошибокъ революціи. Не потому чтобъ мнѣ казалось необходимымъ имѣть два собранія, чтобы установить одну конституцію, но потому что у насъ конституціонное собраніе всегда было обременено двойною ролью—законодательною и конституціонною и что оно всегда пользовалось второю для злоупотребленія всякою властью. Мы не поняли, что есть разсудительнаго и безобиднаго въ конвенціяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ то время какъ Мунье и Малуе, защищая права страны, проповѣдывали умѣренность и согласіе, одинъ членъ лангедокскаго дворянства, графъ д'Антрегъ (D'Antraigues), обнародовалъ республиканскій памфлетъ подъ заглавіемъ: Mémoire sur les états generaux, leurs droits et la manière de les convoquer. [1])

Девизъ былъ взятъ изъ знаменитой формулы присяги арагонскихъ кортесовъ: «Мы, изъ которыхъ каждый значитъ столько же сколько вы всѣ, которые всѣ вмѣстѣ могуществен-

[1]) Записка о генеральныхъ штатахъ, ихъ правахъ и о способѣ ихъ созыванія.

нѣе васъ, мы обѣщаемъ повиноваться вашему правительству, если вы станете поддерживать наши права и привилегіи; если нѣтъ, то нѣтъ».

Ни одинъ король менѣе не заслуживалъ подобной угрозы, какъ Людовикъ XVI. Но какова бы ни была дерзость эпиграфа, сама книга заставила его поблѣднѣть. Объ этомъ можно судить по началу:

«Само небо восхотѣло, чтобъ существовали республики и безъ сомнѣнія ради того, чтобъ дать добродѣтелямъ, наиболѣе героическимъ, отечество достойное ихъ; и быть можетъ, чтобъ наказать самолюбіе людей, оно дозволило подняться великимъ имперіямъ, королямъ и господамъ.

«Но вѣчно правый, даже въ своемъ гнѣвѣ, Богъ допустилъ, чтобъ въ силу ихъ притѣсненія, нашлось средство для возрожденія народовъ, обращенныхъ въ рабство.

Это средство, нужно-ли говорить?—есть возстаніе. Не возстановляетъ-ли такимъ образомъ д'Антрегъ память Этьена Марселя, протестуя противъ строгости историковъ. Далѣе, графъ д'Антрегъ объявляетъ, что законодательная власть непримиряема съ наслѣдственностью государя. Дворъ обзывается гнѣздомъ порчи. Всѣ придворные естественные враги общественнаго порядка, презрѣнная толпа наглыхъ и низкихъ рабовъ; наслѣдственное дворянство есть самый ужасный бичь, который небо, въ своемъ гнѣвѣ, могло только опустить на свободную націю; вѣка, которые до тѣхъ поръ чтили, суть вѣка срама, и уваженіе, которое они намъ внушали, произвело народныя бѣдствія.

Заключеніе этого памфлета состоитъ въ томъ, что среднее сословіе есть народъ, что народъ есть само государство, что другія сословія суть ничто иное, какъ политическія подраздѣленія, тогда какъ народъ есть все по непреложному закону природы, которому все должно подчиняться. Довольствуясь удвоеннымъ представительствомъ, среднее сословіе является болѣе чѣмъ скромнымъ.

Что касается безпорядковъ, которыя могла бы породить такая смѣлая теорія, то д'Антрегъ говоритъ о нихъ съ пренебреженіемъ, тономъ человѣка, которому революція ни почемъ. Нѣтъ

такихъ безпорядковъ, которыхъ нельзя было бы не предпочесть могильной тишинѣ, царствующей при абсолютной власти». Напротивъ того, сколько разъ народы отвергали эту мысль и предпочитали все безпорядкамъ революціи! Постоянно забываютъ, что общественная безопасность есть первая потребность народа и даже условіе его существованія.

Недолго спустя послѣ памфлета графа д'Антрега появилась брошюра сильная, но сильная въ другомъ родѣ, имѣвшая такой успѣхъ, что по праву занимаетъ видное мѣсто во всѣхъ исторіяхъ революціи. Она была написана аббатомъ Сійесомъ (Sieyès) и носила заглавіе: Qu'est-ce que le tiers état [1])?

Кто онъ, этотъ человѣкъ, теоретикъ Учредительнаго Собранія, этотъ человѣкъ, о которомъ Мирабо говорилъ не безъ ироніи: «Его молчаніе было общественнымъ бѣдствіемъ».

Изучимъ его жизнь и характеръ. Сійесъ имѣлъ великое вліяніе на наши судьбы. Въ 91 г. 18 брюмера онъ игралъ одну изъ главныхъ ролей; Тьеръ ему удивляется; всѣ же видятъ, что Сійесъ былъ великій умъ. Вѣрная ли эта оцѣнка человѣка или предосужденіе? Посмотримъ. Узнать Сійеса легко, потому что у насъ есть его біографія, доведенная до 1794 года и писанная рукою несомнительною—именно его собственною.

Эта слишкомъ мало извѣстная біографія появилась въ Парижѣ, въ мессидорѣ II года (іюнѣ 1794) подъ заглавіемъ: Notice sur la vie de Sieyès [1]). Она написана тѣмъ высокомѣрнымъ и грубымъ тономъ, который, послѣ Жанъ-Жака Руссо, такъ удавался Сійесу и Ройе-Коллару. Обращаться съ людьми съ пренебреженіемъ, значило имѣть высшій умъ. Сійесъ не называетъ себя въ этой брошюрѣ, но очень ясно себя обозначаетъ.

Эммануель-Іосифъ Сійесъ родился во Фрежюсѣ 3-го мая 1747 года. Онъ былъ пятымъ ребенкомъ у отца, бывшаго контролеромъ актовъ, мелкаго бѣднаго собственника, обремененнаго семействомъ. Хотя онъ воспитывался у драгиньянскихъ священно-учителей, но желаніе мальчика, имѣвшаго вкусъ къ на-

---

[1]) Что такое среднее сословіе?

[2]) Извѣстіе о жизни Сійеса.

укамъ, было поступить въ артиллерію или сдѣлаться военнымъ инженеромъ. Здоровье его было однако слабое и немощное и епископъ фрежюскій прельстилъ отца молодаго студента перспективой быстраго возвышенія его сына въ духовномъ званіи. Четырнадцати лѣтъ его послали въ семинарію св. Сульпиція для занятій философіею и богословіемъ. Никогда еще не было человѣка менѣе его способнаго сдѣлаться теологомъ.

Сійесъ, говоритъ біографъ, увидѣлъ себя окончательно разлученнымъ со всѣмъ разумнымъ человѣческимъ обществомъ. Будучи невѣждой какъ всякій школьникъ его возраста, ничего не видѣвши, ничего не зная, ничего не слыша, будучи прикованъ къ центру суевѣрной сферы, долженствовавшей стать для него вселенною, онъ отдался теченію событій такъ, какъ слѣдуютъ закону необходимости.

Нѣтъ ничего необычайнаго, что въ положеніи, столь противорѣчившемъ его естественнымъ наклонностямъ, онъ пріобрѣлъ тотъ родъ дикой меланхоліи, который сопровождался самою стоическою безразличностью относительно всего, что касалось его личности и ея будущности. Онъ рисковалъ потерять свое счастіе, онъ былъ внѣ природы, и дать ему его могла только любовь къ наукѣ. Его вниманіе часто обращалось на книги и науки. Такъ безъ перерыва прошли десять самыхъ лучшихъ или самыхъ грустныхъ годовъ его жизни до окончанія того, что въ Сорбоннѣ называлось кандидатскимъ курсомъ (cours de licence).

Теологіей и, по его выраженію, мнимой философіей парижскаго университета онъ занимался на столько, на сколько нужно было чтобъ провести свои положенія. Ему болѣе нравились литература, музыка и въ особенности науки физическія и математическія. Можно сказать, что у него былъ математическій умъ, родъ ума, превосходный въ наукахъ мышленія, но дурной и могущій идти по ложному пути въ наукахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ человѣка. Гдѣ разумъ не даетъ предмета для задачи, гдѣ только одинъ опытъ можетъ его открыть, тамъ не логика есть существенная вещь, а наблюденіе.

Сійесъ занимался также и занимался много этикой и метафизикой. Локкъ, Кондильякъ, Боннетъ были его любимыми

авторами. И вотъ какое сужденіе дало объ немъ его начальство, имѣвшее таки случай его наблюдать:

«У Сійеса достаточно сильное расположеніе къ наукѣ, но слѣдуетъ опасаться, чтобы чтеніе не развило въ немъ вкуса къ новымъ философскимъ принципамъ».

Начальство успокоивали его любовь къ уединенію и работѣ, простота его нравовъ. Вотъ что писали его начальники къ епископу. «Вы можете сдѣлать изъ него каноника, и этотъ каноникъ будетъ человѣкъ честный и ученый. Впрочемъ, мы должны васъ предупредить, что онъ нисколько не годится къ духовной должности. И Сійесъ прибавляетъ: «Они были правы».

Онъ вступилъ въ свѣтъ двадцати четырехъ лѣтъ, но внесъ въ него свою робость и свою дикость. «Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ, я точно странствую среди неизвѣстнаго мнѣ народа; приходится изучать его нравы». Онъ скоро усталъ и убѣдился, какъ всѣ теоретики, что изучая самого себя, онъ познаетъ человѣчество. Онъ самъ выразилъ этотъ парадоксъ въ слѣдующей рѣзкой формѣ: «Познаніе человѣка относится къ познанію людей, точно также какъ соціальная интрига къ соціальной наукѣ».

Мысль ложная, но выражающая ошибки Руссо, Мабли, Сійеса, и всѣхъ этихъ реформаторовъ, которые, вмѣсто людей, знали только самихъ себя и творили человѣчество по своему образу и подобію.

Онъ былъ послѣдовательно генеральнымъ викаріемъ, каноникомъ и ключаремъ шартрской церкви. «Таковымъ желали его имѣть, говоритъ онъ, законъ необходимости и желѣзная рука правительства». Но, при всѣхъ должностяхъ, которыя ему приходилось исправлять, всего замѣчательнѣе было, какъ онъ и самъ говоритъ, крайняя забота о томъ, какъ-бы не вмѣшиваться въ исполненіе церковныхъ требъ. «Никогда Сійесъ не проповѣдывалъ, говоритъ онъ, никогда не исповѣдывалъ; онъ избѣгалъ всего, всякихъ случаевъ, которые могли бы сдѣлать изъ него видное духовное лицо». Не забудемъ, что въ то время во Франціи, какъ нынѣ въ Римѣ, духовныя лица бывали не

только священниками, но бывали и администраторами. Сійесъ (это его слова) принадлежалъ больше ко второму классу.

Какъ Талейранъ, какъ Дону (Daunou), Сійесъ находилъ, что государство въ отчаянномъ положеніи. Общественный порядокъ казался ему заблужденіемъ, продолженіемъ XIV вѣка въ серединѣ XVIII в. И онъ сталъ различать въ великой общественной механикѣ полезную систему колесъ отъ учрежденій паразитныхъ. Для него этими чужеядными были дворянство и духовенство, если на нихъ смотрѣть какъ на привилегированные классы.

Совѣтникъ - коммисаръ шартрской епархіи въ верховной палатѣ французскаго духовенства, Сійесъ былъ въ связяхъ съ либеральной партіей парламента, особенно съ главою этой партіи Адріенномъ Дюпортомъ (Duport). Но онъ скоро нашелъ, что въ этой большой партіи не было ни свѣтилъ, ни настоящей энергіи.

«Напримѣръ вопросъ о секретныхъ письмахъ достаточно созрѣлъ для всѣхъ французовъ, за исключеніемъ этихъ господъ, которые для виду не перестаютъ возставать противъ ихъ беззаконности. Въ тотъ день, когда камеры были изгнаны, въ Труа (15-го января 1787 года), Сійесъ далъ совѣтъ тотчасъ же отправиться къ Palais (зданіе судебныхъ мѣстъ), арестовать и повѣсить министра (Ламуаньона), который подписывалъ приказы, очевидно произвольные, беззаконные и осужденные народомъ. Успѣхъ этой мѣры былъ бы неминуемый, она заслужила бы одобреніе всей Франціи, но совѣтъ его не былъ принятъ».

Совѣтъ дѣйствительно былъ немножко силенъ для темперамента Франціи и парламента; но сейчасъ видно, что Сійесъ, какъ всѣ теоретики, былъ умъ крайній, сейчасъ-же прибѣгавшій къ сильнымъ средствамъ. Впрочемъ, въ началѣ 1789 года ему нельзя отказать въ замѣчательной рѣшимости и храбрости. Сійесъ, отринутый дворянствомъ и духовенствомъ, первый предложилъ среднему сословію образовать Національное Собраніе. Если это «слово» не принадлежитъ ему, то по крайней мѣрѣ дѣло. Онъ редижировалъ присягу Jeu de paume, присягу, по которой всѣ члены обѣщали «никогда не отдѣляться другъ отъ друга, соединяться вездѣ, гдѣ того потребуютъ обстоятельства,

пока они не установятъ конституціи и не произведутъ возрожденія общественнаго порядка». Онъ сказалъ, 23-го іюня, послѣ знаменитаго отвѣта Мирабо Дре-Брезе (Dreux Brezé), хотя не такъ пышно какъ Мирабо, но не съ меньшею энергіею: «Мы сегодня то, чѣмъ могли бы быть вчера; освободимся».

Его работы въ Учредительномъ Собраніи имѣли большое значеніе. Его Préliminaires de la constitution суть первый опытъ изложенія принциповъ 89 года; онъ, и только одинъ онъ, стеръ раздѣленія и имена провинцій и раздѣлилъ Францію на департаменты. Наконецъ онъ воспротивился даровой отмѣнѣ десятины и подаренію 70 мил. ренты собственникамъ. Извѣстно его знаменитое выраженіе: они хотятъ быть свободными и не умѣютъ быть справедливыми; менѣе извѣстны слова Мирабо: «любезный аббатъ, вы спустили съ цѣпи быка, и жалуетесь, если онъ бодается».

Въ это время Сійесъ, обиженный, держится въ сторонѣ; онъ видитъ въ Національномъ Собраніи только двѣ партіи, партію Лафайета и партію Ламета (Lameth), «шайку злыхъ и безчинствующихъ людей, которые вѣчно въ волненіи, кричатъ, интригуютъ, дѣйствуютъ на удачу и не зная мѣры, а потомъ смѣются надъ зломъ, которое сдѣлали и надъ добромъ, которое помѣшали сдѣлать. Имъ преимущественно революція обязана тѣмъ, что сбилась съ пути.

Напрасно Мирабо призывалъ его выразить свое мнѣніе по поводу великаго спора, бывшаго въ маѣ 1790 года о правѣ войны и мира. Сійесъ оставался нѣмъ до распущенія Національнаго Собранія. «Чего вы хотите, говорилъ онъ своимъ друзьямъ; если я скажу, что дважды два четыре, то эти мошенники заставятъ вѣрить публику, что я сказалъ, что дважды два три. Если ужъ такъ, то гдѣ надежда быть полезнымъ. Ничего другого не остается, какъ только молчать».

Его хотѣли сдѣлать епископомъ парижскимъ; но его убѣжденія не дозволили ему принять это званіе. Выбранный членомъ администраціи департамента Сены, онъ послѣ распущенія Учредительнаго Собранія, со многими своими политическими друзьями, сложилъ съ себя всѣ должности и удалился въ деревню. Онъ старался чтобы его забыли, какъ вдругъ, послѣ

10-го августа и безъ его вѣдома, его выбрали депутатомъ въ Конвентъ отъ трехъ департаментовъ: Сарты, Орны и Жиронды. Онъ прибылъ въ Парижъ 21-го сентября 1792 года, но съ перваго же дня, «онъ замѣтилъ, что онъ не болѣе какъ иностранецъ въ невѣдомой землѣ или еще худшее—непріятель».

«Что дѣлать среди этой тьмы», спрашиваетъ онъ, и самъ же отвѣчаетъ: «ждать дня». Это, приблизительно, таже фраза, которую ему приписываютъ: «Что дѣлали вы до 9-го термидора? — Я жилъ». Въ этотъ періодъ времени онъ вотировалъ за осужденіе Людовика XVI, и мнѣніе свое онъ подалъ въ трехъ словахъ: смерть безъ разсужденій. Онъ этихъ словъ не произносилъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этого ни въ Монитерѣ, ни въ другихъ ежедневныхъ изданіяхъ того времени. Но если онъ ихъ и произнесъ, то они служатъ только къ его чести. Оставимъ въ сторонѣ самую подачу голоса. Я всегда смотрѣлъ на судъ Людовика XVI, какъ на издѣвку надъ всякими формами судопроизводства и всякими законами; но если есть что ненавистное въ этомъ дѣлѣ, такъ это зрѣлище Робеспьера, давняго сторонника отмѣны смертной казни, который требуетъ смерти тирана ради человѣчества, чтобъ спасти жизнь цѣлаго народа. «Смерть безъ разсужденій» было бы хорошимъ отвѣтомъ на эти печальные софизмы; но въ 1793 году у Сійеса не хватило духу произнести слово, которое отправило бы Ропеспьера на эшафотъ.

Послѣ 9-го термидора, Сійесъ предложилъ и добился возвращенія изгнанныхъ жирондистовъ. Онъ сдѣлался президентомъ Конвента и однимъ изъ начальниковъ умѣренной партіи, но онъ совсѣмъ не вмѣшивался въ конституцію III года и не захотѣлъ быть директоромъ. Онъ дулся, выжидалъ, имѣя на готовѣ конституцію, долженствовавшую спасти Францію, но не показывалъ ее никому.

Онъ принялъ мѣсто полномочнаго министра въ Берлинѣ, откуда вернулся, чтобы участвовать въ заговорѣ противъ Директоріи. Теоретикъ дошелъ при этомъ до идеи соединить власть въ рукахъ генерала, который могъ бы руководить. «Мнѣ нужна шпага», говорилъ онъ. Одно время онъ полагалъ,

что нашелъ эту шпагу. Это была шпага генерала Жубера, убитаго при Нови.

Вскорѣ явился генералъ Бонапарте, который понялъ, какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ Сійеса. Сійесъ разгадалъ его и опасался. «Вы увидите, говорилъ онъ, куда онъ насъ приведетъ; но такъ нужно.» Оба согласились произвести 18-ое брюмера, и тотъ, кто при этомъ мало опасномъ государственномъ переворотѣ болѣе сохранилъ хладнокровія — былъ не генералъ. Но когда на слѣдующій день Бонапарте взялъ верхъ, Сійесъ сказалъ: «мы пріобрѣли властелина, онъ можетъ все, знаетъ все и можетъ всего захотѣть.» Довольно безполезная прозорливость!

Сійесъ изготовилъ конституцію VIII года, конституцію вѣроломную, имѣвшую своимъ предметомъ сохраненіе всѣхъ представительныхъ формъ при отреченіи отъ свободы. «Онъ очень ловко отмѣнилъ народные выборы» говорила мадамъ Сталь. Въ этой конституціи все основывалось по метафорѣ. Законъ былъ тяжбою, ведомою двумя адвокатами: государственнымъ совѣтомъ, адвокатомъ правительства, и трибуналомъ, адвокатомъ націи, передъ трибуналомъ, законодательнымъ корпусомъ, выше котораго стояла кассаціонная палата, сенатъ.

По мысли Сійеса, этотъ сенатъ долженъ былъ бы быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ Римѣ, истиннымъ провительствомъ; онъ принималъ въ себя и вознаграждалъ старыхъ слугъ отечества, поглощалъ въ себя вліятельныхъ недовольныхъ. Великій избиратель, родъ конституціоннаго короля, выбиралъ изъ кандидатовъ народа должностныхъ лицъ и членовъ главныхъ государственныхъ учрежденій, но самъ не управлялъ и могъ быть во всякое время поглощенъ сенатомъ.

Извѣстно, что сдѣлалъ Бонапарте изъ этой конституціи. Онъ оставилъ существованіе этимъ пустымъ тѣнямъ, а себѣ взялъ всю власть. Что до Сійеса, то онъ, до сихъ поръ бѣдный и не искавшій выгодъ, получилъ 600 т. франковъ, землю Кроны (Crosne) и былъ сдѣланъ сенаторомъ и графомъ. Съ этихъ поръ онъ исчезъ изъ политической жизни и болѣе въ нее не возвращался.

Изгнанный въ 1815 г., онъ возвратился въ Парижъ послѣ революціи 1830 г. и умеръ въ 1836 г., 88 лѣтъ отъ роду, ос-

жины и послѣ того что же сдѣлали? Послѣ Сіейеса, сколько совершенно новыхъ конституцій не перебывало во Франціи? 1791, 1793, III года, VIII года, конституціи императорскія, хартія 1814 г., хартія 1830 г., конституція 1842 г., конституція 1852—итого девять конституцій.

Въ продолженіе этого времени Англія сохраняла свои историческія преданія. Развѣ она менѣе нашего подвинулась впередъ? И однако она не конфисковала ничьего имущества, она никого не изгоняла и не ссылала, она не проливала крови гражданъ.

Всего болѣе я упрекаю Сіейеса за исполненный ненависти тонъ его книги; точно для него написанъ стихъ:

Онъ жилъ ненавистью и умеръ отъ страха.

Нѣтъ ничего зловреднѣе этой ненависти, которая съ столь давняго времени раздѣляетъ сыновъ одного и того же отечества. Это-та ревность, которая мѣшала всякому прогрессу и продолжала въ настоящемъ раздоры прошедшаго. Не довольно-ли было уже пролито крови и не пора-ли намъ похоронить наши раздоры въ могилахъ, вырытыхъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ? Дѣло замѣчательное: въ 1792 г. самыя сильныя нападенія ведутъ дворянинъ д'Антрегъ и священникъ Сіейесъ.

Членъ же отъ средняго сословія, Мунье, проповѣдуетъ соглашеніе; и слушаютъ не его. Умѣренность не въ нашемъ вкусѣ, намъ нужно что-нибудь покрѣпче, что разъѣдало бы кожу.

Но посмотрите, что сдѣлалось съ этими горячими людьми и какъ сама жизнь ихъ осудила! Д'Антрегъ, какъ всѣ декламаторы, которые возбуждаются отъ собственнныхъ словъ, скоро отрезвляется отъ своей ярости. Вступивши въ собраніе государственныхъ чиновъ, онъ отказывается отъ своего ученія, съ ужасомъ покидаетъ Національное Собраніе, эмигрируетъ, дѣлается агентомъ принцевъ, и умираетъ въ Лондонѣ въ 1818 г. отъ руки убійцы—своего слуги—итальянца, который хотѣлъ, какъ говорятъ, похитить у него важныя бумаги.

Извѣстно, что сдѣлалось съ Сіейесомъ. Онъ писалъ вплоть до того дня, когда его сдѣлали сенаторомъ и графомъ. Остальные 36 лѣтъ своей жизни онъ молчалъ, вѣчно гордясь самимъ собою, среди того богатства, которое далъ ему государствен-

ный переворотъ. Мунье, осужденный и долгое время живщій въ изгнаніи, въ бѣдности, но всегда остававшійся вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, умираетъ префектомъ во время имперіи, не дождавшись той конституціонной монархіи, которую онъ призывалъ всею душею. Онъ умеръ, оплакиваемый всѣми партіями, которыя слишкомъ поздно, и на собственномъ опытѣ, узнали, что въ человѣческихъ дѣлахъ нѣтъ ничего опаснѣе крайнихъ мнѣній, которыя никогда не бываютъ чисты отъ несправедливости и насилія. Умѣренность, эта доблесть, представителемъ которой былъ Мунье, всегда составляла спасеніе народовъ, въ особенности же во времена революціи. Я разумѣю не ту слабость, которая ладитъ со всѣми злоупотребленіями, но ту разумную и терпѣливую силу, которая, подъ другимъ именемъ, есть ничто иное, какъ уваженіе къ правосудію и отвращеніе къ нарушенію какого-бы то ни было права.

IX.

Мирабо.

Революція нашла своего теоретика въ Сійесѣ; въ Мирабо народъ нашелъ своего вождя. Съ апрѣля мѣсяца 1789 г. до самой смерти, въ апрѣлѣ 1791 г., Мирабо, при всѣхъ превратностяхъ, былъ властелиномъ общественнаго мнѣнія. Съ его смертію образовалась пустота въ Націальномъ Собраніи, и съ нимъ исчезла послѣдняя надежда остановить разрушеніе Франціи. «Я уношу въ моемъ сердцѣ трауръ по монархіи, говорилъ онъ на смертномъ одрѣ; послѣ меня мятежники станутъ спорить о ея лохмотьяхъ». Слова, которыя никто не можетъ обвинить въ безумной гордости. Но спасъ-ли бы онъ королевское достоинство? Въ этомъ позволительно сомнѣваться; но никто не станетъ оспаривать того, что ничья другая рука не была бы въ состояніи остановить движеніе революціи по ея склону. Никакой другой политикъ не могъ бы организовать правленія.

Кто же такой былъ этотъ человѣкъ, сразу пріобрѣтшій такую власть? Онъ былъ дворянинъ, но исключенный изъ этого сословія, человѣкъ безъ состоянія, безъ значенія, бѣдный и обезчещенный писатель. Имѣя за собою прошедшее, которое давило его своею скандальностью, какимъ же образомъ Мирабо могъ играть господствующую роль въ Національномъ Собраніи, которое его презирало? Какимъ образомъ смерть его оплакивали

тѣ, которые за два года его отъ себя отталкивали? Многимъ объясняется это странное противорѣчіе; народъ не обманывался, когда увидѣлъ въ Мирабо единственнаго кормчаго, который не потерялъ головы во время бури и одинъ зналъ куда идетъ.

Постараемся познакомиться съ этимъ страннымъ человѣкомъ, слѣдуя той же методѣ, которую мы уже примѣнили. Жизнь Сійеса, его юность, заглохшая въ стѣнахъ семинаріи, объяснила намъ его суровость и ненависть; жизнь Мирабо, это романическое существованіе, столь несчастное и столь виновное, покажетъ намъ среди какихъ бурь росъ этотъ могучій умъ, эта энергическая воля, которую не могли сломить ни изгнаніе, ни тюрьма, ни нужда. Брошенный своимъ отцомъ и своею женой, принужденный искать средствъ къ жизни побочными путями и хитростями, угнетаемый бѣдностію и страстями, онъ, среди всей этой грязи, умѣлъ сохранить какое-то величіе. Можно презирать и ненавидѣть человѣка, но трудно не удивляться могуществу его ума и тому, что я не боюсь назвать—силой здраваго смысла.

Гоноре Габріэль де-Рикетти, графъ Мирабо, родился 9 марта 1749 г. въ замкѣ Бильонѣ, близъ Немура. Онъ былъ пятымъ ребенкомъ и старшимъ сыномъ маркиза Мирабо, въ прошломъ столѣтіи извѣстнаго подъ именемъ друга людей. Маркизъ обладалъ большимъ умомъ, но взбалмошнымъ и спутаннымъ, хотѣлъ слить феодализмъ съ законами, выработанными политической экономіей, и написалъ объ этомъ безчисленные томы, съ тѣхъ поръ давно забытые. Въ свое время онъ былъ столь же извѣстенъ своими сочиненіями, сколько своими семейными ссорами. У себя въ семействѣ онъ ни съ кѣмъ не могъ ужиться, ни съ женою, съ которою онъ велъ тяжбу пятнадцать лѣтъ, ни съ дѣтьми, противъ которыхъ онъ выхлопатывалъ секретныя письма; истощая просьбами о нихъ терпѣніе министровъ, терпѣніе, которое должно быть было велико, потому что, говорятъ, министръ Морепа отказалъ только шестидесятой просьбѣ.

Отецъ рисуетъ намъ Мирабо уже чѣмъ-то въ родѣ чудовища въ физическомъ отношеніи при самомъ появленіи его на свѣтъ. У новорожденнаго была огромная голова и два корен-

ныхъ зуба. Трехъ лѣтъ его обезобразила сплошная оспа. Отецъ не захотѣлъ раньше привить ему ее. «Онъ безобразенъ, какъ сатана», писалъ онъ. Впрочемъ у ребенка была чудесная память, большая легкость пониманія, и жадная потребность всему выучиться сразу. Ничто не ускользало отъ его любознательности: языки нѣмецкій, англійскій, итальянскій, испанскій, предметы математическіе—все ему нужно было испробовать. Всѣ страсти его были бѣшеныя.

Для того, чтобы сдѣлать изъ подобной натуры все, что она обѣщала, нужна была кроткая и умная мать, любящій отецъ и при томъ такой, который умѣлъ бы при случаѣ усмирять этого неукротимаго коня. Мадамъ де-Мирабо, впослѣдствіи брошенная своимъ мужемъ, была не лучше его: маркизъ не терпѣлъ споровъ и сопротивленія. Одиннадцати лѣтъ, Мирабо былъ отвезенъ въ одинъ пансіонъ и лишенъ своего имени.

«Я не хотѣлъ, писалъ маркизъ своему брату, достойному мальтійскому бальи, чтобы имя, покрытое нѣкоторымъ блескомъ, влачилось по скамьямъ исправительнаго заведенія. Я велѣлъ записать подъ именемъ Пьера Бюффьера [1]) этого господина, который упирался, плакалъ, пускался въ напрасныя разсужденія; и я ему наконецъ сказалъ, что онъ можетъ возвратить свое имя, но только тогда, когда я буду имѣть на то основательныя причины».

Ненавистный отцу, который запретилъ ему всякую переписку съ его семействомъ, двадцати восьми-лѣтній Мирабо поступаетъ (въ 1767 г.) въ полкъ кавалеріи Берри, подъ начальство маркиза де-Ламберта. Но онъ долженъ былъ оставить полкъ изъ-за игорныхъ проигрышей и одной любовной интриги. Маркизъ тотчасъ же достаетъ секретное письмо и запираетъ сына на островѣ Ре. Ему хотѣлось послать сына въ Суринамъ, голландскія колоніи, откуда вовсе не возвращаются. Одновременно съ попыткой избавиться отъ своего сына такимъ удобнымъ способомъ, достойный маркизъ учреждаетъ въ Флери-су-

---

[1]) Земля въ Лимузенъ.

Медонъ экономическую пекарню. Онъ былъ всегда другомъ людей, но собственное семейство никогда не составляло для него части человѣчества.

На островѣ Ре двадцатидевяти-лѣтній узникъ возбудилъ участіе во всѣхъ окружающихъ его. «Онъ ихъ околдовалъ», говорилъ маркизъ. Корсиканская экспедиція отворила ему двери темницы. Будучи въ чинѣ подпоручика, онъ отличился въ ней не только храбростію, но и стараніемъ по службѣ, и вернулся во Францію съ патентомъ на чинъ капитана драгуновъ. По возвращеніи, онъ отправился повидаться съ дядей, и тотъ оставилъ намъ слѣдующій портретъ своего страшнаго племянника, которому въ то время былъ двадцать одинъ годъ.

14 мая 1770 г.

«Вчера вечеромъ, я былъ очень пораженъ, пишетъ бальи своему брату. Какой-то солдатъ принесъ мнѣ записку отъ г. Пьера Бюффьера, который просилъ назначить время, когда онъ можетъ меня видѣть. Я приказалъ его просить. Я былъ очень радъ увидавши его. Мое сердце сильно забилось при видѣ его; я его нашелъ очень дурнымъ, но у него не злая физіономія; въ его лицѣ за оспинными рябинами и за чертами сильно измѣнившимися, скрывается нѣчто тонкое, граціозное и благородное. Если онъ не хуже Нерона, то будетъ лучше Марка-Аврелія; ибо я, сколько помню, еще не встрѣчалъ такого ума; у меня голова пошла кругомъ.

«Мнѣ показалось, что онъ тебя боится какъ королевскаго судью (prevot); но при всемъ томъ онъ мнѣ клялся, что нѣтъ ничего, чего бы онъ не сдѣлалъ, чтобъ тебѣ понравиться; признавался, что надѣлалъ много глупостей, но говорилъ, что это съ отчаянія. Онъ разсказывалъ аббату (аббату Кастаньи, капеллану зàмка), что съ нимъ дурно обращались въ дѣтствѣ и что Віомениль, его послѣдній начальникъ, побѣдилъ его кротостію и основательными доводами, и показалъ ему, что добропорядочный образъ жизни дастъ новый поворотъ дѣлу.

«Увѣряю тебя, я нашелъ, что онъ очень раскаивается въ своихъ прошлыхъ ошибкахъ; мнѣ кажется, что у него сердце способное чувствовать. Что касаетѣся до его ума, то я уже говорилъ тебѣ объ немъ, и у самаго дьявола едва-ли его столько.

Я тебѣ повторяю: изъ него выйдетъ или самый проворный и ловкій свистунъ въ мірѣ, или величайшій человѣкъ изъ всѣхъ людей въ Европѣ, равно способный быть великимъ въ качествѣ ли фельдмаршала или адмирала, или министра, или канцлера, или папы—всего, чѣмъ ему только будетъ угодно быть. Ты былъ кое-чѣмъ въ двадцать одинъ годъ, но и на половину не былъ тѣмъ, что онъ теперь. Я тоже, не будучи Богъ знаетъ чѣмъ, былъ тогда хоть кое-чѣмъ, и увѣряю тебя, безъ ложной скромности и стыда, что въ тридцать пять лѣтъ, когда я въ театральной роли короля (губернаторство по Гваделупѣ) принудилъ признаться креоловъ, что я не европеецъ, я не былъ достоинъ играть рядомъ съ нимъ роль Страбона подлѣ Демокрита (въ пьесѣ Реньяра).

«Я тебѣ тысячу разъ повторю: если этотъ молодой человѣкъ меня не обманываетъ—обстоятельство, на которомъ я не настаиваю по причинѣ старыхъ предубѣжденій, но за которое я держу сто противъ одного—то если Богъ продлитъ ему жизнь, онъ будетъ великимъ человѣкомъ, хотя по моему онъ ничѣмъ не отличается и теперь отъ великихъ людей, развѣ что положеніемъ.

«Ты знаешь крѣпкую голову Кастаньи: онъ прозрѣлъ и затѣмъ плакалъ отъ радости. А у меня сердце бьется при видѣ его. Что меня заставляетъ хорошо думать о немъ—это то, что я вижу его ошибки и это доказываетъ мнѣ, что я не ослѣпленъ на его счетъ. Въ продолженіи трехъ дней я проводилъ съ нимъ по десяти часовъ, а аббатъ Кастаньи около тринадцати часовъ въ сутки, и могу тебѣ поклясться, также какъ и аббатъ, что мы нашли въ немъ лишь немного лишней живости и огня, но не слышали отъ него ни слова, которое не показывало бы прямоту сердца, возвышенность души, силу генія—всего этого пожалуй нѣсколько въ избыткѣ. Аббатъ говоритъ, что онъ готовъ былъ заплакать, когда молодой человѣкъ сказалъ ему съ воодушевленіемъ: «жаль, что мой отецъ не хочетъ ближе узнать меня; я знаю, онъ думаетъ, что у меня злое сердцѐ, но пусть подвергнетъ меня испытанію».

Что же отвѣчалъ отецъ на это любезное письмо? Онъ пишетъ бальи, что доброе сердце есть всегда жертва коварства «Чтобы

ѣсть съ руки—на это онъ первый человѣкъ въ мірѣ, но голова его вѣтряная мельница. Его неудержимая смѣлость пойдетъ ему въ прокъ, если онъ разъ перестанетъ быть сумасшедшимъ, но я не хочу этого пробовать.» Такимъ образомъ маркизъ отказывается принять своего сына и чтобы успокоить горячность молодаго человѣка, совѣтуетъ ему читать его экономическія сочиненія. «Пусть онъ прочитаетъ les Économiques и объявленіе издателя, помѣщенное въ началѣ предисловія къ Элементамъ, сочиненію наиболѣе обработанному, хотя я и писалъ его будучи очень боленъ».

Послѣ такого отвѣта, достойнаго педанта, маркизъ болѣе не безпокоится о томъ, кого онъ называетъ Ураганомъ или графомъ de la Bourrasqe (сильный вихрь). Мирабо, снѣдаемый потребностію дѣйствія, желаетъ поступить въ дѣйствительную службу, но для этого ему нужно купить роту. Маркизъ отказываетъ, говоря, что Баярдъ и Дюгесклемъ не такъ начинали. Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: «не думаешь ли ты что у меня водятся лишнія деньги, которыя дали бы ему возможность давать сраженія въ родѣ Арлекина и Скарамуша?» Вмѣсто того, чтобъ сдѣлать изъ него военнаго, онъ дѣлаетъ его чѣмъ-то въ родѣ управляющаго и посылаетъ въ Лимузенъ привести въ порядокъ наслѣдство бабки съ матерней стороны. Наконецъ въ 1772 г. его освобождаютъ изъ этой пустыни, чтобъ женить на дѣвицѣ Эмиліи де-Мариньянъ, дочери перваго президента прованскаго парламента.

Это была богатая невѣста; но ея отецъ далъ за нею только три тысячи ливровъ дохода, а маркизъ де-Мирабо, тоже богачь, но сильно стѣсненный въ своихъ дѣлахъ, не болѣе шести тысячъ ливровъ ренты. Для потребностей Мирабо это было немного; все было живо истрачено, и оба супруга отправляются искать убѣжища въ родительскомъ домѣ; у нихъ было 160,000 фр. долгу. М. де-Мариньянъ согласился имъ помочь, но требовалъ того-же отъ маркиза. Этотъ, имѣя 80,000 ливровъ ренты, отвѣтилъ мѣрой, достойной Гарпагона. Онъ достаетъ секретное письмо противъ своего сына, отправляетъ его въ заключеніе въ Маноскъ и начинаетъ процессъ для отдачи его подъ опеку.

Въ то время какъ Мирабо былъ въ Маноскѣ плѣнникомъ

на слово, онъ узналъ, что одна изъ его сестеръ, мадамъ де-Кобри (Cobris) была, въ Грассѣ, оскорблена нѣкоторымъ де-Вилльневомъ-Мано (de Villeneuve Manos). Мирабо дѣлаетъ двадцать пять лье, встрѣчаетъ обидчика, вырываетъ у него изъ рукъ парасоль и ломаетъ его ему объ голову, произнося энергическія слова. По понятіямъ того времени, и даже по нынѣшнимъ, тутъ не было большаго преступленія, и бальи могъ писать своему брату:

«Чтожъ тутъ необыкновеннаго, что внучатный племянникъ нашихъ дядей и внукъ нашихъ предковъ взялъ на себя трудъ выколотить палкою платье дерзкаго дворянина, при томъ такого, у котораго оно было на себѣ и который намѣревался при случаѣ объявить и маршаламъ Франціи о количествѣ ущерба, причиненнаго его туалету г. графомъ... Я не знаю, не сдѣлалъ-ли бы и я того же на его мѣстѣ.»

Но вспыльчивый маркизъ былъ занятъ другими мыслями. Онъ выхлопоталъ третье секретное письмо противъ сына, обвинивъ его въ самовольномъ нарушеніи заключенія, и велѣлъ заключить его въ замкѣ Ифъ, съ воспрещеніемъ сноситься съ родными. Не прошло и году какъ Мирабо совершенно очаровалъ всѣхъ окружавшихъ его своею безропотностію, своею прямотою, своимъ добросердечіемъ. Комендантъ форта, д'Алегръ (d'Alègre), принявъ не въ шутку имя другъ людей, пишетъ маркизу, какъ человѣку, который преподалъ столь высокіе уроки человѣчности. Какъ же отецъ отвѣчалъ на это письмо? Четвертымъ секретнымъ письмомъ, которымъ ему дается право сослать сына въ фортъ Жу (Joux), стоявшій среди пустынныхъ снѣговъ Юры.

И замѣтьте, что теперь Мирабо брошенъ и тою, которая носитъ его имя. Онъ остался одинъ послѣ того какъ его увезли изъ Маноска, гдѣ онъ оставилъ своего сына больнымъ и близкимъ къ смерти. Правда его жена поѣхала въ Биньонъ, чтобы ходатайствовать за мужа, но не захотѣла присоединиться къ нему ни въ замкѣ Ифъ, ни въ фортѣ Жу и никогда съ нимъ болѣе не видалась. Всѣ проступки Мирабо совершены имъ послѣ того какъ его бросила жена, бывшая правда женщиной слабой и дозволившая отцу управлять собою. Мы не имѣемъ права судить его слишкомъ строго. Не было на свѣтѣ другаго человѣка, съ

которымъ обращались бы болѣе недостойнымъ образомъ именно тѣ, которые должны бы были его поддерживать.

Изъ форта Жу, Мирабо пишетъ своему дядѣ письмо, полное отчаянія:

«Мой любезный дядя, неужели я долженъ оставить надежду, что заставлю забыть свое легкомысліе? Что передамъ своему сыну имя, которое не потеряетъ, вслѣдствіе проступка, значенія, которое пріобрѣли ему вы и мой отецъ. Долженъ ли я навсегда потерять надежду дѣйствовать на такомъ поприщѣ, на которомъ мое поведеніе и усилія, поддерживаемыя вашими совѣтами, могли бы дать мнѣ средства въ свою очередь нѣкогда стать полезнымъ и извѣстнымъ? Времена теперь новыя и честолюбіе теперь позволительно [1]). Неужели вы думаете, что ревность къ дѣлу, которая меня воодушевляетъ, можетъ быть совершенно безплодна и что, не болѣе какъ въ двадцать шесть лѣтъ, вашъ племянникъ не можетъ быть способенъ ни на что доброе? Нѣтъ, дядя, вы этого не думаете. Поднимите меня. Удостойте меня поднять. Спасите меня отъ этого страшнаго броженія, въ которомъ я нахожусь и которое можетъ разрушить дѣйствіе, произведенное на меня размышленіемъ и опытомъ несчастія. Повѣрьте мнѣ, есть люди, которымъ нужно дать занятіе, и я изъ числа ихъ. Дѣятельность, которая можетъ все и безъ которой ничего нельзя начать, становится буйною и можетъ стать опасною, когда у нея нѣтъ ни предмета, ни приложенія.

Но каковы бы ни были предначертанія моего отца, желаетъ-ли онъ поддержать или разрушить мое честолюбіе, удостойте по крайней мѣрѣ испросить у него мою свободу. Безъ сомнѣнія онъ не захочетъ бросить меня въ помѣшательство или низвергнуть въ сумасшествіе. Я чувствую, что здоровье мое ослабѣваетъ, моя кипящая голова страдаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ я больше дѣлаю усилій сдержать ее. Черезъ мѣсяцъ сугробы снѣга похоронятъ меня въ этой странѣ, лишенной всякихъ нравственныхъ средствъ; эта перспектива жестока; мое состояніе болѣзненно и

---

[1]) Въ это время Тюрго былъ министромъ.

томительно; оно отягчается, оно превзойдетъ мои силы и вы пожалѣете тогда, но безполезно, о племянникѣ, который хотѣлъ жить только для вашей утѣхи и интересовъ своего семейства, своего имени и своей страны».

Въ то время когда это письмо было сообщено другу людей, онъ велъ тяжбу со своей женой и боялся, чтобъ сынъ не сталъ бы помогать матери. Вотъ его отвѣтъ:

«Эта злая и преступная самка (такъ онъ говоритъ о своей женѣ) осмѣлилась писать къ своему сыну, не смотря на то, что онъ in reatu гражданскомъ и королевскомъ; но чтожъ дѣлать? Нельзя ни разжениться, ни сбросить имя отца, и когда одна была бы въ Salpetrière [1]), а другой у подножія эшафота, они не разкрестились бы для этого. Ты видишь, что въ моемъ интересѣ продолженіе заключенія, потому что я опасаюсь, чтобы онъ не сталъ помогать матери». Теперь спрашивается, на кого падаетъ отвѣтственность за проступки Мирабо?

Въ это-то время, будучи брошенъ всѣми, Мирабо страстно влюбился въ мадамъ де-Моннье (Monnier), знаменитую Софію де-Рюфей (Rufey), къ которой писаны письма изъ венсеннской башни.

Мирабо, которому губернаторъ форта Жу, Сенъ-Морисъ, предоставилъ свободу обычную въ подобномъ случаѣ, былъ принятъ въ Понтарлье въ одномъ домѣ, единственномъ, въ которомъ жило знатное лицо, маркизъ де-Моннье, удалившійся сюда послѣ закрытія дельской счетной палаты. Де-Моннье было 68 лѣтъ, женѣ его 28.

Она безумно полюбила Мирабо, и эта страсть скоро сдѣлалась тайною или, лучше сказать, скандаломъ всего города. Мирабо угрожали безвыходнымъ заключеніемъ въ фортѣ Жу, мадамъ де-Моннье заточеніемъ въ монастырѣ; она хотѣла бѣжать со своимъ любовникомъ, грозилась себя убить. Мирабо чувствовалъ, что похищеніе его погубитъ, но, говорилъ онъ, Софія имѣетъ право велѣть мнѣ все, кромѣ тюрьмы или убій-

[1]) Госпиталь въ Парижѣ.

ства. Это былъ вопросъ жизни или смерти. Могъ ли я колебаться?

Они уѣхали каждый особо и встрѣтились въ Швейцаріи. 10 марта 1777 года трибуналъ въ Понтарлье призналъ Мирабо виновнымъ въ устроеніи и совершеніи похищенія, соблазна, приговорилъ къ отсѣченію головы (что и было исполнено en effigie на картинѣ) и прибавилъ къ этому 5000 ливровъ пени и 40000 ливровъ проторей и убытковъ. Мадамъ де-Моннье была приговорена къ вѣчному заключенію, въ домѣ убѣжища, учрежденномъ въ Безансонѣ, гдѣ должна быть обрита и заклеймена comme les filles de la Comtè.

Мирабо укрылся въ Голландію подъ именемъ де Сенъ-Матье. Тамъ онъ работалъ для книгопродавцевъ, и успѣвалъ зарабатывать до луидора въ сутки, занимаясь, впрочемъ, пятнадцать часовъ. Что же дѣлало въ это время его семейство? Судите объ этомъ по слѣдующему письму маркиза:

«Всѣ думали, что этотъ господинъ захотѣлъ сдѣлаться туркомъ или отдать себя на съѣденіе морскимъ камбаламъ и, право, какую бы часть изъ этихъ двухъ онъ ни избралъ, публика рукоплескала бы этому. Но онъ въ Голландіи и живетъ перомъ. Такъ какъ Брюньеръ (полицейскій агентъ) отправлялся зъ мадамъ Рюфей, за которую по сдѣланному договору онъ долженъ былъ получить сто луидоровъ, если захватитъ и доставитъ въ указанное мѣсто эту сумасшедшую женщину, то я воспользовался этимъ случаемъ и заключилъ подобный же торгъ, по которому точно также обязался заплатить единственно въ томъ случаѣ, когда извѣстный человѣкъ будетъ преданъ своей участи».

Воспользоваться случаемъ—это значило отдать сына въ руки палача или заключить его въ тюрьму.

Мирабо былъ взятъ въ Голландіи ловкимъ шпіономъ и, по требованію отца, заключенъ въ венсеннскую башню, 7 іюня 1777 года. Онъ вышелъ изъ нея не раньше конца 1780 года.

Но для маркиза было мало заключить сына въ тюрьму; ему хотѣлось большаго; но его не поддержали. Друзья оказались, по его словамъ просто холодными лягушками.

«Мнѣ хотѣлось попробовать, пишетъ онъ бальи, нельзя-ли

отдать этого несчастнаго голландцамъ съ тѣмъ, чтобы они отправили его на мушкатныя плантаціи, откуда онъ ввѣкъ не вернулся бы, потому что оттуда не возвращаются. Если ему доведется быть повѣшеннымъ, то это совершится incognito, ибо мы всѣ въ концѣ концевъ смертны, а то, если онъ насъ переживетъ, то послѣ моей и твоей смерти, у него достанетъ смыслу чтобъ не быть отправлену въ Petites-Maisons, и безумства и преступности, чтобъ пятнать имя, которое онъ носитъ. Я даже справлялся у начальства, завѣдующаго Великой Индіей; мнѣ отвѣчали, что это устроить можно только съ очень молодыми людьми и притомъ съ неженатыми и бродягами».

Вотъ въ этомъ-то и слѣдуетъ упрекнуть семейство XVIII столѣтія. Выходитъ правда, что маркизъ дѣйствовалъ противъ мнѣнія всѣхъ, какъ онъ и пишетъ въ другомъ письмѣ точно также же презрительно: «Я знаю, что я Неронъ нашего вѣка для тѣхъ, которые захотятъ вѣрить этому; женщины желали бы поступить со мною, какъ съ Орфеемъ, а адвокаты какъ съ Баррабасомъ». Но, несмотря на этотъ всеобщій протестъ, не смотря на то, что общественная совѣсть возмущалась, не сдѣлалъ-ли онъ почти все, чего хотѣлъ и не распорядился-ли онъ одинъ свободой и будущностью своего сына?

Мы знаемъ изъ писемъ къ Софіи, сохраненныхъ Ле-Нуаромъ, лейтенантомъ полиціи, что̀ Мирабо выстрадалъ въ этой тюрьмѣ. Одинъ, безъ чернилъ, безъ бумаги, безъ бѣлья и почти безъ одежды, онъ вытерпѣлъ всѣ бѣдствія тѣла и духа. Однако всѣ средства его чудеснаго ума выказываются въ его усиліяхъ поддержать мужество Софіи, помочь своимъ нуждамъ. Онъ добываетъ себѣ право писать къ Софіи, достаетъ себѣ книгъ, вырываетъ изъ нихъ бѣлые начальные листы, чтобы имѣть бѣлую бумагу, читаетъ, размышляетъ, негодуетъ на эти законы, которые его давятъ, и размышляетъ о несчастіи тѣхъ, которые страдаютъ также какъ и онъ. Но иногда онъ хочетъ разбить голову о прутья своей клѣтки и точно слышишь рыканіе льва:

«Жестокая судьба! страшная безпомощность! Долго-ли еще ты будешь тяготѣть надъ моимъ существомъ, которое уже валится. Меня разрываютъ на части душевныя движенія, быв-

шія до сихъ поръ мнѣ неизвѣстными. Я готовъ сказать какъ Орестъ:

«Моя невинность начинаетъ меня наконецъ тяготить».

«Мнѣ не будетъ болѣе покоя отъ моихъ неумолимыхъ враговъ; я найду его только въ могилѣ. Жалость не проникнетъ въ ихъ душу, полную желчи. Ихъ состраданіе никогда не сдѣлаетъ того, въ чемъ откажетъ ихъ неправосудіе; они столько-же варвары, сколько несправедливы. Это слишкомъ; это слишкомъ! И, гонимый верховною судьбиной, этою роковою необходимостью, которая допускаетъ торжество преступленія и стенанія невинности, я не знаю, суждено-ли мнѣ умереть съ отчаянія или заслужить свой жребій преступленіемъ. Но наказаніе черезъчуръ рано наступило; я чувствую приступы негодованія и ненависти, которые никогда не имѣли доступа къ моей душѣ»!

13 декабря 1780 г. Мирабо вышелъ изъ венсенской башни. Прошло три съ половиною года какъ онъ вошелъ въ нее, и пять съ половиною лѣтъ со времени заключенія его въ за̀мокъ Ифъ. Ему былъ тридцать одинъ годъ.

Какія-же причины побудили маркиза отвести свою тяготѣвую руку? М. де-Морепа утомило все это, Софію постригли, а съ другой стороны умиралъ сынъ Мирабо, наслѣдникъ имени; наконецъ маркизъ, который все-еще велъ тяжбу съ женой, думалъ, что онъ станетъ помогать ей въ этомъ процессѣ. Дѣйствительно, Мирабо дѣлалъ все, чтобы успокоить свою мать, которая была столь-же горяча, какъ и маркизъ и все, что онъ пріобрѣлъ этимъ было то, что отнынѣ она оттолкнула его отъ себя, какъ одного изъ своихъ преслѣдователей.

Что касается до Мирабо, то онъ при своемъ характеризующемъ его избыткѣ силъ, вступилъ въ жизнь съ новымъ жаромъ. Онъ сталъ хлопотать о кассаціи рѣшенія понтарлійскаго суда. Ему предлагали было письменное прощеніе, но онъ его не принялъ, имѣя въ виду, что пятно остается на немъ и осужденіе все-таки будетъ тяготѣть надъ Софіей. Сошлись на томъ, что мадамъ де-Моннье останется въ монастырѣ до смерти своего мужа, которая и послѣдовала восемь мѣсяцевъ спустя.

Освободившись съ этой стороны, Мирабо захотѣлъ сблизиться со своею женой. Проступки его были велики и притомъ

такого рода, которые женщина не легко прощаетъ; но не простила-ли уже мадамъ Мирабо? Не любила-ли она все еще своего мужа? У Мирабо были въ рукахъ письма, которыя позволяли ему думать, что жена все время любила его; онъ ихъ напечаталъ.

Съ своей стороны мадамъ де-Мирабо, по настоянію своего отца, напечатала письма маркиза. Вы уже видѣли, какимъ языкомъ писалъ онъ; растрепанное утро было самое нѣжное выраженіе, которымъ онъ называлъ своего сына. Мирабо былъ въ правѣ напечатать письма своей жены въ запискѣ, предназначенной для судей. Мадамъ де-Мирабо, поступила, по моему мнѣнію, противъ всякой деликатности, употребивъ письма отца для того чтобы повредить сыну. Впрочемъ, это вѣрно почувствовалъ балльи, хорошій судья въ дѣлахъ чести:

«Слѣдуетъ отвѣчать только такъ, писалъ онъ къ маркизу, чтобы опровергнуть позорящія мѣста, а не такъ, чтобы ратовать за эту женщину, которая, повѣрь мнѣ, отнынѣ не должна входить въ домъ нашей матери; не будемъ болѣе говорить объ этомъ».

Общественное мнѣніе провинціи раздѣлилось въ этомъ громкомъ дѣлѣ. Мирабо велъ дѣло самъ и говорилъ въ продолженіи пяти часовъ. Маркизъ позналъ свою кровь; онъ удивляется сыну, ненавидя его:

«Вообразите себѣ, писалъ онъ, тріумфъ этого скомороха. Въ день представленія этой большой кукольной комедіи, не смотря на устроенную стражу, двери, барьеры, окна, все было захвачено и залито безсмысленной толпой. Сидѣли чуть не на крышѣ, чтобъ по крайней мѣрѣ видѣть его, если не слышать, и жаль, что не всѣ его слышали, потому что онъ столько говорилъ, столько вылъ, столько рычалъ, что львиная грива побѣлѣла отъ пѣны и съ нея капалъ потъ».

Мирабо проигралъ свою тяжбу; причиной этому, говорятъ, была одна его неосторожность, которою Порталисъ воспользовался; но я думаю, что письма маркиза склонили судей произнести разводную. Сынъ, по словамъ самого де-Мирабо, былъ пораженъ кинжаломъ рукою раздраженнаго отца.

Приговоръ этотъ возмутилъ общественное мнѣніе, и обще-

ственное мнѣніе не ошибалось: оно чувствовало, что мадамъ де-Мирабо простила мужу. Послѣ избранія Мирабо, 13 марта 1789 года народъ толпою отправился къ мариньянскому отелю; позже, въ 1790 г., сестра Мирабо хлопотала о примиреніи, которое удалось бы, еслибъ Мирабо въ это время былъ живъ.

Мадамъ де-Мирабо эмигрировала, снова вышла замужъ и осталась вдовой. Тогда она пріѣхала къ сестрѣ Мирабо, мадамъ де-Сальянъ (Saillant); она перенесла всю свою нѣжность на усыновленнаго ребенка своего Мирабо, окружила себя портретами, письмами, любимой музыкой того, кѣмъ пренебрегала при жизни и умерла въ комнатѣ, даже въ постели того, воспоминаніе о которомъ каждый день внушало ей самые горькіе упреки.

Потерявъ свой процессъ, Мирабо отправился къ отцу, который отказался его принять. Тридцати-четырехъ лѣтъ, онъ остался безъ поддержки, безъ средствъ, съ ославленнымъ именемъ; ему пришлось жить перомъ. Это была самая грустная эпоха его жизни. Страсть оставила его, бѣдность начинала гнести.

Но онъ уже и прежде писалъ и притомъ много. Въ 1772 г. въ Маноскѣ, онъ сочинилъ свой Essai sur le despotisme (Опытъ о деспотизмѣ), книгу, какъ онъ самъ говоритъ, написанную очень скоро, безъ плана, безъ опредѣленнаго порядка и которая составляетъ скорѣе profession de foi гражданина, чѣмъ литературное произведеніе.

Въ Голландіи онъ написалъ Avis aux Hessois, (посланіе къ Гессенцамъ), вдохновенное великодушіемъ произведеніе, клеймившее постыдный торгъ избирателя, продавшаго англичанамъ своихъ крестьянъ для избіенія американскихъ инсургентовъ.

Въ Венсеннѣ, когда ему было дозволено писать, онъ составилъ памфлетъ: Des lettres de cachet et des prisons d'état (о секретныхъ письмахъ и государственныхъ тюрьмахъ); рядомъ съ этимъ, чтобы заработать нѣсколько луидоровъ, онъ для книгопродавцевъ переводилъ Тибулла, Боккачіо, Жана Секонда и, какъ говорятъ, сочинялъ также книги вольнаго содержанія, книги, одинаково постыдныя какъ для того, кто ихъ сочинялъ, такъ и для вѣка, который ихъ читалъ.

1784 г. онъ провелъ въ Англіи. Поощряемый Франклиномъ,

онъ опубликовалъ свои Considérations sur l'Ordre des Cincinnati, памфлетъ, направленный противъ дворянства, которое грозило насадить въ Соединенныхъ Штатахъ наслѣдственный орденскій знакъ.

Проживши очень бѣдственно въ Англіи и постоянно съ ограниченными средствами существованія, онъ въ апрѣлѣ 1785 г. вернулся въ Парижъ, съ намѣреніемъ удалиться въ провинцію и предаться продолжительной исторической работѣ. Онъ хотѣлъ снова привлечь на свою сторону общественное мнѣніе и возстановить себя въ его глазахъ.

Въ Парижѣ онъ встрѣтился съ двумя женевцами, банкиромъ Паншо (Panchaud) и Клавьеромъ (Clavières), которые оцѣнивъ его способности, предложили ему писать о финансахъ и противъ ажіотажа. Воспитанный въ школѣ экономистовъ, Мирабо мало цѣнилъ наличныя деньги. Въ этомъ пунктѣ, его убѣжденія совпали съ его интересомъ.

Въ пять мѣсяцевъ онъ напечаталъ пять памфлетовъ. Онъ напалъ на Учетную Кассу и на Испанскій Банкъ. Ему возражали; но дѣло показало, что напали на свирѣпаго бойца и вотъ появилось Troisième lettre à M. Lecousteux de la Noraye (третье письмо къ г. Лекустё де-ла-Норе) съ эпиграфомъ:

«Ploratur lacrimis amissa pecunia veris» (Ювеналъ) т. е. «Вы оплакиваете непритворными слезами утраченныя деньги».

Съ неменьшею пылкостью напалъ онъ и на дѣйствія Парижской компаніи водъ. Бомарше, вѣчно замѣшанный во всякія дрязги, участвовалъ и въ этой аферѣ. Онъ отвѣчалъ Мирабо, какъ человѣкъ увѣренный въ своемъ умѣ. Кто-же бы осмѣлился критиковать Фигаро? Бомарше взялъ за эпиграфъ слѣдующія стихи Лафонтена:

«Pauvres gens, je les plains, car on a pour les fous plus de pitié que de courroux». (т. е. мнѣ жалко васъ бѣдные люди, ибо къ сумасшедшимъ относятся съ состраданіемъ, а не съ гнѣвомъ). Черезъ тридцать лѣтъ, говорилъ онъ, каждый станетъ смѣяться надъ критиками нашего времени, какъ смѣются теперь надъ прежними критиками. Нѣкогда ихъ называли Филиппиками, когда онѣ бывали очень ѣдки. Быть можетъ современемъ какойнибудь забавникъ уберетъ ихъ именемъ Мирабеллъ, произведя

это слово отъ графа Мирабо, qui mirabilia fecit (т. е. дѣлалъ чудныя дѣла).

Мирабо тотчасъ-же отвѣчалъ ему и поставилъ заголовкомъ своего отвѣта слѣдующій эпиграфъ, взятый изъ Тацита (Ann. I, LXXIV):

«Вотъ онъ, этотъ человѣкъ, рожденный въ неизвѣстности, безъ всякихъ средствъ кромѣ интриги, котораго его книжки сдѣлали столь грознымъ. Теперь, отягченный ненавистью общества, пусть онъ навсегда служитъ примѣромъ для тѣхъ, которые изъ бѣдныхъ сдѣлавшись богатыми, изъ презрѣнныхъ ставъ страшными, захотятъ погубить другихъ и кончаютъ тѣмъ, что губятъ самихъ себя.

Этотъ громоносный отвѣтъ поразилъ Бомарше; да и немного можно было сдѣлать съ однимъ остроуміемъ и колкостями противъ страшнаго слова Мирабо. Взоры всѣхъ уже начинали обращаться на этого человѣка, который задавилъ автора Фигаро, какъ министръ Калоннъ (Calonne) находя, что въ ажіотажѣ есть нѣчто хорошее, потому что имъ пользуются, вздумалъ запретить сочиненіе Мирабо, по рѣшенію совѣта, хотя самъ побуждалъ Мирабо писать противъ банка Сенъ-Шарля.

Мирабо подалъ исковую жалобу. Калоннъ выслушалъ его жалобы съ высокомѣрнѣйшимъ презрѣніемъ. И когда ему говорили о недовольствѣ Мирабо, онъ пожималъ плечами и говорилъ: «Все это устроится деньгами».

Взбѣшенный, Мирабо написалъ письмо, въ которомъ разоблачилъ Калонна и его финансовыя хитрости, но прежде чѣмъ напечатать его, отправился въ Пруссію, имѣя нѣкоторыя основанія бояться секретнаго письма. Письмо было прислано къ одному молодому его другу, аббату Перигору (Perigord), впослѣдствіи де-Телейрану, который поостерегся опубликовать его.

Мы покончили съ юностью Мирабо. Мы теперь знаемъ его заблужденія и можемъ о нихъ судить. Предположимъ, что Мирабо жилъ-бы въ наше время; что-бы изъ этого вышло? Безъ сомнѣнія, быть нарушителемъ супружеской вѣрности, увозъ замужней женщины — проступокъ тяжкій, но не такой, который бы дѣлалъ человѣка злодѣемъ, недостойнымъ никакого сostраданія. Примемъ въ разсчетъ страсти и обстоятельства. Но что

довело его до этой самой ошибки? Не изгнаніе-ли, одиночество, всѣ несправедливости, которыя бросили Мирабо въ чужую землю, предоставили его всѣмъ соблазнамъ юности и праздности? Не будемъ слишкомъ строги къ нему, мы не имѣемъ на это права; мы, окруженные любовью близкихъ, никогда не проходили сквозь такія суровыя испытанія.

Въ то-же время поймите, что Миробо, нападая на прежнее управленіе, былъ жертва, а не риторъ. Тогда какъ другіе говорили изъ суетности или самолюбія, онъ говорилъ во имя своей погибшей юности, во имя своей тюрьмы, во имя своихъ горестей, во имя золъ его постигшихъ. Это былъ не остроумецъ, это былъ человѣкъ, который страдалъ, котораго задавила юстиція, котораго сломило угнетеніе и который дорогою цѣною купилъ себѣ право жаловаться вслухъ, когда провозгласилъ царство правосудія и свободы.

Мы сказали что Мирабо уѣхалъ въ Берлинъ, предвидя новое секретное письмо.

Чего было ему искать въ Германіи? Онъ и самъ хорошенько нѐ зналъ этого. Униженный, безъ средствъ, онъ искалъ какъ средствъ къ жизни, такъ и средствъ удовлетворить честолюбію, которое носилъ въ своемъ сердцѣ. Онъ хотѣлъ возстановить себя въ глазахъ всѣхъ, хотѣлъ какою бы то нибыло цѣною пріобрѣсть себѣ имя. Онъ желалъ также увидѣться съ великими мужами Германіи, особенно съ Гёте, завязать съ ними связи, учиться, приготовиться къ неизвѣстной будущности, о которой мечталъ. Фридрихъ принялъ его благосклонно; ему любопытно было видѣть человѣка, надѣлавшаго столько шуму. Самъ Мирабо принялся работать съ тѣмъ жаромъ, который его всегда пожиралъ. Онъ писалъ о Кальостро, о Лафатерѣ; одного онъ изображаетъ шарлатаномъ, другаго иллюминатомъ. Онъ напечаталъ также замѣчательное сочиненіе о Мозесѣ Мендельсонѣ.

Эта послѣдняя работа, появившаяся въ 1787 году съ обозначеніемъ «Лондонъ», озаглавлена: Sur Moses Mendelssohn, sur va réforme politique des juifs, et en particulier sur la rélolution tentée on leur faveur en 1753 dans la Grande-Bretagne (т. е. о Мозесѣ Мендельсонѣ, о политической реформѣ

евреевъ и, въ частности, о переворотѣ, который пытались сдѣлать въ ихъ пользу въ Великобританіи въ 1753 году). Это сочиненіе есть разборъ двухъ нѣмецкихъ томовъ, изданныхъ г. Домомъ (Dohm) въ 1781 году, за исключеніемъ того, что относится къ біографіи Мендельсона. Но для насъ интересно въ немъ то, что книга эта есть выраженіе требованія гражданской равноправности для евреевъ. Я не знаю, появилось ли что-нибудь подобное въ нашей странѣ въ это-же время.

Не хотите-ли узнать, каково было положеніе евреевъ во Франціи въ 1786 году. Въ старыхъ провинціяхъ, евреевъ вовсе не было, за исключеніемъ Бордо и Байонны, гдѣ нѣсколько португальскихъ евреевъ пользовались привилегіями, признанными за ними тѣмъ самымъ Генрихомъ II, который подалъ сигналъ къ религіознымъ войнамъ. Но большое число ихъ жило въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Вѣроисповѣданіе ихъ было терпимо, но ихъ стѣсняли и угнетали какъ въ Германіи. Имъ нужно было платить королю или владѣтелю за право покровительства; имъ приходилось платить разныя пошлины, таксы, налоги на промышленность. Въ Страсбургѣ они не смѣли вести никакихъ дѣлъ. Имъ не дозволялось жить въ домѣ христіанина; они не могли передать ему своей довѣренности, не могли свидѣтельствовать въ судѣ противъ христіанина. Однимъ словомъ, это были паріи.

Но не въ одной Франціи евреи были исключены изъ общества; такъ было во всей Европѣ, за исключеніемъ Голландіи, Англіи и Папскихъ Владѣній. Напримѣръ въ Берлинѣ, число евреевъ, которые могли жить въ городѣ, было ограничено указомъ Фридриха отъ 28 августа 1752 года; остальнымъ требовалось покупать это право. Еврею нужно было платить за право жениться, платить за дѣтей съ каждой головы, и ихъ удаляли изъ города или изъ какой-нибудь мѣстности, если они превзошли положенное число. Ихъ ни хотѣли принимать въ солдаты. Промышленность и земледѣліе были имъ воспрещены, а тѣмъ паче всякія свободныя профессіи, за исключеніемъ математическихъ и медицины.

Еврей, который родился не въ Берлинѣ, не могъ жить въ

немъ иначе, какъ состоя на службѣ у одного изъ своихъ единовѣрцевъ. Мозесъ Мендельсонъ, одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ умовъ прошлаго столѣтія, жилъ въ Берлинѣ подъ видомъ прикащика на службѣ у фабриканта Бернгарда. Привиллегію водвориться въ Берлинѣ выхлопоталъ ему французъ, маркизъ Д'Аржансъ (D'Argens), адресовавъ Фридриху, любившему его, слѣдующую просьбу:

«Философъ, плохой католикъ, проситъ философа, плохаго протестанта, дать привилегію философу, плохому іудею. Въ этомъ слишкомъ много философіи, чтобы разуму не стать на сторонѣ просьбы.»

Фридрихъ даровалъ привилегію, но для одного Мендельсона, а не для его потомковъ. Съ него еще потребовали тысячу талеровъ, которую король однако простилъ. Нужно ли говорить, что внукъ этого Мозеса есть Мендельсонъ, великій музыкантъ?

Одна Англія въ 1753 г. предложила билль, который принималъ натурализацію иностранныхъ евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ имъ права гражданина. Но поднялась сильная оппозиція: говорилось, что это значитъ опозорить христіанскую религію, подвергнуть опасности конституцію, торговлю государства вообще и города Лондона въ особенности. Министръ Пельгамъ отступилъ передъ этой оппозиціей и билль былъ взятъ назадъ.

Вотъ до чего дошла въ этомъ отношеніи Европа, когда человѣкъ безъ друзей, безъ общественнаго положенія, почти что изгнанный изъ своего отечества, взялъ въ свои руки дѣло евреевъ и далъ имъ опору въ своемъ краснорѣчіи. Мирабо ясно увидѣлъ, что пороки, въ которыхъ обвиняютъ евреевъ, жадность, лукавство, страсть къ деньгамъ не суть естественные недостатки но результатъ, вынужденный угнетеніемъ, которому ихъ обрекли. Какія же иныя дѣла кромѣ денежныхъ оставалось имъ вести, когда имъ воспрещена была всякая промышленность? Чтобы излечить зло, слѣдовало уничтожить причину, а она была чисто политическая.

Одновременно съ изданіемъ этого памфлета, Мирабо работалъ надъ большимъ сочиненіемъ, которое и явилось въ 1788 г. въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: De la monarchie prussienne

sous Frèdéric le Grand и пр. 4 т. in 4⁰ или 8 т. in 8⁰ (т. е. Прусская монархія въ царствованіе Фридриха Великаго).

Говорятъ, значительная часть этой работы принадлежитъ майору Мовилльону, другу Мирабо, котораго онъ встрѣтилъ въ Берлинѣ. Она теперь почти забыта. Это участь всѣхъ статистическихъ сочиненій. «Это, говорилъ маркизъ де-Мирабо, разсчеты весеннихъ ласточекъ, которые опредѣляются только временемъ и эпохой.» Но въ свое время эта книга должна была тѣмъ болѣе обратить на себя вниманіе, что вся Европа уже долгое время обращала взоры на Фридриха. Это была великая царственная фигура XVIII вѣка, и нужны были революція и имперія, чтобъ поставить ее въ тѣнь. Фридрихъ былъ еще такъ популяренъ въ концѣ этого вѣка, что очевидно Наполеонъ во многихъ случаяхъ бралъ его за образецъ. Маленькая шляпа, сѣрый сюртукъ, рука заложенная за спиной, табакъ въ жилетномъ карманѣ, фамильярность съ солдатами, забота о мелочахъ— все это было подражаніемъ прусскому королю. Правда, что на болѣе обширномъ театрѣ копія затмила оригиналъ, но между ними и та разница, что одинъ кончилъ страшнымъ паденіемъ, тогда какъ другой умеръ совершивъ многія завоеванія и ничего не потерявъ.

Было-бы интересно извлечь изъ Прусской монархіи политическіе принципы Мирабо; дѣло это легкое, потому что онъ самъ исполнилъ за насъ этотъ трудъ.

По смерти Фридриха, въ августѣ мѣсяцѣ 1786 г., Мирабо, который никогда не терялъ увѣренности въ себѣ, написалъ новому прусскому королю, Фридриху Вильгельму II, письмо врученное ему въ самый день восшествія на престолъ. Это письмо, напечатанное въ Берлинѣ въ 1787 г., представляетъ цѣлую программу управленія государствомъ. Въ немъ тѣ же идеи, которыя два года спустя Мирабо привелось защищать съ трибуны, идеи, заимствованныя отъ французскихъ физіократовъ и англійскихъ политиковъ, идеи, которыя не старѣютъ, потому что основаны на вѣрномъ изученіи человѣка и его потребностей среди общества.

Первый совѣтъ, который Мирабо даетъ новому королю, это не довѣрять придворнымъ, для которыхъ хорошо все, что ни сдѣ-

лаетъ государь, и привыкать работать; второй—не слишкомъ много управлять:

«Не одинъ государь, достойный уваженія, оказывался неспособнымъ царствовать со славою, если онъ отягощалъ себя заботами о частныхъ дѣлахъ. Государь, такъ какъ вамъ предстоитъ управлять благополучно, то вамъ слѣдуетъ не слишкомъ много управлять. Къ чему королю въ гражданскомъ управленіи показывать власть свою, когда дѣла могутъ идти и безъ нея? Если власть разъ установлена, если ограждена внѣшняя безопасность, если гражданское и уголовное правосудіе основано на принципахъ равенства между всѣми классами гражданъ и слѣдовательно собственность всякаго рода достаточнымъ образомъ покровительствуется, если налоги правильно распредѣлены, если публичныя работы, дороги, каналы благоразумнымъ образомъ направляются, то что остается дѣлать правительству? Ничего болѣе, какъ радоваться работѣ гражданъ, которые исправляя свои дѣла подъ вашимъ покровительствомъ и въ своемъ величайшемъ интересѣ, исправляютъ дѣла государства и ваши.

«Государь, который изслѣдуетъ, не лучше ли большей части человѣческихъ дѣлъ предоставить идти самимъ собою, такому государю нужно еще народиться, а онъ-то и есть такой, какой станетъ управлять какъ Богъ, руководствуясь разумомъ и интересомъ каждаго, единственно только обезпечивая плоды его знанія и труда. Тамъ, гдѣ люди становятся болѣе свободными, тамъ у нихъ является болѣе подчиненія и привязанности къ власти, ибо она, по сущности дѣла, есть другъ свободы, которую покровительствуетъ. Никто не потребуетъ ничего другого кромѣ слѣдующаго: дѣлайте такъ, чтобъ мы оставались свободными и въ мірѣ.

«Государь, вамъ не нужно говорить, что страсть къ регламентаціи есть принадлежность мелкихъ умовъ, людей неспособныхъ къ обобщенію, питающихъ робкія идеи, смѣшныя опасенія. Эта важная истина укажетъ вамъ тѣ реформы, которыя вамъ предстоитъ совершить и вы увидите, на сколько вы будете управлять лучше вашихъ предшественниковъ и вашихъ соперниковъ, управляя менѣе.»

Совѣтъ приходился кстати, потому что у Фридриха Великаго была страсть къ монополіямъ и запрещеніямъ. Въ Пруссіи было четыреста двадцать монополій и не менѣе того запрещеній. Въ Берлинѣ, Фридрихъ установилъ цѣны на постоялыхъ дворахъ, жалованье лакеямъ, таксу на всѣ съѣстные припасы. Онъ запретилъ ввозъ яицъ изъ Саксоніи на томъ основаніи, «что развѣ куры наши не несутся?» Онъ запретилъ ввозъ яблоковъ изъ Франціи въ страну, которая ничего не производитъ кромѣ лѣсу; онъ запретилъ ввозъ брауншвейгскихъ мышеловокъ къ большой выгодѣ отечественныхъ мышей. Это была страсть къ регламентаціи и стремленіе къ обогащенію государственной казны доведенныя до безумства.

Мы не станемъ входить въ подробности о томъ, чего требовалъ Мирабо; время уже не позволяетъ намъ этого. Я упомяну только объ отмѣнѣ военнаго рабства или обязанности, наложенной на всѣхъ пруссаковъ, служить съ девятнадцати почти до шестидесяти лѣтъ, получая восемь грошей (одинъ франкъ) въ пять дней, объ правѣ экспатріаціи или свободнаго выѣзда изъ отечества, естественномъ правѣ, которое Мирабо пришлось впослѣдствіи защищать въ Учредительномъ Собраніи; объ отмѣнѣ права казны на наслѣдство иностранца, остаткѣ феодальнаго варварства; объ отмѣнѣ лотерей, объ утвержденіи гражданской равноправности, даровaго правосудія, неограниченной и всеобщей терпимости и пр. Въ особенности упомяну объ одномъ прекрасномъ мѣстѣ у Мирабо, гдѣ онъ настаиваетъ на народномъ образованіи и свободѣ печати, двухъ вещахъ, которыя нераздѣльны.

Мирабо говоритъ, что Фридрихъ Вильгельмъ благодарилъ его и что нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ его у принца Генриха, брата Фридриха Великаго, громко поздравлялъ его. Все это очень хорошо; но достигъ-ли онъ этимъ письмомъ хоть чего нибудь? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Не больше вышло изъ этого и при его преемникѣ. Относительно одного пункта, именно школъ, можно сказать, что исполненіе превзошло надежды Мирабо.

Все это дѣлаетъ честь Мирабо; но такъ какъ я не имѣю

намѣренія писать ему похвальное слово, а хочу чтобъ вы узнали его со всѣми его хорошими качествами и со всѣми слабостями, то я долженъ вамъ сказать, что положеніе его въ Берлинѣ было двусмысленное. У него была секретная миссія отъ де-Калонна, ему поручено было присутствовать при послѣднемъ издыханіи Фридриха и сообщить, что за человѣкъ его преемникъ. Эта роль дѣлаетъ ему мало чести и граничитъ со шпіонствомъ.

У насъ остались письма, которыя писалъ Мирабо во время своего пребыванія въ Пруссіи. Они составили томъ подъ заглавіемъ: Histoire secrète de la cour de Berlin (тайная исторія Берлинскаго двора), появившійся въ 1789 г. Эти письма, наполненныя нескромностями и скандалами дѣлаютъ мало чести Мирабо, а изданіе ихъ и того менѣе. Мирабо хранилъ копію съ этихъ писемъ, которыя дѣйствительно принадлежали министерству. Въ 1789 г. во время безденежья, когда ему приходилось ѣхать въ Провансъ, онъ продалъ этотъ манускриптъ одному книгопродавцу, который и издалъ его безъ имени автора и типографщика, подъ именемъ посмертнаго сочиненія и какъ разъ въ то время когда въ Парижѣ былъ принцъ Генрихъ, которому сильно доставалось въ этой корреспонденціи.

Произошелъ очень сильный скандалъ; генеральный прокуроръ предъявилъ книгу парламенту, который въ полномъ собраніи, съ присутствіемъ перовъ, приговорилъ запретить ее и постановилъ: разорвать и сжечь ее рукою палача.

Этотъ памфлетъ былъ осужденъ 10 февраля 1789 г. Мирабо, заранѣе предупрежденный, разыгралъ ту же комедію, которую впослѣдствіи часто разыгрывалъ Вольтеръ. Онъ написалъ изъ Эво Французскій Меркурій письмо, напечатанное 11 февраля, въ которомъ отказывался отъ всякихъ отеческихъ правъ на это литературное произведеніе. Но эта ложь никого не обманула и нисколько не помѣшала генеральному адвокату Сегье (Seguier) въ своемъ докладѣ публично заклеймить памфлетъ названіемъ «произведенія низкаго и безчестнаго», предоставить презрѣнію публики этого тайнаго доносчика, который, устроившись при иностранномъ дворѣ подъ маскою искренности, естественности и пріятности въ обхожденіи, благодаря которымъ

завязываются обыкновенно связи, тотчасъ же употребилъ во зло внушенныя имъ чувства, осмѣлился открыть частныя дѣла, о которыхъ могъ узнать только по искренней довѣренности, осмѣлился клеветать на тѣхъ, которые радушно его принимали и довелъ дерзость до того, что сталъ ихъ цинически оскорблять.»

Я не стану защищать Мирабо отъ такого посрамленія, къ сожалѣнію, слишкомъ заслуженнаго; это одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ его жизни. Подобными вещами и объясняется то, что, не смотря на свои великія качества, онъ оставилъ въ исторіи сомнительное имя. Но сколько же услугъ онъ оказалъ свободѣ!

Вернемся назадъ. Напрасно прохлопотавъ объ мѣстѣ посланника при Баварскомъ дворѣ, а потомъ объ мѣстѣ при миссіи на границахъ Оттоманской Имперіи, миссіи, имѣвшей задачею помѣшать раздѣлу Турціи, будто бы окончательно рѣшенному между Россіей и Австріей, Мирабо вернулся въ Парижъ въ январѣ 1787 съ тѣмъ же, съ чѣмъ уѣхалъ. Но уже въ Берлинѣ онъ получилъ извѣстіе, измѣнившее весь ходъ его мыслей: онъ узналъ о созваніи собранія нотаблей. Будущность открывалась передъ нимъ.

«Мое сердце не состарилось, писалъ онъ, и если мой энтузіазмъ замеръ, то онъ еще не погасъ, я его испробовалъ; какъ на одинъ изъ самыхъ лучшихъ дней моей жизни я смотрю на тотъ день, въ который я узналъ отъ васъ о созваніи нотаблей. Безъ сомнѣнія оно немногимъ предупредитъ созваніе Національнаго. Собранія. Я вижу въ этомъ новый порядокъ вещей, который можетъ возродить монархію. Я почелъ бы себя тысячекратно счастливымъ, еслибъ былъ хоть младшимъ секретаремъ этого собранія, о которомъ я имѣлъ счастіе подать мысль.»

Возвратившись въ Парижъ, но оставленный въ сторонѣ, онъ снова началъ войну противъ ажіотажа и издалъ брошюру подъ заглавіемъ: Denonciation de l' agiotage au roi et à l' assemblée des notables par le comte de Mirabeau, (Доносъ на ажіотажъ королю и собранію нотаблей, графа Мирабо). Слѣдующіе два стиха изъ Вольтера служили эпиграфомъ:

Pensais tu qu'un instant ma vertue démentie
Mettrait dans la balance un homme et la patrie?

(т. е. думалъ ли ты, что моя униженная добродѣтель положитъ на вѣсы человѣка и отечество?)

Это жесткое обращеніе относилось къ Неккеру, котораго Мирабо судилъ строго. Онъ не могъ простить ему «немилости къ принципамъ въ лицѣ Тюрго, не милости, которая вся была дѣломъ Неккера. Неккеръ, прибавлялъ онъ, низко интриговалъ противъ этого великаго человѣка и плоско писалъ противъ его системы, прежде чѣмъ началъ разрушать ее и открыто разбрасывать ея послѣднія обломки—а между тѣмъ тайнымъ образомъ извлекалъ изъ нея пользу на сколько позволяли ему его ошибки и сочиненія, которыя онъ напечаталъ.»

Брошюра Мирабо написана тепло. Она задѣла только людей, ажіотировавшихъ общественными фондами, которыхъ называла поименно. Они стали искать человѣка, который отомстилъ бы за нихъ, и легко его нашли.

27 марта появился очень рѣзкій отвѣтъ подъ заглавіемъ Considérations sur la dénonciation de l'agiotage (Размышленія объ доносѣ на ажіотажъ). Этотъ безъименный отвѣтъ писанъ Рюльеромъ (Rulhière), который взялъ эпиграфомъ одно мѣсто изъ V главы книги Притчей въ вольномъ переводѣ:

«Онъ будетъ уловленъ своею собственною несправедливостью. Я говорю этотъ безчестный человѣкъ, и онъ запутается въ узахъ своего преступленія. Онъ изчезнетъ изъ общества и самый излишекъ его суетности задавитъ его.»

Это можетъ дать понятіе о тонѣ всей книги. Первыя строчки предисловія покажутъ намъ, какою свободою или какимъ своеволіемъ пользовались люди во время старой монархіи въ 1787 году.

«Пораженный негодованіемъ при чтеніи вашего послѣдняго сочиненія, я выступаю, графъ де-Мирабо, съ тѣмъ, чтобы просвѣтить публику на счетъ вашего доноса, вашей личности, вашихъ маневровъ. Я не могу терпѣть болѣе, чтобы злодѣй, закутываясь въ мантіи самыя священныя, дѣлая эгиду изъ словъ: добродѣтель и отечество, осмѣливался воображать, что онъ ослѣпляетъ глаза Франціи, и что ваша наглость можетъ идти

до претензіи на гражданскій вѣнецъ, тогда какъ долгъ всякаго честнаго человѣка презирать васъ, долгъ отечества изгнать, долгъ законовъ покарать васъ.»

Въ концѣ сочиненія помѣщены извлеченія изъ процесса Мирабо съ его женою для доказательства, что онъ самый ужасный изъ людей, и вотъ какой портретъ его рисуетъ Рюльеръ:

«Вы ничѣмъ не оправдаетесь и навсегда останется доказаннымъ, что съ самой колыбели вы были злымъ человѣкомъ, что ни одинъ отецъ не отвергалъ сына болѣе неблагодарнаго, что гименей никогда не зажигалъ факела для супруга болѣе жестокаго и болѣе развращеннаго, что ни въ одномъ семействѣ въ мірѣ не бывало болѣе испорченнаго члена; что у добродѣтели не бывало бо̀льшаго врага, въ родной странѣ болѣе опаснаго жителя, въ литературѣ болѣе низкаго писателя» и пр.

«Наконецъ природа, охотница до всякихъ отступленій, совершила еще одно, создавъ вашу душу. Совершивъ ошибку, она содрогнулась, и на сколько ей было возможно силилась исправить ее, положивъ на весь вашъ видъ, на всю вашу особу печать безобразія, которая предупреждаетъ всякаго честнаго человѣка, чтобы онъ берегся васъ.»

Вотъ какимъ образомъ позволяли себѣ обращаться съ Мирабо люди, выставлявшіе себя мстителями общественной нравственности и защищавшіе ажіотажъ. Мирабо былъ внѣ закона; всякій имѣлъ право нападать на него. Его часто упрекали въ горячности; но, можно утверждать, что, въ общемъ, именно онъ то и выказывалъ умѣренность.

Что всего страннѣе, такъ это то, что доносъ на ажіотажъ хотя и написанъ сурово, но безъ горячности и необидно, и, въ общемъ, это сочиненіе хорошаго экономиста и добраго гражданина. Людовикъ XVI былъ пораженъ имъ и одобрилъ автора, что однако не помѣшало министру получить постановленіе Совѣта, которымъ запрещалось сочиненіе Мирабо какъ наполненное клеветой. Сдѣлано это было для того, чтобы избавиться отъ отвѣта, безъ сомнѣнія готовившагося Рюльеру. Къ этому онъ присоединилъ секретное письмо, по которому авторъ отсылался въ фортъ Гамъ. Но въ тоже время, чтобъ не слишкомъ возбудить интересъ къ Мирабо, Калоннъ велѣлъ предупредить его

подъ рукою, что его собираются арестовать, и Мирабо бѣжалъ въ Бельгію.

Второе письмо Мирабо объ администраціи Неккера помѣчено 7 мая 1787, Тонгръ, въ Бельгіи.

Мирабо критикуетъ въ немъ съ особенною рѣзкостью займы Неккера, займы, сдѣланные безъ налога, который бы гарантировалъ ихъ; онъ видитъ въ этомъ начало возрожденія ажіотажа. Не менѣе строго онъ осуждаетъ пожизненные займы на двоихъ по 9 на 100 во всякомъ возрастѣ, и показываетъ, что они были раззорительны для французскихъ финансовъ. Я думаю, что теперь, когда таблицы смертности стали наукой, всѣ будутъ одного мнѣнія съ Мирабо. Въ видѣ опроверженія его стали обижать. Между прочими любезностями, ему начали говорить, что онъ обезславленный писатель, что въ дефицитѣ онъ разумѣетъ только свой собственный дефицитъ, который заставилъ его взять перо въ руки, что этимъ перомъ онъ не умѣетъ владѣть и что «avant d'écrire ses lettres de cachet, il ne savait même pas cacheter une lettre.» (Непереводимая игра словъ).

Все это однако не мѣшаетъ благоразумному и умѣренному человѣку, дающему подобные уроки, объявлять въ предисловіи, что именно Мирабо развратилъ французскій народъ, «поселивъ въ немъ вкусъ къ произведеніямъ, писаннымъ съ жаромъ, бурно, которыя переходятъ за границы литературной честности и которыя преступаютъ всякую благопристойность». Я согласенъ, что во второмъ письмѣ попадаются противъ Неккера прискорбныя мѣста. Старшій генеральный директоръ раздражалъ нервы Мирабо, постоянно говоря о своей чувствительности и добродѣтели à propos займовъ болѣе или менѣе удачно заключенныхъ и это заставило Мирабо остроумно замѣтить: «Я совѣтую г. Неккеру, если онъ станетъ продолжать выдавать свой характеръ за ручательство своихъ вычисленій, никогда не выдавать своихъ вычисленій за ручательство своихъ добродѣтелей». Мирабо ошибался, сравнивая Неккера съ Кромвеллемъ и еще больше ошибался, сомнѣваясь въ его прямотѣ; но ни Рюльеръ ни анонимъ не были правы, влача своего противника по грязи, подъ предлогомъ, что онъ не умѣренъ. Всѣ эти наглости не суть доказательства.

Когда буря прошла, Мирабо вернулся въ Парижъ. Онъ принимался за все, чтобъ достигнуть чего нибудь. Онъ совѣтуетъ парламенту отвергнуть займы, предложенные Бріенномъ; когда займы были отвергнуты, онъ пишетъ министру де-Монморену (Montmorin), предрекаетъ банкрутство, если не созовутъ государственныхъ чиновъ.

«Обезчещенными извнѣ, бурными у себя, посмѣшищемъ для другихъ, ужасомъ для самихъ насъ, опасными только для нашихъ начальниковъ,—вотъ чѣмъ мы станемъ, если король покажетъ хоть только намѣреніе не исполнить своихъ обязательствъ.»

«Если эта картина не ужаснетъ умныя головы, которыя привели насъ къ этому роковому предѣлу, я спрошу, хорошо-ли вычислили конвульсіи голода, геній отчаянія? Я спрошу, кто осмѣлится отвѣчать за послѣдствія, за личную безопасность всѣхъ окружающихъ тронъ и даже самаго короля?

Это была правда, это вѣрно, политично, и сказано столь же краснорѣчиво, какъ и со смысломъ. Въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 20 ноября 1787 года, Мирабо объявлялъ то, что произошло въ слѣдующемъ августѣ 16. Но де-Монморена, воспитаннаго въ монархическихъ идеяхъ (хотя онъ былъ весь преданъ королю и, если нужно, готовъ былъ пожертвовать за него жизнію, что̀ и доказалъ) не хватило на то, чтобъ стать или во главѣ оппозиціи, или конституціоннымъ министромъ. Имъ сдѣлался Бріеннъ, и затѣмъ вдругъ произошло прекращеніе платежей звонкою монетой, которое перешло бы въ банкрутство, еслибъ не подоспѣлъ Неккеръ и своимъ вліяніемъ не поднялъ кредита.

Но вотъ что служитъ грустнымъ доказательствомъ того, что Мирабо мало цѣнили: кажется, министръ видѣлъ въ этомъ письмѣ только вмѣшательство человѣка, которому нужно только, чтобы объ немъ говорили. Оппозиція парламента стѣсняла королевскую власть; полагали, что могутъ еще обойдтись безъ генеральныхъ штатовъ—и вотъ министръ предложилъ Мирабо писать противъ парламента. Это случилось въ то время, когда обдумывался государственный переворотъ, спустя пятнадцать дней, по-

развившій д'Еспременилля (Esprémenil) и Гуаслара де Монзабера (Goislard de Monsabert).

Когда пришло къ нему это предложеніе, Мирабо, больной и одинокій, чувствовалъ себя хуже обыкновеннаго. Кромѣ того, онъ никогда не любилъ этой аристократіи магистратовъ, которая низвергла Тюрго; но онъ ставилъ интересы Франціи выше своихъ личныхъ антипатій, выше своихъ потребностей, выше своихъ бѣдствій. Онъ не хлопоталъ нисколько о томъ, чтобы надѣть правительственную ливрею, особенно теперь, когда король собирался потребовать обратно право одному издавать законы, и вотъ его гордый отвѣтъ Монморену отъ 18 апрѣля 1788 года:

«Я не иначе стану вести войну съ парламентами, какъ въ присутствіи націи. Тогда, и только тогда, они могутъ быть возвращены и сведены къ характеру простыхъ служителей правосудія. Но если, на мѣстѣ правъ, похищенныхъ ими у насъ, не будетъ конституціи, освященной нашимъ сонзволеніемъ, то кто изъ честныхъ людей захочетъ изгладить послѣдніе слѣды нашихъ умирающихъ свободныхъ учрежденій? Если воля одного должна стать отнынѣ закономъ въ монархіи, то какъ не поддержать устойчивости единственныхъ учрежденій, которыя сохранили средства считаться съ этой страшной волей».

«Ахъ, графъ.... не искусно было-бы то правительство, которое сдѣлало бы Францію парламентарной... Да что я говорю, нельзя-ли обойдтись безъ парламента de facto, пока не будутъ созваны генеральные штаты? Кчему торопиться обойдтись безъ нихъ по праву, если дѣйствительно хотятъ собрать націю? Не показалась-ли бы такая поспѣшность подозрительною? Если отнять у націи фантомъ, на который она долгое время смотрѣла какъ на оберегателя своихъ правъ, не призвавъ ее самое надзирать за сохраненіемъ ихъ и пользованіемъ, она не повѣритъ, что тутъ разрушаютъ для того чтобъ создать, что обуздываютъ честолюбивыя учрежденія для того, чтобы установить королевство; она подумаетъ, что это ведетъ къ абсолютному деспотизму, къ простому и чистому произволу. Смѣлъ былъ бы тотъ, кто могъ бы отвѣчать за то, что среди такихъ обстоятельствъ, преувеличенныхъ общественнымъ недовѣріемъ, распаляемыхъ

недоброжелателями, не произойдетъ возстанія, а если оно случится—человѣческому уму не вычислить всѣхъ его послѣдствій».

«Нѣтъ, графъ, не пришло еще время вести перомъ войну съ парламентомъ. Слишкомъ недовѣряютъ, по справедливости, правительству. Пусть оно снова пріобрѣтетъ довѣріе націи.... призвавъ ее къ разсмотрѣнію своихъ дѣлъ...., парламенты, по силѣ вещей, немедленно сведутся къ настоящей величинѣ. Ихъ виновныя интриги рушатся, ихъ безумныя требованія получатъ достойное вознагражденіе. Вся сила ихъ въ бѣдствіи государства и въ недовольствѣ народа».

«Вотъ, графъ, краткое изложеніе размышленій, внушенныхъ мнѣ искреннимъ желаніемъ служить вамъ, но сообразно съ происшествіями и уваженіемъ, которое я обязанъ имѣть къ самому себѣ. Не подвергайте же непріятностямъ ревностнаго слугу, которой ни во что сочтетъ опасности въ тотъ день, когда нужно будетъ пожертвовать собою для отечества, но который за всѣ короны въ мірѣ на согласится обезчестить себя въ двусмысленномъ дѣлѣ, въ которомъ конецъ невѣренъ, принципъ сомнителенъ, ходъ котораго опасенъ и теменъ. И не утрачу ли я этихъ способностей, вліяніе которыхъ вы преувеличиваете, если я откажусь отъ этой непреклонной независимости, которой одной я обязанъ успѣхами и которая одна можетъ сдѣлать меня полезнымъ моей странѣ и королю. Въ тотъ день, когда вдохновенный совѣстью и сильный моимъ убѣжденіемъ, честный гражданинъ, чистый писатель, я кинусь въ ошибку, я буду въ состояніи сказать: послушайте человѣка, который никогда не мѣнялъ своихъ принциповъ, никогда не покидалъ общественнаго дѣла».

Въ этомъ письмѣ весь Мирабо. Въ немъ нѣтъ этой цѣлостности, этой застѣнчивости патріотизма, который составляетъ очарованіе и славу Вашингтона или Лафайета. Нѣтъ, это адвокатъ и адвокатъ министерскій, который охотно приметъ покровительство сильныхъ и плату, которая съ этимъ сопряжена; но это адвокатъ съ опредѣленными убѣжденіями, который не станетъ вести всякій процессъ и который согласится лучше остаться бѣднымъ, чѣмъ защищать то, на что онъ смотритъ

больше какъ на глупость, нежели какъ на несправедливое дѣло. Вотъ настоящее мѣсто, на которое слѣдуетъ поставить Мирабо. Стоя въ нравственномъ отношеніи ниже другихъ, болѣе великихъ людей, онъ однакоже стоитъ неизмѣримо выше цѣлой толпы людей, которые его осуждаютъ и которые заставляютъ себѣ платить за то, что не имѣютъ убѣжденій.

Но если его разсматривать со стороны способности и ума, то у Мирабо нѣтъ соперника. У него ясный взглядъ на вещи, онъ знаетъ, что нужно народу, у него съ нимъ общія идеи и чувства. Онъ знаетъ, что въ этомъ его сила. Окруженный своими мирмидонятами, [1]) узкими умами, людьми неспособными или наглыми, онъ чуждъ ненависти и страсти. Политика для него наука и искусство; онъ владѣетъ и тѣмъ и другимъ. Такимъ былъ онъ какъ въ 1788 году такъ и въ 1789, умомъ самымъ свѣтлымъ, величайшимъ по способностямъ человѣкомъ въ странѣ.

Но и говоря это, отнесясь какъ должно къ его нравственности и способностямъ, мы все еще не вполнѣ справедливы къ нему. Мирабо, защищая право и разумъ, желалъ не только почестей и могущества для себя; онъ не такой эгоистъ. Онъ желалъ счастія народа, величія короля, спасенія монархіи. Его преданность странѣ и королевской власти столь-же искренняя какъ и просвѣтленная. Вотъ что дѣлаетъ его популярнымъ, несмотря на его недостатки, вотъ почему онъ, не будучи столь доблестнымъ какъ Неккеръ, способенъ былъ не менѣе его чувствовать. У него была добрая и любящая душа. Какъ говоритъ англійскій поэтъ, онъ сосалъ молоко человѣческой нѣжности. Пониманіе его не было узкимъ, онъ не былъ фанатикомъ какъ Сійесъ и Робеспьеръ, у него было сердце столь-же обширное какъ и умъ и скорѣе къ нему, чѣмъ къ Бруту можно отнести слова, вложенныя Шекспиромъ въ уста. Антонію.

The elements
So mixed in him, that Nature might stand up
And say to all the world, this was a man. (Юл. Цез.).

---

[1]) Подданные Ахиллес.

Стихіи были такъ смѣшаны въ немъ, что природа могла подняться и сказать цѣлому міру: это былъ человѣкъ.

Мы видѣли, Мирабо чувствовалъ, что время произвола прошло. Все показывало ему, что во Франціи націю начинали считать за нѣчто и среди этой возрожденной націи онъ надѣялся занять мѣсто, достойное его таланта и честолюбія. Цѣль, которую онъ преслѣдовалъ съ неутомимой дѣятельностью, была возстановить себя, привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. Весь 1788 года онъ ратовалъ за свободу, плывя съ непрерывнымъ трудомъ противъ этого потока пренебреженія и презрѣнія, который уносилъ его въ пропасть.

1788 годъ былъ однимъ изъ самыхъ возбужденныхъ не только во Франціи, но и въ Голландіи. Въ послѣдней поднялась революція противъ штатгальтера Вильгельма V, которую тайнымъ образомъ поддерживала французская дипломатія, но которую французскіе министры бросили, когда король прусскій прислалъ войска на помощь своему зятю. Борьба все еще продолжалась, когда наконецъ голландскіе патріоты почувствовали необходимость призвать на помощь общественное мнѣніе Европы. Своимъ адвокатомъ они избрали Мирабо.

Онъ медлилъ нѣкоторое время ратовать противъ этого подлаго заговора противъ свободныхъ народовъ, но наконецъ онъ быстро написалъ и издалъ 1 апрѣля 1788 г. памфлетъ подъ заглавіемъ: Adresse aux Bataves sur le stathaldérat (Посланіе къ батавцамъ о штатгальтерствѣ). На заглавномъ листѣ былъ выгравированъ портретъ Жана-де-Витта, съ слѣдующимъ стихомъ изъ Виргилія.

Vincet amor patriae, laudumque immensa cupido,

Связываетъ любовь къ отечеству и безмѣрная жажда хвалы— настоящій девизъ Мирабо.

Время состарило это произведеніе, писанное по случаю, но оно не коснулось перечня политическихъ принциповъ, съ которыми Мирабо обращается къ батавцамъ. Это истинная хартія, это принципы 1789 г., принципы, заимствованные отъ Англіи и юной Америки, въ то время сильно оспариваемые на материкѣ, но въ настоящее время составляющіе политическое евангеліе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Я отсылаю читателя къ этому очерку свободной конституціи; я извлеку изъ него только одно мѣсто, которое касается имущественнаго равенства въ семействѣ, принципа, принятаго гражданскимъ кодексомъ.

«Права наслѣдства (субституціи) увѣковѣчиваютъ богатства въ тѣхъ же семействахъ, и эти привилегіи сосредоточиваются въ тѣхъ-же самыхъ рукахъ. Ничто болѣе не противорѣчитъ равенству, которому должны благопріятствовать всѣ законы, потому что всякія общественныя соединенія стремятся его нарушить». Не забудемъ, что человѣкъ, такъ ясно выразившій свою любовь къ свободѣ и ненависть къ привилегіямъ, былъ старшимъ по писанному праву; у него было въ перспективѣ право наслѣдства, которое должно было со временемъ непремѣнно дать ему на 3 милліона недвижимаго имущества и 200 т. ренты въ поземельномъ феодальномъ оброкѣ. Ему можно вмѣнить въ нѣкоторую заслугу то, что онъ писалъ о равенствѣ, которое его раззоряло.

Въ этомъ произведеніи блестящимъ образомъ выказываются вся чистота, вся политическая рѣшимость Мирабо. Онъ усвоилъ себѣ размышленіемъ принципы, заимствованные изъ опыта Англіи и Америки, и такъ ясно понималъ условія свободы, что мы пошли едва-ли дальше его. Я говорю о писателяхъ; а наши конституціи менѣе подвинулись впередъ, чѣмъ эти принципы 1788 г. Поэтому было-бы ребячествомъ предполагать, что въ 1789 г. Мирабо пожелалъ сдѣлаться трибуномъ хоть на одинъ день, лишь-бы играть роль, лишь-бы пріобрѣсти популярность. Что у него было великое честолюбіе, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но его честолюбіе заключалось не въ томъ, чтобъ добиться жалкаго успѣха дня. Онъ хотѣлъ насадить свободу во Франціи и связать свое имя съ основаніемъ конституціоннаго правленія. Какое-бы большое значеніе не придавали его страстямъ, онѣ никогда не помрачали ясности его ума. Онъ хотѣлъ увлечь Францію за собою, но съ цѣлію повести ее къ лучшей будущности.

Въ августѣ 1788 г. Мирабо напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: Observations d'un voyageur anglais sur la maison de force appelée Bicêtre, suivies de réflexions sur les

effets de la sévérité des peines, et sur la législation criminelle de la Grande-Bretagne, imité de l'anglais par le comte de Mirabeau т. е. Наблюденія англійскаго путешественника надъ исправительнымъ домомъ, называемымъ Бисетрою, съ присоединеніемъ соображеній о строгости наказаній и объ уголовномъ великобританскомъ законодательствѣ. Подражаніе англійскому, графа Мирабо.

Этотъ англійскій путешественникъ былъ Самуэль Ромиллей (Romilly), по справедливости оставившій по себѣ почетное имя по энергіи, съ которою онъ добивался въ Англіи реформы уголовныхъ законовъ. Мирабо въ одинъ день перевелъ текстъ Ромиллея и прибавилъ къ нему вольное подражаніе англійскому памфлету: Мысли объ уголовномъ законодательствѣ. Дюмонъ сообщаетъ, что эта брошюра имѣла большой успѣхъ. Теперь она интересна намъ развѣ что по заглавію.

Картина Бисетры, которую рисуетъ Ромиллей поражаетъ наше сердце. Его мнѣніе выражается въ этой страшной фразѣ: «Я зналъ, какъ и всѣ, что Бисетра въ одно и тоже время больница и тюрьма; но я не зналъ, что больница существуетъ для того, чтобъ размножать болѣзни, а тюрьма для того, чтобъ порождать преступленія».

Изъ соображеній Мирабо я приведу три пункта, которые мнѣ кажется, наиболѣе выдаются:

1. Какъ Монтескье, онъ показываетъ, что увѣренность въ несомнѣнности, а не продолжительность наказанія останавливаетъ преступника; онъ стоитъ за смягченіе наказаній, за судъ присяжныхъ и клеймитъ англійское законодательство, которое принимаетъ до ста шестидесяти случаевъ, наказываемыхъ смертью. Мирабо уклоняется отъ произнесенія своего мнѣнія относительно вопроса о смертной казни, вопроса чрезвычайно тонкаго относительно теоріи и практики, но онъ прямо говоритъ, что это страшное наказаніе, котораго нельзя вернуть, должно карать самыя жестокія преступленія. Какъ возможно, говоритъ онъ, наказывать вора смертью? Не существуетъ никакого отношенія между жизнью человѣка и суммою денегъ; это двѣ вещи несоизмѣримыя.

2. Онъ первый познакомилъ Францію съ опытами пенитен-

ціарной реформы, которые совершились въ Филадельфіи и были вотированы, но не приложены въ Англіи. «Этотъ проектъ исправительныхъ домовъ, говоритъ онъ, имѣетъ двойное преимущество: заведенія милосердія и карательнаго учрежденія, направляемаго къ самой важной цѣли кары, обыкновенно упускаемой изъ виду закономъ—цѣли исправленія уголовнаго преступника. Нужно надѣяться, что одиночное заключеніе и постоянная работа усмирятъ самые неукротимые характеры и самыя свирѣпыя души. Кромѣ того, это будетъ родъ убѣжища для тѣхъ, которые сдѣлались преступниками вслѣдствіе пороковъ дурнаго воспитанія, губительныхъ связей, отчаянія или неотвратимой нужды.

Будучи отдѣлены отъ окончательныхъ злодѣевъ, они не будутъ заражаться отъ нихъ; слѣдуетъ запечатлѣвать въ умѣ ихъ принципы религіи и нравственности; слѣдуетъ обучать ихъ полезнымъ ремесламъ — такимъ образомъ имъ дадутъ средства сдѣлаться уважаемыми членами общества по возвращеніи имъ свободы».

Осуществленная революціей, эта реформа не дала того, чего отъ нея надѣялись. Въ настоящее время, она во Франціи мало популярна. Продолжительное одиночество составляетъ сильное мученіе для француза. Но мнѣ кажется главная причина неуспѣха заключается въ томъ, что люди себѣ вообразили, что матеріальными средствами можно измѣнить душу подсудимыхъ. Всякое исправленіе есть дѣло воспитанія и только человѣкъ можетъ воспитать себѣ подобнаго. Эта идея лежитъ въ основаніи ирландской системы и можетъ быть черезъ нее успѣшно пойдетъ пенитенціарная реформа, принципъ которой вѣренъ и хорошо выраженъ Мирабо. Задача уголовныхъ законовъ безъ сомнѣнія заключается въ томъ, чтобъ карать виновныхъ и утверждать такимъ образомъ уваженіе къ закону и безопасность честныхъ людей, но если наказаніе не исправляетъ виновнаго, то оно только жестокость. Разъ будучи примѣнено, оно бросаетъ въ общество новаго врага, раздраженнаго тюрьмою, которымъ двигаетъ нужда. Такое наказаніе не достигло своей главнѣйшей цѣли.

3) Наконецъ Мирабо возстаетъ съ обычнымъ краснорѣчіемъ

противъ заключенія въ тюрьму обвиняемаго и противъ продолжительности судебнаго слѣдствія.

Эти соображенія Мирабо, будучи писаны наскоро, не представляютъ ничего особеннаго. Впрочемъ въ 1788 г. реформа уголовныхъ законовъ была модой. Всѣ занимались ею, отъ генеральнаго адвоката Сервана до Бриссо-Варвилля, отъ Лакретелля до Робеспьера и Марата. Въ этомъ соперничествовало человѣколюбіе. Но эти немногія страницы Мирабо показываютъ намъ съ одной стороны, что онъ зорко слѣдилъ за всѣми реформами, искалъ всяческихъ улучшеній, а съ другой свидѣтельствуютъ объ его большомъ здравомъ смыслѣ, въ соединеніи съ горячимъ воображеніемъ. Превосходство Мирабо и составляли эта универсальность свѣденій, эта жажда обновленія. Онъ въ этомъ дѣлѣ понимаетъ больше новаторовъ, у него воля сильнѣе, чѣмъ у большинства тѣхъ, которые видятъ недостатки общества, но не смѣютъ выступить впередъ. Прошедшее двигаетъ имъ и его недостатки становятся высокими качествами.

Въ концѣ того же года, 4 декабря 1788 г. Мирабо напечаталъ новый памфлетъ подъ заглавіемъ: Sur la liberté de la presse, imité de l'anglais de Milton (о свободѣ печати, по Мильтону) съ девизомъ взятымъ изъ книги англійскаго поэта: Убить человѣка, значитъ уничтожить разумное существо, но задушить хорошую книгу, это значитъ убить самый разумъ.

Въ настоящее время найдется нѣсколько любознательныхъ людей, которые знакомы съ памфлетами Мильтона; въ прошломъ столѣтіи, я думаю никто ихъ не читалъ. Однако Мильтонъ былъ столь же великій писатель въ прозѣ, какъ въ стихахъ; онъ защищалъ свободу съ энергіей, какою немногіе обладаютъ и которую никто не превзошелъ. Но не по подражанію, сдѣланному Мирабо, слѣдуетъ о немъ судить. Подражаніе это поверхностное. Разсказываютъ, что Мирабо держалъ книгу одной рукой, а другой быстро записывалъ идеи, которыя она ему внушала. И это подходитъ къ правдѣ. Онъ далекъ отъ величественнаго слова Мильтона, отъ его образнаго стиля и пишетъ сглаженнымъ слогомъ его кописта. Однако находишь удовольствіе читать Мильтона даже въ такомъ искаженіи.

Защитительное слово англійскаго поэта о печати представляетъ еще и въ настоящее время одну изъ самыхъ глубокихъ и умныхъ вещей, какія только были писаны о печати. Печать, по его словамъ, есть проявленіе человѣческой мысли и слѣдовательно имѣетъ всѣ ея достоинства и недостатки:

«Зло и добро не ростутъ раздѣльно на плодородномъ полѣ жизни; онѣ прозябаютъ рядомъ другъ съ другомъ и такъ переплетаются между собою вѣтвями, что ихъ нельзя распутать. Познаніе одного необходимо связано съ познаніемъ другаго. Будучи заключены въ оболочкѣ яблока, отъ котораго отвѣдалъ нашъ праотецъ, онѣ вырвались въ одно и тоже время и, какъ близнецы, вмѣстѣ появились на свѣтъ. Быть можетъ даже, въ нашемъ нынѣшнемъ состояніи, мы не можемъ достигнуть добра иначе какъ черезъ познаніе зла; ибо чѣмъ руководствовалась бы при избраніи мудрость? Какимъ образомъ невинность могла бы предохранить себя отъ нападеній порока, еслибъ не имѣла объ немъ какой-нибудь идеи? И такъ какъ вообще слѣдуетъ взирать на путь порочныхъ, чтобъ съ благоразуміемъ поступать въ мірѣ, такъ какъ должно распознавать заблужденія, чтобы придти къ истинѣ, то способъ наименѣе опасный для достиженія этой цѣли не будетъ ли состоять въ томъ, чтобы выслушивать и читать всякого рода трактаты и умствованья?»

Но, спросятъ, гдѣ же нравственность? Если подъ безнравственными книгами разумѣть такія, которыя научаютъ распутству, то для этого существуютъ суды, которые будутъ судить книги и людей-развратителей. Если же напротивъ того подъ безнравственностію разумѣть все, что можетъ пробудить въ насъ идеи и вкусы, несогласные съ шаблономъ святости, который хочетъ наложить на насъ церковь или правительство, то Мильтонъ замѣчаетъ, что этого не слѣдуетъ придерживаться при цензурѣ книгъ. Было бы хорошо имѣть цензоровъ для пѣнія, для танцевъ; они нужны были бы для того, чтобы не позволять болтать, какъ теперь болтаютъ. А обѣды, туалетъ, визиты, вечера? И какимъ образомъ помѣшать контрабандѣ мадригаловъ, вздоховъ, объясненій, которые дѣлаются вполголоса въ комнатахъ? Равнымъ образомъ не слѣдуетъ-

ли надзирать за окнами и балконами? Не украшаются ли они живыми книгами, опасные фронтисписы которыхъ призываютъ покупателя? Гдѣ найдти достаточно цензоровъ, чтобъ помѣшать этой торговлѣ?

Невпопадъ, замѣчаетъ Мильтонъ, стали говорить объ опасности новыхъ мнѣній, «ибо самое опасное мнѣніе есть мнѣніе тѣхъ людей, которые хотятъ, чтобъ думали и говорили только съ ихъ приказанія и позволенія.»

Мы слѣдили за Мирабо до кануна выборовъ и мы можемъ, будучи отдалены отъ него, судить о немъ съ большею безпристрастностью, нежели его современники въ 1789 г. Я вамъ показалъ широту и прочность его политическихъ видовъ, я не скрылъ его недостатковъ и слабостей. Мы видѣли, что его недостойнымъ образомъ преслѣдовали въ юности, что онъ совершилъ преступленіе въ Понтарлье, позже его развратила нищета, что онъ у Калонна занималъ не очень почетную должность, но что за всѣмъ тѣмъ онъ старался подняться и возстановить себя въ общественномъ мнѣніи, защищая правосудіе и свободу. Какое будетъ заключеніе этого этюда? Я не старался выхлопотать прощеніе Мирабо во имя его таланта и услугъ, оказанныхъ имъ. Я находилъ только, что его судили слишкомъ строго, но не думаю опровергать приговоръ исторіи. Я не любитель парадоксовъ.

Я желаю только обратить ваше вниманіе на одинъ законъ въ дѣлахъ человѣческихъ и извлечь изъ всего этого нравственный урокъ, который послужитъ намъ въ пользу.

Для того, чтобы направлять людей, чтобы ихъ воспитывать, научать словомъ живымъ или письменнымъ, нужно пріобрѣсти ихъ довѣріе и уваженіе. Но эти оба драгоцѣнныя блага можно пріобрѣсти только при помощи двухъ нераздѣльныхъ качествъ: даровитости и чистоты душевной. Очень часто ихъ противуполагаютъ другъ другу, не видя, что при какомъ-нибудь недостаткѣ въ одномъ, другое подвергается опасности.

Въ жизни очень часто недостаточно цѣнятъ честность. Повидимому, ума хватитъ на все и нравственность и политика ничего не имѣютъ общаго между собою. Исторія причастна

этому извращенію человѣческой совѣсти. Кто были эти люди, которымъ мы удивляемся? Одни, эгоисты, которые раззоряли, убивали милліоны себѣ подобныхъ, другіе, которые обманывали, хитрили и достигли власти или сохранили ее низостями и преступленіями. Вотъ что, собственно, было бы достойно нашего полнаго презрѣнія.

Съ другой стороны, существуетъ убѣжденіе, что вся тайна счастія народовъ состоитъ въ томъ, чтобы во главѣ правленія стояли люди честные. Это такъ, если они образованные и способные люди; не такъ, если они невѣжды и ограниченные люди. Преступное честолюбіе разлило по землѣ потоки крови, но чисты ли отъ нея и руки фанатизма? А между тѣмъ, кто же можетъ утверждать, что между фанатиками не было честныхъ людей? Сколько палачей способныхъ стать мучениками? Или, не касаясь фанатизма, сколько золъ призвало на землю и поддерживало на ней невѣжество? Только съ недавняго времени стали выслушивать науку въ совѣтахъ народовъ. Изъ числа нашихъ отцевъ похищался десятый неурожаемъ, нуждою, чумою, войною подъ управленіемъ государей, которые чистосердечно говорили только о покровительствѣ и народной чести. Даже и въ настоящее время сколько заблужденій, и притомъ самыхъ роковыхъ, поддерживается и защищается во имя преданія, правосудія, правды!

Не удивляйтесь теперь, если я выпукло выставилъ политическія способности Мирабо. Въ 1789 г. невѣжество погубило Францію; намѣренія были правдивыя и именно честно, но слѣпо привели нашихъ отцовъ къ пропасти. Но, можетъ быть, вы спросите: въ этомъ пунктѣ, на которомъ я настаиваю, и проявились политическія способности Мирабо? Ничуть не бывало, потому что ему недоставало уваженія и почитанія со стороны честныхъ людей. Его чудесный талантъ, его энергія были погибшими силами и не одинъ разъ онъ восклицалъ въ отчаяніи: сколько вреда моей странѣ принесла безнравственность моей юности. Предположите, что Мирабо устоялъ бы предъ увлеченіями страстей, что онъ съ благородствомъ переносилъ бы бѣдность, сохранилъ бы дѣвственность своего характера. Какова

бы была тогда его роль! Роль Вашингтона. Онъ былъ бы спасителемъ своей страны, истиннымъ основателемъ возродившейся Франціи. Безсилію таланта, когда съ нимъ не связано уваженіе—вотъ чему научаетъ насъ жизнь Мирабо. Я не знаю урока болѣе печальнаго и болѣе нравственнаго; я не знаю ни одного болѣе ясно записаннаго въ лѣтописяхъ нашей страны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
И
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ДѢЯТЕЛИ
XVIII ВѢКА.

когда Франція считала себя достигшею апогея философіи, всякаго свѣту и цивилизаціи, нуженъ былъ любопытный умъ, живая смѣтливость какого-нибудь Монтескье, чтобы предугадать восшествіе великаго народа, чтобы удивляться этой свободѣ, возникавшей въ глуши лѣсовъ.

А между тѣмъ эти темные, неизвѣстные колонисты разрѣшили величайшую задачу новѣйшей политики, и разрѣшили ее способомъ наиболѣе подходившимъ къ народу, такъ полюбившему равенство. Они внесли въ степь общества свободныя и цвѣтущія. Правленіе ихъ было тоже, что и въ матери-отчизнѣ, но безъ привилегій и безъ злоупотребленій; то, что̀ въ Англіи было сложностью феодализма, монархизма и либерализма, въ Америкѣ было народоправствомъ, различіе, легко объясняемое отсутствіемъ королевской власти, дворянской и духовной іерархіи, но котораго Монтескье, повидимому, не замѣтилъ.

Личная свобода, какъ и въ Англіи, была также значительна, но лучше обезпечена; свобода политическая была совершенна. Избирательное право было повсемѣстно и распредѣлено самымъ равнымъ образомъ. Не было ни городовъ безъ представителей, ни представителей безъ городовъ. Въ восточныхъ колоніяхъ, заключавшихъ въ себѣ половину всего народонаселенія, законодательное собраніе избиралось ежегодно путемъ тайной балотировки; созваніе собранія назначалось закономъ. Жалованье намѣстника оспаривалось каждый годъ; вотированіе субсидій обыкновенно состояло въ бо̀льшей гарантіи, въ избраніи агентовъ, на которыхъ лежала обязанность слѣдить за расходами.

Свобода муниципальная была одна изъ самыхъ неограниченныхъ; свобода религіозная (за печальнымъ исключеніемъ католицизма) была совершенно неограничена; установленной церкви не было, и никакое вѣроисповѣданіе не наказывалось политическимъ бездѣйствіемъ.

Земля находилась въ рукахъ свободныхъ владѣльцевъ; самодержавность господина не стѣснялась феодальнымъ рабствомъ. Наконецъ, на протяженіи всего материка, у каждаго было свое оружіе, и кромѣ самихъ гражданъ войска не было никакого.

Слѣдовательно, американскій народъ пользовался несравненно

большею личною независимостью и несравненно большимъ политическимъ могуществомъ, нежели англійскій народъ [1]). Это была чистѣйшая демократія, точно такая же, какою въ настоящее время считаютъ Канаду или Австралію люди не довольствующіеся одними словами.

Метрополія ужаснулась этой свободы, когда страна выросла, и не одну борьбу пришлось выдерживать со стороны намѣстниковъ и Англіи. Правители ясно сознавали всю выгоду, которую можно было извлечь изъ постояннаго бюджета и изъ продолжительности собраній, для того чтобы побѣдить сопротивленіе депутатовъ; но если вы хотите имѣть понятіе объ умѣ колонистовъ, то прочтите требованія, представленныя въ 1688 г. герцогу Іорскому колонистами Нью-Джерзи [2]).

Сэръ Эдмундъ Андрусъ обложилъ пошлиной товары, которые привозились въ Делаваръ, входившій тогда въ составъ Нью-Джерзи; но колонисты объявили эту пошлину противузаконною, потому что она была установлена безъ ихъ согласія. Герцогъ Іоркскій, говорятъ они, даровалъ владѣльцамъ, Берклэю и Картрету, не только землю, но и правительственную власть.

«Только одно это, присовокупляютъ они, могло побудить насъ купить землю, и причина тому весьма проста. Для каждаго благоразумнаго человѣка вопросъ о правительствѣ имѣетъ больше значенія, чѣмъ вопросъ о почвѣ: что хорошія земли безъ хорошихъ законовъ? Чѣмъ лучше будетъ земля, тѣмъ хуже будутъ условія. Намъ слѣдуетъ обезпечить населенія правительствомъ легкимъ, свободнымъ и вѣрнымъ, относительно ихъ умственной и временной собственности, то есть неприкосновеннымъ обладаніемъ своихъ гражданскихъ правъ и своей свободы: иначе, что же можно найдти поощряющаго въ степи? Было бы безумствомъ покинуть страну свободную, богатую и цивилизованную для того только, чтобы населить пустыню, и рисковать огромными суммами лишь для того, чтобы дать дру-

[1]) Bancroft, Amerikan Revolution. I, 16.
[2]) Pitkin, Political and Civil Hist. of the U. S. N. Haven, 1828, I, 80.

гому право налагать на насъ пошлины для своего удовольствія.... Естественное право и разумъ вездѣ возстаютъ противъ подобной доктрины; потому что, если допустить ея справедливость, слѣдуетъ также допустить, что народъ, свободный по закону въ своемъ отечествѣ и подъ покровительствомъ своего государя, гдѣ нибудь, въ колоніи, подпадаетъ опять подъ власть государя.

«Если насъ можно облагать пошлиною безъ закона, если насъ лишаютъ права вотировать налоги, права, принадлежащаго намъ, какъ англичанамъ,—то какое же обезпеченіе нашей собственности остается намъ? Мы тогда не имѣемъ ничего; тогда мы невольники, рабы, не только относительно земли, но даже и относительно нашихъ денегъ. Подобныя злоупотребленія всегда раззоряли правительства и никогда не возводили ихъ на степень истиннаго величія».

Столѣтіе подобнаго либеральнаго опыта страннымъ образомъ расширилъ понятія; любопытно видѣть, каковы были принципы, какова была политическая вѣра народа, совершенно чуждаго дряхлой Европѣ, отдѣленннаго отъ нея морями и знакомаго единственно лишь по наслышкѣ съ нашими обществами, въ которыхъ продолжалось прошедшее.

Вотъ отрывокъ, могущій дать намъ объ этомъ нѣкоторое понятіе. Это страница, написанная около 1765 года Джономъ Адамсомъ, который, будучи еще совершенно молодымъ человѣкомъ, издалъ трактатъ о каноническомъ и феодальномъ правѣ. Адамсъ, сынъ путешественника,—пишетъ въ ту самую минуту, когда между Америкою и Англіею завязывалась ссора. Въ словахъ его есть горечь; онъ съ жесткостью относится къ старинной церкви и къ Старому Свѣту; но самая эта горечь, жесткость служатъ лишь къ тому, чтобы еще яснѣе выставить впередъ демократическій духъ одного изъ самыхъ главныхъ и здравыхъ дѣятелей революціи.

«Причиною колонизаціи Америки была великая борьба народа противъ общаго заговора временной и умственной тираніи: не одна только религія, какъ полагаютъ обыкновенно, но любовь ко всеобщей и повсемѣстной свободѣ, но ненависть,

боязнь и отвращеніе къ этому заговору рѣшили, повели и совершили колонизацію Америки.

«Наши отцы ясно увидѣли, что изо всѣхъ заблужденій и изо всѣхъ безумствъ человѣческихъ, не было болѣе сумасброднаго, нежели эти понятія неизгладимаго свойства, понятія о безпрерывной преемственности, которыя исходятъ отъ каноническаго права. Эти-то фантастическія идеи и окружили священника ореоломъ таинственности, святости, уваженія, и доставили ему превосходство, не подобающее ни одному смертному, то превосходство, которое, по самому свойству человѣческой природы, всегда будетъ опасно для общества. Вотъ почему наши праотцы разрушили все зданіе іерархіи и епископства, (они смѣялись, какъ и слѣдуетъ всякому разумному и безпристрастному человѣку,—они смѣялись надъ достойными смѣха порожденіями фантазіи, вслѣдствіе которыхъ отъ епископскихъ пальцевъ исходятъ святыя); вотъ почему они установили посвященіе пастырей духовныхъ на основаніи Библіи и здраваго смысла.

«Эти эмигранты глубоко презирали всѣ жалкія изобрѣтенія, всѣ туманные и таинственные покровы, въ родѣ понятій о законности, о помазанникѣ Господнѣ, о божественномъ и чудесномъ происхожденіи правительства,—покровы, въ которые духовенство облекало феодальнаго монарха, и изъ которыхъ оно извлекло два самыхъ гибельныхъ ученія о страдательномъ повиновеніи и о невмѣшательствѣ. Пуритане же, напротивъ, сознавали, что правительство вещь простая, ясная, понятная, основанная на природѣ вещей и разумѣ, доступная даже простому здравому смыслу. Они ненавидѣли унизительныя обязанности, рабское повиновеніе феодальной системѣ; они полагали, что вся эта рабская зависимость столь же несовмѣстна съ человѣческою природою, сколько и съ религіозною свободою, помощью которой искупилъ насъ Іисусъ Христосъ,

«Помните, однакоже, что слѣдуетъ защищать свободу во что бы то ни стало. Мы имѣемъ на то право, и право это предоставилъ намъ нашъ Создатель. Если бы даже оно не принадлежало намъ отъ природы, то во всякомъ случаѣ отцы наши завоевали и выкупили его цѣною своего благосостоянія,

своихъ имуществъ, своими жертвами и своею кровью. А сохранить свободу какого-нибудь народа невозможно, если у него нѣтъ народнаго воспитанія; народъ, по самой своей природѣ, имѣетъ право на образованіе потому уже, что великій Создатель его, который ничего не творилъ напрасно, далъ ему разумъ и знаніе. Кромѣ того, народъ имѣетъ неоспоримое, неотъемлемое божественное право быть знакомымъ съ характеромъ и поведеніемъ тѣхъ, кто имъ управляетъ. А правители не болѣе какъ повѣренные, агенты, душеприкащики народа; если они измѣняютъ дѣлу, интересу, залогу, порученному имъ, или дѣйствуютъ съ постыдною небрежностью, народъ имѣетъ право уничтожить власть, которую даровалъ самъ; онъ имѣетъ право назначить дѣятелей лучшихъ и болѣе способныхъ. Разливать свѣтъ просвѣщенія и познанія даже въ самые послѣдніе классы имѣетъ для общества болѣе важное значеніе, нежели самое богатство страны, да и не только для общества, но даже и для богачей и для ихъ потомства» [1]).

Страницы Адамса раскрываютъ намъ направленіе ума пылкаго и страстнаго адвоката, во всей силѣ его броженія; но съ середины XVIII вѣка, направленіе это было болѣе или менѣе свойственно всѣмъ умамъ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ свидѣтельство, о которомъ было часто и много упомянуто, свидѣтельство Петра Кальма, шведскаго путешественника, посѣтившаго Америку въ 1748 году. Вотъ что онъ пишетъ [2]):

«Англійскія колоніи до такой степени проросли богатствами и населеніемъ, что онѣ въ скоромъ времени будутъ соперничать съ самою Англіею. Поэтому, для поддержанія торговли и власти метрополіи, имъ воспрещено устроивать новыя мануфактуры, которыя могли бы породить конкуренцію между ними и метрополіею. Искать золото и серебро дозволяется лишь съ условіемъ, что оно тотчасъ же будетъ отправлено въ Англію.

---

1) Заимствую эту выписку изъ похвальнаго слова Адамсу, Спрэга. Eulogies pronunced in the several States, in honor of... John Adams and Thomas Jefferson. Hartford, 1826, 260.

2) Bancroft. Hist. of. the U. S. III, 465.

За исключеніемъ небольшаго количества назначенныхъ мѣстъ, колоніи не имѣютъ права торговать внѣ британскихъ владѣній, а иностранцамъ воспрещено имѣть малѣйшія торговыя сношенія съ американскими колоніями, и подобныхъ ограниченій существуетъ множество.

«Это притѣсненіе уменьшило пріязнь колонистовъ къ метрополіи, и холодность эта увеличилась еще тѣмъ, что въ Америкѣ поселилось множество иностранцевъ. Голландцы, нѣмцы, французы перемѣшаны съ англичанами и не питаютъ ни малѣйшей симпатіи къ старой Англіи.

«Кромѣ того, есть люди недовольные, которые любятъ перемѣны. Присовокупите къ этому, что чрезвычайная свобода и процвѣтаніе питаютъ непобѣдимый умъ. Мнѣ привелось слышать, какъ не только природные американцы, но англійскіе эмигранты публично выражали мнѣніе, что не пройдетъ тридцати или пятидесяти лѣтъ, и Сѣверо-Американскія колоніи образуютъ отдѣльное и совершенно отъ Англіи независимое государство.

«Но такъ какъ страна беззащитна со стороны моря, а на землѣ имѣется не совсѣмъ успокоительное присутствіе французовъ, то эти опасные сосѣди и препятствуютъ окончательному разрыву связи колоній съ метрополіею. Слѣдовательно, англійское правительство не напрасно смотритъ на присутствіе французовъ въ Сѣверной Америкѣ какъ на главную причину, поддерживающую покорность колоній».

Замѣчанія эти, собранныя шведскимъ путешественникомъ преимущественно въ Нью-Іоркѣ, отличаются вѣрнѣйшею справедливостью. Мы находимъ въ нихъ, въ одно и тоже время, и причины, вызвавшія революцію, и препятствія, отсрочившія ея исполненіе. Причины были любовь къ свободѣ, правосознаніе, ненависть къ притѣсненію; препятствіе, заключавшееся въ сосѣдствѣ Канады, исчезло въ 1763 году.

Прежде всего, избавиться отъ французовъ, чтобы утвердить за собою весь континентъ; потомъ, уравнять гражданъ съ правами обитателей метрополіи,—въ этомъ заключается вся политика Америки съ 1748 до 1776 г. Не слѣдуетъ предполагать, будто существовалъ предначертанный заговоръ; на-

родъ никогда не берется за революцію по разсчету. Онъ слѣдитъ за своими интересами, защищаетъ свои права, его раздражаютъ несправедливыя сопротивленія, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, къ всеобщему сожалѣнію, взрывъ осуществляется, когда уже нельзя отступить. Такова исторія Америки.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состояли жалобы противъ Англіи, и что Америка, въ одно и то же время, предпринимала въ сообществѣ съ Англіей для изгнанія французовъ. Миръ и война вмѣстѣ содѣйствовали скорѣйшему осуществленію союза и всеобщему сопротивленію; миръ и война способствовали американской эманципаціи и ускоряли ея приходъ.

Колоніи были основаны помощью королевскихъ пожалованій; парламентъ въ это дѣло не вмѣшивался. Эти грамоты, большею частью весьма щедрыя, предоставляли колоніямъ полную свободу внутренней администраціи, предоставляя въ тоже время на ихъ распоряженіе всѣ преимущества и бремя правленія. Англія, какъ говоритъ Монтескьё, выслала своихъ эмигрантовъ въ американскія степи, скорѣе съ цѣлью расширить свою торговлю, нежели съ цѣлью распространить свое владычество; и главная цѣль англійскаго правительства состояла въ томъ, чтобы утвердить за метрополіей полученіе сырыхъ продуктовъ, сохранивъ за ней, вмѣстѣ съ тѣмъ, монополію торговли и промышленности. Такова была въ то время колоніальная политика почти всей Европы, политика гибельная, стѣснявшая трудъ колоній, ослаблявшая размѣры метрополіи, вѣчная причина зависти и войны между великими державами Стараго Свѣта, между Испаніею, Голландіею, Франціею и Англіею. Казалось, будто разореніе сосѣда обогащало его соперниковъ.

Англія, преимущественно, какъ справедливо замѣчаетъ Монтескье [1]), «была до крайности завистлива, и сильнѣе огорчалась процвѣтаніемъ другихъ націй, нежели наслаждалась собственнымъ благосостояніемъ. Ея законы, вообще кроткіе и мягкіе, отличались такою суровостью относительно торговыхъ сношеній ея съ другими народами, что, казалось, будто она сносилась единственно лишь съ врагами».

1) *Духъ Законовъ*, кн. XIX, гл. 27.

Эта зависть, эта яркая страсть къ монополіи была доведена до такой сильной степени, что со времени подписанія въ 1651 г. договора и мореплаваніи, подкрѣпленнаго актомъ 12, Карломъ II, губернаторы колоній, вступая въ должность, были обязаны давать клятву въ точномъ соблюденіи этого договора; въ случаѣ же погрѣшности противъ этого акта ихъ смѣняли, объявляли неспособными исправлять должность въ колоніяхъ, и налагали на нихъ штрафъ въ 1000 ф. стерл.

Въ 1670 г., Джозіасъ Чайльдъ, въ своихъ Разсужденіяхъ о торговлѣ, восхвалялъ воздержность, промышленность и умѣренность Новой Англіи, превозносилъ ея законы и учрежденія; онъ утверждалъ, что изо всѣхъ американскихъ плантацій ни одна не представляетъ никакого удобства для постройки кораблей, или для содержанія матросовъ, не только по причинѣ естественной промышленности народа. но и вслѣдствіе обильныхъ ловлей трески и макареловъ. Но въ заключеніе всего онъ объявлялъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать возрастаніе колоній въ ущербъ Англіи, и что Новая Англія самая убыточная изо всѣхъ колоній. Того же мнѣнія былъ и Давенантъ, великій экономистъ царствованія Вильгельма I.

Въ 1719 г. нижній парламентъ объявилъ, что поднять мануфактуры въ колоніяхъ, значитъ уменьшить ихъ зависимость [1]).

Въ 1732 г., вслѣдствіе жалобы лондонскихъ мастеровъ, обвинявшихъ американцевъ въ вывозѣ шляпъ въ Испанію, въ Португалію, на Антильскіе острова, парламентъ издалъ указъ, которымъ воспрещался вывозъ, воспрещались торговыя сношенія между плантаціями и ограничивалась шляпочная фабрикація.

Въ этомъ указѣ можно найдти самыя безумныя и глупыя запрещенія: запрещеніе нагружать суда шляпами, нагружать ими лошадь или телѣгу, съ намѣреніемъ вывозить ихъ. Запрещалось держать болѣе двухъ учениковъ; открывать шляпочное мастерство, не побывавъ семь лѣтъ въ ученіи; запре-

---

[1]) Pitkin, I, 101.

щеніе употреблять негра на большое шляпочное дѣло; словомъ, въ указѣ можно было найдти всякій вздоръ и всякую глупость системы запрещеній [1]).

Относительно желѣзныхъ заводовъ существовала даже зависть. Въ 1750 г. парламентъ дозволилъ ввозъ желѣза въ видѣ крицъ и полосъ, но запретилъ открытіе кузницъ или другихъ машинъ для ковки желѣза, или производства стали, подъ страхомъ штрафа въ 200 ф. ст. Всякія подобныя мастерскія объявлены common nuisance, другими словами, что существованіе ихъ составляетъ преступленіе. Намѣстникамъ дано приказаніе уничтожать ихъ, по показанію двухъ свидѣтелей, не позже, какъ въ теченіе мѣсяца, подъ страхомъ взысканія штрафа въ 500 ф. ст. [2])

И подобной политикой руководствовались не одни государственные люди, ей слѣдовали и современные экономисты.

Такимъ образомъ американскія колоніи, въ одно и тоже время, пользовались и значительною свободою и значительными принадлежностями рабства. Свобода ихъ, свобода политическая, проявлялась относительно ихъ внутренняго правленія; рабская же зависимость ихъ заключалась въ стѣсненіи всего касавшагося ихъ интересовъ. Зависть метрополіи, въ одно и тоже время, и ослабляла ихъ и отдѣляла. Національное же единство свое онѣ почувствовали тогда лишь, когда онѣ соединились во-первыхъ для того, чтобы овладѣть Канадою, изгнать съ континента французовъ, — а потомъ для того, чтобы оказать сопротивленіе притязаніямъ Англіи и прибѣгнуть къ оружію [3]).

Какимъ образомъ могло случиться, что народы, влюбленные въ свою свободу, выносили подобныя стѣсненія своей торговли и своей промышленности,—легко объясняется, въ Европѣ, понятіями XVII столѣтія, понятіями, господствовавшими до нашихъ дней; но въ Америкѣ понятія эти отжили свое вре-

1) Pitkin. 103.

2) Pitkin. 92. Слѣдуетъ замѣтить, что эти указы и запрещеніе никогда не были приведены въ дѣйствіе въ Массачузетсѣ.

3) Pitkin. 104.

мя; торговля, мореплаваніе и промышленность рождались сами собою на этой богатой почвѣ, на этой землѣ, окаймляемой морями, и обогащенной самыми великолѣпными рѣками міра. Тамъ запретительная система была причиною постояннаго раздраженія, и если эта обида сошла на второй планъ во время революціи, то это потому, что распря имѣла предметомъ вопросъ болѣе живой, болѣе чувствительный; предъявленное парламентомъ мнимое право облагать колоніи податями, т. е., управлять ими у нихъ, безъ нихъ и противъ нихъ. По мнѣнію колонистовъ, это значило въ одно и тоже время нападать на ихъ права,—права, которыми они должны были пользоваться въ качествѣ англійскихъ гражданъ, — и выжимать у нихъ ихъ собственныя деньги.

Съ самаго начала XVIII столѣтія, въ Англіи не было недостатка въ финансистахъ и политикахъ, косо смотрѣвшихъ на эти американскія республики и стремившихся разрушить ихъ независимость. Но въ министерство Вальполя всѣ эти завистливыя притязанія потерпѣли окончательное крушеніе. Вальполь оставилъ по себѣ дурную славу; не даромъ же онъ имѣлъ противниками такихъ людей, какъ Свифтъ и Болингбрукъ. Онъ чрезвычайно много прибѣгалъ къ помощи подкупа, и хвастался своимъ близкимъ знакомствомъ съ тарифомъ каждой совѣсти, въ такое время, когда совѣсти продавались не особенно дорого, не имѣя большой цѣны; но онъ обладалъ здравымъ умомъ, былъ лишенъ страстей, и имѣлъ дивизомъ: Quieta non movere. Онъ не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшей охоты возмущать колоніи и ослабить такой прекрасный рынокъ, и на всѣ проекты нововводителей, онъ отвѣчалъ мудрыми словами, сохранившимися въ исторіи.

«Я предоставляю, говорилъ онъ, исполненіе проекта обложить налогами Америку тѣмъ изъ моихъ пріемниковъ, которые будутъ храбрѣе меня или будутъ любить торговлю менѣе, нежели я люблю ее. Впродолженіе моего правленія, я всегда имѣлъ въ виду поощрять торговлю американскихъ колоній, предоставляя ей возможное расширеніе. Нѣсколько разъ я счелъ нужнымъ смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя неправильности ихъ торговыхъ сношеній съ Европой, потому что я былъ

увѣренъ, что, если, получивъ поощреніе при расширеніи сношеній съ иностранцами, они выиграютъ 500,000 ф. ст., то менѣе, чѣмъ чрезъ два года, половина этого барыша поступитъ въ казначейство его величества, такъ какъ огромное количество англійскихъ товаровъ вывозится въ колоніи. Чѣмъ болѣе расширяются предѣлы вывозной американской торговли, тѣмъ болѣе колоніи нуждаются въ нашихъ продуктахъ. И этотъ способъ облагать ихъ пошлиною гораздо болѣе совмѣстенъ съ ихъ конституціями и ихъ законами [1])».

Это голосъ государственнаго человѣка; тоже самое говорилъ и Питтъ, который не соглашался, чтобы на Америку наложили непосредственныя пошлины. Но, прибавлялъ онъ съ свирѣпостью, свойственною приверженцамъ системы запрещеній, «если Америка осмѣлится приготовить чулокъ или гвоздь для лошадиной подковы, я желалъ бы дать ей почувствовать всю силу могущества этой страны».

При управленіи другихъ министровъ, не отличавшихся осторожностью Вальполя, проекты эти опять появлялись на свѣтъ; но въ 1754 г. политическій вопросъ одержалъ верхъ надъ этими проектами. Изгнать французовъ изъ долины Огіо, заставить ихъ отступить къ той сторонѣ озеръ, и когда-нибудь совершенно вытѣснить ихъ изъ Канады, — таковы были въ то время общія желанія американцевъ и англичанъ; и въ первомъ ряду, между американцами, находился человѣкъ, который въ то время былъ самый смѣлый и рѣшительный изъ враговъ Франціи, а впослѣдствіи Англіи: это былъ Веніаминъ Франклинъ.

Надо отдать справедливость нашимъ предкамъ въ томъ, что они первые узнали и изслѣдовали обширный континентъ Сѣверной Америки, въ которомъ англійскія колоніи занимали лишь меньшую часть. Будучи владѣтелями Канады, находясь въ дружескихъ сношеніяхъ съ индѣйцами, французы, съ помощью своихъ миссіонеровъ и лѣсныхъ бродягъ, открыли Missи-

---

[1]) Hinton, Hist. of the U. S. 182.

сипи, основали Луизіану и, чрезъ Огіо и прочія озера, установили пути сообщенія между Сѣверомъ и Югомъ, сообщеніе, защищенное лѣсами и укрѣпленными постами. Еслибы Франція поддерживала помощь своихъ колонистовъ, еслибы французское правительство не покинуло ихъ самымъ подлымъ образомъ, то этотъ обширный материкъ принадлежалъ бы намъ, говорилъ бы нашимъ языкомъ, раздѣлялъ бы наши понятія. Часто спрашиваютъ, чего стоятъ сладострастные государи; иногда даже увѣряютъ, будто Людовикъ XV былъ умный человѣкъ: но жертвовать французской цивилизаціей, величіемъ, будущностью Франціи для какой-нибудь публичной женщины—вотъ на что былъ способенъ этотъ человѣкъ, царствованіе котораго навсегда останется посрамленіемъ нашей страны.

Чтобы вытѣснить насъ изъ долины озера Огіо, два проницательные человѣка, два друга,—Франклинъ я Поуналь,—придумали, каждый съ своей стороны, проектъ о союзѣ между колоніями, и оба дополняли этотъ проектъ мыслью о болѣе тѣсномъ союзѣ между Англіею и плантаціями. Этотъ-то послѣдній пунктъ и будетъ предметомъ нашего тщательнаго изложенія.

Томасъ Поуналь, бывшій вице-адмираломъ, намѣстникомъ Массачузетса и Южной Королины, и лейтенантъ-губернаторомъ Нью-Джерзи, въ настоящее время совершенно преданъ забвенію, однакожъ его книга, объ Администраціи англійскихъ колоній, выдержала до пяти изданій, съ 1768 до 1774 г. Поуналь принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, на слова которыхъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, потому что они опережаютъ своихъ современниковъ и слишкомъ рано говорятъ правду; а это одно изъ тѣхъ преступленій, которыя людьми искусными не прощаются почти никогда. Но мы, потомство, отдадимъ имъ полную справедливость, и этимъ, быть можетъ, мы подготовимъ лучшую судьбу ихъ преемникамъ.

Поуналь, долго жившій въ Америкѣ и любившій колоніи, былъ пораженъ тѣмъ знаменательнымъ фактомъ, который въ настоящее время колитъ глаза всѣмъ: фактъ этотъ заключается въ томъ, что со времени открытія торговыхъ сношеній ея съ Азіею, величайшій интересъ, покрывавшій собою и превос-

ходившій всѣ прочіе интересы, былъ интересъ торговый. Политика будущности была политика торговая и, по мнѣнію Поуналя, причина, вызывавшая американскій кризисъ, заключалась именно въ этомъ интересѣ, начинавшемъ давать чувствовать о своемъ могуществѣ.

А какія средства предлагалъ онъ для удовлетворенія его? Совершенное уничтоженіе английской системы. Эта торговая система, принятая во всей Европѣ, была направлена на исключительную пользу матери-отчизны. Метрополія была королевство самодержавное, всемогущее, имѣвшее въ своей зависимости отдаленныя колоніи, которыми оно управляло какъ своими подданными и иногда какъ людьми побѣжденными. Поуналь предлагалъ замѣнить это королевство обширнымъ морскимъ владычествемъ, въ которомъ всѣ территоріи, занятыя англичанами, стояли бы на ровной ногѣ. Англія тогда уже была бы не владычицею своихъ колоній, а просто политическимъ центромъ имперіи, которая покрывала бы весь міръ.

Поуналь заходилъ еще далѣе. Онъ предвидѣлъ въ будущемъ возможность перемѣщенія этого центра и даже возможность совершеннаго исключенія его изъ предѣловъ Англіи; но, говорилъ онъ, воспользуемся тѣмъ временемъ, пока центръ этотъ еще у насъ, для того чтобы учредить имперію, на учрежденіе которой согласятся всѣ и которая утвердитъ за Англіею всемірный перевѣсъ. Если мы не примемъ этой благоразумной мѣры, то колоніи, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться частью нашего государства, превратятся въ политическую партію. Если мы соединимъ ихъ путемъ правосудія, кротости и общаго интереса, то онѣ, безспорно, будутъ нашими; если же мы будемъ продолжать соединять ихъ помощью силы, то онѣ составятъ взаимный союзъ, подкрѣпленный единствомъ политическихъ интересовъ и направленный противъ насъ. Дѣло кончится тѣмъ, что Америка когда-нибудь будетъ отдѣльною и независимою отъ Англіи державою [1]).

---

[1]) Pownall. The administration of the Colonies. London. 1774, I. 10, 46.

Поуналь сообщилъ свой проектъ герцогу Іоркскому, былъ хорошо принятъ имъ, просилъ у министра аудіенцію и, разумѣется, не получилъ ее. По мнѣнію современныхъ мудрецовъ, человѣкъ среди всеобщаго мира толковавшій о будущихъ буряхъ былъ не болѣе, какъ сумасбродный мечтатель.

Франклина въ этомъ не упрекнутъ. Уже конечно не мечтатель былъ этотъ добрякъ Ришаръ, который такъ хорошо умѣлъ искать искусство разбогатѣть и обрѣлъ его въ трудѣ и экономіи. Въ письмѣ своемъ къ Ширлэю, намѣстнику Массачузетса, Франклинъ испрашивалъ для колоній права имѣть своихъ представителей въ парламентѣ, уничтоженія монополіи и привилегій метрополіи:

Намѣстнику Ширлэю.

Бостонъ, 22 декабря 1754 г.

М. Г.

Со времени бесѣды, которою Вамъ было угодно удостоить меня и которая имѣла предметомъ возможность болѣе близкаго союза между колоніями и Великобританіею, союза, который осуществился бы, еслибы доступъ въ парламентъ былъ открытъ для представителей колоній. Я много размышлялъ объ этомъ вопросѣ, и пришелъ къ убѣжденію; что подобный союзъ принесъ бы значительныя выгоды для колоній, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если имъ будетъ дозволено имѣть приличное число представителей и если всѣ старинные акты парламента, ограничивающіе торговлю и парализирующіе мануфактурную промышленность, будутъ уничтожены. Короче, для существованія этого союза необходимо, чтобы здѣшніе англійскіе подданные были, въ этомъ отношеніи, совершенно равны съ подданными Великобританіи до тѣхъ поръ, пока новый парламентъ, который будетъ представителемъ всего цѣлаго, не найдетъ нужнымъ, въ видахъ общаго интереса, возстановить всѣ или нѣкоторыя изъ этихъ старинныхъ узаконеній.

«Я отнюдь не предполагаю, что число представителей, которое колоніямъ дозволятъ имѣть, будетъ достаточно для того, чтобы имѣть вѣсъ; но я думаю, что число это будетъ достаточно для того, чтобы вліять на лучшее и болѣе безпристрастное разсмотрѣніе помянутыхъ узаконеній; что представители наши, быть можетъ, будутъ въ состояніи одержать верхъ надъ личнымъ интересомъ какой-нибудь маленькой корпораціи или какого-нибудь англійскаго ремесленнаго цеха; кромѣ того, какъ мнѣ кажется, что они окажутъ имъ иногда болѣе вниманія, нежели всѣмъ колоніямъ, вмѣстѣ взятымъ, чѣмъ и допустятъ всеобщій интересъ и общественное благосостояніе. Я думаю также, что управленіе колоній посредствомъ парламента, въ которомъ онѣ имѣли бы искреннихъ и добросовѣстныхъ представителей, было бы гораздо пріятнѣе для народа, чѣмъ система, которую недавно старались ввести, въ силу королевскихъ предписаній, и гораздо болѣе соотвѣтствовало бы характеру англійской свободы. Если подобный парламентъ счелъ нужнымъ, въ видахъ общаго интереса, установить законы подобные тѣмъ, которые такъ тяготѣютъ надъ колоніями, то законы эти были бы приняты ими съ благодарностью и легче приводились бы въ дѣйствіе.

«Я надѣюсь также, что путемъ этого союза народъ Великобританіи и населеніе колоній научились бы смотрѣть другъ на друга какъ на людей, принадлежащихъ не къ двумъ обществамъ съ различными интересами, но къ одной и той же общинѣ, у которой одинъ общій интересъ; а это, по моему мнѣнію, не мало содѣйствовало бы усиленію всего народа и значительно уменьшило бы опасность, сопряженную съ возможною въ будущемъ сепараціею.

«Если не ошибаюсь, то вездѣ и всѣми принято, что общій интересъ государства заключается въ томъ, чтобы народъ былъ многочисленъ и богатъ, чтобы у государства было достаточное число людей для защиты его отъ врага и достаточно денегъ, чтобы вносить пошлины, употребляемыя на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Это необходимо для того, чтобы обезпечить безопасность государства и защитить его отъ чужеземца; но будетъ ли сражаться Джонъ или Томасъ, будетъ ли

вносить пошлину Вильямъ или Чарльзъ, это кажется, не представляетъ такой особенной важности. Производство желѣза занимаетъ и обогащаетъ англійскихъ подданныхъ; но какое дѣло государству до того, живетъ-ли фабрикантъ въ Бирмингамѣ или въ Шеффильдѣ, или въ обоихъ мѣстахъ заразъ, если въ томъ и другомъ случаѣ онъ обитаетъ въ имперіи и предоставляетъ распоряженію государства свою особу и свое имущество. Еслибы завтра возможно было высушить пески Годвина и извлечь изъ моря пространство земли, равное одному изъ графствъ Англіи, то справедливо-ли было бы отказать обывателямъ этой новой территоріи въ привилегіяхъ, которыми наслаждаются прочіе англичане? Возможно-ли было бы запретить имъ продавать свои продукты въ тѣхъ же портахъ, или запретить имъ дѣлать свою обувь самимъ потому только, что купецъ или сапожникъ, живущій въ старой странѣ, вообразилъ бы себѣ, что для него выгоднѣе торговать или снабжать обувью другихъ? Было ли бы справедливо даже и въ томъ случаѣ, если бы новая территорія была пріобрѣтена на счетъ самаго государства? И не было ли бы это еще несправедливѣе въ томъ случаѣ, когда труды и расходы, сопряженные съ пріобрѣтеніемъ этой новой территоріи, были совершенно предоставлены первымъ колонистамъ?

«И не будетъ ли жестокая несправедливость этой системы еще болѣе видимой, если населенію новой страны откажутъ въ правѣ имѣть представителей въ парламентѣ, подчиняющемъ его подобнымъ налогамъ.

«Далѣе, я смотрю на колоніи какъ на извѣстное число графствъ, пріобрѣтенныхъ Великобританіею, и доставляющихъ ей гораздо болѣе преимуществъ чѣмъ могли бы доставлять ей, если бы онѣ были завоеваны ею на морѣ, вдоль ея береговъ, и присоединены къ ея территоріи. И дѣйствительно, колоніи, размѣщенныя въ различныхъ климатахъ, значительнымъ разнообразіемъ продуктовъ и матеріаловъ, содѣйствуютъ успѣшному ходу большаго числа мануфактуръ. Океанъ, отдѣляющій ихъ отъ метрополіи, увеличиваетъ число судовъ и матросовъ. Колоніи эти всѣ входятъ въ составъ британской имперіи, (которая расширилась единственно благодаря имъ, такъ какъ сила

и богатство цѣлаго составляетъ не иное что, какъ силу и богатство отдѣльныхъ частей); какое же государству дѣло до того, разбогатѣетъ-ли кузнецъ или шляпочникъ въ Старой или въ Новой Англіи? Если приращеніе населенія требуетъ двухъ кузнецовъ вмѣсто одного, до тѣхъ поръ существовавшаго, то почему же новый кузнецъ не будетъ имѣть права свободно проживать и работать въ новой странѣ, также точно, какъ прежній кузнецъ имѣетъ право жить въ старой странѣ?

«Наконецъ, почему же покровительство государства будетъ пристрастно, если не для того только, чтобы помогать болѣе достойнымъ? Если существуетъ какое-нибудь различіе, то мнѣ кажется, что тѣ, которые расширили владычество и торговлю Англіи, которые увеличили ея силу, ея богатство, ея народонаселеніе, рискуя своею жизнью и своими имуществами въ новыхъ, чуждыхъ краяхъ, мнѣ кажется, говорю я, что эти люди имѣютъ право на нѣкоторое предпочтеніе.

Имѣю честь, и проч.

«В. Франклинъ».

Вотъ письмо, которое вполнѣ одобряется новѣйшею экономіею и которое дѣлаетъ честь столько же просвѣщенію, сколько и патріотизму Франклина. Но его не послушали, предпочли двадцать лѣтъ сражаться противъ правосудія и истины, что̀ привело къ войнѣ и разрыву.

II.

Тишина, наступившая за избіеніемъ въ Бостонѣ, 5 марта 1770 года, и продолжавшаяся до конца мая 1773 года, могла бы повлечь за собою перемѣны; но эта тишина была болѣе кажущеюся, нежели дѣйствительною. Съ отмѣною закона о пошлинахъ на всѣ ввозныя произведенія, кромѣ чая, колоніи отказались отъ плана—не допускать ввоза товаровъ и возобновили коммерческія сношенія съ англичанами по всѣмъ предметамъ торговли, кромѣ чая. Этимъ однимъ предметомъ парламентъ ограничился въ своихъ требованіяхъ покорности; на этомъ же предметѣ плантаторы сосредоточили свою оппозицію. Такое сопротивленіе со стороны колонистовъ было для нихъ тѣмъ легче, что они не терпѣли отъ него никакихъ лишеній. На береговомъ пространствѣ въ 1500 миль невозможно было предупредить контрабанду, особенно, когда жители страны смотрѣли на нее, какъ на патріотическій подвигъ. Королевскія запрещенія оставались безъ послѣдствій, ибо, говорилъ Франклинъ, купцы платили лучше королей. Изъ патріотизма, или изъ личныхъ выгодъ, таможенные чиновники смотрѣли сквозь пальцы на ввозъ этого предмета, производившійся во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ. Эта запрещенная, но прибыльная торговля была въ рукахъ голландцевъ, датчанъ и французовъ. По вычисленію Франклина, въ Америкѣ при милліонѣ людей, потреблявшихъ чай два раза въ сутки, стоимость его не могла быть меньше 12,500.000 франковъ; вся эта торговля ускользала изъ рукъ англичанъ; чаи индійской компаніи гнили въ магазинахъ и за 1772 г. американскія таможни получили пошлины съ чая 85 фунт. стерлин-

говъ [1]). Вотъ, во что̀ обошлось метрополіи ея упорство, для чего она содержала дорого стоющія войска, флотъ и коммисаровъ. Она хотѣла нанести ударъ не только интересамъ, но и гордости плантаторовъ; но плантаторы нашли средство наносить метрополіи удары, извлекая изъ нихъ личныя выгоды.

Хотя въ эти три года не произошло въ Америкѣ ничего, что̀ могло тревожить Англію, однако изъ этого нельзя заключить, что въ Америкѣ все было спокойно. Напротивъ, все въ ней приготовлялось къ вооруженному сопротивленію. Самые покойные, самые благоразумные люди, напр. Вашингтонъ, не вѣрили въ прочность мира съ метрополіей. Въ Виргиніи, какъ и въ Массачузетсѣ, болѣе и болѣе освоивались съ мыслью объ отдѣленіи колоній отъ метрополіи.

Въ Бостонѣ былъ человѣкъ, который на другой же день послѣ подписанія билля 1770 г. и среди сопровождавшихъ его примирительныхъ надеждъ считалъ борьбу съ метрополіей неизбѣжною и близкою, это—Самуилъ Адамсъ. Онъ былъ душею революціи.

Съ 1763 года вождемъ партіи сталъ Отисъ послѣ его знаменитой рѣчи о writs of assistance; его талантъ и краснорѣчіе долго оставляли за нимъ первое мѣсто; но проницательность и основательное опасеніе — повергнуть судьбу родины неизвѣстной будущности,—заставляли его быть крайне осторожнымъ, что̀ въ глазахъ многихъ было слабостью; хотя опасаться за свою родину никогда — не порокъ. Но, когда опубликованы были въ 1769 году письма губернатора Бернарда и таможенныхъ коммиссаровъ, адресованныя на имя англійскаго губернатора, въ которыхъ Отисъ обвинялся въ измѣнѣ, и когда послѣдній напечаталъ противъ нихъ протестъ, тогда на него напалъ въ одной кофейной таможенный коммиссаръ Робинсонъ и нанесъ ему въ голову рану, которая не осталась безъ вліянія на его умственныя способности.

Съ этого времени онъ былъ только тѣнью самого себя; его

[1]) Франклинъ, Works, 1, 224.

умъ, легко приходившій въ возбужденіе, какъ у всякаго оратора, вспыхивалъ только по временамъ, какъ угасающее пламя. Будучи и теперь, въ свѣтлыя минуты, по прежнему благороденъ и великъ, онъ былъ далекъ отъ мщенія и не искалъ денежнаго вознагражденія за покушеніе на его жизнь и когда судъ приговорилъ въ его пользу 2000 ф. стерл., сумму громадную въ то время для колониста въ вознагражденіе за понесенные имъ убытки, онъ отказался отъ денегъ и довольствовался письменнымъ извиненіемъ со стороны Робинсона.

Въ 1770 году городъ Бостонъ выразилъ ему общественную благодарность за постоянную, ревностную дѣятельность и за глубокій патріотизмъ его во время распри съ Англіей; но это выраженіе заслуженной имъ благодарности не могло возвратить ему утраченнаго здоровья.

Отисъ удалился въ деревню, прожилъ тамъ еще около 16 лѣтъ, переходя отъ помѣшательства къ ясному сознанію и умеръ странною смертью 23 мая 1783 года. Во время грозы, когда онъ стоялъ у дверей своего дома и смотрѣлъ на небо, вдругъ вспыхнула молнія,—одна только, и пораженный ею Отисъ палъ мертвымъ.

Такъ умеръ человѣкъ, надъ которымъ судьба какъ бы издѣвалась. Въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ имѣлъ возможность посвятить себя дѣятельности и служенію отечеству, у него ничего уже не было. Люди болѣе его счастливые, но менѣе его преданные дѣлу, оканчивали то, что начато было имъ въ такое время, когда сопротивленіе было безнадежно; но исторія не должна быть къ нему неблагодарною и на великомъ зданіи американской свободы она вырѣжетъ имя патріота и мученика Джемса Отиса.

Отисъ сошелъ съ общественной арены; во главѣ движенія стоялъ Самуилъ Адамсъ, пуританинъ, Джонъ Ганкокъ, богатый негоціантъ, Жозефъ Варренъ, которому предстояло умереть отъ тяжкой раны (полученной имъ въ первой схваткѣ съ англичанами при Бѣнкергиллѣ) и Джонъ Адамсъ, бывшій впослѣдствіи посланникомъ при С. Джемскомъ дворѣ и президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Изъ нихъ душею движенія съ 1770 по 1773 годъ былъ Самуилъ Адамсъ, котораго англичане называли ве-

личнымъ поджигателемъ. Онъ прославился рѣзкостью и настойчивостью во всѣхъ несогласіяхъ и распряхъ массачузетскаго законодательнаго собранія съ губернаторомъ Гутчинсономъ.

Эти несогласія были постоянны или лучше, отъ нихъ губернаторъ могъ отдѣлаться не иначе, какъ распуская послѣдовательно одно за другимъ собранія.

Въ 1773 г. Гутчинсонъ отказался утвердить законъ о налогѣ, потому только, что отъ него не освобождались таможенные коммиссары, офицеры королевской службы.

«Этотъ отказъ, говоритъ собраніе, и причина вами приводимая, для насъ кажутся странными и возмутительными; вы говорите намъ о таможенныхъ коммисарахъ его величества, а мы ихъ не знаемъ. Болѣе того, мы не знаемъ ничего о тѣхъ доходахъ, которые его величество будто имѣетъ право собирать съ Америки. Мы во всемъ этомъ видимъ дань, налагаемую на собственность людей, отъ которой они имѣютъ абсолютное право отказаться.

«Придавать королевскимъ инструкціямъ силу закона, въ ущербъ провинціальной хартіи, значитъ подвергать представителей свободнаго народа двумъ крайностямъ: или совсѣмъ отказаться отъ сбора налоговъ, или же собирать ихъ по указанію министровъ его величества и — единственно въ пользу ихъ креатуръ».

Отвѣтомъ на эти гордыя слова было распущеніе законодательнаго собранія. Когда оно созвано было снова въ іюнѣ 1772, Гутчинсонъ объявилъ, что англійское правительство губернатору, кромѣ жалованья, получаемаго имъ отъ собранія, назначаетъ отъ себя содержаніе въ 7,500 ф. стерл. изъ доходовъ съ американскихъ колоній. Для плантаторовъ ударъ этотъ былъ слишкомъ тяжелъ; для нихъ было немыслимо, чтобы ихъ губернаторъ могъ получать жалованье отъ кого-нибудь кромѣ нихъ и притомъ состоять еще у кого-нибудь на службѣ. Они просили Гутчинсона отказаться отъ назначаемаго ему правительствомъ содержанія и довольствоваться жалованьемъ отъ собранія. Губернаторъ на это не согласился.

Со времени акта о пошлинахъ, ничто такъ сильно не оскорбило пуританъ Массачузетса, какъ это постановленіе о губер-

наторѣ. Онъ становился внѣ всякой зависимости отъ законодательнаго собранія и страны. Пренія объ этомъ вопросѣ не ограничились зданіемъ засѣданій собраній; народъ съ своей стороны желалъ высказать свою оппозицію. Въ Массачузетсѣ, состоявшемъ изъ townships или общинъ, отдѣльныхъ республикъ, пользовавшихся правомъ сходокъ, открылись повсюду митинги съ цѣлью протестовать противъ такого нарушенія правъ народа. Первый митингъ былъ въ Бостонѣ, 2 ноября 1772 года. Заставить короля уступить ихъ требованію, или же учредить республику въ родѣ Голландіи, и открыть Америку для свободной торговли со всѣмъ свѣтомъ—вотъ, что больше всего было предметомъ обсужденій на этихъ сходкахъ. Это означало, что власть, революція переходила изъ рукъ законодательнаго собранія въ руки народа и переходила навсегда.

На первомъ митингѣ, бывшемъ въ Бостонѣ, по предложенію Самуила Адамса, выбрана была коммиссія изъ 21 члена для составленія доклада о правахъ поселенцевъ, какъ людей вообще, какъ христіанъ и какъ подданныхъ короля.

19 ноября этотъ докладъ, составленный съ большимъ талантомъ, былъ утвержденъ на митингѣ и напечатанный въ шести стахъ экземплярахъ разосланъ по всѣмъ городамъ колоній.

Составители доклада, вѣрные послѣдователи ученія Локка, признавали за колонистами, какъ за людьми вообще, право на свободу и право на собственность, — священныя права, которыхъ правительство не могло касаться безъ ихъ согласія. Какъ англійскіе подданные, они требовали себѣ правъ, гарантированныхъ великою хартіею и биллемъ о правахъ, утвержденнымъ въ 1689 году.

Какъ христіане, они заявили требованіе религіозной свободы, изъ опасенія, какъ говорилъ докладъ, потерять ее при предполагавшемся введеніи епископовъ въ каждой колоніи.

Наконецъ, въ докладѣ говорилось противъ законовъ, стѣснявшихъ промышленность колоній, и доказывалось, что законъ, запрещавшій имъ устраивать желѣзныя заводы, есть нарушеніе права, дарованнаго имъ отъ Бога и природы, права—пользоваться своими талантами и промышленною дѣятельностью для удовлетворенія жизненныхъ потребностей и удобствъ.

Докладъ оканчивался воззваніемъ къ колонистамъ, приглашая ихъ отстаивать свои права, или же требовать ихъ возвращенія силою, спасти отъ близкой угрожающей опасности ихъ благотворную и славную конституцію. «Впрочемъ, говорится въ концѣ доклада, если провинція не признаетъ эти права своею собственностью, или не считаетъ ихъ нарушенными, или находитъ ненужнымъ защищать ихъ, намъ остается одно, — оплакивать ту угасшую въ насъ любовь къ гражданской и религіозной свободѣ, которая заставила нашихъ отцевъ, не смотря на опасность и даже смерть, оставить родину и искать убѣжища въ пустынѣ.

«Что же касается до насъ, то мы не страшимся бѣдности и презираемъ рабство».

«Браво! вскричалъ лордъ Чатамъ, читая этотъ докладъ; эти молодцы чувствуютъ такъ, какъ должны чувствовать люди, бывшіе прежде англичанами». Но весьма немного государственныхъ людей, которые, подобно лорду Чатаму, не боятся свободы.

Губернаторъ Гутчинсонъ испугался этихъ сходокъ, которыя начали принимать угрожающій характеръ. При открытіи собранія въ январѣ 1773 г. онъ объявилъ, что эти митинги незаконны и опасны. «Митинги, говорилъ онъ, касаются самой конституціи; на нихъ отвергается высшая и законодательная власть парламента».

Говорить это, значило вызывать на несогласія, бередить незажившую рану. Законодательное собраніе подняло брошенную ему перчатку, не ограничась спорнымъ вопросомъ, а прямо высказалось противъ права парламента участвовать въ измѣненіи конституціи Америки:

«Если и можно, говорило собраніе, указать на нѣкоторые примѣры нашей покорности относительно парламентскихъ актовъ, то они происходили или отъ необдуманности съ нашей стороны или были слѣдствіемъ нежеланія нашего ссориться съ метрополіей, но мы никогда не признавали надъ собой законодательной власти парламента».

До сихъ поръ, т. е. до начала 1773 года дѣйствовалъ одинъ

Массачузетсъ; другія провинціи оставались или покорными или безмолвными; но огонь разгорался, взоры всѣхъ обращены были на Бостонъ и, какъ скоро письма о бостонскомъ митингѣ и о резолюціи законодательнаго собранія дошли, въ мартѣ 1773, до Виргиніи, то законодательное собраніе Виргиніи сдѣлало рѣшительный шагъ: оно предложило колоніямъ образовать изъ себя Союзъ.

«Принимая во вниманіе, говорило законодательное собраніе, что колонисты, вѣрные подданные его величества, приводимы были не разъ въ смущеніе разными слухами и извѣщеніями о правительственныхъ актахъ, которыми имѣлось въ виду отнять у нихъ ихъ древнія законныя и конституціонныя права; что дѣла Виргиніи также тѣсно связаны съ дѣлами Великобританіи, какъ и съ дѣлами сосѣднихъ колоній, собраніе находитъ необходимымъ обмѣнъ чувствъ.

«Чтобы прекратить волненіе умовъ и успокоить духъ народа, собраніе положило учредить для сношенія съ другими колоніями и для узнанія положенія ихъ дѣлъ комитетъ изъ 11 человѣкъ (Пейтона Рандольфа, Ричарда Генри Ли, Патрика Генри, Томаса Джефферсона, Дубней Корра, внесшаго предложеніе и др.)

«На обязанности комитета лежитъ собраніе точныхъ свѣдѣній обо всѣхъ рѣшеніяхъ парламента, обо всѣхъ административныхъ актахъ, касающихся англійскихъ колоній; комитетъ же долженъ завести и поддерживать переписку съ родственными Виргиніи колоніями и отъ времени до времени представлять законодательному собранію отчетъ о результатѣ этихъ сношеній.

«Кромѣ того, на президента собранія возлагается передать президентамъ собраній другихъ колоній копіи съ вышесказанныхъ рѣшеній съ просьбою сообщить ихъ на разсмотрѣніе палатамъ и предложить послѣднимъ завести такіе же комитеты, для сношеній съ комитетомъ Виргиніи».

Эта мѣра, не смотря на кажущійся миролюбивый характеръ ея, была одною изъ самыхъ важныхъ: она предлагала устроить общеніе между всѣми законодательными собраніями въ то время, какъ Самуилъ Адамсъ покрывалъ Америку бдительными коми-

тетами для поддержанія въ народонаселеніи колоній чувства сопротивленія противъ нарушенія ихъ правъ.

Такъ росла постепенно страшная сила, когда въ іюнѣ 1773 года сдѣлалось извѣстнымъ въ Америкѣ, что вмѣсто лорда Гильсбору, государственнымъ секретаремъ назначенъ лордъ Дармутъ.

Лордъ Дармутъ, или добрый лордъ Дармутъ, — какъ его обыкновенно называли, даже противники его (враговъ у него не было),—былъ человѣкъ честный и добрый. Врагъ насильственныхъ мѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы король управлялъ сердцами своихъ подданныхъ; онъ вѣрилъ, можетъ быть не совсѣмъ основательно, что для управленія людьми достаточно однихъ добрыхъ намѣреній. Говорятъ, что онъ послужилъ идеаломъ для Ричардсона, съ котораго послѣдній писалъ своего Грандиссона,—совершенство добродѣтели, но скучнѣйшую личность.

Массачузетское собраніе немедленно заявило ему письменно, что оно весьма довольно предстоящему возстановленію добрыхъ отношеній между метрополіей и колоніями; но въ письмѣ говорилось также, «если бы вы пожелали знать наше мнѣніе о средствахъ возстановить эти давно желаемыя добрыя отношенія, мы бы вамъ сказали: надо возстановить то положеніе дѣлъ, какое было до послѣдней войны, т. е. до 1763 года».

Совѣтъ былъ весьма разумный; но къ несчастію, англійское министерство и самый народъ зашли слишкомъ далеко. Съ перемѣной министерства мѣнялись только лица, а не политика.

Это скоро обнаружилось по поводу одного дѣла, которое надѣлало много шуму и въ которомъ важную роль игралъ Франклинъ: я говорю о появленіи въ печати конфиденціальныхъ писемъ Гутчинсона и его зятя, вице-губернатора Оливера, писанныхъ ими въ Англію; изъ писемъ ясно было, что массачузетскій губернаторъ, по примѣру своего предшественника, Бернарда, побуждалъ метрополію принимать энергическія мѣры противъ колоній, наказывать преступленія и стѣснять ихъ прежнія свободныя права.

Исторія эта нѣсколько длинна, но кромѣ того, что она иг-

раетъ извѣстную роль въ революціи, она выдвигаетъ на сцену Веніамина Франклина.

Во время разсказываемаго нами событія, въ 1773 году, Франклинъ былъ уже старикомъ: онъ родился въ 1706 году въ Бостонѣ. Изъ его мемуаровъ мы узнаемъ, что онъ трудомъ, терпѣніемъ и бережливостью изъ крайней бѣдности дошелъ до благосостоянія и богатства и что, будучи въ 1723 г. бѣднымъ рабочимъ при типографіи, бѣжавъ изъ Бостона безъ копѣйки въ карманѣ, онъ сдѣлался потомъ богатымъ типографщикомъ и издателемъ въ Филадельфіи и былъ не только опытнымъ промышленникомъ, но и замѣчательнымъ физикомъ, изобрѣтателемъ громоотвода и экономическихъ каминовъ, которые извѣстны подъ его именемъ и изобрѣтенію которыхъ онъ придавалъ такое же значеніе, какъ и изобрѣтенію громоотвода.

Быть полезнымъ отдѣльнымъ лицамъ и всему человѣчеству составляло главное основаніе его философіи; мы встрѣчаемъ его во главѣ всѣхъ благотворительныхъ и нравственныхъ учрежденій. Въ 1738 г. онъ организуетъ въ Филадельфіи первую компанію пожарныхъ, вскорѣ затѣмъ первое страховое отъ огня общество; въ 1742 г. онъ заводитъ по подпискѣ первую публичную библіотеку въ Филадельфіи; въ 1749, по подпискѣ же, устроиваетъ первую академію, обращенную впослѣдствіи въ пенсильванскій университетъ; въ 1752 участвуетъ въ учрежденіи первой больницы въ Филадельфіи, а въ 1754 году составляетъ первый планъ Союза. Незадолго передъ смертію онъ устраиваетъ общество для улучшенія тюремъ и другое — для уничтоженія рабства. Изъ этого видно, что онъ былъ филантропъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Въ 1757 г. Франклинъ былъ въ Англіи въ качествѣ агента Пенсильваніи, а также Массачузетса, Мериланда и Георгіи; такъ что онъ въ Лондонѣ явился какъ бы представителемъ всей Америки и своимъ вліяніемъ на парламентъ въ 1766 году не мало содѣйствовалъ уничтоженію акта о гербовыхъ пошлинахъ.

Однако ошибочно думать, что Франклинъ, за оказанныя имъ услуги отечеству, пользовался особенною популярностью въ Массачузетсѣ: никто — не пророкъ въ своей землѣ; еще менѣе основательно видѣть въ Франклинѣ типъ американца 1773 года.

Ему ставили въ упрекъ: его религіозныя убѣжденія, его политику и его ловкость въ дѣлахъ.

Религіозныя убѣжденія его считались въ Америкѣ соблазномъ. Франклинъ былъ деистъ, вѣрилъ въ Бога и въ безсмертіе души; относительно же всего остальнаго онъ былъ скептикъ. Его мнѣніе объ Іисусѣ Назарянинѣ можно резюмировать такъ: нравственное ученіе и религія, возвѣщенныя намъ Іисусомъ, — лучшія, какія только были и, вѣроятно, какія будутъ когда-нибудь.

Отвращеніе его къ протестантскимъ проповѣдникамъ и ихъ проповѣдямъ отдалило его отъ христіанства, — заблужденіе, въ которое впадали многіе, дѣлающіе отвѣтственнымъ Евангеліе за ошибки, въ которыхъ повинны его проповѣдники.

Онъ предвидѣлъ великую будущность Америки и колоній, лежащихъ вдоль озеръ и рѣки Миссиссипи и, какъ говорятъ, ему принадлежитъ странная мысль, что придетъ время, когда колонія станетъ выше метрополіи и когда центръ англійскаго правительства перенесенъ будетъ по ту сторону Океана.

Наконецъ, какъ старикъ, и какъ человѣкъ опытный, онъ ненавидѣлъ войну, говоря, что онъ не знаетъ ни одной хорошей войны, ни одного дурнаго мира. Притомъ, избѣгая войны, онъ хотѣлъ выиграть время; такъ какъ съ каждымъ годомъ росла сила Америки и перевѣсъ клонился на ея сторону.

Такая умѣренная политика несогласна съ духомъ партій, которыя готовы простить все, кромѣ умѣренности; потому понятны упреки, которыми осыпали Франклина за его успѣхи въ житейскихъ дѣлахъ и за его практическую мудрость. Онъ занималъ мѣсто директора почтъ въ колоніяхъ; а это мѣсто было отъ короны. Сынъ его былъ губернаторомъ Нью-Джерзи. Кромѣ того, Франклинъ роздалъ своимъ друзьямъ мѣста при штемпельномъ сборѣ въ Пенсильваніи и Нью-Джерзи и въ 1772 г. онъ вступилъ въ компанію, которая хотѣла устроиться на территоріи Огайо.

Словомъ, онъ былъ изъ числа людей, которые, посвящая себя дѣламъ республики, не пренебрегаютъ и своими, которые умѣютъ соблюсти равновѣсіе между долгомъ и своимъ интересомъ. Но, какъ число такихъ людей не велико и какъ большая часть изъ нихъ въ такихъ случаяхъ допускаетъ перевѣсъ на сторону лич-

ныхъ интересовъ, въ ущербъ общественнымъ, то общественное мнѣніе съ трудомъ довѣряетъ, я не скажу, честности, но деликатности этихъ счастливыхъ смертныхъ. Вотъ почему Франклинъ оставилъ по себѣ память, скорѣе какъ о ловкомъ человѣкѣ, нежели о человѣкѣ великомъ, и между тѣмъ надо сознаться, что никто не служилъ отечеству съ такимъ умомъ, честностью, самоотверженіемъ и преданностью, какъ Франклинъ. Имѣло ли общество основаніе быть столь подозрительнымъ къ нему? Множество случаевъ, оправдывавшихъ подозрительность общества, отнимаютъ у меня право порицать его и въ этомъ случаѣ, я самъ смотрю на Франклина, какъ на исключеніе, но исключенія такъ рѣдки, что міру лучше оставаться при недовѣріи къ людямъ и, вѣроятно, онъ въ этомъ будетъ рѣдко раскаяваться.

Въ свое продолжительное пребываніе въ Англіи, Франклинъ вошелъ въ сношенія съ замѣчательными людьми того времени: съ Баррѐ, Конвэ, Юмомъ, лордомъ Каймсъ и др. Онъ вполнѣ владѣлъ умѣньемъ обращаться съ людьми, что доказалъ въ Парижѣ, въ своемъ помѣщеніи въ Пасси. Онъ содѣйствовалъ ниспроверженію лорда Гильсбору и назначенію на его мѣсто лорда Дармута. При всей незначительности роли его въ Англіи, онъ заставилъ прессу говорить языкомъ, расположившимъ честныхъ людей въ его пользу.

Никто лучше Франклина не умѣлъ пользоваться печатью и журналомъ; никто не владѣлъ такъ ироніею; въ этомъ отношеніи можно поставить его на ряду съ Вольтеромъ и Свифтомъ, хотя ему недоставало ни легкости перваго, ни злости втораго.

Статья его, появившаяся въ 1773 г. въ англійскомъ журналѣ: Woodgalls, Public Advertiser—есть кровавая сатира на притязанія англичанъ на колоніи, въ образованіи которыхъ они не принимали никакого участія и которыя устроились на свой рискъ и страхъ. Статья—довольно длинна, но, такъ какъ она резюмируетъ всѣ жалобы американцевъ и парламентскіе акты, касающіеся управленія колоніями, мы предлагаемъ ее читателю. Притомъ, Франклинъ легко читается, каждое слово у него есть мѣтко направленный ударъ.

Эдиктъ прусскаго короля, подтверждающій права Пруссіи на Англію.

„Данцигъ, 5 сентября 1773 г. 1)

«Мы долгое время съ удивленіемъ смотрѣли на безпечность, съ которою англійскій народъ относится къ пошлинамъ, налагаемымъ пруссаками на ввозимые имъ въ нашъ портъ товары. Мы только въ послѣднее время сознали какъ прежнія, такъ и теперешнія права, тяготѣющія надъ этою націею; мы не могли предположить, чтобы она подчинилась этимъ требованіямъ изъ сознанія своего долга и изъ принципа законности. Слѣдующій эдиктъ долженъ, если онъ не шутка, пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ.

«Мы Фридрихъ, Божіею милостіею король Пруссіи и проч. и проч.

«Миръ, которымъ наслаждается наше государство, даетъ намъ возможность заняться пересмотромъ торговыхъ законовъ, улучшеніемъ нашихъ финансовъ и изысканіемъ средствъ къ облегченію уплаты податей нашими подданными, не-колонистами. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ нашемъ совѣтѣ, бывшемъ въ присутствіи нашего любезнаго брата и другихъ высшихъ государственныхъ чиновъ военнаго вѣдомства, мы, по нашему благоволенію, нашею самодержавною королевскою властію издали и утвердили слѣдующій эдиктъ:

«Принимая во вниманіе, что первые выходцы, поселившіеся на о-вѣ Британіи, принадлежали, какъ извѣстно всему міру, къ германскому племени, что эти эмигранты были подданными нашихъ славныхъ предковъ, герцоговъ прусскихъ, что они вышли изъ нашихъ владѣній подъ предводительствомъ Генгиста, Горзы, Геллы, Уффы, Бардика и др.;

«Что вышесказанныя колоніи, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, процвѣтая подъ покровительствомъ нашего августѣйшаго дома, никогда не освобождались изъ подъ нашей власти, и однако приносили намъ очень мало пользы.

---

1) Франклинъ, Works, I, 225.

«Принимая во вниманіе, что мы за оказанную нами этимъ подданнымъ въ послѣднюю войну съ Франціею помощь и за наше содѣйствіе имъ при ихъ завоеваніяхъ въ Америкѣ, еще не получили достаточнаго съ ихъ стороны вознагражденія.

«Принимая во вниманіе, что вполнѣ справедливо и законно, чтобы часть доходовъ съ вышеупомянутыхъ британскихъ колоній поступала на удовлетвореніе наше;

«Что справедливо, чтобы они, происходя отъ бывшихъ нашихъ подданныхъ и, слѣдовательно, обязанные намъ покорностью, содѣйствовали пополненію нашей королевской казны, чтò они дѣлали бы, если бы ихъ предки остались на территоріи нынѣ намъ принадлежащей;

«А потому, мы повелѣваемъ и приказываемъ нашимъ таможеннымъ офицерамъ взимать со дня обнародованія этого эдикта пошлины ad valorem по 4% со 100 со всѣхъ товаровъ, съ хлѣба и съ произведеній всей земли, ввозимыхъ на о—въ Британію или изъ онаго вывозимыхъ, — въ пользу нашу и нашихъ наслѣдниковъ.

«И, дабы взиманіе сказанныхъ пошлинъ было болѣе дѣйствительнымъ, повелѣваемъ, чтобы каждый корабль, выходящій изъ Великобританіи, въ какую бы часть свѣта онъ ни шелъ, и каждый корабль, идущій откуда бы то ни было въ Великобританію, заходилъ въ нашъ портъ Кёнигсбергъ, для уплаты сказанныхъ пошлинъ; для чего товаръ долженъ быть выгруженъ, осмотрѣнъ и опять нагруженъ.

«И принимая во вниманіе, что наши колонисты открыли на вышеупомянутомъ о—вѣ Великобританіи желѣзные рудники;

«Что нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ, опытные въ обработкѣ желѣза, съ переселеніемъ своимъ на островъ, съ давнихъ поръ увезли съ собою и это производство и распространили его по странѣ;

«Что жители острова, признавая за собою естественное право дѣлать какое угодно употребленіе изъ произведеній ихъ страны себѣ на пользу, не только построили заводы для добыванія руды, но и устроили заведенія для выдѣлки разныхъ произведеній изъ желѣза, чѣмъ могутъ подор-

вать производство заводовъ въ нашихъ германскихъ владѣніяхъ.

«Мы повелѣваемъ, чтобы отнынѣ ни одна доменная печь, и никакіе заводы для ковки, плавки желѣза, а равно для выдѣлки полосоваго желѣза не допускались въ Великобританіи;

«Обязанность—немедленно разрушить всѣ подобныя заведенія, мы возлагаемъ на нашего намѣстника; въ противномъ случаѣ на него падетъ отвѣтственность въ небрежномъ исполненіи нашихъ повелѣній.

«Но мы благосклонно позволяемъ жителямъ Британіи доставлять руду въ Пруссію и въ обработанномъ видѣ получать ее обратно въ Британію; возлагая на британцевъ платить нашимъ вѣрноподданнымъ прусакамъ за обработку ихъ сырыхъ продуктовъ, вмѣстѣ съ коммиссіонными, фрахтовыми и страховыми въ оба пути расходами и притомъ не смотря ни накакія возраженія съ ихъ стороны.

«Однако мы не считаемъ удобнымъ это наше благоволеніе распространить на шерстяное производство; и желая поощрить въ нашихъ древнихъ провинціяхъ не только фабрики шерстяныхъ матерій, но и самое производство шерсти и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности ослабить сказанное производство въ Британіи, мы рѣшительно воспрещаемъ всякій вывозъ изъ Британіи шерсти, даже въ самую Пруссію.

«И, чтобы запрещеніе этимъ островитянамъ извлекать пользу изъ шерсти ихъ овецъ, обращая ее въ мануфактурныя произведенія, вѣрнѣе достигало цѣли, мы воспрещаемъ перевозку шерсти изъ одной провинціи въ другую, также какъ и перевозку суконъ, саржи, бумазея, фланели, трико, матерій шерстяныхъ, полушерстяныхъ и смѣшанныхъ, мы воспрещаемъ всякое движеніе этихъ товаровъ сухимъ путемъ или водою, даже по самымъ малымъ ручьямъ, подъ опасеніемъ конфискаціи товаровъ, а равно судовъ, телегъ и перевозочныхъ лошадей.—Впрочемъ, нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ не возбраняется (если они найдутъ выгоднымъ) обращать шерсть, получаемую ими отъ овецъ, въ навозъ для удобренія своихъ полей.

«Принимая во вниманіе, что шляпная фабрикація доведена въ Пруссіи до совершенства и что необходимо сколько возмож-

но возбранить нашимъ подданнымъ по ту сторону моря производство шляпъ;

«Принимая, кромѣ того, во вниманіе, что сказанные островитяне, имѣя шерсть, бобровъ и другіе мѣха, забрали себѣ въ голову дерзкую мысль, что имѣютъ какое-то право употреблять ихъ для производства шляпъ въ явный ущербъ фабрикъ нашихъ наслѣдственныхъ владѣній, мы повелѣваемъ, чтобы ни одна шляпа, ни отдѣланная, ни неотдѣланная, не перевозилась ни на кораблѣ, ни на телегѣ, ни на лошади, подъ страхомъ конфискаціи товара и штрафа въ 500 ф. стерл. за каждое нарушеніе закона.

«Ни одинъ шляпный фабрикантъ на вышеозначенномъ островѣ не можетъ имѣть болѣе двухъ учениковъ, подъ страхомъ взысканія съ него штрафа 5 ф. стерл. за каждый мѣсяцъ; при чемъ имѣется въ виду, что сказанные шляпные фабриканты, будучи стѣснены такимъ образомъ, не найдутъ выгоднымъ для себя продолжать свое производство.

«Но, чтобы сказанные островитяне не потерпѣли неудобства отъ неимѣнія шляпъ, мы по нашему благоволенію позволяемъ имъ присылать въ Пруссію шкуры бобровъ и выдѣланныя изъ нихъ въ Пруссіи шляпы дозволяемъ вывозить въ Британію, предоставляя столь облагодѣтельствованному нами народу платить всѣ издержки, проценты, коммиссіонныя, страховыя и фрахтовыя, какъ мы уже указали для фабрикаціи желѣза.

«И наконецъ, чтобы оказать еще большее благодѣяніе нашимъ британскимъ колонистамъ, мы повелѣваемъ, чтобы всѣ воры, грабители по большимъ дорогамъ, мошенники, фальшивые монетчики, убійцы и преступники всѣхъ родовъ, приговоренные по прусскимъ законамъ къ лишенію жизни, которую однако мы по нашей благости отнять у нихъ не желаемъ, были освобождены изъ нашихъ тюремъ и отправлены на сказанный островъ, съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать увеличенію его народонаселенія.

«Мы льстимъ себя надеждою, что эти королевскія распоряженія и повелѣнія признаны будутъ справедливыми и разумными нашими колонистами, коимъ мы желаемъ блага;

такъ какъ эти постановленія списаны со статутовъ Вильгельма III, Георга II и другихъ справедливыхъ законовъ, изданныхъ ихъ парламентомъ или извлечены изъ инструкцій данныхъ ихъ намѣстниками, а равно и изъ постановленій обѣихъ палатъ, имѣвшихъ цѣлью введеніе лучшаго управленія ихъ собственными ирландскими и американскими колоніями.

Никто изъ островитянъ никакимъ образомъ да не осмѣлится сопротивляться исполненію этого эдикта или какой-нибудь части его, такъ какъ всякаго рода сопротивленіе будетъ признано государственнымъ преступленіемъ и каждое подозрѣваемое въ томъ лицо должно быть заключено въ оковы и доставлено въ Пруссію для преданія его суду и для поступленія съ нимъ по прусскимъ законамъ.

«Данъ въ Потсдамѣ, въ 25-й день мѣсяца августа 1773 г., въ тридцать третій годъ нашего царствованія.

«Вмѣсто короля
секретарь Рехтмессигъ».

«Далѣе говорится въ статьѣ, что одни смотрятъ на этотъ эдиктъ, какъ на шутку со стороны короля, другіе, — какъ на серьезный актъ; но всѣ согласны, что заявленіе, сдѣланное въ концѣ акта, «что эти постановленія извлечены изъ парламентскихъ актовъ, касающихся колоній», совершенно невѣрно, такъ какъ нельзя же повѣрить, чтобы народъ извѣстный своею любовью къ свободѣ, столь умный, столь либеральный, столь справедливый къ своимъ сосѣдямъ, могъ подчиниться узкимъ и ложнымъ взглядамъ, всѣмъ жертвовалъ въ пользу настоящаго и обнаруживалъ относительно своихъ дѣтей столько произвола и тираніи».

Франклинъ весь высказался въ этой статьѣ, полной остроумія, болѣе кажущагося, нежели дѣйствительнаго, добродушія, въ статьѣ, составляющей самую злую сатиру. Нельзя упрекнуть этотъ памфлетъ въ недостаткѣ серьезности; ироніею, какъ средствомъ часто пользуются ораторы; возьмите: провинці-

1) Законность.

альныя письма. Недостаетъ ей конца, заключенія; правда, Англія осмѣяна; но вы не видите того, что Америка въ борьбѣ съ нею не можетъ уступить, такъ какъ право на ея сторонѣ; а потому и насмѣшка, какъ она ни тонка, достигаетъ цѣли только въ половину.

Въ этомъ разница между Франклиномъ и Самуиломъ Адамсомъ и его друзьями. Менѣе даровитые, нежели Франклинъ, они строго держались принципа права, были упорны и неуступчивы, рѣшительны и готовы жертвовать всѣмъ, даже жизнію.

Только такіе люди рождены управлять міромъ или руководить имъ, они проникнуты вѣрою и обладаютъ сильною волею. Лучшіе политики, дипломаты не признаютъ этого, они думаютъ, что людьми можно руководить, дѣйствуя на ихъ интересы; это ошибка: міромъ управляютъ идеи. Интересъ есть нѣчто эгоистическое, разрозниващее людей, только идеи группируютъ ихъ въ нѣчто цѣлое; не однѣ только великія идеи находятъ себѣ сочувствіе въ людяхъ. Такъ, Вашингтонъ дѣйствовалъ во имя той идеи, что человѣкъ принадлежитъ весь отечеству, если оно въ угнетѣніи; для этой идеи онъ жертвовалъ своею честію и жизнью, не съ меньшею готовностью и храбростью, нежели Франклинъ, но съ большею, нежели онъ, рѣшимостью и благородствомъ; потому героемъ Америки и эпохи сталъ не добродушный острякъ Франклинъ, а простой и великій сердцемъ и душею Вашингтонъ.

Мнѣ стыдно за мой строгой приговоръ Франклину. Имѣю ли я право упрекать человѣка въ томъ, что онъ воспользовался дарованными ему отъ Бога способностями и умѣстно ли было съ моей стороны сравненіе его съ другими дѣятелями? Не лучше ли было порадоваться за Америку, что она въ трудное для нея время имѣла преданнаго ей всѣмъ сердцемъ Адамса, одареннаго практическимъ умомъ Франклина и проникнутаго глубокимъ патріотическимъ чувствомъ Вашингтона.

III.

За знаменитымъ «эдиктомъ прусскаго короля о правахъ Пруссіи на Великобританію», этою злою сатирою, вызвавшею много насмѣшекъ, — но не противъ Америки, Франклинъ, въ 1774 г. издалъ памфлетъ болѣе серьезный, болѣе желчный, который можетъ быть отнесенъ къ одному изъ важныхъ политическихъ. На него должно смотрѣть не просто какъ на статью, писанную на случай, а какъ на урокъ правительствамъ, какъ на кодексъ, въ полномъ смыслѣ слова, колоніальной полиціи. Въ немъ языкомъ ироніи, указаніемъ абсурда Франклинъ пытается убѣдить своихъ противниковъ: но и этимъ средствомъ онъ не достигъ цѣли, какъ не достигъ ея разумными доводами; впрочемъ ему удалось привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, или, говоря иначе, общественный разумъ, который всегда торжествуетъ.

Эта статья озаглавлена: «какъ изъ большаго государства сдѣлать маленькое, поученіе представленное новому министру [1]) при его вступленіи въ должность».

«Одинъ древній мудрецъ хвастался тѣмъ, что, не умѣя играть на скрипкѣ, онъ умѣетъ изъ маленькаго государства сдѣлать большое. Секретъ, который я хочу открыть, — я, который не принадлежу ни къ древнимъ, ни къ мудрецамъ, — имѣетъ въ виду совершенно обратное тому, чему поучалъ этотъ древній Грекъ. Я обращаю свое поученіе ко всѣмъ

---

[1]) Гильсборо.

министрамъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается управленіе обширными территоріями, что̀ весьма утомительно; ибо масса дѣлъ не оставляетъ имъ свободнаго времени для игры на скрипкѣ.

I. Прежде всего, господа, надо замѣтить, что большое государство, какъ и большой пирогъ, гораздо легче начать съ краевъ. По этому обратите ваше вниманіе главнымъ образомъ на отдаленныя границы; потерявши ихъ, остальное для васъ будетъ легко.

II. Чтобы облегчить отпаденіе провинцій, заботьтесь постоянно, чтобы провинціи не слились съ своею метрополіею: не давайте имъ ни общихъ законовъ, ни торговыхъ привилегій, которыми пользуется метрополія; управляйте ими по законамъ болѣ строгимъ, придуманнымъ вами самими; не давайте имъ права участвовать въ выборѣ законодателей. Соблюдая строго такое различіе, вы будете поступать (позвольте мнѣ прибѣгнуть къ сравненію) подобно тому пирожнику, который, чтобы легче было рѣзать испеченный пирогъ, на тѣстѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ дѣлаетъ подрѣзы.

III. Можетъ быть, эти отдаленныя провинціи были пріобрѣтены или завоеваны самими колонистами или ихъ предками на свой страхъ, безъ всякаго содѣйствія метрополіи. Можетъ быть, они иногда помогали метрополіи войсками своими, содѣйствовали расширенію ея торговли и усиленію торговаго флота, открывая у себя для нея рынокъ; можетъ быть, на этихъ основаніяхъ провинціи заявятъ свои права на доброе къ нимъ расположеніе метрополіи? Забудьте все, или скорѣе смотрите на всѣ эти услуги, какъ на нанесенную вамъ обиду. Если колонисты ревностные виги, любятъ свободу, сочувственно относятся къ принципамъ революціи, вы этого не упускайте изъ виду, но для того, чтобы такія чувства обратить имъ же въ вину и за нихъ наказать ихъ. Съ усмиреніемъ революціи, всѣ эти либеральные принципы не нужны и даже постыдны и отвратительны.

IV. Какъ бы ни были покорны колонисты, какія бы выгоды они ни доставляли метрополіи, какъ бы терпѣливо ни переносили свои страданія, предполагайте всегда, что они хотятъ взбунтоваться и сообразно съ этимъ и поступайте съ ними. Пошлите

въ ихъ страну свои войска, которыя своими поступками вызвали бы возмущеніе и велите имъ же усмирять возстаніе штыками и пулями. Этимъ способомъ вы можете, подобно ревнивому мужу, бьющему свою жену, дойти современемъ до того, что ваши подозрѣнія оправдаются на дѣлѣ.

V. Въ отдаленныя провинціи нужны правители и судьи, которые бы были представителями короля и властью пользовались по его указанію. Вамъ извѣстно, что сила правительства находится въ зависимости отъ общественнаго мнѣнія, которое въ свою очередь составляется на основаніи тѣхъ свойствъ, которыми отличаются правители. Если вы отправите въ провинціи людей умныхъ и честныхъ, которые будутъ вникать въ интересы колоній и содѣйствовить ихъ успѣху, колонисты подумаютъ, что король добръ и мудръ и что онъ желаетъ добра своимъ подданнымъ. Если вы пошлете къ нимъ просвѣщенныхъ и справедливыхъ судей, они подумаютъ, что король любитъ правду. Избѣгайте этого.

Остановите вашъ выборъ на людяхъ промотавшихъ свое состояніе, проигравшихъ его за карточнымъ столомъ или на биржѣ, вотъ прекрасные правители для провинцій; въ нихъ вы найдете людей хищныхъ, которые своими вымогательствами будутъ въ состояніи довести народъ до возстанія.

Прибавьте къ нимъ адвокатовъ и судей ничего незнающихъ, корыстолюбивыхъ и гордыхъ, и тогда дѣла пойдутъ наилучшимъ образомъ.

VI. Тѣхъ изъ угнетенныхъ, которые вздумаютъ жаловаться, наказывайте, стараясь вводить ихъ въ огромные расходы, а на судѣ оправдывайте угнетателей.

VII. Правителей, которые набьютъ себѣ карманы, награждайте, и при случаѣ возводите въ званіе баронета [1]).

Дѣйствуя такимъ образомъ, вы отучите народъ отъ жалобъ, заставите губернаторовъ и судей быть болѣе рѣшительными въ своихъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ; вы поселите недовольство въ народѣ, оскорбите его и наконецъ доведете его до отчаянія.

1) Намекъ на губернатора Бернарда.

VIII. Если вы вовлечены въ войну и колонисты снабжаютъ васъ деньгами и людьми и жертвуютъ вамъ больше, нежели позволяютъ имъ ихъ средства, то имѣйте въ виду, что пенни, отнятый силою, почетнѣе фунта стерлинговъ, предложеннаго вамъ добровольно. Съ презрѣніемъ взирайте на этотъ добровольный даръ и изнуряйте ихъ налогами.

Колонисты будутъ жаловаться парламенту, будутъ говорить, что налоги на нихъ назначаются учрежденіемъ, въ которомъ нѣтъ отъ нихъ представителей и что это есть нарушеніе ихъ правъ; они обратятся къ вамъ, прося о справедливости.

Пусть парламентъ насмѣется надъ ихъ заявленіями, отвергнетъ ихъ петиціи, откажется даже читать ихъ, отнесется къ самимъ петиціонерамъ съ крайнимъ презрѣніемъ. Это — вѣрнѣйшее средство добиться желаемаго отпаденія колоній. Иногда еще люди прощаютъ несправедливость, презрѣніе же—никогда.

IX. Обложивши колоніи произвольными налогами, старайтесь сдѣлать ихъ болѣе тяжкими для нихъ, доказывая, что вашему праву нѣтъ границъ; скажите имъ, если плантаторы сами согласились платить по одному шиллингу съ фунта стерлинговъ, то ясно, что вы имѣете право взять съ нихъ и остальные девятнадцать.

Вѣроятно, этимъ вы ослабите въ колонистахъ всякую мысль о безопасности ихъ собственности; они убѣдятся наконецъ, что при такомъ правительствѣ они въ дѣйствительности не имѣютъ никакой собственности; такое убѣжденіе не замедлитъ произвести самыя полезныя для вашей цѣли слѣдствія.

X. Можно допустить, что нѣкоторые плантаторы будутъ утѣшаться мыслію, что «не имѣя собственности, они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ нѣчто, болѣе дорогое для нихъ, именно свободу личности и свободу совѣсти, что они имѣютъ habeus corpus и судъ присяжныхъ, въ силу которыхъ никто ни отниметъ у нихъ права исповѣдовать ту или другую церковь и не заставитъ ихъ сдѣлаться папистами или магометанами».

Въ такомъ случаѣ отнимите у нихъ судъ присяжныхъ, переселите въ метрополію людей опасныхъ, заведите суды полные произвола; также дѣйствуйте и относительно религіи; подчините колонистовъ церковной власти, не забудьте внушить

имъ, что представители ея не только могутъ убивать ихъ тѣло, но самую душу осуждать на вѣчныя муки, принуждая ихъ, въ случаѣ нужды, обожать даже дьявола.

XI. Чтобы для колонистовъ налоги были еще тягостнѣе, сборъ ихъ производите посредствомъ правительственныхъ комисаровъ, получающихъ содержаніе отъ самихъ колонистовъ...

XII. Налогами въ пользу губернаторовъ и судей распоряжайтесь сами, чтобы вамъ легче было держать ихъ въ рукахъ и внѣ зависимости отъ колоній и даже во враждебныхъ къ нимъ отношеніяхъ.

XIV. Старайтесь поддерживать въ законодательныхъ собраніяхъ колоній постоянно недовольство, прибѣгая для этого къ послѣдовательному распущенію ихъ.

XV. Изъ вашихъ храбрыхъ моряковъ сдѣлайте таможенныхъ агентовъ.

XVI. Если до васъ дойдутъ слухи о недовольствѣ колоній, не допускайте, чтобы оно сдѣлалось всеобщимъ и явно не вызывайте его; но и не принимайте къ его прекращенію никакихъ мѣръ, особенно такихъ, которыя бы оскорбляли плантаторовъ. Не удовлетворяйте ни одной ихъ справедливой жалобы, иначе вы дадите имъ поводъ требовать удовлетворенія и въ другихъ несправедливостяхъ. Не исполняйте ни одной справедливой и разумной просьбы, изъ опасенія, что къ вамъ будутъ обращаться съ неразумными. Свѣденія о положеніи дѣлъ въ колоніяхъ получайте только отъ губернаторовъ и враждебныхъ колонистамъ коммиссаровъ. Поощряйте и награждайте вызванныя ихъ личными интересами заявленія, скрывайте тщательно эти лживыя показанія, чтобы они не были опровергнуты, а дѣйствуйте, принимая эту ложь за правду, не обращая вниманія на то, что говорятъ друзья народа. Смотрите на народныя жалобы, какъ на выдумку и дѣло горсти демагоговъ и увѣрьте себя, что стоитъ захватить и повѣсить этихъ бунтовщиковъ, и все будетъ спокойно. Потому старайтесь нѣкоторыхъ изъ нихъ захватить и повѣсьте ихъ. Кровь мучениковъ своею чудотворною силою поможетъ вамъ достигнуть задуманной вами цѣли.

XVII. И, если вы увидите, что соперничествующія націи радуются при видѣ безпорядковъ въ вашемъ государствѣ

и стараются поддержать ихъ, если гласно они сочувствуютъ жалобамъ колонистовъ, а тайно подстрекаютъ васъ къ принятію противъ нихъ крутыхъ мѣръ, не обращайте на это вниманія. Вамъ нѣтъ причины тревожиться отъ такой политики и вы и ваши враги стремитесь къ одной и той же цѣли.

XVIII—XX. Идя такимъ путемъ, вы скоро избавитесь отъ непріятности управлять этими отдаленными колоніями и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ навсегда безпокойства, причиняемыя вамъ торговыми и другаго рода сношеніями съ ними.»

Трудно было сказать что-нибудь разумнѣе этого; но на массу голая правда дѣйствуетъ непріятно; она безпокоитъ ея невѣжество и предразсудки, она оскорбляетъ ея эгоизмъ и страсти; въ этомъ отношеніи министры — ничѣмъ не отличаются отъ массы и Франклинъ имъ оказалъ услугу. За этотъ памфлетъ имъ скоро представился случай отплатить ему и они воспользовались имъ.

Лѣтомъ 1772 года умеръ Томасъ Вайтли, домашній секретарь лорда Гренвилля, бывшій впослѣдствіи товарищемъ государственнаго секретаря. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ въ дружественной и дѣятельной перепискѣ съ многими правительственными лицами въ Массачузетсѣ, между прочимъ и съ губернаторомъ Гутчинсономъ, вице-губернаторомъ Андрю Оливьеромъ. Эти письма, уже ходившія по рукамъ, по смерти Вайтли попались въ руки неизвѣстнаго и до сихъ поръ лица, который сообщилъ ихъ Франклину, взявъ съ него обѣщаніе никому не открывать его имени. Это обѣщаніе Франклинъ исполнилъ въ точности, такъ что и до сихъ поръ неизвѣстно, отъ кого и какимъ случайнымъ или предосудительнымъ образомъ получилъ онъ эти письма.

Эти письма, писанныя между 1762 и 1769 годами къ члену парламента, вѣроятно, бывшему посредникомъ между министрами и писавшимъ, имѣли весьма важное значеніе. Изъ нихъ видно было, что губернаторъ, наружнымъ образомъ державшій сторону колонистовъ, въ письмахъ побуждалъ министерство дѣйствовать противъ нихъ. »Надо, писалъ Гутчинсонъ, коснуться того, что эти люди называютъ правами англійскаго народа и поуменьшить ихъ.» — «Нельзя же допустить, чтобы колонія, лежащая въ 3000-хъ миль отъ метрополіи, пользовалась одинаковою

съ колоніями свободою....» «Если же я настаиваю на лишеніи колоній нѣкоторыхъ правъ на свободу, то только ради ихъ собственной пользы, желая предотвратить могущее произойти со временемъ отдѣленіе ихъ отъ метрополіи.» Всегда бываетъ такъ, что народовъ лишаютъ принадлежащихъ имъ правъ ради ихъ собственнаго блага, а они платятъ неблагодарностью!

Такая инсинуація была особенно важна, потому что въ 1769 г. пресса едва зарождалась и сообщенія между Англіей и колоніями были такъ рѣдки и затруднительны, что только отъ губернаторовъ правительство и имѣло свѣдѣнія о положеніи колоній. Оно не имѣло тѣхъ средствъ къ контролю, которыя въ наше время освобождаютъ его отъ тяжкихъ обязанностей. Теперь пресса въ свободныхъ государствахъ, подобно термометру, можетъ во всякое время указать состояніе общественнаго мнѣнія. Въ 1769 году этого не было, тогда на положеніе колоній приходилось правительству смотрѣть глазами королевскихъ агентовъ. Письма Гутчинсона объясняютъ причину подозрительности и упорства правительства.

Что долженъ былъ дѣлать Франклинъ съ письмами, попавшими къ нему не по адресу? Лордъ Магонъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, что онъ не имѣлъ права воспользоваться ими; тоже мнѣніе высказываетъ и лордъ Дж. Россель въ своихъ запискахъ о Фоксѣ. Письма писаны конфиденціально и къ частному лицу, а потому публиковать ихъ значило употреблять во зло довѣріе писавшаго. Не смотря на всю авторитетность этихъ великихъ именъ, я позволяю себѣ на этотъ разъ не согласиться съ ними; справедливость, по моему мнѣнію, не входитъ въ подобнаго рода мелочи.

«Это не частная переписка между друзьями, говоритъ Франклинъ, а переписка лицъ, состоящихъ на общественной службѣ съ общественными дѣятелями объ общественныхъ дѣлахъ». Банкрофтъ весьма вѣрно замѣтилъ: «если бы эти письма свидѣтельствовали о существованіи заговора противъ короля и его министровъ, какой честный человѣкъ не сообщилъ бы ихъ государственному секретарю? Заговоръ противъ Америки съ цѣлью ввести въ ней военное положеніе и отнять у нея свободу я причисляю къ не менѣе постыднымъ преступленіямъ. «Если

бы еще доказано было, что Франклинъ пріобрѣлъ эти письма незаконнымъ и безчестнымъ образомъ, конечно, онъ былъ бы неправъ; но если онѣ достались ему случайно, онъ, по моему мнѣнію, имѣлъ право и даже былъ обязанъ опубликовать ихъ ради спасенія своего отечества, что онъ и сдѣлалъ; онъ отправилъ письма къ предсѣдателю палаты представителей Массачузетса, назвавъ поимянно измѣнниковъ, но требуя, чтобы письма не были напечатаны, а только прочтены нѣкоторымъ, весьма немногимъ лицамъ. Повидимому на этомъ условіи были сообщены ему самому подлинныя письма.

Но эта предосторожность не имѣла успѣха; самъ Франклинъ на нее не разсчитывалъ. Самуилъ Адамсъ прочелъ письма въ законодательномъ собраніи, конечно секретно; но трудно допустить, чтобы кто-нибудь изъ 106 представителей не разсказалъ о секретѣ; поэтому собраніе нѣсколько дней спустя, потребовавъ отъ губернатора объясненій, постановило напечатать эти письма, копіи съ которыхъ, какъ говорятъ, ходили уже по рукамъ.

Кромѣ того, собраніе большинствомъ 101 голоса противъ 5, признало, что эти письма, оскорбительныя для упоминаемыхъ въ нихъ провинцій и людей, имѣли цѣлью уничтоженіе партій и введеніе произвола властей.

Собраніе постановило отправить къ королю петицію объ отозваніи Гутчинсона и Оливьера. Въ петиціи и губернаторъ и вице-губернаторъ обвинялись въ возбужденіи въ королѣ враждебнаго расположенія къ колоніямъ, въ нарушеніи добраго согласія между двумя народами, въ недопущеніи петицій до короля, наконецъ имъ же ставилось въ вину введеніе въ страну флота и арміи.

Эта петиція адресована на имя Франклина и передана чрезъ лорда Дармута королю; она надѣлала много шума. В. Вайтли, братъ умершаго В. Вайтли, говорилъ вездѣ, что письма эти доставлены пріятелемъ Франклина, Дж. Темплемъ, бывшимъ таможеннымъ коммисаромъ въ Бостонѣ; это послужило поводомъ къ дуэли, въ которой В. Вайтли былъ раненъ. Франклинъ, чтобы окончательно оправдать Темпля отъ всякаго подо-

зрѣнія, объявилъ, что не Темпль, а онъ сообщилъ эти письма въ Бостонъ и что онъ считалъ это своимъ долгомъ.

Главнымъ виновникомъ былъ, конечно, Гутчинсонъ, но къ отвѣтственности привлечены были тѣ самыя колоніи, на которыя въ письмахъ былъ сдѣланъ доносъ, и особенно Франклинъ, на которомъ и сосредоточилась вся непріязнь. Онъ освѣщалъ дѣла, покрытыя мракомъ, а это считалось государственнымъ преступленіемъ.

Король передалъ это дѣло особой коммисіи, состоявшей изъ 35 человѣкъ; Франклинъ являлся въ ней въ качествѣ подсудимаго, весь Лондонъ слѣдилъ за ходомъ дѣла съ напряженнымъ вниманіемъ, увлекаясь не столько важностью затрогиваемыхъ имъ интересовъ, сколько скандальнымъ его характеромъ.

Дѣло разбиралось 29 января 1774 года; Джонъ Деннингъ, впослѣдствіи лордъ Ашбертонъ, и Джонъ Ли были защитниками петиціи и Франклина; они между прочими документами цитировали то мѣсто изъ письма Оливьера, гдѣ совѣтовалось «захватить поджигателей, которые своими статьями въ бостонской газетѣ раздуваютъ пламя бунта.» Подъ поджигателями разумѣлись Самуилъ Адамсъ, Куперъ, Майхью, Варренъ, Квинси. Въ этомъ странномъ дѣлѣ жалующіеся на несправедливости являются обидчиками.» Письма Гутчинсона исполнены презрѣнія къ сынамъ свободы.

Генералъ-солиситоръ Веддербернъ, впослѣдствіи лордъ Лонгбору, защищалъ губернатора.

Его рѣчь была переполнена крайними выходками противъ Франклина. «Невозможно, говорилъ онъ, чтобы этотъ человѣкъ пріобрѣлъ эти письма иначе, какъ посредствомъ подкупа или обмана, или же остается предположить, что онъ самъ укралъ ихъ, какъ воръ[1].» Это была клевета, лишеная всякаго основанія.

«Надѣюсь, милорды, прибавилъ онъ, что для чести страны Европы и человѣчества, вы заклеймите этого человѣка позоромъ. Частныя письма — такая святыня, которой не смѣли касаться въ самый страшный разгаръ религіозныхъ и полити-

---

[1]) Лат. слово fur состоитъ изъ трехъ буквъ и значитъ воръ.

ческихъ страстей. Этотъ человѣкъ потерялъ всякое право на уваженіе. Въ какомъ обществѣ можетъ быть онъ терпимъ? Повсюду за нимъ надо будетъ слѣдить зоркимъ глазомъ, прятать отъ него бумаги, запирать письменныя бюро. Назвать его литераторомъ было бы несправедливо; итакъ пусть его будетъ homo trium literarum.

Я избавляю читателя отъ словоизверженій генералъ-солиситора. Онъ упрекаетъ Франклина въ холодности, безчувственности въ то самое время какъ изъ-за него на дуэли двое подвергаютъ жизнь свою опасности, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ губернаторовъ оскорбленъ имъ въ самыхъ дорогихъ ему интересахъ и когда судьба Америки находится въ шаткомъ положеніи. Въ заключеніе Веддербернъ приводитъ тотъ отрывокъ изъ трагедіи Юнга: Занга или мщеніе, въ которомъ негръ убиваетъ своего врага и спрашиваетъ: «холодность и безстрастіе этого американца не ужаснѣе ли мстительности олицетворенной поэтомъ въ образѣ кровожаднаго африканца». Кажется, такого рода крайности во всѣхъ странахъ составляютъ привилегію только представителей безстрастной юстиціи. И этотъ неизвѣстный интриганъ такъ жестоко позорилъ 68-лѣтняго Веніамина Франклина, человѣка достойнаго уваженія не за одну свою старость, но и за его благородство, за его ученыя открытія и за тѣ заслуги, которыя онъ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ постоянно оказывалъ и своему отечеству и Англіи.

Рѣшеніе коммисіи можно было предвидѣть заранѣе; за исключеніемъ лорда Норта, который одинъ держалъ себя въ засѣданіяхъ, какъ слѣдуетъ, прочіе члены апплодировали при каждой выходкѣ генерала-солиситора; и потому коммиссія нашла, что «все сказанное въ петиціи, основано на лживыхъ или ошибочныхъ свидѣтельствахъ; ничто не давало повода къ ея подачѣ, она содержитъ клевету, порождаетъ скандалы, возмущеніе. Въ письмахъ же опубликованныхъ газетою, какъ и въ мнѣніи совѣта не заключается ничего, что бы заставляло сомнѣваться въ честности, правдивости и добросовѣстности губернатора и вице-губернатора; почему юстиція должна быть отвергнута.»

Это рѣшеніе утверждено было королемъ 7 февраля 1774 г. Отказывать плантаторамъ въ ихъ справедливыхъ жалобахъ,

и даже оскорблять ихъ, когда они обращаются за справедливостью, было однимъ изъ правилъ, указанныхъ Франклиномъ для низведенія большаго государства на степень небольшаго. Мудрые правители Англіи не преминули воспользоваться этимъ правиломъ.

Въ продолженіе филиппики Веддерберна Франклинъ былъ спокоенъ и невозмутителенъ. Онъ ни на минуту не переставалъ владѣть собою; выходя изъ засѣданія онъ молча пожалъ руку доктору Пристлею и на другой день сказалъ ему, «что до сихъ поръ онъ такъ ясно не сознавалъ всей важности для человѣка имѣть чистую совѣсть. Потому что, если бы онъ не считалъ поступка, за который ему пришлось слышать столько упрековъ, однимъ изъ лучшихъ въ его жизни, онъ не перенесъ бы такого оскорбленія.» Сносить несправедливости интригановъ и быть свидѣтелями довольства глупцовъ при видѣ насилія — всегдашняя участь тѣхъ, кто защищаетъ истину и справедливость. Менѣе всего люди прощаютъ тѣмъ, кто указываетъ грозящую имъ гибель.

Но для правительства недостаточно было отказать въ петиціи; оно хотѣло нанести ударъ лично Франклину. Онъ былъ главнымъ начальникомъ почтоваго, имъ же самимъ устроеннаго, вѣдомства во всѣхъ американскихъ колоніяхъ, и правительство получало отъ почтъ дохода 3000 ф. стерл. въ годъ; Франклину дали знать, что король болѣе не нуждается въ его службѣ и при этомъ, по обыкновенію, въ журналахъ появились оскорбительныя для него статьи.